

Дина Галкина

Левиафан

В свои пятнадцать лет Ли-фанна — обычный «трудный подросток» — проблемы с учебной, с одноклассниками отношения не ладятся, с мамой конфликты... даже в параллельном мире таких проблем хватает. Но в один отнюдь не прекрасный день все переворачивается с ног на голову: таинственный дар сверхмагии вынуждает девушку отправиться в трудный, полный опасностей путь на север, к своему предназначению. И времени на этот путь у нее совсем мало: до «Новолуния, когда начнется всё», остается всего две недели...

Левифан

Предисловие и глава 1

Предисловие и глава 1

Левифан.

История о том, как нелегко найти свой путь.

История верности и предательства.

История о том, как победить непобедимое зло.

И история о настоящей дружбе.

Предисловие.

Это были темные времена для всего Листа... Времена, когда враг осмелел настолько, что без малейшего страха разрушал священные храмы древних богов. И даже сами боги ничего не могли с этим сделать. Им оставалось только ждать того момента, когда наконец сбудутся пророчества великих мудрецов.

Люди не ведали об угрозе, нависшей над ними. Так же, как и семь эр назад, жили они спокойно в своих домах. С последней войны — беспощадной, всеразрушающей — минуло уже 70 лет. Раны затянулись. Отстроились заново города и села. Подрос молодой лес. И вновь земледельцы могли спокойно работать на полях, не опасаясь нападения.

Но спокойствие это было лишь видимостью... Враг, который никогда не вступал в войну открыто, но всегда незримо стоял за спинами нападавших на мирные города и деревни... враг, который усилиями простых воинов и магов, ведавших о его существовании, был отброшен назад на долгие годы... враг, затаившийся на семьдесят долгих лет, вновь накопил силу. И силы этой должно было хватить для того, чтобы раз и навсегда уничтожить тех, кто осмелился бросить ему вызов. План, тщательно вынашиваемый во мраке Северных гор долгие эры, был как никогда близок к осуществлению...

Но враг не ведал одного: того, что не только у него есть план. Маги Цитадели, затерянной далеко в океане, мудрейшие из мудрейших, стремились помешать врагу во что бы то ни стало. И им, без сомнения, удалось бы это, если бы не... если бы не роковая ошибка, которую совершила юная волшебница, обладающая невероятной силой.

Она сделала это не специально, а лишь чтобы защитить людей, которых любила больше всего на свете. Но сделанного не воротишь. Враг оказался на шаг ближе к осуществлению

задуманного.

Знал ли кто-то из великих, которым ведомы судьбы мира, что вся ответственность — ответственность небывалая, с коей не удалось бы совладать и величайшим из воинов — возляжет на хрупкие плечи девушки, которая и знать не знала о роли, отведенной ей Судьбой? Скорее всего, знал. Но мог лишь наблюдать издали и направлять ее на этом трудном пути.

Так что же будет, когда враг, непобедимый и неустрашимый, лицом к лицу столкнется с единственным своим настоящим противником? Скоро узнаем. Но пока эта история только начинается...

I. Лист. Эфарленд. Восточная окраина Дарминора. Ли-фанна.

...Место было живописнейшее — огромное вековое дерево, немыслимо сочетающее в себе листья дуба и лиственничные иголки. Рядом — небольшой ручеек, упорно бегущий вперед. Он появился весной, и, казалось бы, уже давно должен исчезнуть. Но нет, бежит. Видно, слился где-то с другим ручейком, посильнее... или же изначально вытекал из родника. В общем-то, это не так уж и важно. Недалеко от дерева, чуть правее — мостик через ручеек. Уже старый, доски все почернели, кажется — наступишь, и провалится. Но нет, эти доски были очень крепкими — на них даже прыгать можно было!

Такой пейзаж открывался из маленькой пещерки... если раздвинуть лианы, закрывающие вход. В сочетании с безмятежно-голубым небом и ярким солнышком получался просто замечательный летний денек. Замечательный ровно настолько, чтобы захотелось его нарисовать.

Ли-фанна придирчиво посмотрела на рисунок в альбоме. Осталась довольна, добавила еще пару штрихов и закрыла альбом. «Неплохо для одного утра», — подумала девушка.

Ли-фанне пятнадцать лет. Она живет вместе с мамой и младшей сестрой Иринкой на самой окраине Дарминора, столицы Эфарленда. Эфарленд — самое большое государство Листа, а Лист — это мир. Дарминор — город большой и очень шумный, но на самых его окраинах — особенно на востоке, где начинаются обширные фермерские угодья Эфарленда — всегда тишь да гладь. И не скажешь, что эти тихие места, больше похожие на деревню — тоже Дарминор.

Ли-фанне не нравились местные тишина и спокойствие. Ее всегда тянуло в большой город, к насыщенной жизни, к приключениям. Но одновременно она хотела скрыться подальше от суеты, от людей. Для этого она и приходила сюда, в это странное место. Ли-фанна чувствовала какую-то особую связь с ним. Маленькую пещерку в склоне Бронзовой горы она нашла совершенно случайно около полугода назад, гуляя недалеко от городской стены. Ей нравилась парадоксальность этого места, невозможность его существования: взять хоть это дерево — невозможная смесь дуба и лиственницы. С современной наукой можно было бы подумать, что тут потрудились селекционеры, но при взгляде на это чудо природы любому стало бы ясно, что это дерево выросло больше тысячи лет назад, когда и слова «селекция» не было, что уж говорить о науке.

Ли-фанна очень любила вот так просто сидеть, размышлять о чем-то... она все утро провела здесь, в пещерке, рисуя. Теперь пора возвращаться домой. Если мама ее потеряет... девушке даже думать об этом не хотелось.

Ли-фанна убрала с глаз ярко-зеленую прядь волос. Экспериментами с собственными волосами она увлеклась в прошлом году, когда выкрасила их в алый цвет. Но красный все-

таки не совсем ее цвет, так что сейчас она ходила с зелеными пряжами.

Домой идти очень не хотелось. Дома что? Мама да сестра. И все. Точнее, дома одна мама — Иринка пока что в школе. Кстати, о школе... Ли-фанна не показывалась там вот уже неделю. Об этом знала только Иринка, которая успешно прикрывала ее перед учителями — говорила, что сестра болеет.

Ли-фанна решила устроить себе внеплановые каникулы после одной неприятной истории, произошедшей в школе на прошлой неделе.

Пока об этой истории знали только ее одноклассники и Иринка, но Альнора — первая красавица класса и главная соперница Ли-фанны — ясно дала понять, что расскажет обо всем учителям.

Сама неприятная история заключалась в том, что Ли-фанна называла «я и мой болтливый язык». Это случилось на последнем уроке. Весь класс Ли-фанны оставили после уроков — нужно было готовиться к предстоящему празднику. Не то чтобы Ли-фанне этого хотелось...

В общем, Ли-фанна повздорила с Альнорой. Такое случалось довольно часто, потому что Алька всегда считала себя лучше всех. И, как все девушки с подобным характером, она задирали тех, кто был, по ее мнению, хуже. И больше всех почему-то доставалось Ли-фанне.

Альнора мало того, что первая красавица — она еще и ярая активистка. Всякие общественные мероприятия для нее — настоящий рай. А вот Ли-фанна, наоборот, ненавидела все эти школьные праздники. Вот об этом спор и вышел.

Праздник в их небольшой школе устраивался в честь Его величества короля. Это был большой ежегодный фестиваль, проходивший по всему Дарминору. На праздник съезжались гости из самых далеких королевств — даже из Ориманского княжества, что расположено где-то на краю Листа. На фестивале всегда было очень весело, но Ли-фанна никак не могла понять: зачем устраивать праздник еще и в школе, когда можно ограничиться гуляньями на площади? Тем более, что праздник только через две недели. Зачем привлекать к организации школьников, у которых экзамены на носу?

Во время украшения школьного холла Ли-фанна довольно громко ругалась на эту тему. Разумеется, Альнора услышала и сделала довольно резкое замечание. Ли-фанна, которая терпеть не могла, когда ее кто-то поправляет, а тем более делает замечания, категорично заявила:

— Да все эти королевские праздники — полнейшая глупость! Будь моя воля, я бы их все поотменяла.

Потом Ли-фанна успокаивала себя тем, что имела в виду школьные праздники, а не государственные. Но когда слова уже сорвались с языка, объяснить это Альноре и остальным было уже поздно.

Первые несколько секунд Ли-фанна недоумевала, почему все одноклассники смотрят на нее с ужасом и удивлением. А когда поняла, ужаснулась сама.

Альнора не удивлялась и не ужалась. Она просто смотрела на Ли-фанну со злорадной ухмылочкой. В ее взгляде было такое торжество, что Ли-фанна впервые в жизни почувствовала себя униженной и побежденной.

— Значит, против Его величества пойти решила? — все так же ухмыляясь, спросила Альнора. — Вот как. В нашем дружном коллективе завелись революционеры... Придется мне сообщить об этом учителям. А ребята подтвердят. Ведь подтвердите же, ребят?

Одноклассники вразной согласились с Алькой, хотя обычно добрая половина из них

была на стороне Ли-фанны. Даже Мифьол, неуклюжий парнишка, которого Ли-фанна всегда считала своим другом, робко кивает, соглашаясь с Альнорой. На Ли-фанну старается не смотреть, отводит глаза. Предатель!

Больше Ли-фанна не выдержала — все, хватит с нее обид и унижений! Девушка резко повернулась спиной к одноклассникам. Схватила со скамьи сумку с учебниками и пошла к выходу, ни слова не сказав. Именно пошла — бежать нельзя ни в коем случае. Тогда Альнора может почувствовать ее слабость, и точно расскажет учителям, что она революционерка.

Только выйдя со школьного двора, девушка сорвалась на бег. Она бежала долго, специально изматывая себя. Ноги сами принесли ее сюда, в ее секретный уголок. К ее дереву и ее пещерке. Только здесь она опомнилась. Пусть одноклассники думают о ней, что хотят! Друзей среди них у нее теперь нет. Они все показали сегодня свои истинные лица. И этот Мифьол... Вот о чем предательстве больно было вспоминать. Они ведь дружили с самого первого класса, с десяти лет!

Из-за Альноры даже и переживать не стоило. Она всегда такая. Пусть даже расскажет учителям, что она против короля! Максимум, что ей сделают — выгонят из школы. Ну и ладно, она все равно в последнем классе. В институт не возьмут — тоже не беда. Она просто поселится где-нибудь на окраине Эфарленда и будет жить одна. Там и высшее образование не понадобится. В крайнем случае, она может действительно стать революционеркой. Хотя нет, этот вариант ей точно не подходит.

Потом Ли-фанна пошла домой. Маме она, конечно, ничего не сказала. Мама бы ответила ей, что она сама виновата. Да так и было на самом деле.

Она рассказала о произошедшем только Иринке. Сестра поняла ее, и даже согласилась с тем, что Ли-фанне пока не стоит показываться в школе.

Пока Ли-фанна во всех подробностях вспоминала эту историю, прошло еще полчаса. Вот теперь можно и домой идти. Уроки в школе должны скоро закончиться.

Идя через мостик, Ли-фанна в который уже раз задумалась: как так получилось, что ручеек появился только весной, а мостик и зимой стоял? Может, этот ручей всегда тут был?

Ли-фанна шла домой медленно, не спеша, чтобы прийти домой после окончания. Как всегда, она рассчитала время верно.

Подойдя к двери родного дома, Ли-фанна привычно полезла в сумку за ключом. Но он не понадобился — дверь открыла младшая сестренка. Она явно была чем-то расстроена.

— Тебя раскрыли, — сообщила она, даже не поздоровавшись, что было для нее очень странно.

— Каким же образом? — спросила Ли-фанна, стараясь не обращать внимания на мигмом участвовавший пульс. Рано или поздно это все равно должно было случиться.

Ответить сестра не успела — в прихожую из гостиной выглянула мама. Увидев старшую дочь, она на мгновение нахмурилась, но затем ее лицо вновь приобрело невозмутимый вид. Ли-фанна прекрасно знала, что такое поведение матери не предвещает ничего хорошего.

— Ну и где же ты была, позволь спросить? — мама говорила до ужаса спокойно.

— Неважно, — ответила Ли-фанна, глядя матери прямо в глаза.

— А что, по-твоему, важно?! Ты прогуливаешь школу! У тебя экзамены через три недели! Что ты делать будешь без образования?! И будь так добра объяснить причину своих прогулов!

— Да плевать мне на эту учебу! — не выдержала Ли-фанна, сорвалась на крик. — Я и без образования проживу! А почему гуляю, все равно не скажу! Я могу вообще войти?!

Она стрелой пронеслась мимо ошарашенной сестры, взлетела на второй этаж, ногой распахнула дверь в свою комнату... и замерла на пороге. Она впала в какой-то ступор. Еще немного, и у нее начнется истерика. «Зачем это все? — думала девушка. — Почему это все со мной?..»

Все еще пребывая в ступоре, она медленно расшнуровала свои ботинки на высокой подошве, сняв их, плюхнулась на кровать. Впрочем, через пять секунд снова встала, подошла к окну. На подоконнике стоял старенький проигрыватель, который когда-то, очень давно, ей подарил папа. Проигрыватель был старой конструкции, с пластинками. Пластинок у Ли-фанны было не очень много, а доставать их становилось все труднее. Ли-фанна поставила свою любимую, и снова улеглась на кровать. Сил подпевать любимым музыкантам не было.

Ли-фанна слушала рок. И только рок. Из-за этого ее считали совершенно ненормальной, чуть ли не сумасшедшей. Рокеров на Листе считанные единицы — такую музыку не любят и не понимают. И Ли-фанна сталкивалась с этим непониманием чуть ли не ежедневно.

Сейчас она даже не стала приглушать звук — а громкость у старенького проигрывателя была весьма приличной — и расслабилась, давая музыке проникать в мозг, разливаясь по всему телу, всему сознанию... она устала от всего этого. Только любимая музыка может помочь ей...

Она пролежала так, наверное, часа два. Истерики, к счастью, не было. Была только усталость.

Ли-фанна по-настоящему пришла в себя, только когда в комнату зашла Иринка. Как всегда, сестренка умудрялась двигаться тихо, как тень. Она явно думала, что Ли-фанна ее не замечает.

— Выключи его, — сказала Ли-фанна, показывая на окно. Девушка удивилась хриплости своего голоса. Неужели она все-таки плакала?

— Что? — Иринка вздрогнула. Явно не ожидала, что сестра ее заметила.

— Проигрыватель. На окне. Выключи его. Ты ведь не любишь такую музыку.

— Зато ты любишь, — Иринка выключила музыку. Повисла звенящая тишина.

— Мама здорово на тебя сердится, — сказала в конце концов сестренка. — Говорит, что ты ее позоришь, что тебе стало на всех наплевать... ну и все в том же духе.

Для Иринки самое страшное — когда ругается мама. Она всегда училась хорошо, без плохих оценок, хотя и заканчивала сейчас только второй класс. Ли-фанна же, начиная с третьего, плюнула на учебу. Вот и начались ссоры с мамой и конфликты в классе.

— Правильно сердится. Заслужила, значит, — Ли-фанна села на кровати. Сил все еще не было. — Так как меня вычислили-то?

— У нас уроки отменили, — со вздохом начала Иринка, — потому что завтра какая-то важная шишка из центра в школу приезжает. Я хотела тебя поискать, чтоб вместе домой прийти, но директриса наша позвонила маме Алана, — Аланом звали лучшего друга Иринки, жившего по соседству, — а она сказала нашей маме. Пришлось домой идти. Маме я сказала, что тебя в школе задержали — а тут директриса звонит, дошла я или нет. Заботливая такая! Ну мама и сказала, что я дома, а ты до сих пор не пришла. Ну, директриса удивилась жутко и заявила, что ты уж неделю болеешь. И началось...

Ли-фанна кивнула. Ответственность их директрисы, госпожи Ирбен (это фамилия такая) очень часто мешала ученикам.

— А что за шишка, говоришь, приезжает?

— Да... я и сама толком не знаю. Какой-то королевский посланник. Он будет на

празднике присутствовать...

— Так праздник только через две недели! — Ли-фанна не то что бы удивилась: к школьным странностям она уже давно привыкла.

— Ну ты ж их знаешь! Это все наша школа... В общем, всем велели завтра, во-первых, быть, а во-вторых, быть в форме и все такое. Ты ведь завтра пойдешь в школу?

— А куда я денусь? Заставят. Даже не представляешь, как не хочется встречаться со всеми этими...

Иринка вздохнула.

— Да ладно тебе! Ты ведь в последнем классе. Скоро закончишь школу, и...

— А что «и»? Куда я пойду-то? А, ладно, все равно это неважно. Спасибо тебе, Ир.

— За что? — сестра в недоумении захлопала глазами. Ли-фанна улыбнулась: «Какая же она еще маленькая».

— За то, что маме не сдала. Вообще, просто спасибо.

— Скажешь тоже, «не сдала»! Когда я тебя сдавала-то? Ой, слушай, — спохватилась Иринка. — Я пойду, а то скоро Алан придет. Хоть раз в неделю уроки нормально сделает.

Сестренка выскочила из комнаты. А вот Ли-фанна так и не вышла оттуда до конца дня.

Вечером в комнату заглянула мама. Настроена она была чуть более миролюбиво, чем днем, но все равно оставалась сердитой.

— Будь так добра явиться завтра в школу! И когда уже ты избавишься от этой зелени?.. — она вышла, громко хлопнув дверью. — И чтоб без этих твоих выходов завтра!

— О да, мам, конечно, — пробубнила Ли-фанна. — Обойдусь без выходов...

Следующее утро выдалось просто чудесным: теплым, солнечным... Когда Ли-фанна проснулась — а проснулась она где-то в семь утра и чувствовала себя совершенно разбитой — и совершенно случайно глянула в окно, то явственно поняла, что ни в какую школу ей совершенно не хочется. И кто вообще придумал учиться в июне? Такие деньки пропадают!

Итак, сейчас семь утра. Мама ушла на работу полчаса назад, значит, за ее «выходками» следить некому.

Ли-фанне всегда было плевать на все эти школьные порядки. Особенно напрягало отношение: в обычное время ходите, как хотите, но как только приезжает кто-нибудь из центра — все должны быть в форме, причем в обязательном порядке.

Ли-фанна не любила, когда ей приказывали. Она терпеть этого не могла. Поэтому идти в школьной форме в этот день просто ужас как не хотелось.

В итоге Ли-фанна решила не заморачиваться с одеждой, и надела свои любимые черные брюки — она почти всегда в них ходила, и в школу в том числе. То, что форма была темно-синего цвета, ее совершенно не волновало. А вот кофту она надела яркую, кислотно-зеленую, как ее волосы.

Быстренько покидав в сумку нужные книжки, Ли-фанна спустилась на первый этаж, на кухню.

Иринка уже была там. Она сидела на своем стуле, который был гораздо выше остальных, и, весело болтая ногами, пила чай. Сестренка была при полном параде: аккуратно выглаженная темно-синяя юбка чуть выше колена, белоснежная блузка с коротким рукавом и темно-синяя же жилетка. Пшеничного цвета волосы заплетены в две тугие косички. И не скажешь, что человек уже второй класс заканчивает. Увидев сестру, Иринка изумленно округлила глаза:

— Только не говори, что ты собралась так идти!

— А почему бы и нет? Я всегда так хожу, ты же знаешь.

Иринка схватилась за голову.

— Тебе учителя голову оторвут!

— Пусть отрывают. Мне все равно.

Ли-фанна тоже налила себе чаю, уселась рядом с сестрой.

— Мне непонятно, почему из-за приезда какого-то совершенно левого человека у нас в школе устраивается такой переполох.

— Ну он все-таки посланник короля... — как-то неуверенно произнесла Иринка.

— Да хоть сам король! Все равно это глупо. Так, ладно, пора уже, наверное, — Ли-фанна отставила в сторону полупустую кружку. — Я умываться.

Иринка только плечами пожала — вечно у сестры все не как у людей!

Быстренько умывшись, Ли-фанна пару раз провела расческой по волосам и нашла свой внешний вид вполне удовлетворительным. Самый раз для того, чтобы навести в родной школе немного шороху. Конечно, ничего такого Ли-фанна делать не собиралась, но что-то ей подсказывало, что вряд ли сегодняшний день пройдет совершенно спокойно.

Когда сестры вышли из дома, минутная стрелка часов едва перевалила за цифру 10. Проще говоря, было без десяти восемь. Уроки в школе начинаются в половине девятого.

У Иринки первой была математика. Как это ни прискорбно, но в школах всех миров преподают математику. У Ли-фанны же первым уроком было фехтование. Хорошо еще, что на этом уроке должна была присутствовать только половина класса, в которую Альнора не входила. Так что минимум один урок обещал быть более-менее спокойным.

«Более-менее» потому что Ли-фанна терпеть не могла фехтование. Любим оружием — мечом ли, рапирой — она размахивала, как топором, а единственное, чему научилась за все пять лет учебы — уворачиваться от ударов.

Класс фехтования — на самом деле обычный спортзал. Но в отличие от нашего мира, где на физкультуру нужно носить специальную форму, на фехтование можно приходить и в обычной школьной одежде. Рэндиан Меннерс, учитель фехтования, которого все звали просто Рэй, частенько говорил: «Учитесь драться при любых условиях!»

В зале уже собрались почти все одноклассники Ли-фанны — вернее, половина класса. Все, как один, в форме, такие все аккуратные... смотреть противно просто!

Вот, например, Миэлина. Она всегда кажется младше одноклассников, со своим небольшим ростом, рыжими косичками и постоянной доброй улыбкой. Ее даже сложно было представить со шпагой в руках. А сейчас она как будто резко повзрослела. Увидев Ли-фанну, девушка в изумлении округлила глаза.

— Ты что, совсем с ума сошла?! Всем же ясно сказали: все должны в форме быть!

— А меня вчера не было. И вообще, глупости это все.

Тут уж все одноклассники обратили внимание на Ли-фанну.

— Гляньте-ка, наша революционерка объявилась! — вкрадчиво произнесла Норика, одна из подружек Альноры. Она ужасно хотела быть на нее похожей. А уж как она гордилась тем, что у них похожие имена!

Сейчас Норика злорадно улыбалась — явно предвкушала расправу над Ли-фанной. Но та знала, что можно не волноваться — в одиночку Норика ничего не сделает, а вся их банда с Альнорой во главе сейчас на другом конце школы... оттачивают свое мастерство в магии.

Да, на Листе была магия. Только владели ей не все. Она передавалась в основном по

наследству, а «ненаследственные» маги — величайшая редкость. Так вот, магов обучали в школе на специальных уроках, а у обычных людей в это время фехтование. Магов в классе Ли-фанна было чуть больше, чем людей. Альнора, например, была магом в каком-то там десятом поколении. И как она этим кичилась!

Норика, видимо, почувствовала, что Ли-фанна не обращает на нее никакого внимания, и прицепилась еще больше.

— Может, тебя наконец-то из школы выпнут... Давно пора! Таким, как ты и твоя сестра, здесь не место!

Ли-фанне было безразлично, когда наезжают на нее. Но когда начинают наезжать на ее сестру... такое не прощается, как считала она. Конечно, глупо было злиться на Норика — эту уже ничем не исправишь. Но Ли-фанна почему-то не подумала об этом, сорвалась. Как же ей надоели все эти бесконечные нападки!

Недолго думая — а честно говоря, совсем не думая — Ли-фанна схватила висевшую на стене рапиру. Со стороны Рэя было крайне неосмотрительно оставлять все собрание школьного оружия на стене. Хотя до этого ученики никогда не нарушали запрета и ничего не трогали без учителя.

Кто-то — кажется, Миэлина — крикнул: «Ли-фанна, стой!» Но девушка никого не слышала. Она кинулась в атаку. Хорошо еще, что Норика тоже успела схватить со стены такую же рапиру и отразить первый удар соперницы...

Одноклассники как по команде отошли ближе к стенам. Никто из них даже не подумал позвать Рэя или еще кого-нибудь из учителей. Все просто стояли и смотрели.

У Ли-фанна всегда были проблемы с фехтованием. Больше тройки она никогда не получала... по десятибалльной системе. А сейчас вдруг все движения девушки стали до странности слаженными, четкими. Удар, выпад, укол! Еще удар, еще выпад... Так обычно дерутся рыцари прославленного Эфарлендского ордена Феникса.

Укол, увертка! Ли-фанна ловко ушла от удара Норика. Соперница атаковала все больше короткими, колющими ударами, целясь то в живот, то в шею, то в голову. Такую тактику в Эфарленде называли змеиной. Очередная атака... На этот раз Норика обнаглела, прицелилась прямо в сердце. Ли-фанна смогла уклониться, но рапира Норика все равно распоролла ей рукав и порезала руку. Конечно, это просто пустяк, царапина, но крови было много. Рукав из ярко-зеленого постепенно становился бурым. Норика в ужасе посмотрела на дело рук своих, попыталась отступить... но Ли-фанна, которая только разозлилась еще больше, не дала ей этого сделать. Она ястребом кинулась на соперницу, повалила ее на пол... И приставила рапиру к горлу.

Одноклассники в испуге зашептались. Никто не рискнул подойти к Ли-фанне, забрать у нее оружие.

— Что тебе надо от меня? — прохрипела Норика, пытаясь отвести голову куда-нибудь в сторону. Эти ее попытки успехом не увенчались. — Дура психованная!

— Извинись сейчас же! — Ли-фанна, казалось, сама не соображала, что говорит. — И не смей больше ничего говорить о моей сестре!

— Что тут происходит?! — раздался вдруг от дверей громовой голос Рэя. — Норика! Станным был тон учителя, с которым он произносил имя своей ученицы. Он будто осуждал Норика, винил ее в чем-то.

Несмотря на весь трагизм ситуации, Рэй умудрялся оставаться Рэем. Высоко роста, атлетического сложения, симпатичный преподаватель еще в прошлом году был предметом

пристального внимания со стороны большей части одноклассниц Ли-фанна. Он никогда не красовался — ему это было совершенно не нужно. Рэй просто... просто был Рэем. По-другому тут и не скажешь.

Рэндиан Меннерс не стал ждать, пока ему кто-то ответит. Он стремительно подошел к девушкам — Ли-фанна так и стояла над лежащей Норикой с рапирой в руке, не замечая Рэя. Норика, наоборот, смотрела на учителя с надеждой.

Он не стал подходить совсем близко, прекрасно понимая, что Ли-фанна сейчас не в адеквате, а значит, может наброситься на кого угодно.

— Ли-фанна! Брось оружие!.. — спокойно сказал он.

Рука разжалась сама; затуманенный взгляд прояснился. Рапира с тихим звоном упала на пол в десяти сантиметрах от шеи Норики, которая успела с диким визгом откатиться в сторону.

Ли-фанна смотрела на свои руки с нескрываемым удивлением. Неужели она, Ли-фанна, имеющая вечную тройку по фехтованию, только что победила Норикку, которой Рэй ниже девятки никогда не ставит? Что вообще сейчас произошло? Неужели она хотела убить человека? Вопрос даже не в том, что хотела, а в том, что могла. Ой, что теперь будет...

Ли-фанна перевела взгляд на Рэя. Испуга у нее не было... Она даже не знала, что чувствовала в этот момент.

Учитель едва заметно покачал головой — Ли-фанна готова была поспорить, что это видела только она — и обратился к Норике:

— Ну что, пострадавшая? Ранений нет?

Он помог ей подняться. Норика едва стояла на ногах, но в остальном была вполне здорова. А вот о Ли-фанне такого сказать нельзя было. У нее сильно болела правая рука, и кровь из раны, кажется, до сих пор не остановилась.

Быстро осмотрев Норикку и найдя ее состояние удовлетворительным, Рэй подошел к Ли-фанне, протянул ей руку. Ли-фанна только сейчас заметила, что стоит на коленях. Сил совсем не было. Она встала, опираясь на руку Рэя.

— И что теперь? — только и спросила Ли-фанна. — К директору меня?..

— Для начала объясни, из-за чего ты за оружие схватилась, — голос Рэя ничего не выражал.

— Она оскорбила мою сестру. Ну и меня тоже. Вот я и...

До Ли-фанна дошло, как глупо выглядят ее попытки оправдаться. А ведь действительно, чего она драться полезла? Да еще на рапирах? Можно ведь было просто кулаком дать как следует...

— То есть ты не раскаиваешься? Ну а ты, пострадавшая сторона, что скажешь?

Вновь в его голосе прозвучало что-то непонятное. Укор? Может быть. Создавалась ощущение, что Рэй целиком и полностью на стороне Ли-фанна.

— Я защищалась! Она первая шпагу схватила! — только и сказала Норика.

— Ясно... Так, а вы все чего стоите? Берем оружие — только не эти две рапиры — и отрабатываем... что там у вас на том уроке было? Ну, вы поняли. Ли-фанна, за мной, к директору.

— А я куда? — спросила Норика. Вот же зараза!

— А ты иди в класс, и там сиди, — Рэй развернулся и пошел к двери зала. Ли-фанна поплелась за ним.

Насчет того, куда Рэй отправил Норикку... в его распоряжении, помимо зала, был еще и

класс. Зачем — вопрос. Теории по фехтованию не бывает.

Выйдя из зала и убедившись, что Ли-фанна идет за ним. Рэй свернул куда-то под лестницу, где у него было что-то вроде кабинета. В нашем мире это назвали бы тренерской.

— Как рука? — первым делом спросил учитель. — Сильно болит?

Ли-фанна осторожно закатала рукав. Кровь все еще продолжала идти.

— Хорошо еще, что вены не задела, — сказал Рэй будто сам себе. — Давай сюда руку, буду тебе первую помощь оказывать.

Он достал из ящика стола бинт и баночку с каким-то зеленым составом.

— Это целебная мазь такая, — ответил учитель на удивленный взгляд Ли-фанны. — Редкая, кстати, штука. Ты руку-то давай.

Он быстро обработал рану Ли-фанны. Девушке сразу стало легче.

— Спасибо, — сказала она.

— За что? Это ерунда. Зря ты с Норикой подралась, — вдруг сказал он. — Она со своей семейкой от тебя теперь не отстанет. А вообще... так держать, боец. Своих защищать надо.

Ли-фанна удивилась еще больше, как бы сложно это ни было. Бойцами Рэй называл только самых лучших, отличившихся в чем-то учеников. Ей такое почетное звание никогда не грозило. А тут...

— Но к директору тебе пойти все-таки придется... — вздохнул Рэй.

— Она меня из школы выгонит.

— Не выгонит. Я попробую ей сказать, что ты защищалась, и все такое...

— Не поможет. Я ведь еще и без формы явилась! — усмехнулась Ли-фанна. И почему она раньше не понимала, какой Рэй хороший человек?

— Да, это проблема... ладно, придумаем что-нибудь. Пошли?

Ли-фанна молча поднялась с места. А что ей еще оставалось делать?..

И почему кабинет госпожи Ирвен был так близко? Чтобы попасть туда, надо было всего лишь подняться на два лестничных пролета, и пройти по небольшому коридорчику. И хотя Ли-фанна старалась идти как можно медленнее, она все равно не успела придумать, что именно будет говорить директрисе. Девушка шла, низко опустив голову, и даже присутствие Рэя не прибавляло оптимизма...

Вот и дверь кабинета госпожи Ирвен. Сейчас она показалась Ли-фанне какой-то зловещей, хотя это всегда была самая обычная деревянная дверь. Рэй взялся за ручку двери, сочувственно посмотрел на ученицу. Потом постучал, открыл дверь.

— Заходи.

Ли-фанна прошла в кабинет директрисы, стараясь держать раненую руку за спиной. Рэй зашел следом, закрыл дверь. Все. Клетка захлопнулась.

— Здравствуйте, госпожа Ирвен, — сказал Рэй.

— Господин Меннерс? Что-то случилось?

Ли-фанна увидела, как Рэй поморщился, услышав такое обращение. Господин Меннерс... действительно, что-то не то.

Директриса пока их не видела — она была полностью погружена в полив многочисленных растений на подоконнике. Но уже через две минуты она соизволила повернуться.

— Так что же случилось, господин Меннерс? — директриса перевела взгляд на Ли-фанну. — Ли-фанна Лотье... что на этот раз?

— Драка. С Норикой Эрлис, — бесстрастным тоном изрек Рэй.

— Драка? На вашем уроке?! Девушка сильно пострадала? Разумеется, я говорю о Норике.

— К счастью, Норика обошлась без травм. Но... Ли-фанна, покажи руку, пожалуйста.

Ли-фанна продемонстрировала директрисе правую руку, которая, хотя и стала гораздо меньше болеть, все равно жутко ныла и плохо двигалась.

— Неужели вы хотите сказать, что это Норика ранила... эту девушку? Господин Меннерс, вы ведь не присутствовали в классе во время драки?

— Конечно нет, госпожа Ирбен. Но...

— Поэтому как вы можете утверждать, что это сделала Норика? Я просто убеждена, что драку начала Ли-фанна, она же себя и ранила для большей жалости.

Ли-фанна вспыхнула от негодования. Что за бред?! Она сама себя ранила, видите ли! Зачем ей это? Она хотела возмутиться, но поймала предостерегающий взгляд Рэя. Конечно, директриса как раз и хочет, чтобы она возмутилась... но вот зачем ей это?

— Вот что, господин Меннерс, — продолжила директриса. — Я думаю, мы должны выслушать и Норiku тоже. Приведите ее, а я поговорю с Ли-фанной.

Рэй ушел, напоследок сжав кулак, как бы говоря Ли-фанне: держись! Девушке стало чуть легче — хоть один человек ее поддерживает. Но она осталась наедине с директрисой, а ничего хорошего от нее ждать не стоит.

— Итак... Ли-фанна Лотье... — девушку передернуло от того, как госпожа Ирбен произнесла ее фамилию. — Неделя прогулов, теперь драка... да еще и без формы! Кошмар! До чего школа докатилась! Драку ты начала, вот только честно?

— Я, — призналась Ли-фанна. Глупо было отрицать очевидное.

— Ты. А почему?

— Она... то есть Норика... оскорбила меня и мою семью, и я...

— Все ясно. Только не надо оправдываться, хорошо? Похоже, придется мне поговорить с твоей мамой...

С мамой? О, ужас! Даже представить страшно, что будет, когда мама узнает о произошедшем.

Тут дверь приоткрылась, и вошла Норика. Она явно строила из себя такую потерпевшую, глубоко несчастную личность. Но когда она посмотрела на Ли-фанну, в ее глазах появились злые искорки, и понятно, что этот несчастный вид — чистой воды притворство.

— Я защищалась! — с ходу начала Норика. — Эта психованная схватила шпагу, напала на меня...

— Это была рапира, идиотка! — сквозь зубы процедила Ли-фанна.

— Замолчи, Лотье! — грубо оборвала ее директриса. — Норика, скажи мне, пожалуйста: это ты ранила Ли-фанну?

— Нет! — поспешно выкрикнула Норика, стараясь не смотреть на руку Ли-фанны.

— Итак... хорошо. Можешь идти, Норика. А ты, ученица Лотье... я звоню твоей маме.

Ли-фанна вся внутренне сжалась. Госпожа Ирбен взяла телефонную трубку, медленно набрала рабочий номер мамы Ли-фанны.

— Госпожа Лотье? Это вас беспокоят из школы. Да, госпожа Ирбен... Дело в том, что ваша дочь... да-да, Ли-фанна... подралась на фехтовании... с Норикой Эрлис. Да, как можно быстрее, госпожа Лотье. До свидания.

Сигма Лотье примчалась в школу через пять минут. Увидеть дочь, она, похоже, только

разозлилась, но, взглянув на ее руку... сердиться она не перестала, но в глазах появилась тревога.

— Что произошло, госпожа Ирбен?

— Драка. Ваша дочь схватила шпагу, напала на Норику Эрлис.

— Эрлис? — с каким-то ужасом переспросила Сигма.

— Да, именно Эрлис, — с какой-то непонятной ухмылочкой сказала Ирбен.

— Но она ранила мою дочь!

— Нет. Мы выяснили, что это ранение — дело рук вашей дочери, которая хотела подставить Норику.

Ли-фанна чуть не задохнулась от негодования. А вот мама осталась невозмутимой.

— Ли-фанна, тебе есть, что возразить? — спросила директриса.

— Да, есть. Это Норика меня ранила. Норика, а не я! И вообще, она оскорбила мою семью! — Ли-фанна посмотрела на маму, ища поддержки. Но Сигма даже не взглянула на дочь.

— Все ясно с тобой. Выйди пока в коридор!

Ли-фанна послушалась. Как только она вышла из кабинета, по школе пронесся громовой звук колокола, оповещающий об окончании урока. Сам колокол был расположен в школьной башенке, и про него постоянно все забывали. Сейчас не забыли.

Ли-фанна порадовалась тому, что уроки в этой части школы не проходят. Вид пятиклассницы с окровавленной рукой мог бы вызвать много лишних вопросов.

Директриса разговаривала с Сигмой долго — минут двадцать, наверное.

Когда Сигма наконец вышла из директорского кабинета, она сказала дочери только два слова:

— Иди домой.

По голосу мамы невозможно было определить ее настроение. Ли-фанна решила не рисковать, и действительно пошла домой.

Ей казалось, что она шла очень долго, целую вечность. Пусть второй урок уже начался, пройти по школьным коридорам было настоящим испытанием.

Все бы ничего, но в школьном холле, когда Ли-фанна уже была почти на свободе, она столкнулась с королевским посланцем.

Узнать его было несложно — кто еще, кроме гостя из центра, может ходить в такой странной одежде?

Если бы этого человека увидел кто-то из нашего мира, ему бы сразу вспомнился какой-нибудь человек из XIX Земного века: во всяком случае, в наших учебниках истории всяких придворных чиновников из Европы изображают именно так. На нем был просто роскошный камзол бордового цвета, узкие черные брюки и высокие черные же сапоги. Его светлые волосы, намного длиннее, чем носили обычно мужчины на дарминорских окраинах, были аккуратно причесаны и уложены. Если не считать всех этих модных излишеств, гость из центра производил вполне приятное впечатление: высокий рост, умное, открытое лицо, большие серые глаза за стеклами очков.

— Ой! Извините, пожалуйста! — Ли-фанна аж подскочила от неожиданности.

— Ничего-ничего! Позвольте узнать ваше имя, юная леди?

— Л... Ли-фанна Лотье, — запинаясь, ответила «юная леди». Вот уж как ее еще ни разу не называли!

— Очень приятно. А я Дербен, третий королевский советник. Скажите, Ли-фанна, а что

у вас с рукой?

— Я... эммм... упала. Да, просто упала!

Нелепое, конечно, оправдание, но что она еще могла придумать? Советник Дерьен понимающе улыбнулся.

— Тогда будьте впредь осторожней. До свидания, Ли-фанна.

— До свидания, господин советник.

Ли-фанна чуть ли не бегом выскочила из школы. Если кто-нибудь из учителей вдруг узнает, что она говорила с послом короля...

...Дома Ли-фанна врубила на полную громкость музыку — благо, в доме больше никого не было — и, подпевая во весь голос, принялась что-то рисовать. Левой рукой. Ли-фанна в очередной раз порадовалась, тому, что она левша.

Рисовала она, как всегда, долго, старательно прорисовывая каждую деталь. Это было ее самое любимое занятие. Но сейчас Ли-фанна рисовала еще и для того, чтобы заглушить боль в руке и выкинуть из головы все произошедшее сегодня в школе. О разборке, которая грянет, когда придет мама, думать не хотелось. Тем более, что придет она только вечером.

Часа через два домой вернулась Иринка. Везет второклашкам, у них уроки сократили! А их, старших, гоняют по максимуму...

— Ой, а ты чего здесь?.. — удивилась сестренка. — А с рукой что?..

Ли-фанна вкратце объяснила ситуацию. В ответ Иринка только покачала головой. Да и что тут скажешь?

Только через некоторое время, когда сестры сидели на кухне, Иринка сказала:

— У тебя просто полоса невезения какая-то. Сначала та ссора с Альнорой, теперь эта драка...

— Это не полоса невезения, Ир, — ответила Ли-фанна. — Это у Алькиной компании полоса везения. Что с того, что фамилия Норики — Эрлис?

— А что не так с ее фамилией? — удивилась сестра. Счастливая! У них-то в классе таких нет...

Про Норикку Эрлис одноклассники знали мало — только то, что у нее очень влиятельная в Дарминоре семья. Слишком влиятельная. Одноклассникам этого вполне хватало, чтобы понять: с Норикой лучше не связываться. Конечно, она умеет только подлизываться к Альноре, но если ее чем-то обидеть, сразу побежит жаловаться к отцу. До этого момента рисковать никто не хотел. А теперь — Ли-фанна была в этом уверена просто на все сто процентов — все одноклассники будут с интересом наблюдать за развитием конфликта.

Ли-фанна рассказала об этом сестре. Иринка понимающе вздохнула.

— Они просто хотят, чтобы ты прекратила с ними бороться. Чтоб ты сдалась.

— Да я уже устала с ними бороться! И от школы устала! И вообще от всего... — Ли-фанна бессильно откинулась на спинку стула. Ни делать, ни говорить ничего больше не хотелось...

...Когда пришла мама. Иринка делала уроки в своей комнате. А Ли-фанна все так же рисовала у себя. Услышав звук открывшейся двери, сестры спустились в прихожую.

Сигма внимательно оглядела дочерей. Потом, ни слова не говоря, прошла в гостиную. Сестры, конечно, за ней.

— Ли-фанна, честно говоря, я не ожидала от тебя такого, — устало сказала мама, усаживаясь на диван. Иринка села рядом с ней, Ли-фанна же села в кресло.

— Конечно, глупо было бы предполагать, что ты пойдешь в школу в форме. Но, Ли-

фанна, я же просила тебя обойтись без выходов! А ты подралась! И, ладно бы, просто так! Зачем было хвататься за рапиру?

— Ты думаешь, я знаю? Я просто... я не знаю, что на меня нашло! Тем более, она меня ранила! Целилась в сердце!

— В сердце?! — охнула Сигма. — Ли-фанна, ты даже не представляешь, во что вязалась. Тебе удалось оскорбить Норику, а люди из таких семей обычно ничего не прощают и не забывают.

— Да что такого с этими Эрлисами? Кто они вообще такие?

— Этого я тебе пока не могу сказать...

Ли-фанна озадаченно переглянулась с сестрой. Они никогда не видели свою маму такой. Обычно Сигма целыми днями работала, приходила домой крайне уставшая, практически не рассказывала дочкам ни о себе, ни о ком другом. А сейчас у Ли-фанны возникло ощущение, что Сигма знает что-то такое, от чего старается всеми силами уберечь их с Иринкой. Но что это может быть?

— Покажи руку, — попросила Сигма после минутного молчания.

Ли-фанна подошла, протянула руку. Повязку, наложенную Рэем, она так и не снимала — боялась, что кровь пойдет снова.

— Кто тебя так перевязал? — спросила Сигма, развязывая бинт.

— Рэй. То есть... — Ли-фанна запнулась — ну не поворачивался у нее язык назвать его «господин Меннерс»!

— Господин Меннерс? Понятно. Я говорила с ним сегодня. Он сказал, что ты отлично сражалась.

— Так он же не видел!

— Некоторые люди видят гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд, — еще одна таинственная фразочка, произнесенная с крайне таинственным видом. — Нехорошо она тебя задела. Заживать долго будет. Идем, надо еще раз перевязать.

— Мам? — позвала Иринка. — А что тебе Ирьен сказала? Вы с ней вроде долго говорили.

— Госпожа Ирьен? В основном она говорила, что Ли-фанна совсем забросила школу в последнее время. И, кстати, что это за история с «революционеркой»?

Ли-фанна и Иринка одновременно вздрогнули. Неужели Альнора все-таки донесла учителям?

— Вашу ссору услышал кто-то из учителей. Разумеется, любому понятно, что все это полнейшая глупость. Прогуливать из-за этого школу? Ли-фанна, просто смешно!

— Мне не хотелось никого видеть, — хмуро ответила девушка.

Мама только головой покачала.

— Пойдем уже, горе мое. Перевяжу твое боевое ранение.

Они пошли в ванную. Сигма быстро перебинтовала руку дочери.

— Спасибо, — сказала девушка. — Так намного лучше.

Мама будто не слышала. По ее лицу невозможно было понять, о чем она думает, но в глазах так и не погасли встревоженные искорки.

— Госпожа Ирьен сказала мне еще кое-что. Мы с ней договорились, что завтра ты придешь в школу и публично извинишься перед Норикой.

— Что?! Да никогда! Не собираюсь я извиняться перед этой...

— Придется. Ли-фанна, повторяю еще раз: ты не представляешь, на что способна эта

семья. Не связывайся с ними. Просто извинись, и инцидент будет исчерпан. Ли-фанна, подожди, просто выслушай, — она жестом остановила готовую взорваться дочь. — Ты должна учиться сдерживать свои чувства и эмоции. Пойми, я знаю, как это нелегко, особенно в таких ситуациях. Но, когда имеешь дело с Эрлисами...

— Да я знаю все это! Но именно сейчас... это дело принципа, мама! Я... я лучше сбегу из этой школы, чем извиняться!

Сигма ничего не ответила — лишь вздохнула. А у Ли-фанны в голове созрел просто гениальный, по ее мнению, план.

Она пошла в свою комнату, открыла шкаф, достала оттуда сумку — точно такую же, как ее школьная. Около полугода назад она всерьез хотела сбежать из дома, но так и не решилась. А готовилась, между прочим, серьезно. Собранная сумка до сих пор лежала в шкафу. Сейчас Ли-фанна снова решила сбежать, причем немедленно. Можно было, конечно, сбежать с утра пораньше — так, наверное, было даже удобнее — но она знала, что может передумать.

Ли-фанна спустилась на первый этаж.

— Ты куда? — спросила Иринка. Они с мамой все еще сидели в гостиной, о чем-то разговаривая.

— В центр, — ответила девушка, стараясь ни на кого не смотреть.

— Зачем?

— Просто. Так надо, — она прошла мимо сестры и мамы. Никто не остановил, не задержал... Даже не верится!

Может, мама подумала, что она это не всерьез? Что не сбежала, а просто ушла гулять? Это было совсем не важно. Ли-фанна быстро обулась и выскочила из дома. Свобода!

Поначалу она шла спокойно. Но пройдя мимо школы, не выдержала, побежала, захлебываясь своим счастьем. Она сделала это — сбежала из дома! Она свободна, и может бежать, куда хочет! И делать, что хочет!

Ли-фанна засмеялась — громко, радостно. Никогда еще ей не было так хорошо!..

Глава 2

Глава 2

П. Лист. Эфарленд. Дарминор. Оррайна. Рональд.

Бронзовую гору на восточных окраинах Дарминора всегда считали колдовским местом, чуть ли не проклятым. Поэтому в ее окрестностях обычно нельзя было никого встретить. Ли-фанна была исключением, лишь подтверждающим правило.

Но женщину, стоящую на самой вершине горы, видимо, плохая репутация этого места не смущала. Она была совершенно не похожа на обычных жительниц Дарминора: длинные, черные, как смоль, волосы были распущены и развевались на ветру (обычно женщины держали свои волосы собранными), алое платье до земли... вдобавок ко всему женщина была босиком.

На вид ей было около тридцати пяти-сорока лет. Высокий лоб, широко расставленные серые глаза выдавали в ней благородное происхождение. Так что же могло привести такую странную женщину в такое странное место за полчаса до полуночи?

Женщина стояла на самой вершине горы. Ее лицо было обращено к небу. Ветер трепал ее волосы и подол платья, а на ее лице застыло выражение мрачной решимости.

— Скоро... уже совсем скоро, — прошептала она едва слышно.

— Ты тоже чувствуешь это, Оррайна? — прозвучал вдруг мужской голос прямо за ее спиной.

Она стремительно обернулась. Перед ней стоял мужчина, быть может, чуть моложе нее. Он был высокого роста, русые волосы аккуратно подстрижены, только длинная челка свисает на глаза. Одет он был просто — белая рубашка и черные брюки. И тоже босой.

Он пристально вглядывался в лицо женщины. И хотя на губах его была улыбка, в глазах светились тревожные искорки.

— Ты чувствуешь это? — повторил он.

Оррайна не торопилась отвечать. Некоторое время она просто стояла, внимательно разглядывая пришельца. В конце концов она улыбнулась:

— Рональд! Давненько я тебя не видела в этих краях. Честно говоря, я думала, что придет твой...

Он приложил палец к губам.

— Давай не будем здесь о нем говорить.

— Боишься, что нас подслушают?

— Нет. Просто я помню, что случилось тогда.

Оррайна чуть заметно помрачнела при этих словах.

— Опять же, здесь я подвергаюсь гораздо меньшей опасности, чем он, — продолжил Рональд. — Но мы ведь решили встретиться здесь не для того, чтобы обсуждать, кто из нас должен был прийти? Что там с твоей подопечной?

— Способности начали проявляться, — вздохнула Оррайна.

— А не рано ли? — удивился Рональд.

— В данной ситуации я боюсь, что может оказаться слишком поздно...

Они одновременно посмотрели на небо — безоблачное, ясное ночное небо, где ярко сверкал идеально ровный полукруг луны.

— Все начнется в новолуние, — прошептала Оррайна.

Тут где-то внизу, в городе, часы на здании архива громко пробили полночь. Двое на вершине горы одновременно вздрогнули.

— Да, я знаю про новолуние, — ответил Рональд. — Осталось еще две недели. Она успеет. Мы успеем.

— На твоём месте я не была бы столь оптимистична, — она закрыла глаза на мгновение, словно испугалась чего-то. — Рон?

— Что? — он посмотрел на нее немного удивленно.

— Ты ведь приглядишь за ней? Она сбежала из дома сегодня.

Рональд нахмурился. Потом в задумчивости произнес:

— Разве что издалека, ни во что не вмешиваясь... это ее путь, Оррайна. Ты же знаешь.

— Знаю. Но что я могу с собой поделать? — она в очередной раз вздохнула. — Спасибо... — чуть слышно прошептала она.

Рональд улыбнулся своей особенной, печальной улыбкой... и исчез. Просто взял и исчез.

Оррайна осталась на вершине горы одна. Она снова взглянула на небо и улыбнулась, но в этой улыбке не было ни капли радости.

— Прости... — беззвучно произнесла она.

Ли-фанна. Эван.

Пока Ли-фанна бежит с восточной окраины Дарминора в его центр, с ней вряд ли произойдет что-нибудь особенно важное. Поэтому автор сей повести счел нужным познакомить нашего многоуважаемого читателя с местом действия, для большего понимания происходящего.

Что ж, начнем... да прямо с начала и начнем. Наши герои живут в совершенно другом мире, имя которому — Лист. Это примерно, как у нас — галактика Млечный путь, или планета Земля. Только тут не планета, а целый мир носит название Лист. Хотя, наверное, можно сказать, что весь их мир состоит из одной планеты.

Конечно, в этом мире есть другие звезды и планеты, просто никто еще не придумал, как до них долететь. Хотя наука на Листе развита достаточно хорошо: примерно на уровне конца XIX — начала XX земных веков. В мире, где магов больше, чем ученых, это очень высокий уровень.

Магия на Листе тоже очень развита. Правда, в чем-то еще люди не отошли от Средневековья: иногда на улице можно встретить колоритного такого звездочета в мантии и шляпе со звездами. Магия применяется фактически везде: и в быту, и в науке, и в школах... и в военном деле.

Да, на Листе тоже идут войны. Причем довольно часто. Вот, например, во время действия этого повествования идет крупный конфликт в королевстве Брехтендолль. Сторонники Республики пытаются захватить власть у законного короля. Пока что эти попытки успехом не увенчались. Они увенчались только тем, что теперь в других государствах оказалось полно беженцев из Брехтендолля. Причем беженцев было уже несколько поколений. Например, Мифьол — бывший друг Ли-фанны — принадлежит к семье таких беженцев.

На Листе около 30 стран, самой большой из которых является королевство Эфарленд, а самой маленькой — Ориманское княжество. Кому-то может показаться, что 30 стран — это слишком мало, но жителям Листа так даже удобнее. Тем более, такого количества стран, как на Земле, на Листе при тамошнем образе жизни быть не может.

Если бы эту самую жизнь взялся описывать кто-то из земных жителей, это описание выглядело бы примерно так: «Магико-технологическая цивилизация с технологическим уклоном». «Уклон», надо сказать, был довольно ощутимым: в самых развитых странах уже научились строить пароходы и железные дороги, а вот над изобретением летательных кораблей ученые думали совместно с магами.

Практически все страны на Листе — королевства. Есть пять княжеств и одна республика — Манрельская. Она появилась совсем недавно, и теперь все ждут, станет ли она сильным государством, или же исчезнет.

Еще интереснее магии и науки — летосчисление на Листе. Общее число лет они не считают. Считают года в эрах. Одна эра длится 250 лет и обязательно носит имя какого-нибудь магического существа. Например, в момент нашего повествования шел 62 год эры Грифона. До этого была эра Дракона, еще раньше — Феникса... всего же эр было семь, сейчас идет восьмая. Нетрудно посчитать, что во время нашего повествования шел 1812 год.

Разумеется, на Листе есть и свои религии. Наиболее распространена среди них та, что зовется «Учением о Тринадцати». Согласно этому учению, на Листе существуют тринадцать

великих богов, каждый из которых отвечает за разные природные силы или области человеческой жизни. Главным из богов считается бог Солнца, Тарус, который, согласно «Учению», и создал мир. Во многих мифах и легендах Тринадцати богам противостоит четырнадцатый — Зентар, правитель мрачного царства, куда уходят все умершие. Также, помимо богов, в «Учении» говорится о многих удивительных магических существах.

В принципе, это самое основное, что можно рассказать о Листе. Если автор и упустил что-то из виду, он попытается восполнить эти пробелы прямо во время повествования. А теперь вернемся к Ли-фанне.

(14 дней до новолуния)

Центральный район Дарминора... Суэта, шум, предпраздничные настроения... улыбочивые горожане в разноцветных одеждах... красота! Да, на восточных окраинах такого не увидишь!

Ли-фанна была просто счастлива. Это был ее город, ее жизнь. Не зря же она шла почти всю ночь! И все-таки добралась...

Конечно, она могла бы сбежать к фермерам, в деревню. Но город притягивал ее куда больше.

Только куда идти? Здесь, в центре, она никого не знала. Разве что королевского советника Дерьена... но он-то сейчас где-то в их школе! Да и вообще, тогда получилась бы глупость какая-то. Этот советник ее бы даже не вспомнил.

Здесь, в центре, она была только один раз — вскоре после того, как исчез папа. Ей тогда было лет восемь. Ли-фанна уже практически ничего не помнила. Иринка бы вспомнила, хотя ей и было на тот момент всего пять лет.

В конце концов Ли-фанна решила сперва пойти на Звездную площадь — посмотреть на королевский дворец.

Звездная площадь расположена в самом центре Дарминора. Она называется так, потому что имеет форму звезды с шестью лучами. Эти лучи тянутся очень долго, превращаясь в улицы — шесть главных улиц Дарминора. Они тянутся через весь город, и заканчиваются в шести его районах. Их поэтому и шесть, кстати. Именно по одной из этих улиц Ли-фанна и добралась до центра.

До Звездной площади она дошла на удивление быстро — минут за десять, наверное. Там народу было столько... как в десяти или даже пятнадцати их школах, считая и преподавателей. И как только этим людям здесь не тесно?

Площадь была потрясающе красива: вымощенная разноцветной плиткой, она и впрямь была похожа на яркую, переливающуюся звезду. В центре площади стоял громадный конный памятник первому королю Эфарленда — Тарлиандру.

А чуть в отдалении стоял потрясающе красивый королевский дворец. Он был настолько огромен, что Ли-фанна просто не нашла, с чем сравнить его размер. Стены, сложенные из белых камней, казалось, ослепительно сверкали на солнце — возникало впечатление, что камни эти не простые, а какие-нибудь драгоценные. Сине-зеленые крыши тоже отражали свет, и из-за этого по площади прыгали изумрудные и сапфировые солнечные зайчики.

Около массивных дворцовых ворот стоял почетный караул — двое гвардейцев. Хотя, скорее всего, это не просто гвардейцы, а рыцари Феникса — кому же еще могут доверить такой важный пост?

Ли-фанне отчаянно захотелось попасть внутрь дворца. Если он снаружи так прекрасен,

то что же внутри?..

Внезапно у Ли-фанна перед глазами все поплыло. Девушка пошатнулась, упала. «Что это со мной?!» — последняя, паническая мысль. Потом Ли-фанна потеряла сознание.

— Эй! Ты жива? Меня слышишь?

Ли-фанна с трудом открыла глаза. Она была... где-то. Уж точно не на Звездной площади. Какая-то комната... Над ней склонился совершенно незнакомый паренек. На вид лет шестнадцать-семнадцать. Растрепанные пепельные волосы, светло-голубые глаза... Вроде ничего особенного — парень как парень, только вот чувствовалось в нем что-то непонятное, нездешнее...

Увидев, что Ли-фанна открыла глаза, незнакомец улыбнулся:

— Жива... уже хорошо. Говорить можешь?

— Кажется, да. Где я? Что случилось? — голос Ли-фанна был очень слабым.

— Подожди, пожалуйста. Тебя как зовут?

— Ли-фанна... Ли-фанна Лотье. А тебя...

— Эван... Аронский.

— Граф, что ли? — настороженно спросила Ли-фанна.

— Ну... почти.

— И все-таки — ты можешь мне объяснить: куда я попала? Что это за место?

Эван таинственно улыбнулся.

— Ну... можно сказать, что это мой дом. Ты как себя чувствуешь?

Ли-фанна уже совершенно ничего не понимала, как ей самой казалось, поэтому никак не отреагировала на первую его фразу, ответив только на вопрос:

— Нормально вроде. Голова только кружится... так что со мной было?..

— Ты в обморок упала. Прямо на площади. Хорошо, еще, я рядом был.

— Да уж... спасибо.

— Не за что. Так бы каждый поступил на моем месте. И часто у тебя так?

— Как «так»? — спросила Ли-фанна.

— Ну... Обмороки всякие.

— Со мной такого раньше вообще не было!

— Серьезно? — удивился парень, внимательно вглядываясь в глаза Ли-фанна. И что-то в выражении его лица было такое, чего девушка никак не могла понять. Больше всего это было похоже на смесь удивления и... страха. Непонятно откуда взявшегося страха.

— Знаешь... не нравится мне это все. Совершенно не нравится. Но вот что теперь делать...

Тут с лестницы на второй этаж, которую Ли-фанна поначалу не заметила, послышались шаги. В комнату спустился старик. Длинный, сухой, прямой, как палка, с абсолютно белыми волосами и усами. А вот глаза у него были яркие, лучистые, небесно-голубого цвета. Их было видно издали.

— Что, Эван, очнулась твоя «находка»? — спросил он.

— Да, Теллус. Ее зовут Ли-фанна. Ли-фанна, это Теллус.

Девушка только кивнула. Она все еще ничего не понимала. Что это за люди? Куда она попала?

Эван между тем подошел к Теллусу, что-то тихо сказал ему — Ли-фанна поняла только то, что говорит о ней. В ответ старик улыбнулся, ободряюще похлопал парня по плечу.

— Знаешь, я думаю, тебе стоит отвести ее к учителю Сойрену. Он точно скажет что-нибудь дельное.

— К учителю? — с сомнением переспросил Эван. — Ну, не знаю... неизвестно даже, захочет ли он меня выслушать... и здесь ли он вообще?

— Здесь, здесь, — заверил его Теллус. — Я сам видел его карету сегодня утром.

— Ну, раз так... — похоже, Эван все еще в чем-то сомневался. — А ты уверен, что надо идти прямо сейчас?

— А когда ж еще? Станный ты, Эван, чесслово.

Парень только вздохнул. Потом снова подошел к Ли-фанне.

— Ты встать-то можешь?

— Не знаю, — ответила Ли-фанна, осторожно приподнимаясь на локтях. У нее жутко кружилась голова, и казалось, что еще чуть-чуть, и она снова потеряет сознание.

Видимо, это ее состояние как-то отразилось на ее лице, потому что Эван нахмурился, повернулся к Теллусу. Старик только плечами пожал.

— Так мне хоть кто-нибудь объяснит, что тут происходит?! — не выдержала Ли-фанна. У нее складывалось впечатление, что все в этом мире знают больше, чем она.

— Увы, юная леди, — сказал Теллус. — Придется вам самостоятельно со всем разбираться.

Ну вот! Ее уже второй раз за два дня назвали «юной леди»... докатилась! И почему никто не хочет ничего объяснять?

Эван помог ей встать; она стояла, опираясь на его руку, и это было очень странно.

— Лучше б вам поторопиться, — сказал старик. — Не знаю, правда или нет, а слышал я, что Сойрен не сегодня — завтра собрался в горы.

— От кого это ты слышал, интересно? — удивился Эван.

— Да много от кого. Городок-то, в общем, маленький, — уклончиво ответил Теллус.

«Это наш Дарминор маленький! — мысленно возмутилась Ли-фанна. — «А какой же город тогда большой?!»

— Ну, идите, — поторопил старик. — Сейчас вам медлить нельзя...

Эван и Ли-фанна взглянули на него с нескрываемым удивлением. Неужели действительно абсолютно все взрослые Дарминора знают что-то такое, о чем говорить нельзя?..

...Когда Ли-фанна вышла на улицу, она едва не упала в обморок еще раз. Хорошо еще, что ее поддержал Эван.

— Ты как, сама пойдешь, или опять тебя на руках тащить? — насмешливо осведомился он.

— Сама дойду, — проворчала девушка. — Подожди, в каком смысле «опять»?

— А как, ты думаешь, я тебя сюда с площади приволок?

От такого заявления Ли-фанна аж остановилась. Этот мальчишка, что, носил ее на руках?! Вот ужас-то! Но она решила пока не заморачиваться с этим, и поспешила за Эваном. Голова стала кружиться намного меньше, что несравненно обрадовало девушку.

Они шли довольно долго. Шли молча — да и о чем было говорить? Ли-фанна просто глазела по сторонам, и, честно говоря, чувствовала себя глубокой провинциалкой. Прожить всю жизнь в Дарминоре и не бывать в центре! А по сравнению с центром восточная окраина — совсем уж деревня.

Где-то через десять минут они вышли на Звездную площадь.

— Ты что, вот столько нес меня на руках? — недоверчиво спросила Ли-фанна.

— Ага. Но ты не думай, ты не тяжелая, — усмехнулся Эван.

— Вот уж спасибо, — пробурчала Ли-фанна. Почему-то она не могла понять, как относиться к этому странному парню.

Потом Эван повернул на улицу, ведущую в родной район Ли-фанна. Девушка даже испугалась слегка, что придется вернуться домой, но нет. Их путь закончился намного раньше, примерно в пяти минутах ходьбы от площади.

Здание, перед которым остановился Эван, больше всего походило на средневековый замок. Вернее, средневековым его назвали бы в нашем мире, а на Листе он назывался драконовым — очень уж любили такие замки строить в эру Дракона. Странно было видеть такое здание в окружении самых обычных «грифоновских» домиков — двухэтажных, с большими окнами. Один из них был покрашен в темно-красный, другой же — в желто-оранжевый. Камни же, из которых был построен замок, оставались природного серого цвета. Окон было мало — или просто большая часть из них выходила на другую сторону — и они куда больше напоминали бойницы, чем окна. Входом в эту неприступную крепость служили здоровенные дубовые ворота, которые к тому же находились за массивной железной решеткой. Странное впечатление производило все это сооружение.

Эван подошел к этой решетке — чувствовалось, что он здесь, что называется, свой. Он спокойно постучал в ворота, просунув руку между прутьями решетки. В воротах сразу открылось маленькое окошечко, откуда выглянул сурового вида стражник:

— Чего надобно?

— Здравствуй, Микрос, — вежливо поздоровался Эван. — Это я.

— А... Эван пожаловал! Тебя вчера учитель искал, — добродушно отозвался стражник.

— Да, я знаю. Так, может, откроешь ворота?

— Конечно! Сейчас открою. Подожди, а это еще кто? Сам знаешь, не положено впускать кого попало!

— Да знаю, знаю. Это Ли-фанна, она тоже к учителю.

— Ладно, так уж и быть, входи. Не знал бы тебя, Эван, ни в жизнь бы не впустил! Когда уже ты станешь правила выполнять? — ворчал Микрос, гремя замком.

— И не надейся, — улыбнулся Эван, когда ворота были открыты. — Придется вам со мной мучиться.

Между тем стражник открыл замок и на решетке. Эван и Ли-фанна зашли внутрь и оказались в просторном внутреннем дворе. В общем-то, это была просто вымощенная камнями площадка. Сейчас там не было абсолютно никого, кроме стражника. Микрос внимательно оглядел Ли-фанну с головы до ног — Эвану он, конечно, доверял, но безопасность превыше всего.

Микрос совершенно не оправдывал своего имени — огромный, под два метра ростом, стражник в доспехах со странным гербом на груди. Впечатление он производил довольно устрашающее, если не знать его добродушного нрава. Хотя при взгляде на внушительного вида боевой топор, прислоненный к воротам, не возникало сомнения в том, что в случае чего он может быть использован.

Видимо, стражник счел, что Ли-фанна не может представлять особой опасности. Эван пошел дальше, вглубь двора. Ли-фанна, конечно, за ним.

— Что же, добро пожаловать в академию Феникса, — произнес Эван, когда они подошли ко входу в замок — к массивной деревянной двери.

Ли-фанна удивленно посмотрела на него.

— Академия Феникса?

— Место, где обучают будущих рыцарей Ордена. О нем мало кто знает.

— Зачем тогда ты меня сюда привел? И что это за учитель, к которому ты меня ведешь?

— Учитель Сойрен — наставник академии. Он один из лучших рыцарей Феникса, и... в общем, скоро сама все поймешь.

Эван уверенно открыл дверь, широкими шагами зашагал по замковому холлу. Ли-фанна еле поспевала за ним, пытаясь хоть как-то осмыслить все происходящее, и на ходу разглядывая замок.

Академия Феникса была и впрямь очень внушительной. Везде в ней чувствовалась средневековая, «драконовая» мощь. Практически никаких излишеств в интерьерах замка не было — только дерево и металл. Развешанные по стенам коридоров щиты с разными, иногда очень странными, гербами, за украшения и считать не стоило.

Замок был построен в виде ровного квадрата с отверстием-двором посередине. Так что в конце своего пути Эван и Ли-фанна оказались ровно над главными воротами.

— Здесь находится кабинет учителя Сойрена, — Эван показал на дверь, перед которой они стояли. — Честно говоря, мне не очень хочется туда заходить.

— А почему так? — поинтересовалась Ли-фанна, просто чтоб хоть как-то поддержать разговор.

— Ну... просто после всего, что я тут наворотил... не думаю, что учитель и дальше захочет видеть меня в академии, — парень вздохнул. Чувствовалось, что для него все это очень важно.

Ли-фанна взглянула на него с интересом:

— Так ты что, будущий Феникс?

— Не совсем... — замялся парень, не зная, что ответить.

— Эван?! — вдруг послышался звонкий девичий голос из коридора, ведущего влево. —

Это ты?

Они одновременно повернулись на голос. Эван радостно улыбнулся девушке, шедшей к ним, а Ли-фанна... она просто замерла на месте, потому что...

Это была Альнора!

Похоже, она не сразу узнала ее. Ну еще бы, она ведь смотрела на Эвана! Ли-фанна сразу прониклась к парню стойкой неприязнью. Но вот Альнора обратила внимание и на нее, и... она точно так же застыла, как вкопанная, а потом выдохнула:

— Ты?!!

— Вы что, знакомы? — удивился Эван.

— Ну еще бы! — возмутилась Альнора. — Знакомься — эта вот самая девчонка умудрялась отравлять мне жизнь на протяжении пяти последних лет!

— Вот как? А мне почему-то казалось, что все было с точностью до наоборот! — усмехнулась Ли-фанна.

Эван с интересом переводил взгляд с одной девушки на другую. Те же не обращали на него никакого внимания, меряя друг друга презрительно-подозрительными взглядами. И если бы взглядом можно было испепелить...

— Может, расскажешь, зачем ты ее сюда привел? — обратилась Альнора к Эвану, не сводя, впрочем, глаз с Ли-фанны.

— Сама посмотри! — совершенно неожиданно ответил он. Альнора пригляделась к Ли-фанне... ее глаза расширились от удивления.

— Понимаешь теперь?.. — произнес Эван.

Девушка коротко кивнула. А вот Ли-фанна вообще перестала что-либо понимать. Если уж и Альнора так на нее отреагировала... да что же с ней такое происходит?! Из-за чего она упала в обморок и что, что начало твориться с ней после этого?! Она не знала. Не могла понять. И от этого ей становилось страшно, хотя она и старалась этого не показывать.

— Учитель там? — спросил Эван, показывая на дверь кабинета.

— Да, — кивнула Альнора. На Ли-фанну она теперь старалась не смотреть. — Я тоже к нему, но... идите первыми, в общем.

— Тогда уж лучше вместе! — воскликнул Эван. Да, видно, ему очень сильно не хотелось идти к учителю.

— Ну ладно, — решила Альнора. Набрав воздуха в легкие, она постучала в дверь. Ответа не последовало. Девушка нерешительно потянула за ручку двери. Та легко поддалась.

Альнора зашла первой, Ли-фанна за ней. Эван шел последним.

Кабинет учителя Сойрена оказался большой и светлой комнатой. Главным источником света здесь было огромное окно, во всю стену. Из него открывался просто великолепный вид на южную часть Дарминора.

В самом кабинете, как и в коридорах, были деревянные стены. У одной из этих стен, правой, если смотреть от двери, был камин. Он был сложен из странных камней красного цвета. Именно из камней, а не из кирпичей. Над камином висела целая коллекция холодного оружия (кстати, оружия огнестрельного на Листе вообще не водится). Были там и мечи, причем всякие, и боевые топоры, и даже два копья... да много чего. Причем не вызывало сомнений, что все это оружие хоть раз в своей жизни, но использовалось.

У стены напротив стоял огромный шкаф со стеклянными дверцами. Большую часть места в нем занимали всяческие старинные книги.

Напротив окна стоял большой письменный стол. За ним сидел пожилой мужчина. Это и был учитель Сойрен. Увидев вошедшую троицу, он приветливо улыбнулся, встал со своего кресла. Эван и Альнора склонились в почтительных поклонах. Ли-фанна не знала, как вести себя в такой ситуации, но решила не кланяться. В конце концов, она не знает местных порядков.

Наставник академии Феникса оказался небольшого роста, несколько полноватым старичком. Ни усов, ни бороды у него не было, но были длинные и абсолютно белые волосы, собранные в хвост. Глаза у него были ярко-зеленые, добрые и улыбочивые. По этим глазам Ли-фанна сразу поняла, что учителю можно и нужно доверять. Одет наставник был несколько необычно: очень простой серый костюм и алая мантия сверху.

Когда Эван и Альнора наконец распрямились, учитель произнес:

— Итак... Эван Аронский, Альнора Вирт, и...

— Ли-фанна Лотье, — представилась девушка, глядя учителю прямо в глаза.

Казалось, наставник совсем не удивился ее приходу. Когда Ли-фанна назвала свою фамилию, он слегка нахмурился. Но длилось это всего мгновение, и в итоге девушка в итоге решила, что ей просто показалось.

Учитель Сойрен предложил им присесть на большой кожаный диван, стоявший рядом со столом. Ребята послушались.

— Ну что ж... — произнес учитель, словно собираясь с мыслями. — Мне прекрасно

известны цели вашего визита. И твоя, Эван, в том числе. Но с тобой я поговорю чуть позже. Альнора, начнем, пожалуй, с тебя.

Девушка неуверенно встала, подошла к наставнику. Тот внимательно посмотрел ей в глаза, удовлетворенно кивнул.

— Вспышки участились? — спросил он.

— Да, учитель. Особенно в вечернее время. Почти постоянно полыхает, — кивнула Альнора. Ли-фанна едва узнавала в ней ту строптивую красавицу, с которой они постоянно ссорились в школе.

— Не беспокойся, — улыбнулся учитель. — Это скоро пройдет. У всех так было. Можешь пока идти.

— Я лучше подожду Эвана. Если позволите, разумеется.

Наставник не стал возражать, и Альнора снова уселась на диван. Но Ли-фанна была просто уверена, что Альке интересно, что учитель скажет ей. А Сойрен, между тем, попросил ее подойти к нему.

Девушка послушалась. Она абсолютно не понимала, что ее сейчас ждет. Видя это, учитель ободряюще улыбнулся.

— Не переживай, Ли-фанна. Здесь тебе бояться нечего... и некого.

Он точно так же, как и Альноре минуту назад, заглянул ей в глаза. И что они все там такое видят?!

Поначалу лицо наставника ничего не выражало. Потом он помрачнел на секунду. Но тут же улыбнулся.

— Что же... отлично. Просто отлично. Похоже, в наших рядах пополнение. Что ж, этого и следовало ожидать.

— В ваших рядах? О чем вы?! Что со мной такое происходит?!

— Ты совсем ничего не знаешь? Впрочем, как раз это очень легко объяснить. Поздравляю тебя, Ли-фанна. Ты — алый сверхмаг.

— Я — кто?!

Ли-фанна практически лишилась дара речи. Она всегда, всю жизнь, была обычным человеком! Ходила, как и положено, на фехтование... а никаких магических способностей у нее ни в жизнь не было! И быть не могло! Ни мама, ни отец никогда не были магами, это уж она точно знала! А уж ни о каких «сверхмагах» она даже не слышала никогда!

— Сверхмаги, Ли-фанна — это, в общем-то, тоже маги, но их способности... как бы сказать... несколько иного уровня. Это довольно сложно объяснить... но ты сама скоро все поймешь.

— А почему я раньше не чувствовала этих... способностей? — Ли-фанна все еще не могла поверить в происходящее. — И потом, я впервые слышу об этих... сверхмагах!

— Ну, как раз в этом ничего удивительного нет, — улыбнулся учитель. — Мы не очень-то любим афишировать свое существование. Притом нас очень и очень мало. Можно сказать, что мы избранные.

— Вот уж спасибо! — фыркнула девушка. Никакой «избранности» она в себе не чувствовала. Ну вот ни капельки! — И с чего же видно, что я... сверхмаг?

В ответ учитель Сойрен протянул ей небольшое зеркальце. Взглянув на свое отражение, Ли-фанна замерла от ужаса и восторга. В ее глазах, обычно угольно-черных, сейчас плясали алые искры! Они были не очень яркими, сразу и не увидишь, но если вглядеться...

— Теперь ты сама все видела, — сказал наставник, забирая зеркальце. — Именно по

таким искрам сверхмага и можно узнать. Конечно, они светят не всегда. Но в моменты особого проявления силы...

— Но я совершенно не чувствую эту силу! — воскликнула девушка. — Не понимаю, чем я такая особенная?!

— Поверь мне, этого никто не понимает, — грустно улыбнулся учитель. — Эти способности... они либо есть, либо нет. Не в наших силах это изменить.

Тут в дверь кабинета кто-то постучал. Учитель — вот странно! — сам пошел открывать. Ли-фанна поспешила усесться обратно на диван. У нее в голове не укладывалось то, что рассказал учитель.

— Так значит, ты тоже?.. — тихо спросила у нее Альнора. В ее голосе даже не было обычной неприязни. Какие резкие перемены...

— Что «тоже»? — непонимающе спросила девушка, и только тут заметила в глазах одноклассницы такие же искорки. Только этого не хватало...

Тут вернулся учитель Сойрен. В руке он держал небольшой запечатанный конверт. Аккуратно вскрыв его, он достал оттуда листок бумаги и начал читать послание. Ли-фанна смогла разглядеть, что написано оно на каком-то совершенно незнакомом языке.

Видимо, известия, которые получил наставник, не очень его обрадовали. Он с тревогой посмотрел на троих подростков, сидящих на диване, а затем в задумчивости произнес:

— Не думал я, что все начнется так скоро... Но видно, другого выхода нет... — он опустил в свое кресло. — Итак, ребята... сейчас я хочу рассказать вам одну историю... она касается всех вас, в этом я даже не сомневаюсь.

Вы, безусловно, знаете, что через две недели здесь, в Дарминоре, пройдет грандиозный королевский фестиваль... на празднике соберутся послы со всех государств, все высокопоставленные чиновники Эфарленда... и именно в этот момент Легион готовится нанести решительный удар.

Эван нахмурился, Альнора тихо охнула. Ли-фанна же только недоуменно спросила:

— Легион?..

— Это тайный орден черных магов и воинов, укоренившийся на северных землях, — пояснил ей учитель. — Еще неизвестно, что именно они задумали, но это точно будет что-то, что поведет за собой ужасную катастрофу.

— Это все ужасно, но... при чем же тут мы? — спросила Альнора.

— К этому я и веду. Все дело в том, что двадцать пять лет назад один из мудрейших магов легендарной Цитадели... — наставник тяжело вздохнул, собираясь с мыслями, — изрек пророчество. Самое интересное заключается в том, что никто в точности не знает, о чем говорится в этом пророчестве. Но все, что нам известно, сводится к тому, что однажды появится группа великих магов и сверхмагов (мы даже не можем сказать, сколько их), и они смогут изменить все то, что сейчас происходит в мире. Точно известно только одно — «все начнется в новолуние»...

— А оно уже через две недели! — воскликнула Альнора.

— И не просто через две недели. Оно наступит именно в ночь фестиваля...

— А почему вы решили, что это именно то новолуние? — спросила Ли-фанна и вдруг поймала взгляд Эвана. По всей видимости, он думал о том же. — И при чем тут все-таки мы?

— Только при том, что прямо сейчас я чувствую в каждом из вас какую-то непонятную, особую силу... И эти неясные пока замыслы Легиона... они заставляют задуматься о том, что пророчество начинает сбываться...

Эван и Альнора непонимающе переглянулись. Ли-фанна вообще перестала что-либо понимать. Какое пророчество? Какой Легион? Какая Цитадель? Конечно, она знала о легендарной обители величайших магов и мудрецов мира, которая находится где-то на восточных землях Листа. Да и о «черной силе с севера» слухи доходили даже до Дарминора. Но чтобы все это было каким-то образом связано с ней?! Уму непостижимо! И откуда у нее может взяться какая-то там сила, когда она совершенно ничего магического, а тем более сверхмагического в себе не чувствует?!

— И что же нам теперь делать? — спросила Альнора.

— У нас осталось всего две недели. Медлить нельзя! Придется вам выяснить, что задумали маги Легиона, и попытаться остановить их. Поймите, мне и самому не нравится эта затея. Но другого выхода, похоже, нет. Придется вам отправиться в замок Эймар. Там живет один мой хороший друг. Он вам поможет.

— Эймар? — переспросил Эван. — Но это ведь Клеренские земли! Северная пустошь...

— Именно, — кивнул учитель Сойрен. — А оттуда и до земель Легиона рукой подать.

— Вы хотите сказать, что нам придется войти на их земли? — охнула Альнора.

— Увы, но этого я не отрицаю. Но мне кажется, что вы с Эваном знаете уже достаточно, чтобы отправиться в такой трудный и опасный путь. А Ли-фанна... конечно, мне очень не нравится то, что твой дар только открылся... по-хорошему, тебе надо учиться и учиться... но времени уже почти не осталось. Но вы не думайте, что я отправлю вас совершенно одних. До замка вас проводит один мой очень хороший знакомый. С ним вы точно не пропадете.

Судя по выражению лица Альноры, это известие ее несколько успокоило. А вот Эвана, похоже, волновало совсем другое:

— Когда нам отправляться?

— Как можно скорее. Лучше всего прямо сейчас, — ответил наставник.

Эван с готовностью вскочил с места. Альнора улыбнулась — по всей видимости, такое поведение для парня было обычным.

— Подожди, — улыбнулся и учитель. — Отправитесь прямо сейчас. Но сначала выслушайте то, что я вам скажу.

Из города вам лучше выйти не через Северные, а через Восточные ворота. Там вас встретит мой знакомый.

Дальше... чем быстрее доберетесь до замка Эймар, тем лучше. Надолго нигде не задерживайтесь. Я убежден, что рано или поздно Легион узнает о цели вашего пути, и будет пытаться всячески помешать вам. Берегите себя! Ну, вот теперь ступайте. А ты, Эван, задержишься ненадолго.

Девушки вышли в коридор. Ли-фанна едва узнавала Альнору — непривычно тихая, скромная...

Алька с интересом посмотрела на нее.

— Вот уж не думала, что в школе есть еще сверхмаги... а уж что это ты... Ты откуда тут взялась вообще?

— Из дома сбежала, — нахмурилась Ли-фанна. Она не собиралась отчитываться перед этой девчонкой!

— Понятно, — кивнула Альнора. — А что там за драка вчера была? Мне вчера в школе Норика все уши прожужжала! Я так и не поняла ничего.

— Ну, подрались мы с ней слегка, — пожала плечами Ли-фанна. — Будет знать, как оскорблять мою семью!

— Все ясно. Это она тебя так? — она показала на ее забинтованную руку.

Ли-фанна только кивнула. Она поражалась происходящему. Когда они с Алькой в последний раз вот так, просто, говорили друг с другом? Обычно все ограничивалось взаимными оскорблениями.

Тут из кабинета учителя Сойрена вышел Эван. У него был несколько пристыженный вид.

— Ты как? — сочувственно спросила Альнора. — Все нормально?

Парень только отмахнулся.

— Пошли. До Эймара идти далеко. Неделя — минимум.

— Мы что, пешком пойдем? — изумилась Альнора.

— А ты как думала? В карете? Ни к чему нам привлекать лишнее внимание.

— Ну да, конечно. Если с нами пойдет эта, — Альнора показала на Ли-фанну, становясь похожей на саму себя, — то внимания и так будет предостаточно. Ладно, пойду, вещи соберу.

— Много не набирай с собой, — предупредил ее Эван. — пошли, подождем ее внизу, — обратился он к Ли-фанне.

— Ты с Алькой в одной школе учишься? — спросил он, пока они спускались.

— С Альнорой? Ну да. В одном классе.

— А... понятно. А сюда-то тебя как занесло? Вы ведь с восточных окраин?

— Да... сбежала я оттуда. Надоело все.

Он понимающе посмотрел на нее.

— Все равно мы сейчас туда вернемся.

Ли-фанна кивнула. Не очень-то ей хотелось возвращаться в родные края.

— А Альнора тоже тут учится? — спросила она. Встреча с одноклассницей в рыцарской академии порядком ее удивила. Неужели Алька собралась вступать в орден?

— Да, уже года три. Как у нее дар открылся... Понимаешь, тут не только рыцарей обучают. Учитель Сойрен сам сверхмаг, поэтому он и берет на обучение таких ребят.

— А ты? Ты тоже... сверхмаг?

— Нет, к счастью. Я просто маг, притом не очень-то сильный. Лучше, по-моему, мечом помахать по-хорошему, чем заклинаниями бросаться.

— А я даже мечом махать не умею, — вздохнула Ли-фанна, вспоминая недавнюю драку с Норикой. И что на нее тогда нашло? — Вернее, как раз махать им я умею...

— Научим, — сказал Эван.

В этот момент к ним присоединилась Альнора. Она была в простых черных брюках и темно-серой кофточке. На ногах — высокие ботинки со шнуровкой, примерно такие же, как у Ли-фанны. За спиной у нее висел небольшой рюкзачок. Сейчас она снова не была похожа на саму себя: обычно она ходила исключительно в юбках.

— Я готова, — сообщила она и обратилась к Эвану. — А ты домой не пойдешь?

— Все свое ношу с собой, — он похлопал по рюкзачку у себя за спиной. — А Теллусу учитель сообщит, куда я пропал.

— Ну, как знаешь. Выходит, нам сейчас к Восточным воротам? — спросила Альнора. — Там до моего дома рукой подать.

— Это хорошо, конечно, но давайте договоримся: ни к кому домой мы не пойдем, — сказал Эван.

— Да я и не собиралась. Я так, просто сказала.

Ли-фанна ее понимала. До ее дома от Восточных ворот тоже было совсем близко, хотя и подальше, чем Альноре. Примерно, как два раза до школы пройти. Но она домой не рвалась — в основном из-за этой самой школы. Эх, если б не вчерашняя драка...

Вспомнив о драке, Ли-фанна подумала: Странно, что Альнора даже не вспомнила про историю с «революционеркой». В школе она бы то и дело напоминала со злорадной ухмылочкой.

Трое ребят пошли дальше по улице, ведущей на восточную окраину. Ли-фанна с интересом рассматривала город. Во время своего ночного побега она многое не увидела, да и при свете дня улица выглядела совершенно иначе. Чем дальше от центра, тем больше город уступал место деревне. Ярко раскрашенные двух- и трехэтажные домики постепенно сменялись маленькими светлыми одноэтажками. Постепенно яркие домики, которые построили совсем недавно, на месте разрушенных последней войной, исчезли совсем.

— Я тут раньше не был, — сказал Эван, с интересом оглядываясь по сторонам. — Это уже не город, по-моему. Деревня какая-то...

— Город, город, — обиженно произнесла Альнора.

Они подошли к родной школе Ли-фанны и Альноры. Еще совсем чуть-чуть, и будут Восточные ворота. И до дома тут рукой подать... Странно, но Ли-фанна совершенно перестала волноваться. У нее появилось странное ощущение, что вот сейчас все происходит именно так, как должно быть.

Все бы ничего, но около школы — вернее, в близлежащем переулке — Ли-фанна заметила Мифьола. Бывший друг смотрел прямо на нее. Девушка поняла: она должна с ним поговорить и сказать этому предателю все, что она о нем думает.

Эван и Альнора были увлечены каким-то своим разговором, и на Ли-фанну практически не обращали внимания. Она отстала от них и подошла к Мифьолу.

— Ты теперь с Алькой? — с места в карьер спросил он. — Не ожидал от тебя.

— Да и я не ожидала. От тебя.

— Ты про тот случай? Да я же...

— Предатель ты!

— Да нет же! Я, может, специально с Алькой согласился, чтоб она от тебя отстала.

— Конечно. Сейчас что угодно можно говорить! А вчера в школе ты ко мне даже не подошел! А я, между прочим, тебя видела!

Он вздохнул, не зная, что сказать. И что-то в его глазах было такое... В конце концов он спросил:

— Ну а ты? Ты-то что здесь вместе с Алькой делаешь? Куда ты опять пропала?

— А вот это уже мое дело. И, кстати, можешь всем рассказать, что я сбежала.

Ли-фанна резко развернулась и пошла догонять Эвана и Альнору. Мифьол в растерянности остался стоять на месте.

— Ты где была? — спросила Алька, когда Ли-фанна присоединилась к ним с Эваном.

— Задумалась. Отстала. Извини, — ответила девушка. Настроения после разговора с Мифьолом у нее не было почти никакого.

Алька с подозрением прищурилась — ясное дело, не поверила. Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

До Восточных ворот Дарминора оставалось минут пять хода. Ли-фанна до этого никогда не покидала пределов Дарминора. Но она не волновалась. Никакого страха не было.

Наоборот, было ей очень интересно.

— Интересно, что это за «знакомый», который нас там встретит? — вслух подумала Альнора.

Ли-фанне это, конечно, тоже было очень интересно, но свои мысли она никогда вслух не высказывала. Хотя перспектива познакомиться с настоящим рыцарем Феникса (а в том, что это будет рыцарь, она почему-то даже не сомневалась) была ей очень интересна.

Но вот, наконец, они дошли до Восточных ворот. Стена, которой был обнесен Дарминор, здесь была совсем невысокой. Ли-фанна никогда не понимала, зачем нужна эта стена. Раньше — понятно. В эру Дракона на город постоянно нападали. Стена служила какой-никакой защитой. Сейчас ее уже два раза перестраивали (во всяком случае, здесь, на востоке), и, кажется, уже хотели совсем разобрать. А ворота, как были, так и остались — огромные, каменные, неприступные. Живое напоминание о временах, когда на Дарминор совершались набеги, город пытались взять приступом, и не раз. Но не смогли. Никому так и не удалось прорваться за стену. А теперь за воротами фермерские угодья, и о страшных войнах, бушевавших здесь 70 лет назад, ничто не напоминает. Кроме Восточных ворот.

Интересно то, что у Восточных ворот, в отличие от остальных выходов из города, не было стражи. Причем не только сегодня, а вообще никогда. Может, поэтому учитель Сойрен и отправил их сюда?

Около самих ворот стоял человек. Когда Ли-фанна его увидела, у нее чуть дар речи не пропал. Она ожидала увидеть кого угодно, но только не его. Потому что... потому что это был Рэй! Рэндиан Меннерс собственной персоной! Ну если уж и Рэй как-то связан со всем этим...

Он стоял, пока не видя их, и задумчиво смотрел на что-то над воротами. Глянув туда, Ли-фанна ничего не увидела.

Вот он обернулся, увидел их, и улыбнулся — так радостно, что Ли-фанна сначала очень удивилась, а потом и сама обрадовалась.

— А я уж волноваться начал. Жду вас, жду, а вас все нет и нет, — сказал он.

— Эммм... Рэй? А разве ты... — начала Ли-фанна, пытаясь хоть что-то сообразить. Обращаться к Рэю официально: «господин Меннерс» у нее язык не поворачивался.

— Учитель Сойрен попросил меня помочь вам. До Эймара я с вами дойду. Но если вы идти будете с такой скоростью, то и за две недели мы до замка не доберемся. И, да, — он посмотрел на Ли-фанну, — спасибо, что Рэем назвала. Терпеть не могу всех этих «господ».

Ли-фанна понимающе улыбнулась.

Рэй решительно вышел за городские ворота. Эван и Альнора — за ним. Ли-фанна шла последней. Когда она прошла через ворота, по коже пробежал холодок, лицо словно закололи мелкие иголки, но как только она сделала следующий шаг, все прекратилось. Может, на воротах какая-нибудь магическая защита стоит? Она вдруг поймала на себе пристальный взгляд Рэя. Слишком пристальный. Неужели с ней опять что-то не то?

Впереди расстилались огромные поля, похожие на моря; где-то между ними петляла дорога. А позади остался Дарминор с его шумом, суетой, людьми, магами, лошадьми, каретами, домами, замками — и четверым путешественникам казалось, что все это осталось где-то очень далеко. Правда, они и сами пока не знали, что им так кажется.

Глава 3

III. Лист. Эфарленд. Где-то между Дарминором и Клереном. Ли-фанна. Эван. Альнора Рэй.

Поле. Поле. Поле. И снова поле. Одно сплошное поле. Золотое поле и голубое небо над ним. Красиво, конечно, но когда пейзаж не меняется на протяжении трех-четырёх часов, это жутко надоедает.

Было где-то три-четыре часа дня. Солнце, которое уже должно было, по идее начинать светить поменьше, жарило, как в полдень. Такого жаркого дня этим летом еще не было.

Единственным разнообразием среди всей этой желтизны были четыре человека — наши путешественники. Первым шагал Рэй, за ним Эван, а Альнора и Ли-фанна еле поспевали за ними.

— И почему фермеры не могли построить свою деревню хоть немного поближе к городу? — проворчала Альнора.

— Куда ж еще ближе? — удивился Рэй. — Если бы Трионвилль построили еще ближе к Дарминору, он бы вошел в состав города!

— Странное все-таки название для фермерской деревни — Трионвилль, — заметил Эван.

— Уж какое есть, — пожал плечами Рэй. — Деревня ведь с историей. А насчет расстояния, Альнора, не переживай. Скоро уже дойдем.

— Насколько скоро? — спросила Алька, которая устала гораздо больше остальных.

— Часа, может, через два... если с такой скоростью идти. Но к вечеру дойти однозначно надо.

Альнора тихо застонала. Ли-фанна, идущая позади нее, только головой покачала. Как Альнора может быть настолько неподготовленной физически, если она уже три года учится в академии Феникса?

Путники направлялись, как можно понять из их разговоров, в небольшую деревушку со звучным названием Трионвилль. Она располагалась где-то в двадцати дарминорских милях к северу от столицы[1], а живут там в основном фермеры, владеющие окрестными полями. Полей очень много, а фермеров мало. И как они со своими владениями управляют?

Через Трионвилль проходит самая короткая дорога от Дарминора до замка Эймар. Правда, других населенных пунктов на этой дороге нет... Но это в каком-то смысле было даже к лучшему — меньше задержек в пути.

До Трионвилля им действительно удалось добраться за два часа. Альнора к тому времени почти совсем выдохлась, Ли-фанна тоже заметно подустала. Эван с усмешкой поглядывал на девушек, хотя и ему непривычны были такие нагрузки. Рэю же все было нипочем: создавалось впечатление, что он совершенно спокойно прошел бы еще двадцать миль, и при этом не устал. Да так, наверное, и было на самом деле.

Деревенские ворота были открыты. Да-да, несмотря на то, что Трионвилль — маленькая фермерская деревушка, вокруг нее была возведена внушительного вида стена, а ворота охраняли сурового вида стражники. Неужели с драконовых времен здесь порядки остались?

Когда они подошли к воротам, один из стражников подозрительно взглянул на них и спросил:

— Кто вы, и что вам нужно в Трионвилле?

— Здравствуйте, многоуважаемые стражники! — начал Рэй. — Мы, в общем-то, никто. Простые путники, а в деревню вашу направляемся, чтобы переночевать и пополнить кое-какие запасы.

— А куда направляетесь, если не секрет? — поинтересовался второй стражник.

— Отчего же секрет? Вовсе не секрет. Идем мы из Дарминора, а путь держим на Пренельские земли, — ответил Рэй.

Земли Пренель расположены в западной части Эфарленда. Добираться туда из Дарминора значительно удобнее, чем до Клерена. Да и население в тех краях довольно большое, так что нет ничего удивительного в том, что кто-нибудь туда направляется. А вот Клерен — край безлюдный, вдобавок ко всему, о нем ходит немало странных легенд и жутковатых историй. Обычно только самые отважные из магов и рыцарей осмеливаются идти туда.

Такой ответ Рэя стражника, похоже, полностью удовлетворил.

— Ну что же, проходите, если так.

Четверо путешественников вошли в деревню и сразу оказались на небольшой площади. Видимо, по выходным и праздничным дням здесь устраивали рынок. Сейчас же там было пусто (хотя людей, конечно же, хватало), и только величественная статуя нынешнего короля возвышалась на площади.

— А красиво здесь, — заключила Альнора, осматриваясь вокруг. — Хотя у нас, в Дарминоре, намного лучше.

А вот Ли-фанне, наоборот, здесь, в Трионвилле, понравилось куда больше, чем в родном Дарминоре. Там все было очень спокойно и все-таки как-то по-столичному, несмотря на то, что восточный Дарминор — типичная деревня. А здесь было... свободней. Именно что свободней. Она пока не знала, как это объяснить, но чувствовала странную свободу, которой никогда не было в Дарминоре.

Площадь окружали небольшие, одно- и двухэтажные домики, совсем не похожие на «грифоновские» домишки в Дарминоре — те были ярко раскрашены в разные цвета. Здесь же они были очень простыми: деревянными, с каменными фундаментами.

От площади шли две широкие улицы, и одна совсем небольшая. Из этих трех улиц и состоит вся деревня.

— И куда нам теперь?.. — спросил Эван.

— Сейчас соображу... — сказал Рэй. — Давно я тут не был... Так. Вы тут подождите, а я скоро вернусь.

Он стремительно пошел по одной из больших улиц. Секунды через три Эван, воскликнув: «Подожди!», устремился за ним.

Ли-фанна и Альнора остались одни.

— Ну нормально! — возмутилась Алька. — Бросили нас! Умотали куда-то, а нам что делать?

— Придут еще, успокойся, — сказала Ли-фанна. Она все еще не знала, как вести себя с Альнорой. — Только мне все равно непонятно: при чем тут наш Рэй?

Алька сначала непонимающе на нее взглянула, но потом, кажется, сообразила:

— Он ведь у вас фехтование вел? Ну, мало ли... может, он тоже из Фениксов? Хотя нет, не похож.

— Вот и я о том же, — кивнула Ли-фанна.

Странно, но сейчас ей почему-то не удавалось сфокусировать взгляд на чем-то

определенном: ни на крышах домов, ни на брусчатке под ногами. Она снова не могла понять, в чем тут дело — уже в который раз за день, между прочим!

И вдруг в глазах потемнело, голова закружилась...

Через пять секунд Ли-фанна осознала, что лежит на земле. В обморок она, к счастью, не упала, в отличие от прошлого раза, но голова у нее кружилась очень сильно. Она поднесла руку ко лбу... да так ее и отдернула, потому что рука вдруг озарилась красным светом. Этот свет шел из ее глаз!

Альку она не видела — может, она ушла? И что ей в таком случае делать?

— Что с тобой? — вдруг послышался возглас где-то над головой Альнора! Это был первый раз, когда она рада была ее слышать. Правда, слышно было плохо — в уши словно ваты напихали.

Алька склонилась над ней. Ли-фанна закрыла глаза, но ей казалось, что жуткий свет пробивался и сквозь веки.

— Ого... — протянула Альнора, взглянув на нее. — Можешь не закрывать глаза, свет все равно видно.

Ли-фанна все-таки решилась открыть глаза, хотя ей и было ужас как страшно. Первое мгновение она почему-то видела все в красном свете, но затем все снова стало совершенно нормальным. Только свет из глаз никуда не исчез.

— Вставай, — Альнора протянула ей руку. — Да, дела... и что теперь с тобой делать?

Ли-фанна встала, опираясь на руку Альки. В ногах чувствовалась ужасная слабость, и голова стала кружиться еще сильнее.

Какая-то мимо проходившая женщина, увидев Ли-фанну, точнее, ее глаза, испуганно вскрикнула: «Одержимая!» Девушка испуганно вздрогнула, услышав это. Альнора сочувственно взглянула на нее.

— У тебя сильнее, чем у меня, — сказала она. Ли-фанна никогда не слышала у нее такого голоса. — У меня обычно просто вспышки, а у тебя вон какие прожекторы!

— И надолго это все? — обреченно спросила Ли-фанна. — Не хочется людей пугать.

— Не знаю. От тебя зависит. От силы твоей. У тебя это когда началось?

— Сегодня утром, — поежилась Ли-фанна. Ей становилось не по себе от всех этих косых взглядов, что бросали на нее местные.

Альнора взглянула на нее с непередаваемым удивлением.

— И уже вспышки такой силы? У меня становление дара уже заканчивается, а таких вспышек никогда не было! Надо тебе с учителем поговорить... или хотя бы с Рэем...

— Может, пойдём отсюда куда-нибудь? — предложила Ли-фанна. — Мне тут как-то, честно говоря, не нравится.

— Мне тоже. Но если Эван и Рэй сюда вернуться... А, ладно, пошли.

Девушки пошли по той же улице, что и Рэй с Эваном. Ли-фанна пыталась прикрыть глаза рукой, но свет все равно было видно. Яркого, рубинового цвета, он, казалось, освещал всю дорогу у нее под ногами. Альнора шла рядом, непривычно тихая. Она действительно сочувствовала ей. Она понимала, каково это, когда у тебя в глазах горит огонь сверхмагии.

Как назло, время было такое, когда на улице собирается пол-деревни. Судя по всему, Ли-фанне удалось напугать почти всех. Еще несколько человек кричали: «Одержимая!» Ну да, все правильно. Во всяких старинных сказаниях можно прочесть, что у человека, одержимого демоном из подземного царства Зентара, глаза полыхают огнем. Вот ее за такую и принимали...

— Нет, ну это не дело! — сказала в конце концов Алька. — Если мы и дальше будем так просто ходить, то мы просто всех тут распугаем. Надо Эвана с Рэем искать.

Но искать как раз никого и не пришлось. Где-то через две минуты бесцельного хождения девушек по улице Рэй и Эван просто вышли им навстречу откуда-то.

— А вы что здесь?.. — возмутился было Рэй, но потом поглядел на Ли-фанну. — Так... понятно все. Ничего себе, как светит!

— Это уже успокаиваться стало, — произнесла Альнора. — Поначалу полыхало так... не знаю даже, как сказать.

Рэй только кивнул, внимательно взгляделся в глаза Ли-фанны. Как там можно было хоть что-то увидеть, с учетом того, что алый огонь полыхал со страшной силой? Вопрос. Но видимо, ему удалось что-то увидеть, потому что он, прошептав несколько каких-то совершенно непонятных слов, прикоснулся рукой ко лбу Ли-фанны. От его руки по всей голове, а потом и по всему телу стала разливаться приятная прохлада. Алый огонь, охвативший, казалось, ее всю, постепенно потух.

— Спасибо, — произнесла она, когда Рэй убрал руку.

— Ты как это сделал?! — изумлено охнула Алька. — Я часами мучаюсь, чтобы их погасить, а ты...

— Уметь надо, — Рэй пожал плечами. — Так, мы ведь не собираемся всю ночь тут стоять? Идемте скорее, а то скоро уже стемнеет.

Они зашли в здание, оказавшееся деревенской таверной. Одновременно она была и гостиницей.

В просторном, полутемном зале было немного народу, что не могло не порадовать Ли-фанну. Не любила она все эти массовые сборища, тем более, в ее нынешнем состоянии... а вдруг огонь в глазах вспыхнет снова? Ли-фанна удивлялась сама себе — еще сегодня утром она была совершенно обычной девушкой, человеком без магии. Ей хотелось перемен, чего-то нового, интересного, настоящего. И вот, пожалуйста — оказалась сверхмагом. Ушла из родного города, идет теперь в какой-то непонятный замок Эймар... и ни разу не поссорилась с Альнорой! И все за один день!

Рэй тем временем успел поговорить с хозяином таверны, и вернуться к ним. Он протянул Альноре маленький ключик.

— Это от вашей с Ли-фанной комнаты. Где она, думаю, разберетесь. Завтра выходим, как только рассветет. Надо через поля пройти, а это довольно долго. Так, вы тут осваивайтесь, а я пошел.

Рэй вышел из таверны. Трое ребят остались стоять посреди зала в полном замешательстве.

— И куда он?.. — спросила Альнора после минутного молчания.

— Если б я знал... — развел руками Эван.

— А он разве ничего тебе нее говорил? — Алька нахмурилась. — Ох, не нравится мне все это... Что делать-то будем? Я лично в комнату пойду — устала, аж жуть!

— Я, наверное, тоже, согласилась Ли-фанна. — Не хочу тут лишний светиться. В прямом смысле.

— А я, честно говоря, не знаю, — сказал Эван. — Может, я еще тут посижу. А вы идите.

Девушки не стали больше задерживаться. Свою комнату они отыскали без труда — по номеру, выгравированному прямо на ключике.

Комната оказалась на третьем этаже — в таверне-гостинице было три этажа, что делало

ее одним из самых высоких зданий в деревне.

Комната была небольшой, но светлой. Там стояли две кровати, два прикроватных столика, шкаф, стол, да два стула. Даже уютно, что странно для деревенской гостиницы.

Ли-фанна сразу же в изнеможении плюхнулась на одну из кроватей. Сил снова совсем не осталось. Альнора подошла к окну, и, опираясь руками о подоконник, долго смотрела на деревню.

— Так странно... — сказала она в конце концов. — Еще утром я была в академии и даже не думала, что придется куда-нибудь уйти. А теперь я в какой-то деревне, о существовании которой даже не подозревала! Никогда не была так далеко от дома...

— Я тоже, — тихо сказала Ли-фанна. — Я вообще из Дарминора никуда не уезжала и тем более не уходила.

Альнора посмотрела на нее так, словно только что вспомнила о ее существовании.

— А знаешь, — задумчиво произнесла она. — Ты, оказывается, вполне нормальный человек.

— Да и ты тоже...

Ли-фанна не знала, о чем можно говорить с человеком, с которым на протяжении пяти лет ее ничего не связывало, кроме ссор и скандалов. Альнора, похоже, испытывала похожие чувства.

— Ты из-за Норики сбежала? — спросила она в конце концов. — Из-за этой драки?

— Наверное, да, — ответила Ли-фанна. — Просто извиняться перед ней...

— Понимаю. Но, учитывая ее фамилию...

Опять фамилия! Да что такое с этими Эрлисами, что их все боятся?

— А я вот не понимаю! Если она Эрлис, то ей что, все можно? Глупость какая-то!

— К сожалению, именно так... С такими, как Норика, лучше дружить. Или хотя бы притворяться, что дружишь. Поймешь еще.

— Что-то я не припомню, чтобы ты притворялась, что дружишь с ней. Скорее, наоборот — она ни на шаг от тебя не отходила. Скажи, только честно: ты говоришь мне все это только потому, что я тоже сверхмаг?

— Не знаю. Может, и поэтому. Мне надоело ссориться, Ли-фанна, — неожиданно произнесла она. — Норика — просто глупая и подлая девчонка из богатой семьи, и я даже говорить о ней не хочу! И раз уж нам придется всем вместе идти к Эймару, а потом и на земли Легиона... давай хотя бы перемирие заключим?

Ли-фанна и сама хотела предложить нечто подобное. Но слышать такое от Альноры было по меньшей мере странно — ведь обычно именно она начинала все ссоры.

Вдруг у Альки в глазах полыхнула ослепительно-алая вспышка. Аккуратно придерживаясь за подоконник и за стену, девушка села на кровать, обхватила голову руками.

— Только не сейчас... — простонала она.

— Что с тобой? — испуганно спросила Ли-фанна, подходя к ней.

— Все нормально... сейчас пройдет. Это все дар, будь он неладен! Пока не установится нормально, так и будет сверкать каждый вечер...

— Это больно? — спросила Ли-фанна. Ей впервые в жизни было жаль Альнору, более того — она впервые в жизни ее понимала.

— Нет. Просто... слабость. Эти вспышки... они вытягивают магию. У тебя было так же. Причем чем дальше, тем хуже.

— И долго у тебя так?

— Три года. Как дар открылся, так и... но это у всех по-разному. У кого как дар становится будет. Мне уже лучше, не переживай, — она слабо улыбнулась. — Так что? Насчет перемирия?

— Знаешь... я согласна. Мы все здесь в одной лодке. Идти придется всем вместе, а всем и так несладко. И, в конце концов, мне тоже надоели все эти ссоры. Мир.

И девушки радостно пожали друг другу руки.

(13 дней до новолуния)

Ли-фанна проснулась ни свет ни заря — в половине пятого утра. Солнце еще только раздумывало, стоит ему вставать, или лучше подождать. Но где-то на востоке краешек неба уже начинал светлеть.

Она медленно села на кровати, провела рукой по растрепавшимся волосам, не зная, что делать. Вставать или нет? Наверное, лучше встать. Рэй сказал, отправимся с рассветом, а он уже совсем скоро...

Девушка вдруг заметила, что Альнора тоже не спит, а смотрит на нее сонным взглядом.

— Не спишь?

— Проснулась, — Алька тоже поднялась. — Ну что, давай вставать?

— Давай.

Ли-фанна встала, подошла к зеркалу, висевшему над столом.

— Ну и вид у меня! — с досадой произнесла она.

Из зеркала на нее смотрела не выпавшаяся, усталая девушка с черно-зелеными волосами, свисающими на лоб. Темно-красная кофточка и неизменные черные брюки были еще в более-менее нормальном состоянии, но долгий путь им на пользу явно не пойдет. Со вздохом Ли-фанна достала из своей сумки расческу, чтобы хоть чуть-чуть привести себя в порядок.

— Ты-то еще ладно, — «успокоила» ее Альнора. — А вот я...

По мнению Ли-фанны, Альнора даже сейчас умудрялась быть красивой, тем более что теперь она не рисовалась. А на свой внешний вид она в конце концов решила наплевать.

— Тебя ждать? — спросила она у Альки.

— Нет, спасибо. Я чуть позже приду.

— Как скажешь.

Выходя из комнаты, Ли-фанна снова взглянула в зеркало, и вдруг остановилась. Что-то не то было с ее отражением. Приглядевшись внимательнее, она поняла: в глазах снова сверкали рубинового цвета искорки. Она сразу почувствовала слабость, которую раньше не замечала.

— С тобой все в порядке? — спросила Алька.

— Да... да, все хорошо.

Ли-фанна вышла из комнаты, прихватив с собой сумку. В обморок она больше падать не собирается. И что это за дар такой, который вытягивает силы? Но она больше не покажет никакой слабости. Неизвестно, сколько еще идти придется, а если она будет каждые полчаса падать в обморок... Нетушки, не надо ей такого счастья! И Рэю с Эваном лишняя обуза не нужна. Хватит и Альноры с этим... как его... становлением дара. Все равно неправильно как-то...

Нет, она не считала Альку обузой. Совсем не считала. Просто этот очень странный дар значительно замедлял скорость продвижения.

Она спустилась на первый этаж, в таверну. Рэй и Эван, как она и ожидала, уже были там. Кроме них, в зале сидели еще трое стражников, которым, видимо, нечего было делать на дежурстве.

— Доброе утро, Ли-фанна, — улыбнулся Рэй, когда она села рядом с ними.

— Доброе. Только это скорее ночь, чем утро, — сказала она.

— Утро, к твоему сведению, начинается тогда, когда восходит солнце. А оно почти взошло. Значит, сейчас почти утро, — с учительской интонацией изрек Рэй.

— А где Алька? — спросил Эван.

— Сказала, что сейчас придет. То есть, по твоей логике, зимой утро начинается часов в девять? — спросила она у Рэя. — Тогда получается, что зимой все люди работают и учатся еще ночью?

— Получается, так, — кивнул он.

Странно, но этот разговор ни о чем их всех успокоил и помог настроиться на долгий путь.

Алька пришла минут через пять.

— Доброе утро, — сказала она.

Ли-фанна заметила, что одноклассница выглядит встревоженной. Но остальные, похоже, этого не замечали, и она решила ничего пока не спрашивать.

Быстро позавтракав, четверо путешественников вышли из таверны.

— И куда нам теперь? — спросил Эван.

— Через поля, в сторону Клерена. Сегодня надо до Черного леса дойти, — ответил Рэй. — Там миль двадцать-двадцать пять будет.

Услышав эту цифру, Алька тихо застонала, Эван же переспросил:

— Черный лес? Тот самый?

— Именно, — подтвердил Рэй. — Это самый короткий путь до Клерена. Повезет, доберемся до замка за пять дней. А ты, Аль, не стони. Привыкай. Двадцать миль — это еще нормально.

— Почему мы живем не в Оримане? — с несчастным видом спросила Альнора.

Рэй весело покачал головой. Эван как-то странно улыбнулся.

— Так, хватит нам уже здесь стоять, — сказал Рэй. — Если я правильно помню, нам нужно... туда.

Он махнул рукой куда-то влево. Ли-фанна, глядя на него, усмехнулась.

— Если ты правильно помнишь?

— Просто я тут не был уже лет пять, — развел руками Рэй.

И они пошли в ту сторону, куда он показал.

Надо сказать, что Трионвилль, хотя и считается маленькой фермерской деревушкой, все-таки довольно большой. Наверное, маленьким его считают по сравнению с Дарминором — вот уж какой город по-настоящему огромный!

Всего в Трионвилле три главные улицы — две большие и широкие, и одна узенькая — вернее будет назвать его переулком. А соединяются они между собой просто бесчисленным количеством узеньких улочек, переулков и даже просто тропинок. Из деревни даже выходов два — южный, через которой путешественники вошли в Трионвилль, и северный, куда они и направлялись.

А чтобы дойти туда, нужно было пройти через всю деревню, причем не по главной улице, а именно переулками. Северные ворота в Трионвилле считают даже не входом, а...

просто постом стражи.

— Почему тут так много стражников? — удивилась Ли-фанна, когда они прошли где-то полпути. — Деревня вроде фермерская...

Действительно — слишком уж много дежурных встречалось им по пути. Практически на каждом углу им встречались солдаты, обходящие деревню, и каждый считал своим долгом смерить их подозрительным взглядом.

— Фермерская-то фермерская, да только тут еще с эры Дракона военная база была, — объяснил Рэй. — Дарминорская армия генерала Ральфия — слышали? Она именно тут и стояла. И битва Дарминорская была совсем недалеко отсюда. А после битвы тут разбойников развелось — ужас! И поэтому, когда армия с этого места снялась, небольшой отряд остался. Построили казармы и помогали местным. Так до сих пор и осталось.

— А разбойники? — как бы невзначай поинтересовалась Альнора. — Остались?

— Не думаю, — улыбнулся Рэй. — Это ведь давно было. Сейчас уже поля кругом. А вот в Черном лесу много кого можно встретить...

Алька чуть заметно вздрогнула. Ли-фанне тоже стало не по себе, но она старалась не подавать виду. И чего она с ними пошла? Поверила учителю Сойрену, что у нее какой-то особый дар, что она избранная... Может, лучше было вернуться домой? Хотя после драки с Норикой в школу ей путь заказан. А значит... Нет! Все, решено! Хватит уже метаться. Это ее путь, и она пройдет его, несмотря на все трудности.

Примерно такие мысли одолевали Ли-фанну, когда они дошли наконец до северных ворот. Стражники, стоявшие там на посту, пропустили их без вопросов. Нелюбопытные попались. Или просто спать хотели.

Солнце все-таки решило подняться, но чуть позже. Но все-таки оно уже наполовину проснулось и волей-неволей начинало освещать землю. Правда, освещать было особо нечего: сразу за воротами начинались поля, которые тянулись, насколько хватало глаз. Поле и небо — и больше ничего. И так целых двадцать миль...

Сегодня они шли намного веселее. Началось все с рассуждений Эвана:

— Если Дарминорская битва была совсем рядом, а армия Ральфия стояла в Трионвилле, то где была армия этого... Бостий-Усса? И почему про это никто ничего не знает? Во всяком случае, не говорят?

— Да вроде все, кому надо, про это знают, — оглянулся на него Рэй, который опять шагал впереди всех. — Просто некоторые слушать не умеют.

Эван пропустил это мимо ушей. Рэй продолжил:

— А армия маршала Бостий-Усса стояла под Черным лесом. Мы туда и идем. Насмотришься еще на исторические места.

Рядом с лесом раньше деревенька была... не помню уже, как она называлась. В общем, Бостий-Усс ее героически занял и разбил там свой лагерь. А вскоре после битвы деревня взяла и сгорела. До сих пор никто не знает, именно. Кто-то думает, что это случайность, кто-то — что ее солдаты Ральфия сожгли, еще кто-то вообще считает, что деревенские сами ее сожгли, чтоб героически уничтожить врага. Но мне больше нравится версия, что это сам маршал ее сжег. От разочарования. И из-за этого пожара армия была вынуждена отойти назад, к северу.

— Вот молодец маршал! — улыбнулся Эван. — Как он Ральфию-то помог! И битву проиграл, и позиции сам сдал!

— Да, помог он защитникам Дарминора, по-другому не скажешь, — кивнул Рэй. — Не

насчет этой несчастной деревни... есть еще одна версия, самая мрачная, но самая правдоподобная... правда, немногие в нее верят... сверхмаги в основном... В общем, существует мнение, что это дело рук Легиона. Якобы они поддерживали Бостий-Усса, но он не оправдал их ожиданий, проиграв битву. Вот они и отомстили.

Некоторое время они шли молча. Да и что тут скажешь? Будто бы мрачная тень Легиона нависла над ними. Жутко... Ли-фанна не могла понять не могла понять, отчего само слово «Легион» повергает ее в такой ужас. Но ужас определенно был.

— А на месте деревни хоть что-нибудь осталось? — поинтересовался Эван.

— Развалины остались. Говорят, там даже призраки водятся. По ночам завывают...

— Эммм... мы ведь к этим развалинам не пойдём? — похоже, слова Рэя о призраках не на шутку испугали Альнору. — Нам ведь туда не надо?

— Ты что, призраков, что ли, боишься? — насмешливо поглядел на нее Эван. — Эх ты! Я бы на эти развалины посмотрел! Вот, Ли-фанна, ты призраков боишься?

— Еще чего! Мне тоже интересно, что там за развалины, тем более с призраками.

Конечно, ей было интересно. А как же иначе? Ведь где-то совсем недалеко отсюда бесследно исчез ее отец...

Когда это случилось, ей было всего восемь. Иринке пять. Прошло уже семь лет... Она уже почти не помнила отца, как это ни странно. В памяти остались только его глаза — добрые, лучистые, изумрудно-зеленые. И эти глаза всегда улыбались, когда он смотрел на них с сестренкой. Или на маму. Особенно на маму.

Он всегда любил историю. Это тоже сохранилось в ее детской памяти. Не проходило и дня, чтобы он не рассказал что-нибудь интересное. А рассказывать он умел так, что заслушивались абсолютно все. Он как будто сам видел все то, о чем рассказывал. Иногда даже соседи приходили к ним, чтобы послушать отца.

Но особенно он интересовался эрой Дракона. В особенности войной за Эфарленд, которая завершилась всего семьдесят лет назад, а продолжалась целых восемнадцать лет. Именно во время этой войны и произошла Дарминорская битва...

...И именно Дарминорская битва так интересовала отца семь лет назад. В год, когда он исчез...

Единственное, что Ли-фанна знала о его исчезновении — то, что рассказывала ей мама. Но кое-что о том времени она помнила и сама. Например то, что тогда они с Иринкой жили у соседки, мамы Алана — Аниры. Где были родители, и почему они оказались в Черном лесу, она так и не знала.

Они были не одни, но кто еще был с ними, она тоже не знала. А исчез отец очень просто и внезапно — ушел в лес и пропал. Все говорили маме, что он погиб, и искать его совершенно бессмысленно. И, кажется, мама даже смирилась... но Ли-фанна знала, что она всегда продолжала любить отца и ждать его. Всегда. Не смотря ни на что. Она просто не могла поверить в то, что он погиб.

И вот сейчас она так близко от того самого места... это было очень странно, но ей даже хотелось туда попасть. Опять же, это упоминание о призраках... Нет, нужно верить в то, что папа жив! Хотя бы надеяться...

Солнце уже твердо решило побороть свою лень и встать. Было где-то шесть утра. Поля из серых постепенно превращались в золотисто-розовато-оранжевые. Примерно таким же было и небо на востоке. К западу же оно постепенно темнело. На севере — то есть там, куда

направлялись наши путешественники — оно было промежуточного, какого-то даже зеленоватого цвета. Ли-фанне редко доводилось видеть такое странное и красивое зеленое небо. Оно было прямо над ними, и, казалось, указывало им путь.

Некоторое время все молчали. Каждый думал о своем. Ли-фанна размышляла об отце. И на душе было так грустно...

...Но когда солнце окончательно взошло и стало совсем уж светло, грустить как-то сразу расхотелось.

Рэй снова начал рассказывать что-то про славного маршала Аррильской армии Бостий-Усса. Ли-фанна слушала вполуха, и почти ничего не запомнила. Но рассказывал Рэй увлекательно (хотя, конечно, до отца Ли-фанны ему было очень далеко) и явно что-то смешное: они с Эваном то и дело начинали весело хохотать. Альнора только изредка улыбалась. Она шла немного впереди Ли-фанны, и явно была не расположена к общению. Ли-фанна же просто шла и смотрела по сторонам, думая ни о чем и одновременно обо всем сразу.

Эх, хорошо вот так просто идти, ни о чем серьезном не задумываться, и вообще наслаждаться жизнью! Но, к сожалению, это возможно только тогда, когда миру не грозит опасность со стороны банды каких-то совершенно ненормальных волшебников. То есть, по-настоящему расслабиться Ли-фанне не довелось, хотя она и не верила в какую-то там мировую угрозу. Еще позавчера она жила в совершенно нормальном мире, в котором все было понятно: мама, сестра, школа, скандалы с Альнорой, дружба с Мифьолом... до недавнего времени. И совершенно никакой магии! Вот просто ни-ка-кой! А тут выясняется — она какой-то там алый сверхмаг, Алька на самом деле нормальный человек, Рэй... с ним вообще ничего не понятно. Эван, академия Феникса, сверхмаги, Легион... жизни перевернулась с ног на голову за какой-то день. Неужели еще три дня назад она совершенно спокойно могла сидеть в своем секретном уголке у подножия Бронзовой горы и рисовать, не думая о мировых угрозах? А теперь...

Они шли так, наверное, еще часа три. Кому-то может показаться, что это мало: Эвану с Рэем казалось именно так, а вот Алька с Ли-фанной взбунтовались и потребовали устроить привал. Вернее, потребовала одна Альнора...

Казалось бы, где можно устроить привал, когда кругом одно сплошное поле? А оказалось, можно, потому что поле было не везде. По правую руку от них, прямо посреди поля стояло довольно высокое, ветвистое такое дерево в окружении зеленой травы. И откуда оно только взялось?

Они подошли туда — теперь Алька была впереди всех. Она улеглась прямо на траву, закрыла глаза, и с удовольствием произнесла:

— Это счастье!

— Счастье-то счастье, но как-то странно, — сказала Ли-фанна, усаживаясь рядом. Она прислонилась спиной к дереву, скрестила ноги по-турецки (вернее, это у нас сказали бы, что по-турецки, а на Листе такого слова нет). — Откуда здесь такая полянка взялась?

— Она тут всегда была. Фермерам дерево жалко было, — ответил Рэй.

Ли-фанна в очередной раз удивилась — чего только не увидишь в родном Эфарленде!

Как бы там ни было, полянка и дерево были просто великолепными: Ли-фанна сидела вроде бы в тени, но было так тепло, как будто солнце ничего не загораживало. Здорово! Так бы и сидеть там тихо-спокойно. Но не судьба...

Они отдохнули часа два. Солнце уже стояло почти в зените. Сейчас начнется самое

жаркое время — остаться бы на полянке под тенистым деревом чуть подольше, переждать жару, но Рэй твердо сказал: надо идти, чтоб быстрее добраться до леса.

— Тем более, лес уже совсем рядом, — говорил он. — Его даже видно отсюда!

Видно было даже не сам лес, а далекую голубую дымку.

— И сколько до него идти, до леса этого? — спросила Алька, разглядывая эту самую дымку.

— Да ерунда. Миль восемь примерно, — ответил Рэй.

Услышав это, Альнора со стоном улеглась обратно на траву:

— Я не дойду. Оставьте меня лучше здесь...

— Придется дойти. А то пророчество не сбудется, и мир захватит Легион, — улыбнулся Рэй.

Вроде бы он сказал это не всерьез, шутливо, но что-то в его словах чувствовалось такое... и что-то такое было в глубине его глаз... он знал, о чем говорит. И знал слишком хорошо.

И, чтобы Легион не захватил весь мир, пришлось идти дальше. Эх, чего не сделаешь ради спасения мира...

Теперь они шли немного медленнее — в основном из-за уставшей Альноры. Ли-фанна тоже начала уставать, но старалась этого не показывать. Ее до сих пор слегка пошатывало из-за искорок в глазах. Какой-то этот дар все-таки неправильный. Никакой пользы, кроме вреда, она от него еще не почувствовала.

Они шли уже около часа, когда впереди вдруг показалась чья-то фигура. Человек шел к ним навстречу. Когда он немного приблизился, путники смогли разглядеть, что это седовласый старец в белых, но уже порядком запыленных одеждах. В руках у него был посох — просто длинная, изогнутая вверху палка.

Поравнявшись с четверыми путешественниками, незнакомец остановился и приветливо произнес:

— Здравствуйте, путники!

— И тебе здоровья, почтенный странник! — ответил Рэй. — Далек ли твой путь?

— Далек, — кивнул старик. — Дорога моя лежит ко славным землям Нитриона, на юг. А вы далеко ли идете?

— Действительно, путь твой не близок. Но и наш далек. Мы держим путь на Пренельские земли.

— Да, Пренель далек отсюда, — незнакомец как-то странно посмотрел на них. — Держитесь друг за друга. Грядет время Левиафана, и в жарком бою вас спасет лишь осознание того, что вы не одни.

И он пошел дальше, ни сказав больше ни слова. Путешественники озадаченно переглянулись.

— И кто это был? — спросила Альнора. — И что все это значит?

— Поверь мне, я знаю не больше твоего, — Рэй покачал головой. — Ладно. Идемте дальше, а? Все равно никто ничего не понял.

Что же, пошли так пошли. Только у Ли-фанны из головы всю дорогу не выходили слова странного старика. Что это за «время Левиафана» такое, и как оно может близиться, если эра Грифона едва перевалила за четверть? И эта фраза: «осознание того, что вы не одни»... она звучала как-то странно. Очень странно. А больше всего пугало «в жарком бою». Им придется сражаться? С кем? С Легионом или с кем-то похуже?.. Все это было очень странно

и непонятно. Кажется, это было странное и непонятное событие за последние три дня. А это показатель...

...До Черного леса они добрались часа за полтора-два. Чем ближе они подходили к лесу, тем больше Ли-фанна думала об отце. Где-то здесь он исчез... И хотя в то время ей было уже восемь — вполне разумный возраст — она почти не помнит его. Она вдруг поняла, что не помнит даже его имени — даже мама никогда не называла отца по имени. Она вообще крайне редко о нем говорила. Интересно, помнит ли его Иринка?

Вспомнив о сестре, Ли-фанна совсем загрустила. Как она там? А мама? Они ведь даже не знают, где она...

— Ты чего? — спросила Альнора, видя ее настроение.

— Да так... вспомнила кое-что... — тихо ответила Ли-фанна.

— Нашла время! — фыркнула Алька, но посмотрела на нее с сочувствием.

Но вот, наконец, и лес. С первого взгляда на него Ли-фанна поняла, что полностью оправдывает свое название: несмотря на то, что стоял солнечный день, в лесу было темно. Очень темно. И, кажется, мертвых деревьев там было больше, чем живых...

— Эмм... а нам точно туда? — спросила Алька. Вид Черного леса и ее привел в некоторое замешательство.

— Туда, туда, — подтвердил Рэй. — Согласен, местечко не очень, да только через лес можно два дня пути срезать. А всяким слухам и легендам лучше не верить.

— Каким таким слухам? — насторожилась Алька, но Рэй не стал отвечать.

Судя по выражению лица Эвана, он знал, о каких слухах идет речь, но тоже не хотел говорить. Но в лес ему идти явно не хотелось.

Ли-фанна не знала, что чувствует, глядя на лес. С одной стороны, вид черных, высохших деревьев пугал ее, так что хотелось убежать куда-нибудь подальше. С другой же стороны лес притягивал ее, манил к себе... странное, ни на что не похожее чувство. Ей вдруг стало еще тяжелее твердо стоять на ногах. Неужели этот жуткий лес как-то связан с ее «даром»?

Даже Рэй не решался войти в лес, хотя понять, о чем он думать, по нему было совершенно невозможно.

...Черный лес встретил их холодом и темнотой. И тишиной. Мертвой тишиной.

— Почему мне не нравится это место? — спросила Алька, и вдруг, тихо охнув, схватилась за руку Эвана, идущего рядом с ней. В глазах у нее полыхнули алые вспышки.

— Что это со мной? — спросила она. Голос у нее был совсем слабым.

— Это все лес, — сказал Рэй, с тревогой глядя на Альнору. — Он усиливает магию. У тебя дар еще не установился, поэтому... Ты идти-то сможешь?

— Да, — кивнула она, — смогу, куда ж я денусь...

— Только сейчас мы все равно не пойдем никуда, — заявил Рэй. — Отдохнем пока что. Ли-фанна, ты как?

— Нормально, — отозвалась девушка, хотя она тоже еле стояла на ногах.

Они отдохнули, сидя на древесных корнях, высоко выпирающих из земли. Альке вскоре стало лучше. У Ли-фанны головокружение не проходило. Она уже начала привыкать к нему.

— Надо сегодня пройти еще немного, — сказал Рэй через некоторое время. — Надо найти более-менее безопасное место.

— А ты уверен, что в этом лесу такие есть? — с сомнением произнесла Ли-фанна.

— Есть конечно! Только их не очень много, и их сначала надо искать...

— И почему меня это не успокаивает? — тихо спросила Ли-фанна сама у себя.

Как же сложно идти по темному лесу, перепрыгивая через корни деревьев, которые выпирают из земли на каждом шагу! Приходится постоянно смотреть под ноги, а там ничего не видно, потому что темно. А темно, потому что кроны деревьев вверху так сплетались друг с другом, что ни один лучик света не мог пробиться через это сплетение наполовину высохших веток. В Черном лесу даже сама мысль о том, что где-то совсем недалеко отсюда стоит теплый летний день, и всюду светит солнце, казалась какой-то странной, даже глупой.

Чем дальше четверо путников заходили в лес, тем больше Ли-фанне казалось, что он состоит из четырех вещей: из этих страшных, переплетенных между собой деревьев — в этой части леса почти все они были мертвыми, высохшими... а еще — из темноты, тишины и холода. Здесь они были как нигде ощутимы, практически осязаемы. И это было страшно.

Единственным освещением в этом мрачном месте служили непонятые светящиеся грибы, которые росли прямо на деревьях, да гнилые деревья, которых было довольно много. Света они давали совсем немного, и был он тусклым, мерцающим, каким-то мистическим. Конечно, его не хватало, чтобы нормально осветить дорогу. После того, как Альнора третий раз запнулась об корень и чуть не упала на Эвана, она не выдержала:

— Можно хоть какой-нибудь свет где-нибудь включить? Собралась толпа магов, а огонек зажечь не в состоянии.

Эван быстро щелкнул пальцами — от его руки отделился маленький огонек, светившийся теплым желтым светом.

— Спасибо, — с благодарностью посмотрела на него Алька, и тут же запнулась в четвертый раз. Эван еле ее поймал.

Конечно, со светлячком, который неотступно следовал за ними, идти было намного легче. Но этот свет все равно не мог рассеять две составляющие Черного леса: холод и тишину. Ну и деревья, конечно же.

— Рэй... а ты раньше был в этом лесу? — спросила Ли-фанна.

— Да. Но это было уже очень давно. А что?

— Да так. Просто спросить хотела: этот лес... он всегда был таким?

— Да, насколько я помню. Во всяком случае, эта его часть.

— А почему так? — спросила Алька, которая уже почти перестала спотыкаться.

Рэй задумался. Задумался довольно надолго — видимо, не очень ему хотелось отвечать.

— Я лучше потом вам расскажу, — сказал он в конце концов. — Сейчас обстановка не очень располагает к таким разговорам.

...Сколько они так шли? В каком направлении? Ли-фанна не бы сказать. Она плохо помнила путь по Черному лесу. Помнила лишь, что было страшно, а голова кружилась тем сильнее, чем ближе они подходили к центру леса. Ей казалось, что безопасных мест здесь быть вовсе не может. И зачем она все-таки пошла куда-то вместе с совершенно незнакомыми людьми? Зачем ей это надо? Хотя почему же «совершенно незнакомыми»? Рэя она знала, и довольно давно... Да ну, глупость! Как же она его знала, если до сих пор не поняла, как он причастен к происходящему? Да и Алька... она ведь тоже раньше думала, что с ней все ясно! А теперь...

Безопасное место они искали довольно долго. Но, как это ни странно, нашли.

Это была небольшая полянка посреди леса. На ней росла живая, зеленая трава. А окружали полянку живые деревья. Это было странно и уже как-то непривычно. А самое главное — здесь деревья не переплетались, и было видно темнеющее вечернее небо.

— Все, — сказал Рэй, когда они вышли на эту полянку. — Дошли. Здесь заночуем, а с

утра снова пойдём.

Не успел он договорить, как Алька с тихим стоном: «Ура!», без сил упала на мягкую траву. Через пару секунд к ней присоединилась Ли-фанна. Слишком уж сильно кружилась голова. Эван на ногах ещё стоял, но видно было, что и он жутко устал. Рэю, похоже, все было нипочем. И как он так может — идти без усталости?

Потом Ли-фанна все-таки встала — на траве, конечно, мягко, да и сил стоять нет, но как-то это все-таки неправильно — вот так просто стоять и ничего не делать.

Но Рэй с Эваном сразу отправили девушек спать, а сами развели костер и просто сидели возле него.

Алька тихо посапывала возле костра. А Ли-фанне почему-то не спалось. Она лежала на мягкой подстилке из мха, и смотрела на огонь. Пару раз ей даже казалось, что она может разглядеть в пламени какие-то смутные фигуры, образы. Но эти видения быстро прошли.

— Ты чего не спишь? — спросил вдруг у нее Эван.

— Не знаю. Просто не спится, — ответила она. И куда только подевалась вся дневная усталость? — А вы сами-то чего не ложитесь?..

— Вас охраняем, — ответил Рэй. — Эван, ты тоже ложись, если хочешь, а я тут посторожу.

Парень действительно вскоре улегся спать — не железный все-таки, да и Ли-фанну постепенно одолел сон. Рэй же еще долго сидел, глядя в огонь и размышляя о чем-то своем.

[1] 1 дарминорская миля 1,5 км

Глава 4

Глава 4

IV. Лист. Эфарленд. Черный лес. Ли-фанна. Эван. Альнора. Рэй.

— Просыпайтесь! Скорее! На нас напали!

Ли-фанна резко открыла глаза. Такого голоса у Рэя она не слышала никогда.

Стояла уже глубокая ночь. Около погасшего костра стоял Рэй. Его взгляд был устремлен куда-то в лесную чащу, а в руках невесть откуда появился меч, сверкающий в свете луны, словно серебряный.

Ли-фанна перевела взгляд туда же, куда смотрел Рэй... и еле удержалась от того, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

Их было... много. Двое, двое, и еще трое — семеро. Семь фигур в черных плащах и черных доспехах. Лица закрывали блестящие черные шлемы. В руках у каждого — тяжелый длинный меч с каким-то странным черным клинком, который словно бы поглощал весь окружающий свет. Никаких магических приборов или артефактов ни у кого из них не наблюдалось, но у Ли-фанны даже сомнений никаких не возникло в том, что все они маги, и маги отнюдь не слабые.

Какая-то доля секунды потребовалась ей для того, чтобы понять, кто это такие. «Легион!» — выскочило в голове жуткое слово. Теперь она понимала тот ужас, который испытывала всегда при упоминании этого слова.

Эван и Алька еще не проснулись толком — Эван только поднимается. А семеро легионеров явно ждать не будут — того и гляди, нападут.

Она встала, хотела подойти к Рэю, но он знаком приказал ей оставаться на месте. Он кинул ей неизвестно откуда появившуюся рапиру. Ли-фанна ловко ее поймала. Оружие до странности удобно легло в ладонь. Это было как-то странно и непривычно...

Поднявшись, Эван мигом оценил обстановку, достал из-за пояса меч — конечно, не такой сияющий, как у Рэя, но вид у него был вполне устрашающий. Даже Алька, спасибо Рэю, вооружилась рапирой, похожей на ту, что была у Ли-фанны. Девушка явно была напугана, но между тем твердо стояла в боевой позиции. И когда только научилась, волшебница в десятом поколении? Хотя, она ведь была в академии Феникса...

— Четверо против семерых? — тихо произнес Эван. — Почему мне кажется, что тут что-то не то?..

— Потому что тут и есть что-то не то, — сказал Рэй, не отрывая взгляда от пришельцев. — Что вам надо здесь, воины Легиона?!

Его голос прозвучал подобно грому, но легионеры даже не пошевелились.

— Нам нужно не «что», а «кто», — ответил один из них, по-видимому, главный. — Нам нужны вот эти двое сверхмагов.

Он властным жестом указал на Ли-фанну и Альнору.

Алька в ужасе отшатнулась назад, и это послужило легионерам сигналом. Семеро воинов черными тенями метнулись к ним. Двое сразу кинулись на Рэя, и были встречены острием его меча. Трое кинулись на девушек, еще один бросился на Эвана. Последний — самый главный — остался свысока наблюдать за поединком. Хорош командир, чего уж говорить!

Ли-фанна и Алька встали бок о бок, пытаясь хоть как-то отразить атаки троих легионеров.

Они нападали почти одновременно, причем самым неожиданным образом. Удары градом сыпались со всех сторон, так что девушки просто не успевали их отражать. И попробуй отразить, когда один из противников целит мечом тебе в голову, второй явно намерен отрубить тебе руку с мечом, а третий тем временем отвлекает Альку серией быстрых колющих ударов? А если, к тому же, ты еще и с рапирой нормально обращаться не умеешь?.. Вот именно...

Девушки фактически оказались в окружении. Теперь они стояли спина к спине, наставляя острия клинков то на одного легионера, то на другого... И самое печальное было в том, что абсолютно некому было им помочь: Эван отчаянно бился со «своим» легионером, который был, казалось, вдвое крупнее его. Рэй же пытался как-то справиться сразу с двумя легионерами. Но положение дел у него было едва ли лучше, чем у Ли-фанны с Альнорой.

Как же все это было непохоже на драку с Норикой — единственное хоть сколько-нибудь серьезное сражение, в котором Ли-фанне доводилось участвовать! Казалось, сам лес помогает легионерам победить. «А вдруг и отец пропал так же? — подумала вдруг Ли-фанна. — Наткнулся в лесу на легионеров, и...»

И как только она так подумала, поняла, что рапира в руке начала ее слушаться — совсем как тогда, в школе. Это порядком удивило девушку, но размышлять было некогда — враги снова стали атаковать.

Вот один прямо-таки налетел на нее с твердым намерением снести голову. Она уклонилась, заодно прикрыв Альку от второго легионера... а потом рапира Ли-фанны встретилась со вражеским мечом. Столкнувшись, клинки почему-то не издали ни звука, а Ли-фанну при этом будто бы шибануло электрическим током[1]. В отличие от легионера,

который, по всей видимости, почувствовал то же, девушка не растерялась, и ловким выпадом воткнула рапиру куда-то между пластинами доспехов противника. Тот скрючился от боли, а как только Ли-фанна выдернула оружие, поспешил убраться на безопасное расстояние. Судя по тому, с какой скоростью он улепетывал, рана была совсем не смертельной.

Но смотреть ему вслед было некогда — оставшиеся двое наступали с новой силой, преисполненные теперь решимости отомстить за товарища, или кто они там друг другу.

Решив, что лучшая защита — нападение, Алька первой бросилась в атаку на одного из оставшихся легионеров. По виду он был самый сильный и рослый. Конечно, фехтовать Алька умела гораздо лучше Ли-фанны, но слишком уж большой у ее противника меч...

...Да и у Ли-фанниного соперника клинок не меньше! Ужасающее черное лезвие, которое, казалось, всасывало в себя все окружающее тепло и свет, двигалось в его руках с бешеной скоростью, фактически превращаясь в черный вихрь. Ли-фанне никак не удавалось достать его своей рапирой. Так они кружили по всей поляне. Это дало Ли-фанне возможность оценить всю обстановку в целом. Увы, она была неутешительной.

Эван уже явно выдохся, сражался из последних сил, а вот противник его, кажется, чувствовал себя вполне неплохо. Еще двоим, кажется, удалось загнать Рэя в угол — Ли-фанне в какой-то момент даже показалось, что его ранили. Она искренне понадеялась, что это не так.

Главарь легионеров оглядывал сражение, стоя на возвышенности у самой границы леса, и довольно ухмылялся. Он явно наслаждался картиной разгрома четверых путешественников.

Поглядев на своего командира, соперник Ли-фанны бешено рванулся вперед, сделал быструю подсечку и сшиб Ли-фанну с ног.

— Готовьсь-ся! — донесся из-под черного шлема голос, больше похожий на змеиное шипение. — Твоя с-смерть будет долгой и муч-чительной!..

И вот тут Ли-фанна по-настоящему испугалась. До этого момента никто не угрожал ее жизни по-настоящему, а теперь... теперь к ее горлу был приставлен черный меч, и его лезвие совершенно точно «вампирило» ее, вытягивало силы. Она почувствовала на шее что-то горячее. Кровь! Ой, мамочки! А она даже боли не почувствовала...

Легионер получал истинное удовольствие, видя ее страх. Кажется, даже за забралом черного она замечала гадкую ухмылку на его лице.

Все. Это конец. Сейчас ее убьют. Долго и мучительно. И не увидит она больше ни маму, ни Иринку... ни даже этого предателя Мифьола!

Глаза заволочла странная мутно-белая пелена — она подумала, что это слезы, но это явно было что-то другое, судя по реакции легионера.

— Что за?.. — спросил он, отшатнувшись назад. Голос у него почему-то стал какой-то хриплый, совершенно не похожий на шипение.

И вдруг — бах! Шлем легионера загудел подобно колоколу, сам он упал бы на Ли-фанну, но она, к счастью, успела откатиться в сторону. Оцепенение как рукой сняло, да и немудрено.

Оказалось, Ли-фанне помог Эван, ударив легионера сзади рукоятью меча. Легионеру-то ничего, у него шлем прочный, а Ли-фанна фактически спаслась от смерти.

Она хотела поблагодарить его, но не успела: легионер, успевший оправиться от удара, атаковал снова. Но теперь она была готова достойно встретить его.

Широко размахнувшись, она нанесла сильный рубящий удар. Но что обычная

заговоренная рапира может сделать с боевой броней Легиона? Но когда клинок коснулся вражеских доспехов, рапира наткнулась на что-то, даже отдаленно не напоминающее броню. Ли-фанна почувствовала, как под ее натиском рвутся защитные чары.

Легионер тоже понимал это, но почему-то даже не попытался уклониться или нанести ответный удар.

— Как? Как... — прохрипел он из последних сил, а потом — как раз в момент, когда рапира Ли-фанна прекратила свое движение — развеялся черным дымом. Просто так — р-раз! — и исчез.

Оправившись от первого шока, Ли-фанна огляделась по сторонам. Ее глазам предстала такая картина: Алька уже почти одолела своего противника — он лежал на земле, а девушка стояла над ним с самым победоносным видом. Эван, который уже расправился с напавшим на него легионером, помогал теперь Рэю. А вот Рэй... теперь Ли-фанна совершенно точно видела, что он ранен, хотя он и старался этого не показывать. Надо было бы помочь им — так было бы правильно: Эван ведь спас ее — но она вдруг поняла, что еще чуть-чуть — и она свалится от усталости. Неужели это из-за той царапины на шее?..

И тут о себе напомнил командир легионеров, о котором она уже успела забыть. Он черной молнией налетел на нее, сбил с ног — теперь-то это было проще простого. Вот теперь ей точно конец. Никто ей уже не поможет...

И снова клинок давит на горло. Сердце бешено бьется, будто предчувствуя скорый конец... и бешено болит рана на шее, из которой в том же пульсирующем ритме кровь выплескивается наружу.

И опять мутно-белая пелена застилает глаза... и вдруг она, не понимая, что делает, оттолкнула нависшего над ней легионера — просто так, голыми руками: рапира вылетела из руки, когда она падала на землю.

Это может показаться абсурдом — да это, собственно говоря, и был какой-то абсурд — но легионер отлетел назад метров на пять, а упав, развеялся дымом, как и его предшественник.

В ту же секунду к ней подбежал Эван.

— Ты как? Жива?

— Не знаю... кажется, да. А что... что это такое было?

Он покачал головой, помог ей подняться.

— Точно могу сказать, что это было что-то. Идем.

Они подошли к Рэю, рядом с которым уже сидела Алька. Сам он лежал на земле без сознания, и вид у него был, честно говоря, просто ужасный. В груди у него, сантиметрах в двух от сердца, зияла страшная рана. Ли-фанна и сама едва не лишилась чувств, когда увидела его...

— Ты сможешь его вылечить? — спросил Эван у Альки. Та сердито зыркнула на него:

— Я сверхмаг, а не целитель! Это высшая магия! Я ей пока не владею...

— Но ты же...

— Я могу залечить ссадину или царапину. Но такие раны...

В глазах Альноры стояли слезы. Она ненавидела себя и свою беспомощность. Практически впервые в жизни она была не в силах что-либо сделать. Да, в академии Феникса их учили многому: им говорили о войне, о Легионе, о том, что в любой момент на них, на их академию могут напасть. Старших воспитанников — тех, кому уже исполнилось шестнадцать, и которые обладают хоть какой-нибудь магией — обучают искусству

целительства. Но сверхмагов начинают учить этому на год раньше, потому что только они могут в таком возрасте постичь высшую целительную магию. У остальных на это уходят годы. Альке же было всего пятнадцать, и она едва освоила самые простые целительные заклинания... К тому же, одно дело — слушать наставников, рассказывающих всякие ужасы, а совсем другое — когда стоишь рядом со своим израненным другом, и ничего не можешь сделать, и из глаз текут слезы, смешиваясь с твоей кровью. Альку тоже ранили, но легко, и свои царапины она залечила сразу после битвы. А вот Рэй...

Если не предпринять что-нибудь прямо сейчас, то... то Рэй может умереть. А что она может сделать, она не знала. И от этого ей становилось страшно.

И Ли-фанне тоже было страшно. У нее в голове не укладывалось, что Рэй — жизнерадостный, веселый, всегда способный выйти из любой ситуации, может быть таким... бессильным, беспомощным... безжизненным. Нет, нельзя так думать! Нельзя!

— Ты совсем не можешь ему помочь? — спросила Ли-фанна у Альки. Но та только покачала головой и сморгнула с ресниц две слезинки.

— А если мы вместе? — продолжала Ли-фанна. — Вместе попробуем ему помочь? Нельзя же сдаваться!

— Вместе? Как? Ты ведь в магии ничего не соображаешь, хотя и сверхмаг! — Алька заплакала, уже ни от кого не скрываясь.

Ли-фанна едва сдерживала слезы. К ней вдруг пришло острое осознание того, что все пять школьных лет на уроки фехтования она ходила исключительно из-за Рэя. Конечно, она никогда не испытывала к нему таких чувств, как ее одноклассницы. Но глупо было бы считать, что до недавнего случая с дракой она не понимала, какой Рэй замечательный человек. И вот сейчас... нет, она должна что-то сделать! Просто обязана!

Не до конца еще понимая, что делает, Ли-фанна приложила свою руку прямо к Рэевой ране. Девушка вздрогнула, когда рука коснулась горячей еще крови. Но это не отпугнуло, а скорее даже придало ей сил.

«Живи, — мысленно попросила она Рэя. — Пожалуйста...» Она не знала, услышит он или нет, но это было единственное, что она могла сделать.

И вдруг от самого ее сердца к кончикам пальцев заструилось тепло. Но при этом рука почему-то оставалась холодной. Это тепло даже не было теплом в привычном понимании слова. Это было что-то очень магическое, а вернее сказать — сверхмагическое. Ли-фанна не знала, что это такое, и откуда оно берется, но знала, что все делает правильно, что только так она может помочь Рэю.

— Чего сидишь? Помогай! — обратилась она к Альноре.

— Как? — всхлипнув, спросила она.

— Как угодно. Главное — делай хоть что-нибудь!

Помедлив секунды две, Алька взяла Рэя за руку, и начала шептать какие-то заклинания на незнакомом Ли-фанне языке.

Секунды тянулись медленно, как часы. И вот в один момент Ли-фанне показалось: все. Ничего сделать уже нельзя...

Но тут сердце Рэя, уже остановившееся, забило снова: сначала совсем слабо, так что Ли-фанна подумала, что ей показалось, но с каждым ударом оно набирало силу. Удар! Еще удар! Все, поняла Ли-фанна. Теперь он точно будет жить!

Ли-фанна убрала руку. Она была вся красная от крови и почему-то плохо шевелилась. Но зато рана Рэя выглядела теперь значительно лучше — можно даже сказать, что она

наполовину зажила.

Альнора издала радостно-удивленный вздох, увидев это.

— Ну ничего себе! Ли-фанна, да ты гений!

— Приятно слышать, — удивленно подняла брови девушка. Чтобы Алька сказала такое еще три дня назад? Немыслимо! — Только это не я одна гений, а мы обе.

Тут Рэй глубоко вздохнул и открыл глаза. Альнора сразу же отпустила его руку.

— Что происхо... — начал Рэй, но тут же осекся, осмотрелся по сторонам, и с непередаваемым выражением произнес:

— Я что, живой?!

— Тебя это удивляет? — усмехнулся Эван, который был ужасно рад возвращению Рэя.

— Ну еще бы! Когда этот... не знаю даже, как его назвать... меня ранил, я уж подумал: все... Тем более... но это ладно, неважно...

Он попытался привстать, но не смог, снова упал на траву.

— Чертов обсидиан... — тихо ругнулся он. — И все-таки, как вы меня вылечили? Алька, твоя заслуга?

— Я только помогала, — призналась девушка, опустив глаза. — Это все Ли-фанна. И не то, чтобы мы тебя вылечили...

— У тебя сердце не билось, — прямо сказала Ли-фанна. — А как нам удалось его запустить, я не знаю. Я вообще уже ничего не понимаю...

И это была чистая правда. Но, похоже, не только Ли-фанна ничего не понимала.

— Так, подождите, — сказал Рэй, собираясь с мыслями. — Получается, я все-таки умер? А вы меня оживили...

— Получается, так, — согласилась Альнора.

— Можно подумать, тебя это не радует! — воскликнул Эван. — Все ведь живы, нападение мы отразили...

— Живы-то живы. Да только... Ли-фанна, что у тебя с шеей? — он вдруг вышел из задумчивости.

— Где? А, это... Да ничего страшного! Просто царапина.

— Даже царапины, нанесенные обсидиановым клинком, могут так тебе навредить...

— Обсидиановым клинком? — переспросила Ли-фанна. Что-то смутно беспокоило ее, но что именно, она пока еще не понимала.

— Да. Потом объясню.

Рэй хотел еще что-то сказать, но Ли-фанна его уже не услышала. Она поняла, что именно так беспокоило ее.

Рука. Ее собственная правая рука, все еще перевязанная. Она болела почти постоянно тупой, ноющей болью. Но теперь боль обострилась, бинт снова пропитался кровью — видимо, рана открылась... А теперь боль стала просто невыносимой! Девушка сжала зубы, чтобы не вскрикнуть от этой боли. Да что ж это такое! То одно, то другое! Ужас какой-то, а не жизнь!

— Ну вот, уже началось... — полупшепотом произнес Рэй, попытался встать, но... — Да что ж это за!.. Эван, помоги подняться...

Кое-как встав с помощью Эвана, Рэй подошел к Ли-фанне, взглянул на ее рану, размотав бинт на руке.

— Ё-моё... — сокрушенно произнес он. — А ну закрой глаза!

Девушка сразу послушалась. Почему-то, когда рядом был Рэй, ей становилось намного

легче. Вот и сейчас она подумала, что, что бы с ней не такого не происходило, это не смертельно, а значит, жить пока еще можно.

Что Рэй сделал с ее рукой, она так и не поняла. Но боль утихла, а потом оказалось, что и царапина на шее исчезла.

— Ух ты! Спасибо, — сказала она, когда Рэй разрешил ей открыть глаза.

— За что? — удивился он. — Знаешь, Эван, беру свои слова назад: можешь смело верить всем слухам.

— Да я уже понял, — кивнул парень с самым мрачным видом.

— Да о каких слухах вы все говорите?! — воскликнула Альнора. — Может, расскажете, если мы чего-то не знаем?

— А чего тут рассказывать? — Эван ненадолго задумался. — Просто я слышал когда-то, что этот лес проклятый, и в нем обитают какие-то злые силы. А злые силы оказались Легионом...

— Лучше бы тебе пока не произносить это слово, — сказал Рэй. — Мало ли что... а насчет проклятого леса — проклята только эта его часть. До остальных они не смогли добраться...

Кто такие «они», все прекрасно поняли без лишних слов. А Рэй, усевшись на корень одного из растущих поблизости деревьев, продолжил:

— Лес прокляли вскоре после Дарминорской битвы. Почему, никто не знает. Зато все знают, кто. У них было здесь что-то вроде убежища. Но мне казалось, что его уже давно нет... Так, ладно, — вдруг резко прервал он себя. — Это все хорошо, конечно, но нам ведь придется потом дальше идти! Лучше нам всем хорошенько отдохнуть. Хотя бы попытаться... А то, знаете ли, умирать, а потом снова оживать не очень-то приятно. Изматывающе.

После этих слов наши многострадальные путешественники устроили вокруг костра, заново разведенного Эваном, и погрузились в крепкий сон. Никто на них больше не нападал.

[1] Электричества на Листе тоже пока что не придумали — это сравнение нашего мира.

Глава 5

Глава 5

V. Лист. Эфарленд. Дарминор. Оррайна. Рональд.

На восточной окраине Дарминора самой высокой и самой знаменитой было Бронзовая гора. Во всяком случае, так считали горожане. А про то, что в граничащем с Дарминором лесу есть еще одна, куда более высокая гора, не вспоминал никто. Но в целом, это было даже к лучшему.

Когда-то, в старые времена, еще в начале эры Дракона, эту гору называли просто — Ведьминой. Люди сторонились ее, приписывали ей огромные магические силы. Поговаривали, что в полнолуние на этой горе собирались сильнейшие ведьмы Эфарленда, чтобы творить свою страшную магию. Но потом о горе забыли, а лес люди после всех войн опасались ходить.

Но магия никуда не исчезла, и так же, как в старые времена, оставалась на горе. А какой же уважающий себя волшебник откажется воспользоваться таким огромным запасом

природной магии?

...Когда на вершине горы появилась Оррайна, была глубокая ночь. Таинственная женщина совершенно не изменилась с момента, когда мы видели ее на Бронзовой горе. С тревогой она смотрела на небо, точнее — на Луну, которая заметно уменьшилась за два дня.

— Только бы успеть... — прошептала она небу.

— Они успеют, — тихо сказал Рональд, появляясь позади нее. — Можешь мне поверить.

— И как тебе удастся появляться так незаметно? — спросила Оррайна, поворачиваясь к нему.

Он с улыбкой пожал плечами.

— Извини, если напугал. Просто я по-другому не могу.

— Ты был там? — спросила Оррайна с крайне встревоженным видом.

— Нет. Дела, знаешь ли... тем более, было бы несколько странно, если б я заявился туда... никто ведь даже не знает, что я... тоже участвую во всем этом.

— Серьезно? А как же... — удивленно взглянула на него Оррайна.

Рональд покачал головой.

— Я уже давно его не видел. И потом, мы ведь договорились...

— Хорошо-хорошо. А ты... не знаешь, как там они? У меня дурное предчувствие...

— А почему нельзя было сразу спросить, прямо? — прищурился Рональд, но сразу же помрачнел. — Все плохо, Оррайна.

— Насколько плохо? — тихо спросила она, едва сдерживая рвущиеся наружу эмоции.

— Сегодня ночью. В Черном лесу. Легион.

Других слов ей не понадобилось. Оррайна застыла на месте, пытаясь осмыслить услышанное.

— Они хотя бы живы? — спросила она через несколько секунд.

— Да, причем все. Я говорю тебе: они справятся. Я в этом уверен.

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Но почему же в этом не уверена я?..

— Потому что ты слишком за них волнуешься.

— Можно подумать, ты совсем не волнуешься...

Он улыбнулся — все так же печально — и произнес:

— Просто они не мы... они точно будут более везучими... И у них все получится...

— Мне бы твою уверенность, — Оррайна вздохнула.

— Просто постарайся принять это, — сказал Рональд, сочувственно глядя на нее. — Ты уже ничего не сможешь сделать.

— А ты? Ты ведь обещал мне...

— Я говорил, что не могу вмешиваться в происходящее? Я обещал приглядеть за ней, и только. Прости... — тихо произнес он, видя отчаяние Оррайны. — Я, может, и сам хотел бы помочь им, но меня связывают обязательства... прости.

Он исчез. Так же неожиданно, как и появился. Оставшись одна, Оррайна бессильно опустила голову, но уже через несколько секунд подняла ее к самому небу и горячо зашептала, обращаясь к самой Луне:

— Ты снова ставишь меня перед выбором. И этот выбор еще страшнее предыдущего. Так скажи мне, что, что я сделала не так, что ты снова заставляешь меня страдать? Хотя, что я? Я уже повидала жизнь, пожила свое. Но остальные? Их-то за что? Что я сделала тебе, если

отвечать должны все, кто окружает меня?.. Ответь мне, почему?..

Оррайна стояла на самой вершине Ведьминой горы, и по лицу ее текли слезы. А холодная, безучастная Луна равнодушно взирала на нее со своей высоты...

Лист. Эфарленд. Горный хребет Дракона. Крепость Феникса. Тарлиан.
(12 дней до новолуния)

Эфарленд... самое большое королевство Листа. По площади оно равно примерно десяти Ирондоллям (для сравнения — Ирондолль примерно равен нашей Франции), пятнадцати Брехтендоллям, а уж Ориманских княжеств в него вошло бы штук сорок, а то и все пятьдесят.

В большинстве случаев страны на Листе не делятся на какие-либо регионы, потому что зачем делить и без того маленькие страны? Но с Эфарлендом другая история. Он условно разделен на пять регионов, согласно частям света: Клерен — на севере, Пренель — на западе, Флирос — на востоке, Нитрион — на юге, и Дармин в самом центре.

Дармин — это самый маленький регион, куда входит только Дарминор с окрестностями. Самый большой регион — Клерен на севере. Но, к сожалению, самый большой означает и самый пустынный. Живут там в основном мощные маги, которые не боятся селиться в этих местах, да рыцари Феникса, способные защитить Клерен и Эфарленд в целом от Легиона, поселения которого начинались практически сразу за границей.

В западной части Клеренских земель (или, как говорили местные, на Клерено-Пренельском направлении), граница проходила по горному хребту, который назывался хребтом Дракона. Он действительно был похож на шипастую драконью спину. Хребет был довольно длинный, и весь состоял из высоких неприступных скал. Казалось бы, граница защищена и бояться нечего, но нет — легионеры почему-то избрали хребет Дракона своим излюбленным местом для штурмов. Стычки в этой части границы происходили едва ли не каждую неделю. И это при том, что пока обстановка в стране была более-менее спокойная! А вот в эру Феникса столкновения случались чуть ли не ежедневно, и силы были неравны: вооруженные до зубов легионеры просто давили мирных обитателей Клеренской долины. Где-то в середине эры Феникса тогдашнему правителю Эфарленда, Прувиллию I, это надоело, и он приказал построить прямо в горах крепость, куда послать лучших рыцарей недавно созданного ордена Феникса. Так зародилась крепость Феникса, где по сей день живут лучшие воители ордена.

Крепость служит также и школой для будущих рыцарей. И вот это настоящая школа жизни! в более чем суровых условиях, в которых расположена крепость, волей-неволей приходится учиться выживать. Поэтому из воспитанников крепости вырастают самые сильные и выносливые рыцари Феникса. Ну, в большинстве случаев...

Если тебя называли в честь первого короля Эфарленда, тебе изначально крупно не повезло: приходится постоянно доказывать, что ты достоин своего имени. А вот это уже несколько проблематично...

Имя Тарлиана было всего на две буквы короче имени прославленного короля. И парень был просто уверен, что от этих двух букв и появились все различия между ним самим и королем Тарлиандром. А разница между ними была, и весьма и весьма существенная.

Все дело в том, что Тарлиан был неудачником. Причем неудачником хроническим, законченным... в общем, последняя стадия.

Неудачники, как подметил Тарлиан, бывают разные. Бывают, например, такие, которым

просто по жизни не везет. Это, например, комендант крепости. Человек он, не смотря ни на что, хороший, добрый, но вот невезучий — и все тут. Говорят, в крепость он попал по чистой случайности, и это единственное, с чем ему повезло в жизни.

Еще бывают такие, которым по жизни везет, но не везет во всем остальном, как, например, Илому, лучшему (и единственному) другу Тарлиана. Вроде из богатой семьи парень, обучение проходит в крепости... а в учебе — сплошное невезение! Человек он по натуре мирный, так что сражаться с кем-то на мечах для него противоестественно. Хотя, казалось бы, семья у него военная... в общем, Илому не везло из-за его же мирного нрава.

Еще бывают неудачники борющиеся и сдавшиеся. Борющиеся — это те, которые пытаются привлечь удачу на свою сторону и прорубают себе дорогу в жизни. А сдавшиеся — это такие, которые уже смирились со своей невезучей судьбой, и решили: будь что будет.

Тарлиан же был на последней стадии невезучести. У него не получалось решительно все. Как ему удалось дойти до посвящения в старшие ученики вместе со сверстниками, до сих пор оставалось для него загадкой.

И почему ему так не везет в этой жизни? Родился таким, наверное. Когда Тарлиан так решил, он сразу же отнес себя к неудачникам сдавшимся. Ну и ладно. Пусть мир спасают другие люди, думал он. В мире много куда более подходящих для этого кандидатур. Андроний, например.

О да, Андроний как нельзя лучше подходил для спасения мира: сильный, красивый, умный... он всегда во всем превосходил остальных учеников. Наставники вечно ставили его всем в пример, он же постоянно ставил себя выше других и вечно терроризировал всех младших учеников... и Тарлиана в придачу.

Вообще-то, Тарлиану было семнадцать, то есть он уже год был старшим учеником, и с Андронием они были ровесниками, но Андрония это нисколько не заботило. Он с самого своего появления в крепости привык всю свою злость вымещать на Тарлиане. Самое плохое, что к этому привык и сам Тарлиан.

Правда, в последнее время по крепости ходил слухок, что Андрония, как лучшего ученика, посвятят в рыцари прямо в день воесемнадцатилетия, а не в двадцать, как всех. Казалось, младшие ученики и Тарлиан радовались этой перспективе даже больше самого Андрония: ведь после посвящения его вполне могли отправить служить в какое-нибудь другое место. На южную границу, например. А что? Там очень даже неплохо. Тепло. И условия уж точно не такие спартанские, как здесь, в крепости...

На самом деле, Тарлиану и самому иногда хотелось все бросить, и сбежать из крепости куда-нибудь. Хоть на ту же южную границу. Или лучше сразу в Дарминор. Но всякий раз его останавливала мысль, что план побега, скорее всего, сорвется, а что будет после этого... Даже подумать страшно. Но то, что дело не ограничится обычным выговором, это сто процентов.

Проблем в крепости Тарлиану и так за глаза хватало, поэтому рисковать лишний раз он совсем не хотел. Он не был трусом, нет — если б вам, уважаемый читатель, «везло» так же, как Тарлиану, вы бы тоже не захотели лишнего риска.

Невезучесть у Тарлиана была просто фатальная. Поэтому, когда его вызвали к командованию, он решил, что дело совсем плохо.

Произошло это следующим утром, когда наши четверо путешественников, израненные, уставшие, отсыпались после нападения.

Утро началось, как всегда. В крепости Феникса с дисциплиной было очень строго, а в

отношении учеников тем более.

В восемь утра у старших воспитанников начиналась учеба. Обучение в крепости Феникса шло гораздо дольше, чем где-либо на Листе. Обычно школу заканчивали в пятнадцать лет, потом поступали в институт или университет — и к двадцати (или к двадцати двум) годам человек уже поучал высшее образование. У Фениксов же обязательное обучение начиналось, как и везде, с десяти лет, а продолжалось до самого посвящения в рыцари — до двадцати. Но это и понятно — будущих рыцарей чему только не обучают! Не зря же Фениксы считаются элитой королевской армии, гвардии, и всего Эфарленда в целом. Но и после посвящения рыцари продолжают учиться. Так что можно сказать, что их обучение длится всю жизнь.

В тот день первым уроком у старших учеников была военная история. Интереснейший предмет, кстати говоря. Тем более что большинство войн происходило сравнительно недавно — в эру Дракона, и некоторые из тогдашних событий остались в детских воспоминаниях господина Гэрлиса — историка, которому уже было лет девяносто. Он по праву был одним из самых уважаемых рыцарей всего Ордена.

Наставник как раз закончил развешивать на доске карты Нитрийского сражения, что произошло в двести тридцать восьмой год эры Дракона, когда в классную комнату зашел кто-то из молодых, совсем недавно посвященных рыцарей. Из старших учеников его имя не знал практически никто, да и наставник, похоже, его не вспомнил.

— Господин Гэрлис? — робко спросил пришелец. — Командование вызывает к себе... эмм... ученика Брейса.

Тарлиан вздрогнул. По фамилии его называли крайне редко, а тут...

К командованию его вызывали до этого только один раз. За драку с самим Андронием, которая произошла лет пять назад, когда обоим было по двенадцать. Из-за чего же его могут вызывать на этот раз?

— Ты идешь, Тарлиан? — поторопил господин Гэрлис, которому хотелось поскорее начать урок. Все-таки война за Эфарленд — его любимая тема.

Шагая по коридору в сопровождении все того же рыцаря, Тарлиан раздумывал: почему же его вызвали? Зачем? Может, это из-за вчерашнего инцидента в алхимической лаборатории? Вчера он совершенно случайно разбил там какую-то склянку. Правда, ему, как не обладающему магией, в лаборатории находиться вообще не полагалось, а точнее говоря — было строго воспрещено...

Да, скорее всего, вызвали его из-за этого. Более крупных неприятностей с ним в последнее время не случалось.

Окончательно он уверился в этом, когда они подошли к этажу, где заседало командование крепости.

— Так кто именно меня вызвал? — спросил Тарлиан у незнакомого рыцаря.

— Сам главнокомандующий. Лично. Не знаю, что ты такого натворил, но, в любом случае, удачи тебе.

Рыцарь ушел, а Тарлиан в полном замешательстве остался стоять около двери, за которой находился кабинет главнокомандующего Северным подразделением Ордена. С чего бы самому главному рыцарю крепости и всего Клерена вызывать его?.. Тарлиан как-то больше рассчитывал на разговор с комендантом... но тут уж ничего не поделаешь. И все-таки, что же он такого успел натворить...

Помнится, раньше — года два назад, когда ему было пятнадцать — Тарлиану с Иломом

очень хотелось узнать, что же скрывается за этой дверью. В то время рядом с ней стоял караульный, что придавало месту еще больше таинственности и торжественности. Но утолить любопытство двоим друзьям так и не удалось: не позволял тот самый караульный. Теперь же все изменилось настолько, что Тарлиану совершенно не хотелось входить в эту дверь. Скорее даже, она внушала ему какой-то благоговейный страх: массивная, очень тяжелая дубовая дверь, с тремя прикрепленными к ней металлическими пластинами. На одной из них был искусно изображен герб Ордена, еще на двух — гербы Эфарленда и Клеренских земель. Несколько пугающе, учитывая то, что ничего хорошего его за этой дверью не ждет... Но Тарлиан решительно взялся за ручку двери — кованое железное кольцо — и, постучав, вошел внутрь.

Почему-то раньше им с Иломом казалось, что в этом кабинете все должно быть как-то по-особенному: главнокомандующий, как-никак. Поэтому, как они считали, обстановка должна быть наполнена богатством и роскошью. Но, счастью, они были не правы.

Больше всего эта комната была похожа на кабинет учителя Сойрена в академии Феникса. Только здесь места было поменьше, а беспорядка, как это ни удивительно, побольше. У Тарлиана сложилось впечатление, что главнокомандующий что-то усердно искал в своем кабинете.

Сам он тоже был здесь — сидел в кресле перед камином, в котором ярко горел огонь. Похоже, он только что вернулся откуда-то — вон, дорожный плащ у камина сушится: сегодня с самого утра в Драконовых горах зарядил дождь.

Тарлиана главнокомандующий, погруженный в свои мысли, заметил не сразу. Где-то с минуту юноша стоял на пороге, не зная, что ему делать: сообщить о своем присутствии или все-таки лучше не стоит?

Но, к счастью, главнокомандующий обратил на него внимание, и с приветливой улыбкой предложил присесть в соседнее кресло. Тарлиан послушался, начиная недоумевать все больше.

Видимо, главнокомандующий специально начал разговор не сразу. А может, он просто крепко задумался о чем-то своем. Об этом история умалчивает. Но то, что некоторое время они просто молча сидели, сомнений не вызывает. Так давайте воспользуемся этой паузой, чтобы получше рассмотреть главнокомандующего клеренским подразделением Ордена: он сыграет немаловажную роль в нашей истории.

На вид ему можно дать лет сорок — да примерно так и есть на самом деле. Он один из тех, по кому можно сразу судить о благородном происхождении: тонкие черты лица, взгляд, манера держать себя... да у него даже усы были аристократическими! Но тем не менее, почти никто в крепости не знал, что настоящее имя этого человека — барон Юсманский. Для многих он был просто главнокомом, остальные же называли его «Ротмар» — это тоже было его имя, только без титула. Титул же свой он скрывал исключительно из скромности... и чтобы никто не думал, что он добился всего благодаря титулу, тем более что это было совершенно не так.

Сейчас барон выглядел усталым и чем-то огорченным, что, впрочем, не помешало ему дружелюбно поинтересоваться у Тарлиана:

— Как дела? Учеба?

— Нормально, — буркнул в ответ парень. — Дядя, к чему все это? Вы ведь меня с урока выдернули не для того, чтоб про учебу спрашивать.

Да, как ни старался барон Юсманский скрыть свой титул, еще больше он старался

скрыть то, что здесь, в крепости, у него есть племянник. Не потому, что он его стыдился, а, как он сам говорил Тарлиану: «Для твоего же блага. И безопасности».

Может показаться странным, что Тарлиан, племянник главнокомандующего, ни разу не был у него в кабинете. На самом деле, дядя с ним почти не общался, предпочитая лишь изредка осведомляться о его делах. Но Тарлиана это вполне устраивало. Иногда он даже думал, что единственный человек, с которым ему повезло в жизни — это его дядя. Но то, что происходило сейчас, совсем ему не нравилось...

— Можно подумать, я уже не имею права спросить тебя об учебе, — дядя со вздохом покачал головой. — Когда уже ты возьмешься за ум, Тарлиан? Но на самом деле, ты, прав, я вызвал тебя не за этим. Скажи, тебе что-нибудь известно о замке Эймар?

— Хм... — Тарлиан задумался, гадая, какого ответа ждет от него дядя. Кто же не знает замок Эймар? — Ну, это самый большой и самый известный замок Клерена. От нас находится довольно далеко, да и с Орденом, по-моему, никак не связан... А в чем вообще дело?

— А в том, дорогой племянник, что каждый год в замке Эймар собираются будущие Фениксы из старших учеников — такие, как ты. Там, в Эймаре, выясняют, на что способен каждый из них, обучают всяческим премудростям... Но туда, разумеется, попадают не все, и я решил...

— Решил отправить туда меня? — охнул Тарлиан. — Специально, чтобы другие посмеялись, какие в крепости ученики пошли?! Неужели более подходящей кандидатуры не нашлось?! Андроний там, например, или...

— Подожди, — властным жестом остановил его главнокомандующий. — Успокойся. Старший ученик, а ведешь себя как... Начнем с того, что ты там будешь не один. Андроний тоже поедет...

«Еще лучше!» — возмутился Тарлиан, но только мысленно — с дядей сейчас лучше не спорить.

— И вместе с вами поедут еще двое старших, но их ты вряд ли знаешь. Это Эрлгримм и Промс.

Тарлиан мысленно застонал. За что ему это все? Зачем дядя отправляет его, законченного неудачника, в замок Эймар вместе с тремя лучшими, самыми лучшими, учениками крепости?!

— А из наставников с вами отправится Картен.

Ух, ну хоть одна хорошая новость за все это время! Наставник Картен, которого, кстати, по фамилии никто никогда не называл, совсем молодой еще географ, не обладал магией, как и Тарлиан. В крепости к нему относились, по-разному: кто-то с уважением, кто-то — с легким презрением: как же, молодой совсем, да еще без магии, а уже Феникс и наставник! Но Тарлиан всегда очень его уважал, тем более, что география — одна из немногих наук, по которым он успевал почти так же, как все.

— И когда мы отправляемся? — обреченно спросил он. Все равно другого выхода нет.

— Вот это уже другой разговор! — улыбнулся дядя. — Отправитесь завтра, с рассветом. В замке пробудете до самого праздника. Накануне вернетесь в крепость, а там, как положено, все поедем в Дарминор. Вот, в общем, и все. Что вам предстоит в Эймаре, я честно признаюсь, не знаю. Но, думаю, ничего, с чем не справился бы старший ученик.

«Конечно, дядя, — подумал Тарлиан. — А если этот ученик — я?» Вслух же он спросил:

— Теперь я могу идти?

— Конечно, иди, — Кивнул главнокомандующий. — Завтра, на рассвете. Не забудь!

«Забудешь тут...» — подумал Тарлиан и с облегчением вышел в коридор.

Он не мог понять, как относиться к происходящему. С одной стороны, возможность удрать из крепости на целых две недели не могла не радовать, но, с другой, если вспомнить, зачем и с кем придется ехать в Эймар... нет, лучше не вспоминать!

«Так, ладно! Это всего лишь две недели. Даже меньше. Дней десять... одиннадцать. И да, я там буду полным дураком, ну так это всегда так! А из-за остальных даже переживать не стоит. Справлюсь», — разом прервал Тарлиан все свои невеселые размышления и отправился на урок.

— Ты? Едешь? В Эймар? — в очередной раз переспросил Илом.

— Я. Еду. В Эймар, — устало ответил Тарлиан.

Был уже полдень. У старших учеников в это время был урок боевой магии, которой ни Тарлиан, ни Илом не владели, как не владели какой-либо другой магией. Из всех старших их возраста только они не были магами, поэтому им разрешалось не посещать все магические уроки, чему друзья несказанно радовались.

Когда Тарлиан рассказал Илому о своем визите к главнокомандующему, он сначала не поверил. Похоже, что он до сих пор не до конца верил словам друга — третий раз уже переспрашивает.

— Так. Еще раз, — сказал Илом через некоторое время. — Ты. Едешь. В замок Эймар До самого праздника. Тогда скажи мне, старик — что тебе не нравится-то?.. Мы ведь с тобой когда-то хотели рвануть туда! Не помнишь, что ли?

— Да помню я, помню. Но понимаешь — одно дело просто поехать туда, а совсем другое — когда тебя там будут как-то испытывать. А я ведь даже магией не владею! Тем более, там будут еще Андроний, Эрлгримм и Промс...

— Ну и что? Не ты ли не далее, как позавчера, говорил мне, что тебе все равно, кто лучше тебя, а кто хуже?..

— Говорить-то говорил... а, ладно! Все равно ехать придется, с этим уже ничего не сделаешь...

Тарлиан хотел сказать еще что-то, но не успел — вдруг, совершенно неожиданно по всей крепости — да что там крепость, по всем горам! — пронесся оглушающий грохот. Такой бывает в окрестностях крепости только в трех случаях: в очень сильную грозу, при обвале где-то поблизости... или если крепостные стены штурмуют воины Легиона.

Двое друзей подскочили на месте от неожиданности. Такой грохот — одно из самых дурных предзнаменований в крепости.

— Что это? Что там? Тревога?! — голос коменданта, господина Орта, послышался от входа в казарму.

— Ничего не понятно! — крикнул со сторожевой башни кто-то из дежурных. — Вроде никто не нападает, но и обвал не похоже.

Хлопнула дверь — похоже, господин Орт решил, что особой угрозы для крепости пока нет. Тревогу, в случае чего, могут и дежурные поднять.

— Что это было, как думаешь? — спросил Тарлиан у Илома.

— Да мало ли... может, землетрясение где случилось, а может, Легион чего затевает... на нас не нападают пока. А в случае чего, мы ко всему готовы.

— Это уж точно! — согласился Тарлиан. — Но мне все равно это не нравится. Плохой знак.

— Да ладно тебе! — отмахнулся Илом. — Что тебе до этих знаков-то? Ты, вон, завтра в Эймар едешь... Хоть раз в жизни повезло тебе...

— Ага, повезло, — кивнул Тарлиан. — А может, и нет...

(11 дней до новолуния)

На крепость, к счастью, никто не напал, и, видимо, в ближайшее время нападать не собирався. Обитателей крепости это не могло не радовать. Но радоваться, как оказалось, было рано.

Вечером, часов в десять, громынуло еще раз, да так, что вся крепость задрожала. А она, к слову сказать, не дрожала даже при средних землетрясениях, частенько случавшихся в горах.

Этот грохот переполошил всех — и учеников, и наставников, и обычных рыцарей. За ночь тряска повторялась еще два раза. Самое страшное во всем этом то, что никто не знал, что именно надо делать: вроде никто не нападает, какого-то определенного стихийного бедствия тоже нет... просто громыхает где-то, а где? Что? Непонятно. Но громыхает как-то нехорошо. Совсем нехорошо. Это понимали все. А вот что делать, было неясно. И это угнетало всех без исключения.

Так что совсем не удивительно, что, проснувшись на рассвете, Тарлиан чувствовал себя совершенно разбитым. Поспать ему удалось всего часа два, когда грохот и тряска прекратились. При этом его не покидало ощущение чего-то плохого. И не просто плохого, а катастрофического, готового вот-вот свершиться. И это было самое непонятное и пугающее.

Тарлиан проснулся даже не на рассвете, а где-то за час до рассвета. Илом тоже проснулся в это время, а вот Андрония и двоих его дружков, Бурса и Фоллия, в казарме уже не было. Для Тарлиана это было хорошей новостью — чем позже они узнают, что он тоже едет в Эймар, тем лучше.

— Хорошо тебе, Илом, — говорил Тарлиан другу, когда они шли к главным воротам крепости. — Тебе никуда уезжать не надо. Живи себе, как обычно, и живи.

— Да уж, конечно, — хмыкнул тот. — Знаешь, скуотища какая? Это тебе хорошо. Хоть увидишь, какой он, этот Эймар...

Тут надо сказать, почему вокруг замка Эймар всегда было столько разговоров и домыслов. А было их очень много.

В каждом замке есть какая-то своя тайна. Даже если это королевский дворец Эфарленда, про который, казалось бы, все всё знают. А чем замок древнее, тем и тайна страшнее и... таинственнее. И самих этих тайн больше.

Насколько древний замок Эймар, никто с точностью сказать не может. Кто-то говорит, что ему всего лет пятьсот, а существует версия, что построили его еще в первую эру древние маги. В эту версию, правда, почти никто не верит, но это не важно. Главное, что она есть. Но возраст замка — это только одна, совсем небольшая тайна, связанная с ним.

Еще одна тайна — весьма странное расположение замка. По отношению к крепости Феникса он находится несколько юго-восточнее (в направлении Нитрион-Флирос). Места там пустынные, безлесные — практически тундра, только там несколько теплее, чем в тундре нашего мира. И еще в тех местах очень много болот. Зачем понадобилось строить замок в таком неудобном месте? Тем более что раньше там люди вообще не жили — только

после того, как появился замок, построили две деревни. Произошло это примерно пятьсот лет назад.

Как бы там ни было, сейчас Эймар — это самый большой, известный и таинственный замок Клеренских земель. Может, в богатстве он и уступает соседям (которые, кстати, расположились далековато — милях в двухстах от Эймара), но слава о нем гремит по всему Эфарленду. А все из-за хозяина замка, который одновременно является самой большой тайной Эймара.

Никто не знал ни то что его имени — даже свой настоящий титул он никому не называл. Всем ведь было ясно, что Эймаром и двумя деревеньками его владения не ограничиваются.

Замка он почему-то никогда не покидал: никто из деревенских жителей в глаза его не видел. Тем не менее, управлял он своими землями очень мудро, всегда оказываясь в курсе того, что у кого где случилось. Деревенские своего таинственного землевладельца любили и относились к нему с большим уважением, как и замковый люд. Последние, правда, сколько их не спрашивали, так ничего и не говорили о своем хозяине.

Зная все это, нетрудно представить настроение Илома: радость за Тарлиана и одновременно легкую зависть. Самого же Тарлиана занимали совершенно другие проблемы.

От казарм до главных ворот идти было довольно далеко — практически через всю крепость. Обычно все ученики возмущались по этому поводу: в некоторые моменты крепость становилась похожей на какую-нибудь тюрьму, а из-за слишком большого расстояния между казармами и свободой это сходство только усиливалось. Но сейчас Тарлиан даже благодарил строителей крепости за такую планировку.

Илом, этот неизлечимый оптимист, все радовался за Тарлиана, рассуждал про замок Эймар... Как будто это он сам едет! Тарлиан почти не слушал его, думая о том, что предстоит ему в замке Эймар. Вернее, даже не столько об этом, сколько о том, как он все это провалит. А в том, что провалит, он ни на минуту не сомневался.

Друзья вышли из казармы, пересекли плац, и, обогнув главный учебный корпус, вышли во двор перед главными воротами.

Разумеется, все были уже там. Наставник Картен вместе с конюхом Арлом готовили к путешествию повозку, запряженную четырьмя лошадьми. Тарлиан прекрасно знал эту четверку — не зря же проводил в конюшне чуть ли не вдвое больше времени, чем остальные ученики. Звали их Орлик, Арзим (что в переводе с какого-то древнего языка означает «звездный»), Снежка и Диона. Четверо лучших коней крепости. «Вот так, — подумал Тарлиан, — в Эймар едут все самые-самые: самые лучшие ученики, самые лучшие лошади... и я, самый невезучий из всех Фениксов».

Андроний с Бурсом и Фоллием тоже были во дворе — стояли шагах в десяти от повозки и оживленно о чем-то перешептывались. Вот уж кому не о чем волноваться в предстоящей поездке! Одно хорошо — за разговором тройка не заметила появления Тарлиана и Илома.

Эрлгримм и Промс тоже были здесь — стояли чуть в отдалении, молча наблюдая за приготовлениями. Их с Иломом они заметили, даже кивнули в знак приветствия. И, похоже, совсем не удивились появлению Тарлиана. Хотя уж его, главного неудачника крепости, знали все — даже самые старшие ученики.

Эрлгримму и Промсу по девятнадцать — их в следующем году уже в рыцари посвятят. Везет же некоторым! Причем ко всем, кто был младше, они относились очень даже дружелюбно — даже к Илому и Тарлиану. А вот Андрония они не очень-то жаловали.

Минут через десять, закончив с приготовлениями, наставник огляделся вокруг, удовлетворенно кивнул, увидев Тарлиана, и произнес:

— Итак... похоже, все в сборе. Сейчас подождем главкома — он хотел что-то сказать перед нашим отъездом — и в путь.

— Все в сборе? — переспросил Андроний. — А мы разве не вчетвером едем? — тут он заметил Илома и Тарлиана. — Ты? А тебя-то чего отправили?

Это он спросил у Илома. Ну еще бы, кому может прийти в голову, что отправить в Эймар могли Тарлиана?

— Гм. Вообще-то, с вами еду я, — тихо, но уверенно произнес он.

Андроний со свитой несказанно удивился.

— Кто-то чего-то сказал, или мне послышалось? — насмешливо осведомился у своих дружков Андроний. — Ах, это же наш недо-Феникс решил о себе заявить! Бескрылая птичка решила полетать? Осторожно, птенчик, падать больно будет!

Бурс и Фоллий, как по команде, загоготали. По мнению Тарлиана, шутка вышла так себе, да и «птенчиком» его уже не оскорбишь — кличка старая, успела уже надоесть.

— Так, говоришь, тебя взяли в Эймар? — продолжал Андроний. — Тебя? За какие такие заслуги, интересно? Может, за самую оригинальную формулировку полученного выговора? Или за самое большое количество пропущенных ударов в бою с тренировочным манекеном? Да если бы за проколы и косяки награждали орденом, ты давно был бы полным кавалером!

Тарлиан с удивлением взглянул на него:

— Что это с тобой? Неужто фантазия проснулась? Знаменательное событие! Уже лет пять такого не случалось! С того дня, как ты про «птенчика» придумал.

Илом довольно хмыкнул, и хлопнул друга по плечу: «так держать, старик!» Тарлиан только отмахнулся, и пошел здороваться с лошадьми — уж что-что, а сахар для них у него в кармане всегда отыщется.

Арл, который всегда отгонял от своих любимцев учеников, не умеющих с ними обращаться, Тарлиану и слова не сказал. Этого способного мальчишку, прекрасно ладящего с лошадьми, он очень ценил. Тарлиан чуть ли не с первых дней своего пребывания в крепости — а было ему тогда всего десять лет — помогал ему в конюшнях. У Арла с Тарлианом была одна общая черта — оба они легче находили общий язык с лошадьми, чем с людьми. Из-за этого у них установилось прочное молчаливое взаимопонимание.

Лошади по-разному встретили Тарлиана. Орлик, как всегда, тихонько и радостно заржал, показывая, как он рад видеть друга; Арзим, со свойственной ему чистокровной высокомерностью и недоверчивостью, горделиво съел сахар и медленно отступил назад. Снежка преданно смотрела на него, выпрашивая еще сахара, а Диона, как всегда, не подпустила его к себе, шарахнулась в сторону. Приручить эту красавицу не удавалось никому. Арл мог запрячь только при условии, что рядом будет Снежка, лучшая подружка Дионы. В общем, эти лошади не были просто лошадьми. Они были совсем как люди. А в чем-то даже лучше людей. В этом были уверены и Тарлиан, и Арл.

— Ха! Да тебе конюхом надо становиться, а не Фениксом! — фыркнул Андроний, искоса поглядывая на лошадей.

— Лучше уж быть хорошим конюхом, чем таким Фениксом, как ты, — буркнул Тарлиан, продолжая поглаживать Орлика.

— Вот что, ребят, давайте без оскорблений, — сказал Картен.

Андроний с явной неохотой замолчал, но Тарлиану было ясно, что как только

представится случай (то есть, когда не будет видеть ни один наставник), их разговор продолжится. А может, и перейдет в драку...

...Минут через пять-десять во дворе появился главнокомандующий. Собственной персоной. Первым делом он поздоровался со всеми присутствующими — даже с Иломом, Бурсом и Фоллием — а потом спросил:

— Ну что, Картен? Все готово?

— Так точно, господин главнокомандующий! — отрапортовал наставник. — Хоть сейчас можем отправляться!

— Отлично, — кивнул Ротмар. — Просто отлично. Но сначала я хотел бы сказать несколько слов нашим ученикам.

Итак, вы прекрасно знаете, что вас не просто так отправили в замок Эймар. У всех вас есть какие-то свои заслуги... — при этих словах Андроний выразительно зыркнул на Тарлиана. — Это великая честь — представлять в Эймаре нашу крепость! Но вместе с тем, это и великое испытание, которое должен пройти каждый из вас. В чем оно заключается, сказать не могу: и сам не знаю. Но вы должны будете проявить все ваши таланты и навыки, полученные в крепости. Желаю удачи! Можете отправляться, Картен.

Барон Юсманский развернулся и направился к учебному корпусу. Даже не взглянул на Тарлиана! Парень не выдержал и бросился догонять его. Он должен расспросить дядю обо всем этом! Ну хотя бы о чем-то! И плевать, что там все подумают!

— Тарлиан? Что? В чем дело? — удивился главком, заметив его.

— Господин главнокомандующий, я хотел бы спросить вас кое о чем... Почему я? Почему вы отправляете в Эймар меня? Не думайте, что я боюсь, или что-то еще. Я не боюсь. Но... я ведь совсем ничего не умею. Совсем.

— Это тебе только кажется, Тарлиан, — отстраненно сказал дядя. — Иди. Вам пора отправляться.

— Хорошо. А если... а если я бы не был вашим племянником, вы бы отправили меня туда? — последние слова Тарлиан произнес совсем тихо: мало ли, услышит кто-то?

— Отправил бы, — не задумываясь ни на секунду, ответил дядя. — Не надо делать такое удивленное лицо, Тарлиан. Судьба всегда туманна, и неизвестно, куда может завести ее дорога. Но иногда ее знаки можно расшифровать. Твоя судьба тесно связана с замком Эймар, и... кое с чем еще, но это ты узнаешь позже. Ты способен на большее, чем тебе кажется, Тарлиан!

— Предлагаете слепо довериться судьбе? — фыркнул Тарлиан. — А не от вас ли я постоянно слышал, что каждый сам творец своей судьбы?

— Одно не исключает другого, — туманно изрек Ротмар. — Твой отец гордился бы тобой, Тарлиан. Просто помни это.

— Неубедительно, — скептически покачал головой Тарлиан. — Вдвойне неубедительно. Не стал бы он гордиться таким неудачником. Да и сам отец...

— ...был замечательным человеком! — отрезал дядя. — Не позволяй никому осквернять твою память о нем. Но сейчас тебе действительно пора идти. Отправиться вам нужно с восходом солнца. Удачи тебе, Тарлиандр Второй!

Главнокомандующий ушел, а Тарлиан с недоумением глядел ему вслед. Тарлиандр Второй... так дядя называл его крайне редко, когда он доказывал, что действительно достоин своего королевского имени... Да что же такое происходит, в конце концов?!

...Когда Тарлиан вернулся обратно, Эрлгримм и Промс уже сидели в повозке, Андроний

только туда забирался, а Картен пока что был рядом с лошадьми. Видя, что можно не торопиться. Тарлиан сначала подошел к Илому. Попрошаться.

— Ну, пока что ли, дружище?

— Пока. Ты давай, старик, держись там! Андронию спуску не давай!

— Да уж конечно! — и махнув напоследок рукой, Тарлиан забрался в повозку.

И, к собственной досаде, оказался прямо напротив Андрония. Впрочем, тот тоже был не особо рад такой компании.

Тем временем Картен забрался на место возницы, дал знак привратнику открыть ворота. Лошади медленно тронулись с места... через несколько минут крепость скрылась за поворотом горной дороги.

За все время своей учебы (то есть уже семь лет) Тарлиан ни разу не покидал стены крепости. Ежегодные поездки в Дарминор на королевский фестиваль не в счет. До того, как его отдали на обучение в крепость, он вместе с родителями жил в небольшом княжестве в долине Флирос. В крепости Тарлиан частенько вспоминал те времена. Ему казалось, что «свободу» он помнил хорошо и детально, а дорогу в крепость так вообще запомнил на всю жизнь. Но теперь, глядя на горы, медленно проплывавшие мимо повозки, он ясно ощутил, что, вспоминая, представлял себе эти горы совсем по-другому. Так, может, и воспоминания о доме во Флиросе тоже были неверными? Если б он знал...

Как же ему надоели эти горы! Мрачные, безжизненные скалы, нависающие со всех сторон. Ему прочему-то казалось, что над Драконовым хребтом никогда не расходятся тучи. Даже в ясные, солнечные дни. Поездка в Эймар все-таки была глотком свободы. Пусть даже свобода была неполной, да и с мрачных Клеренских земель не уйти, но... но все же крепость Феникса больше не давила на него. И Тарлиан бы этому по-настоящему рад. За семь лет крепость так и не стала для него настоящим домом. Но и по родительскому дому во Флиросской долине он не сказать, чтобы сильно скучал. Тот дом был словно бы в прошлой жизни, почти во сне. Иногда ему казалось, что он уже не может вспомнить лиц родителей. Он ни разу не видел их с тех пор, как мама провожала его в крепость, а папа... он доехал с ним до самых ворот, сказал пару слов дяде и уехал. И все. Больше Тарлиан родителей не видел.

Помнится, первое время он даже обижался на них, потому что ко всем остальным родители приезжали — пусть изредка, пусть ненадолго, но все-таки! — а к нему нет. Он даже думал, что про него просто забыли! Но дядя всегда говорил, что родители очень заняты, приехать не могут... и постепенно Тарлиан привык. Привык и смирился. Что же делать с тем, что ему так в жизни не везет? Да ничего. Вот он ничего и не делал. Но судьба, видимо, решила иначе.

Как же прав был главнокомандующий, барон Ротмар Юсманский! Дорога судьбы всегда туманна, лишь изредка избранным дано увидеть на ней знаки. Но одно дело увидеть, а совсем другое — понять. Но в это странное, тревожное время перед новолунием, в которое все начнется, знаки верно читались мудрецами...

Странная все-таки штука — судьба. Вроде она есть, а вроде ее и нет. Вроде все предрешено, но все зависит лишь от тебя. Конечно, некоторые решения ты принимаешь сам, но Судьба — эта хитрая дамочка, режиссер спектакля под названием «Жизнь» — о, она уже все решила и обдумала на десять шагов вперед. А то и на все пятнадцать. А иначе как можно объяснить то, что юный Феникс с без того непростой судьбой оказался в одно время в одном

месте с... а вот это автор уже забегает вперед.

Невеселыми были мысли Тарлиана по дороге в таинственный замок Эймар. А дорога была длинной — без малого сотня миль.

Ну что ж, оставим на время юного рыцаря в ожидании, когда распахнутся перед ним двери легендарного Эймара, а сами вернемся к нашим четверым путешественникам. Да позволит читатель нам перенестись в предыдущий день. Как они там, бедные? Выживают в опаснейшем Черном лесу, да еще после такой битвы! Не будем же медлить, друзья, и обратим свой взор в направлении Нитрион-Флирос от крепости.

Глава 6

Глава 6

VI. Лист. Эфарленд. Черный лес. Ли-фанна. Эван. Альнора. Рэй.

(12 дней до новолуния)

Проснувшись утром — а было это примерно в то же время, когда Тарлиана вызвали к главнокомандующему — Ли-фанна не сразу сообразила, где она и что вообще происходит. Но потом она вспомнила ночное сражение, смерть и последующее оживление Рэя... ужас произошедшего холодной, липкой волной захлестнул ее. Она с новой силой осознала, что может не вернуться из этого путешествия. Но думать об этом было страшно. «О, боги! За что мне это все?!» — мысленно вскричала она, но тут же задумалась и успокоилась. Сама так захотела, в конце концов. Нечего было из дома убегать.

Между тем, выяснилось, что Черный лес не такой уж и черный при свете утра. Во всяком случае, эта его часть. Если вчера вечером полянка, выбранная Рэем для ночлега, показалась Ли-фанне местом, о котором можно было только мечтать — так сильно она отличалась от остального леса, проклятого Легионом — то что же чувствовала девушка, глядя на эту же полянку при свете утра?

А полянка и впрямь была замечательная. Живописнейшая. Солнце освещало верхушки деревьев самого разного вида — были тут и самые обычные ели и сосны, и странные высокие деревья с широкими листьями, напоминающими кленовые. Листья эти были почти прозрачными, и солнце просвечивало их насквозь, создавая интересное зеленоватое освещение. Из-за этого трава, которая и без того была сочного зеленого цвета, казалась еще зеленее, еще ярче. И, что странно, на этой траве не осталось ни следа от вчерашнего сражения. Это Ли-фанну обрадовало. Не хотелось ей вспоминать ночное происшествие.

Похоже, она проснулась первой. Алька еще сладко спала, отдыхала от ночных переживаний; Эван дремал, рядом с ним лежал меч, который он даже не убрал в ножны — на всякий случай. Ли-фанна его прекрасно понимала — свою рапиру, которую Рэй ей после всех волнений и ужасов подарил, она тоже не убирала — еще и потому, что некуда было.

Нет, все-таки она проснулась не самая первая — вон, Рэй тоже не спит: лежит и смотрит в небо.

— О, ты уже не спишь? — спросил он, заметив, что Ли-фанна пошевелилась.

— Видимо. Ты как, в порядке? — спросила девушка, с тревогой вспоминая состояние Рэя после битвы.

— В порядке, конечно, что со мной сделается-то? — Рэй улыбнулся. — Хорошо вы меня вчера вылечили. То есть оживили.

— Не напоминай, — Ли-фанну передернуло от воспоминаний. — Жуть какая-то! Я столько крови за раз в жизни не видела! Как рана-то твоя?

— Не поверишь! — жизнерадостно ответил Рэй. — Почти прошла.

— Ты прав — не поверю. Может, не пойдем сегодня никуда, а? — вдруг спросила Ли-фанна. — По-хорошему, нам всем надо отдохнуть, отлежаться немного.

— По-хорошему-то, конечно, да, но ты сама подумай: если они нашли нас сейчас, что мешает им сделать это еще раз? Если мы останемся на месте, только упростим им задачу.

— Сам же сказал, что нас в любом случае найдут, — пожалала плечами Ли-фанна. — Каким образом, кстати?

— Таким, что это они, а они не остановятся ни перед чем. Ты даже не представляешь, какой силой они обладают. Выследить нас для них — пустяк. Мы для них полные ничтожества. Да и те, что от нас сбежали — то есть все семеро — точно не станут молчать о том, где мы.

— А зачем же на нас внимание обращать, на ничтожеств-то? — хмыкнула Ли-фанна. — И про этих легионеров... мне почему-то показалось, что мы их всех поубивали.

— Ну, это легко проверить. Иди сюда и дай руку. Левую.

Ну, предположим, уточнять и не надо было: правая рука у Ли-фанны и так не работала. Когда она подошла, Рэй не сильно придавил большим пальцем какую-то точку у нее на руке на середине локтя. И... совершенно ничего не произошло.

— Как я и думал, — удовлетворенно кивнул Рэй. — Видишь, у тебя рука чистая. Никаких следов не проявилось.

— А какие должны быть следы? — удивленно спросила Ли-фанна.

— Понимаешь... если сверхмаг убивает легионера, у него на руке, если вот так нажать, проявляется отметина — что-то вроде царапины. На самом деле ее нет, это только видимость, но зато наглядно показывает...

— Ужас! — сказала Ли-фанна. — Но почему тогда они все исчезли, да еще и в дыму каком-то?

— В дыму, говоришь? — удивленно посмотрел на нее Рэй. — Странно... может, научились как-то перемещаться в пространстве? Хотя странно это — я ничего подобного раньше не видел и не слышал. Зато я точно могу сказать, что все эти семеро живы — иначе они бы точно никуда не исчезли.

Ли-фанну передернуло он этих слов — жуть какая...

— Скажи, а обязательно все это? Убивать кого-то, пусть даже легионеров?

— Конечно, нет. Просто, понимаешь, это война. Вечная война между сверхами и Легионом. А на войне всегда так... кстати, именно поэтому им и нужны мы. Вернее, вы с Альнорой. Вы ведь сверхи.

— А ты? — в лоб спросила Ли-фанна. — Сам-то ты сверх? Или как?

Она уже давно хотела задать Рэю этот вопрос. С первого дня их совместного путешествия.

Рэндиан Меннерс задумался. Задумался надолго — видимо, решал, как ответить. Потом медленно произнес:

— Это сложно, на самом деле... можно сказать, что почти сверх.

Такой ответ Ли-фанну несколько озадачил. Если не сказать — завел в тупик. Но больше на эту тему Рэй явно ничего говорить не собирался. Ну и ладно. Если не хочет, пусть не говорит.

Тут проснулся Эван. Резко сев, он оглядел полянку и, похоже, остался чем-то доволен. Наверное, ждал еще одного нападения.

— Доброе утро. Наверное, — поздоровался он. — О чем разговариваете?

— Обо всем понемножку, — ответил Рэй. — Ого, как солнце высоко поднялось! Скоро надо будет снова выдвигаться.

— Подожди, куда выдвигаться? — ошеломленно переспросил Эван. — Я думал, мы сегодня вообще никуда не пойдём.

— Если никуда не пойдём, потеряем кучу драгоценного времени, — заметил Рэй. — До новолуния остается всего двенадцать дней, а нам еще нужно дойти до замка Эймар. Чем скорее мы до него доберемся, тем лучше. Неизвестно, что будет ждать вас дальше.

— Подожди, в каком смысле «вас»? — удивился Эван. — А ты как же?

— Я что-то пропустила? — спросила вдруг Алька, которая, как оказалось, тоже проснулась. — Вы вообще о чем?

— А спать меньше надо, — хмыкнул Эван. — Рэй, и все-таки?..

— Я обещал Сойрену, что дойду с вами до Эймара. Дальше вам, увы, придется идти самим. Не то, чтобы мне самому так хотелось, — сказал он в ответ на хмурый взгляд Ли-фанна, — просто, поймите, что во всей этой истории слишком много такого, что не объяснить просто так. Со сверхмагией вообще связано слишком много загадок, — он вздохнул. — А сейчас нам, наверное, действительно пора идти.

Но прямо сейчас пойти никуда не получилось, потому что Альнора взбунтовалась и заявила, что это не дело — вот так с самого утра куда-то идти, и вообще, она без завтрака никуда не пойдет, и если она в этом дурацком лесу вдруг совершенно без сил грохнется в обморок, это будет полностью на совести Рэя.

После такого категоричного заявления Рэю ничего не оставалось, кроме как выполнить требования Альноры. В общем, снова отправиться в путь нашим путешественникам удалось только через час.

— Надо сегодня еще немного на северо-запад продвинуться, — сказал Рэй, когда они уже покинули такую уютную полянку, приютившую их. — Глядишь, дня за три-четыре до Эймара и доберемся.

— Неужели этот лес до самых Клеренских земель тянется? — спросила Алька. — Дс них же так далеко!

— Именно что до самого Клерена, — кивнул Рэй. — Хотя к самому замку по лесу не пройдешь — вокруг него сплошная тундра.

— И чем ты только на географии слушала! — усмехнулась Ли-фанна. — Нам же месяца два назад про этот лес рассказывали! Про то, что он соединяет Дармин, Флирос и Клерен и все такое...

— Ну не все же такие заучки, как ты! — фыркнула Альнора, давая понять, что разговор окончен.

Ли-фанна в изумлении подняла брови. Это она-то заучка? С ее наплевательским отношением к учебе и школе в целом? Докатились! И, между прочим, Альнора всегда училась намного лучше нее. Да, все-таки Алька неисправима!

Некоторое время они шли молча. Каждый думал о чем-то своем. Ли-фанна, например, просто любовалась лесом.

А любоваться было чем. Очень даже было! Потому что эта часть леса совершенно не походила на тот мрачный, проклятый лес, через который они проходили, вернее,

пробирались, вчера.

Начать с того, что здесь под ногами были не корни и коряги, а живая зеленая трава. Кое-где в этой траве виднелись разные цветочки и листочки. Некоторые из них Альнора аккуратно срывала и складывала к себе в рюкзачок.

— Магия магией, а запас целебных трав всегда пригодится, — прокомментировала она свои действия.

Этот новый лес даже сложно было назвать Черным — потому что он был по-настоящему Зеленым. Именно так, с большой буквы. Те странные деревья с полупрозрачными листьями, которые окружали полянку, где они ночевали, росли и здесь — как позже узнала Ли-фанна, эти деревья действительно были кленами, только особенными, клеренскими. Ласковое и теплое утреннее солнышко светило прямо сквозь листья. Рассеянный зеленоватый свет падал на траву, отчего она казалась еще зеленее — точь-в-точь, как на полянке. Листья, как оказалось, были прозрачными только в середине, а по краям они были обычными, плотными, и поэтому на траве танцевали красивые, будто кружевные, узоры из теней. Эти узоры придавали этому месту несколько таинственный вид. Все это: и эти узоры, и деревья, оплетенные вьюном — чем-то напоминало ей тот, ее, секретный уголок у подножия Бронзовой горы. Только то местечко на восточной окраине Дарминора нравилось ей намного больше этого красивого, но все-таки чужого леса. Опять же, ее пугала близость Легиона и тот факт, что выследить из проще простого. А хуже всего было то, что Легиону нужны они с Алькой. Рэй и Эван, выходит, вообще ни при чем! Рискуют из-за них своими жизнями... или она снова чего-то недопонимает? Вот так задачка...

Ли-фанна мысленно улыбнулась: ну вот, она уже рассуждает обо всем происходящем так, как будто она ко всему этому уже давно привыкла, и никакой сверхмагией ее уже не удивишь. А давно ли она спокойно жила себе дома, и ни о чем таком и знать не знала? Сложно поверить, что прошло всего четыре дня с тех пор, как мама узнала о ее прогулах в школе! Потом была эта глупая драка, и она сбежала из дома... Кажется, что прошла целая вечность! Когда-то она сможет вернуться? Что им предстоит сделать? Или все эти пророчества, которых никто даже не помнит — чистейшая глупость? Знать хотелось все и сразу, а ответы мог дать разве что Рэй... но он явно не расположен был говорить, по крайней мере, сейчас.

Но помимо всего этого, Ли-фанна подметила еще одну странность. Эта странность была связана с ней самой. Ее головокружение, к которому она привыкла вчера, сегодня стало намного слабее. Может, все дело в том, что они значительно отделились от проклятой части леса? Как бы там ни было, жить явно стало легче. Даже несмотря на вернувшуюся тупую боль в правой руке. Когда-нибудь и она прекратится.

...Было около полудня, когда наши путники вышли на небольшую полянку, похожую на ту, где они ночевали. Рэй решил устроить там привал — силы действительно нужны были им всем. Разумеется, никто возражать не стал.

...Ничто не предвещало беды, когда в небе что-то гроыхнуло. Могло показаться, что это где-то в отдалении что-то взорвалось, или что начинается гроза. Но на небе не было ни облачка...

— Что это было?! — вздрогнув от неожиданности, спросила Альнора.

— Может, опять Легион? — предположила Ли-фанна, хотя ей самой стало не по себе от такой мысли.

— Может, и Легион, — мрачно изрек Рэй, глядя в сторону, откуда доносился грохот, — а может, и нет. В любом случае, началось.

— Началось что? — удивленно спросил Эван. — До новолуния же целых двенадцать дней!

— Пока сложно сказать, что именно. Но то, что что-то плохое — это точно.

Ли-фанне все это очень не понравилось. Очень. Хотя, что именно ей не понравилось, она не понимала и сама. Ну громыхнуло где-то — и что? Ничего ведь не происходит. Но какое-то смутное предчувствие чего-то плохого ее не покидало. Хотя, казалось бы, что может случиться здесь, в не проклятой части Черного леса в солнечный летний день? А оказалось, очень даже может!

На этой полянке они надолго задерживаться не стали — где-то через час Рэй объявил привал законченным. На этот раз — вот странно! — никто не возражал.

Они двинулись дальше в направлении Клерен-Пренель. Эван, Алька и Рэй шли чуть впереди и оживленно разговаривали о чем-то — кажется, о замке Эймар. Ли-фанна в разговоре участия не принимала, и даже слушала его вполуха — голова была занята совершенно другими мыслями. Она не могла избавиться от этого своего дурного предчувствия, к которому еще прибавилось ощущение, что за ними кто-то неотступно наблюдает. Точнее сказать — следит. А после ночного нападения у Ли-фанны просто не было оснований считать это ощущение беспочвенным. И это ей совершенно не нравилось.

Но почему-то она никому про это дурацкое ощущение не сказала. Зачем, если все и так на нервах, пусть и стараются этого не показывать?

— А ты в замке Эймар был? — спросила у Рэя Альнора.

— Был, — кивнул он. — Но очень давно — лет... восемь, что ли? — назад.

— А ты хозяина этого замка знаешь? — продолжала Алька. — Говорят, крайне таинственная личность. Никто его не видел, ни с кем он не разговаривает... Ну так что?

— Знаю, конечно. Как бы иначе я мог гостить у него в замке, если б мы друг друга не знали? Так, говорю сразу: его настоящего имени я не знаю, — предупредил он следующий вопрос Альноры. — И даже его лица я ни разу не видел. И вообще, Аль, хватит забивать свою голову глупостями!

— Так ты, выходит, жил там, в Эймаре? — спросил Эван.

— Ну да, было дело. Жили мы там с братом... — Рэй вдруг осекся и замолчал.

— У тебя есть брат? — удивилась Ли-фанна. Некоторое время назад она все-таки оторвалась от своих невеселых мыслей и молча слушала разговор.

— Да... но это долгая история. Мы давно не общаемся, — похоже, Рэю была не слишком приятна эта тема.

Ли-фанна не стала его спрашивать. Вот странно: чем дольше они путешествовали вместе с Рэем, тем таинственнее для них становился сам Рэй. Они ведь так и не знали, как он связан с происходящим. И этот его странный ответ: «Почти сверж»... Непонятно. Но Ли-фанне задумываться об этом не хотелось. Рэю она доверяла. И все.

Они шли, как ни в чем не бывало, как вдруг Алька с тихим стоном упала в обморок прямо на руки Эвану. Парень, похоже, страшно перепугался:

— Алька, что с тобой? Ты жива вообще? Аль!

— В обмороке, — сказал Рэй. Быстро осмотрев девушку. — Из-за дара, похоже. Или...

Дальше Ли-фанна не услышала: у нее самой ноги вдруг подкосились, она потеряла равновесие и на несколько секунд вырубилась. И если бы Рэй не успел ее поймать...

Она пришла в себя довольно быстро, в отличие от Альноры. Эван положил бесчувственную девушку на траву, и ни на шаг от нее не отходил.

— Не нравится мне все это... — задумчиво произнес Рэй. — Совсем не нравится. И тучка мне эта тоже не нравится.

«Тучка», о которой говорил Рэй, была не просто тучкой, а настоящей грозовой тучицей! Она была прямо-таки черного цвета, внутри нее посверкивали молнии... и двигалась она точно в их сторону. Причем двигалась как-то подозрительно быстро. И... против ветра.

Когда туча оказалась точно над ними, внутри нее что-то гроыхнуло, и полил дождь. Такого дождя никто из наших путешественников не видел за всю свою жизнь! Сплошная стена воды, обрушившаяся на них, сократила обзор до расстояния вытянутой руки. Ли-фанна с трудом видела Рэя, стоявшего рядом. О местоположении Эвана и Альноры она могла судить только по голосу парня:

— Рэй! Ли-фанна! Вы где? Что вообще происходит?! — пытался он перекрыть шум дождя. Шум был просто ужасный — Ли-фанне казалось, что она не слышит и собственных мыслей.

У нее снова закружилась голова. И почему-то ей казалось, что все это из-за дождя. А вдруг этот дождь — дело рук Легиона? Кто знает, на то они способны...

Рэй и Ли-фанна подошли к Эвану — в таком ужасе лучше держаться вместе. Хотя, правильней сказать: Рэй подошел. Ли-фанна еле волочила ноги.

Альнора, как оказалось, уже пришла в себя. Но, похоже, ее состояние было еще хуже, чем у Ли-фанны.

Конечно, идти куда-то по такому ливню было невозможно. Пришлось нашим многострадальным путешественникам пережить эту напасть под разлапистой елкой, где было более-менее сухо. Ну и надеяться, что никакая шальная молния не угодит в их ненадежное укрытие.

Дождь (только если это стихийное бедствие можно назвать дождем) прекратился уже ближе к вечеру. Ну, как прекратился... просто стал потише — настолько, что обзор увеличился примерно до десяти метров. Постепенно видимость улучшалась, дождь утихал... но совсем он все равно не кончился, а стал тихо-тихо моросить. Ненавязчиво так.

— Не нравится мне этот дождик, — сказал Рэй. — Какой-то он неправильный. Явно чародейский.

— Хочешь сказать, что это... — начал Эван. Рэй движением руки остановил его.

— Похоже на то. Но пожалуйста, не произноси это слово! Если они нас выследят...

— Ой, мамочки... — полусшепотом произнесла Альнора. — И почему у меня так болит голова?..

— Похоже, это из-за дождя, — ответил Рэй. — Он каким-то образом воздействует на твой еще не установившийся дар.

— Ох... наверное, я сейчас скажу глупость, но я хочу домой.

Кажется, впервые в жизни Ли-фанна была полностью согласна с Альнорой. Она даже сама себе не хотела признаваться, как она скучает по дому. По маме, по сестренке... и по спокойной жизни... Жизни без этого ужасного «дара». Все, что происходило с ней после того, как она покинула Дарминор, было слишком страшным. А дома было так спокойно, что иногда даже скучно...

— Похоже, этот дождь еще долго не кончится, — сказал Рэй, никак не отвечая на Алькины слова. — Девчонки, вы как? Идти сможете?

— Ты что, хочешь снова отправиться в путь? — спросил Эван.

— А что еще делать? Они контролируют лес, теперь я это ясно вижу. Но есть тут одно действительно безопасное место. Про него точно никто не знает, и никакие чары там не действуют. Дойдем туда — и станет полегче. Во всяком случае, спокойнее.

— А далеко идти-то? — устало спросила Алька.

— Не очень. Тут рядом.

Нет смысла подробно описывать всю дорогу наших путников до безопасного места. Достаточно сказать, что чародейский дождь не прекращал моросить ни на секунду. Туча — уже не черная, а какого-то серовато-сизого цвета, заволокла все небо, так что вечер казался еще темнее, чем он был на самом деле. Хотя на самом деле Солнце только собиралось ложиться спать.

Они шли немногим меньше часа. А когда дошли, счастью не было предела. Потому что здесь, на лесной опушке, над головой было ясное, чистое небо. И никакого дождя — ни колдовского, ни обычного.

В самом центре просторной поляны стоял домик. Небольшая, но явно очень прочная хижина.

— Прошу, — произнес Рэй, распахивая дверь домика.

Альнора и Ли-фанна, разумеется, зашли первыми. Но внутри было до странности темно, так что пришлось пройти два шага и ждать Рэя с Эваном.

— А я и забыл, что тут так темно, — сказал Рэй, входя в хижину вслед за Эваном. — Слушай, Эван, зажги, пожалуйста, свет, а то я без магии...

Эван быстро зажег огонек, так же, как тогда, в Черном лесу, после чего удивленно взглянул на Рэя.

— С чего это ты без магии? И вообще...

Рэй только отмахнулся от него:

— Может, потом объясню... когда-нибудь. Неважно это все. Так, ну и чего мы до сих пор на входе стоим? Проходите давайте!

В хижине было две небольшие комнатки. Одна из них — та, в которую они зашли сначала — служила сразу и кухней, и столовой, и гостиной. Вторая комната была спальней. Там было светло из-за большого, на полстены, окна. А вот в первой комнате, которая, к слову, была чуть побольше, окон почему-то не было.

— Значит, так, — командирским тоном начал Рэй, быстро оглядев обе комнатки. — Переночуем здесь, а наутро снова в путь. Девчонок заселим в спальню. Эван здесь, на диванчике, поспит.

— А ты? — вопросительно взглянул на него Эван.

— А я и на полу спать могу. Короче, устраивайтесь поскорее, а потом есть. Я голодный, как стая волков! — весело закончил Рэй.

Ли-фанна и Алька пошли в спальню — вещи положить. В комнатке было уютно, хотя обстановка была совсем простой: две кровати да шкаф. И все. Потом в уголке комнаты, за шкафом, обнаружился умывальник, которым усталые девушки не преминули воспользоваться.

— Ну, хоть на человека стала похожа, — удовлетворенно заметила Альнора, быстренько умывшись. — А то после этого леса...

— И не говори, — поддержала ее Ли-фанна, убирая с глаз налипшую зеленую прядь

волос.

— А вот ты похожа на инопланетянина, — усмехнулась Алька.

В существование инопланетян на Листе верили очень немногие, но, между тем, версия об их существовании есть, и имеет полное право на жизнь.

— Это чем же? — Ли-фанна не обиделась. В существование инопланетян она не то что бы верила, а ко всяким подколкам давно привыкла.

— Волосами своими зелеными, — насмешливо произнесла Альнора. — Ладно, пошли уже, пришелица!

В соседней комнате Рэй зажег старенькую керосиновую лампу, стоящую на столе. Сразу стало уютней и веселей. Странно, но хотя домик долгое время простоял заброшенным, этого совсем не чувствовалось. Даже пыли и паутины почти не было.

В подрагивающем свете лампы стало видно, что и эта комната такая же уютная и просто обставленная, как и спальня. В самом центре комнаты стоял круглый стол в окружении пяти стульев. У стены, слева от входа, пристроилась печь. Хотя, это, скорее, был большой камин. Сразу за ним была дверь в спальню, а чуть дальше стоял небольшой диванчик. На стене напротив висел небольшой шкафчик со стеклянными дверцами, но что там внутри, почему-то не было видно.

— А почему в этой комнате нет окон? — спросила Ли-фанна, осматриваясь вокруг.

— Давайте договоримся: все вопросы потом, — устало проговорил Рэй.

Переглянувшись с некоторым недоумением, девушки стали накрывать на стол.

В течение следующего получаса наши путешественники не разговаривали. Потому что «когда я ем, я глух и нем». Только когда со стола все было убрано, Рэй сказал:

— Ну вот теперь можно и поговорить. Что ты спрашивала, Ли-фанна? Почему здесь нет окон? Так для безопасности. В этом лесу и раньше рискованно было появляться сверхмагам. И не только в проклятой его части. А все Легион...

— А что, это слово уже можно произносить? — приподнял брови Эван.

— Здесь — можно. Сюда никакие чары не проникнут. Колдовство Легиона действует только там, где они могут что-нибудь увидеть. Смотрят они из леса. А как можно что-нибудь увидеть в комнате без окон?

— А там, в спальне... — начала Алька. Рэй улыбнулся:

— На ту комнатку наложены специальные чары. Туда они тоже не заглянут.

Ли-фанна, Альнора и Эван успокоились, и, кажется, впервые за последние сутки почувствовали себя в полной безопасности.

Ли-фанна, правда, чувствовала еще кое-что. Ей казалось — это было очень странное чувство — что когда-то, безумно давно, она уже была здесь. Но это был просто абсурд — она до недавнего времени ни разу не покидала Дарминора. Но ощущение было, и не оставляло ее в покое.

— А откуда этот дом вообще взялся? — спросила она. — Кто его построил?

Рэй улыбнулся, видимо, вспомнив что-то.

— Этот дом построили уже довольно давно — лет десять назад. Легион уже тогда пытался завладеть этими землями, а этот дом должен был служить хоть какой-то защитой от легионеров. А возвела это укрытие своим колдовством одна из самых могучих чародеек мира, верховная ведьма Эфарленда.

— Да неужели? — изумлено округлила глаза Альнора. — Неужели самой Верховной ведьме может понадобиться укрытие?

— Так она же не для себя его строила! Было время, когда здесь, в этом домике, жили мы с братом. Как же это было давно...

— А почему вы тут жили? — поинтересовался Эван. — За вами что, тоже охотился Легион?

— Это долгая история, — сказал Рэй, ни на кого не глядя. — Слишком долгая и грустная, чтобы ее рассказывать. Да и зачем вам это?

Рэй однозначно не любил рассказывать о своем прошлом. Он сразу помрачнел, нахмурился. Похоже, не очень-то ему приятно вспоминать свою жизнь.

— Не будем о грустном, ладно? — через некоторое время спросил Рэй. — Просто не спрашивайте меня о моем прошлом, хорошо? Зато о чем угодно другом — пожалуйста!

Но дальше беседа не задалась — все трое ребят почувствовали некоторую отчужденность Рэя, и не хотели тревожить его вопросами. Во всяком случае, сейчас.

Некоторое время они просто сидели в молчании. В хижине было тихо — слышно было, как капли все еще морозящего дождя за пределами поляны ударяются о траву.

И вдруг в этой тишине раздался ясный, четкий стук: кто-то стучал в дверь. Ли-фанна и Альнора одновременно вздрогнули, Эван рефлекторно положил руку на рукоять меча, прикрепленного к поясу — с ним он теперь не расставался. Рэй явно напрягся, но никакой тревоги не выказал, а... пошел открывать дверь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что бы это могло быть? — пробормотал он. — Или кто?..

Только он приоткрыл дверь, в образовавшуюся щелочку со свистом — именно что со свистом! — влетела небольшая птица. Она стремительно пролетела в другой конец комнаты, резко развернулась, и села на протянутую руку Рэя.

— Черный стриж... — медленно произнес он, глядя на птицу. — Ну конечно! Где еще она могла нас искать?

— Ты о чем? — спросила Ли-фанна.

— Эта вот самая птичка — черный стриж — посланник одной очень влиятельной и могущественной особы. И раз уж она решила связаться с нами, и даже письмо написала... — с этими словами Рэй отвязал от птичьей лапки послание, свернутое в тугой свиток, и погрузился в чтение.

— Быть не может! — пораженно воскликнул он через несколько минут. — Я ведь думал, что он... с ума сойти!

— Что-то случилось? — тут же спросил Эван.

— да нет, все нормально. Просто... несколько прояснились планы на недалекое будущее... но об этом пока что рано. Кстати, насчет «рано»... завтра опять отправимся чуть свет. Так что советую всем хорошенько выспаться! Не думаю, что завтрашний день будет легким...

Девушки сразу же с удовольствием последовали его совету.

— Тебе не кажется, что Рэй какой-то странный? — тихо спросила Альнора, когда обе уже лежали в своих кроватях.

— Странный? Ну разве что совсем немного. Он скорее... загадочный. И веселый. Иногда.

— Ну, в принципе, да. А Эван?

— А что Эван? Эван просто... просто Эван, и все! Что ты у меня-то спрашиваешь? Ты его лучше меня знаешь!

— Да, но... просто захотелось услышать твое мнение о нем.

— С чего это ты начала интересоваться моим мнением?

— Ну... мы ведь путешествуем вместе... и мир заключили...

— Ладно, ладно... давай спать, а? Честно говоря, я ужасно устала.

Альнора что-то невнятно пробурчала в ответ, и, похоже, действительно заснула. Ли-фанну тоже скоро сморил сон. Но где-то в полусне она вдруг поняла, что здесь, в этом домике, даже на защищенной полянке, она ни разу не почувствовала ни слабости, ни головокружения. Даже боль в правой руке отступила.

И, обрадованная этим открытием, Ли-фанна быстро заснула.

Рэй так всю ночь и не смыкал глаз. Стриж-посланник улетел, когда он прочитал письмо. Само письмо оставалось у него — он аккуратно положил его в нагрудный карман рубашки. Но вот поверить в то, что было написано в этом письме, он никак не мог.

Уже далеко за полночь, когда все уже давно спали, он вышел из домика, и в лунном свете перечитал послание еще раз. Потом, невесело усмехнувшись чему-то, он поднял голову к небу и спросил у самой Луны:

— Что ты задумала на этот раз? С чем хочешь, чтобы мы столкнулись? Куда ведешь их? Может, хватит уже говорить с нами знаками и загадками?

После этих слов он развернулся и ушел в дом. Всю ночь он просидел за столом, размышляя о чем-то. А может, вспоминая. Но об этом может рассказать только он сам.

Глава 7

Глава 7

VII. Лист. Эфарленд. Черный лес. Ли-фанна. Эван. Альнора. Рэй.

(11 дней до новолуния)

На следующий день наши путешественники двинулись в путь рано — было, наверное, около шести часов утра. Настроение у всех четверых было не очень: еще бы, им ведь пришлось покинуть такую защищенную опушку и снова войти в Черный лес. А в том, что он Черный, не сомневался теперь совершенно никто.

Дождь так и не прекратился — все моросил, из-за чего лес казался подернутым легкой дымкой. Серые тучи заволокли все небо, не пропуская солнечный свет, так что в лесу царил полумрак. Полянка, где стояла хижина, была единственным ярко освещенным пятном в этом мрачном месте. Естественно, нашим путникам не хотелось покидать ее!

Но добираться до замка Эймар нужно было, притом как можно скорее. Так что пришлось нашим друзьям собраться с силами и выйти в этот проклятый дождь.

Как только они покинули опушку леса, на Ли-фанну вновь навалилось все, что было так или иначе связано с ее «даром»: головокружение, боль в руке... Но ко всему прибавилось еще одно, крайне странное, ощущение: будто кто-то настойчиво стучался в ее голову. Именно что стучался. Она, казалось, даже слышала этот стук: тихий, ненавязчивый, но очень четкий и постоянный. И это ей совсем не нравилось.

Интересно еще кое-что: когда Ли-фанна переступила через невидимую границу, разделявшую лес и защищенную полянку, по всему ее телу пробежал холодок, а лицо будто заколола тысяча мелких иголок. Когда-то она уже чувствовала нечто подобное... а, точно! Когда вышла из восточных ворот Дарминора. Выходит, там все-таки стояла магическая

защита... или дело в чем-то другом?

— А обязательно возвращаться в лес? — спросил Эван. — Почему бы не пройти вон там?

Он махнул рукой в направлении, где полянка не граничила с лесом, а как бы продолжалась.

— Ну, если ты хочешь сгинуть в болотах, конечно, можешь идти там, — пробурчал Рэй. Он был сильно не в духе. — Через лес сейчас идти безопаснее, как это ни странно.

Первые четыре-пять миль они прошли в молчании. Да и о чем было говорить? Ли-фанна не знала, о чем можно говорить с Эваном и Альнорой. За четыре дня совместного путешествия она так и не смогла найти с ними общий язык, хотя и очень этого хотела. Может, все дело в ее нелюдимом характере?

Неизвестно, сколько бы они молчали, если бы Альнора вдруг не спросила:

— Я все равно не совсем понимаю... Насчет этого пророчества... Учитель Сойрен сказал, что чувствует, что мы как-то к нему причастны. Как это вообще можно почувствовать?

Рэй остановился и внимательно посмотрел на нее:

— Начнем с того, веришь ты ему или нет?

— Верю, конечно! Просто...

— Подожди. Просто пойми: у всех сверхмагов разные возможности. Дар у всех раскрывается по-разному. Сойрен, например, может чувствовать магию внутри каждого... и немного предвидеть будущее.

— Что-то я не замечала у себя никакого особого дара, — тут же отозвалась Альнора, хотя видно было, что ее очень заинтересовало сказанное Рэем.

— Ну, твой-то дар еще не установился до конца. А вообще все вы, алые сверхмаги, можете влиять на материальные предметы.

— А почему говорят «алые сверхмаги»? — поинтересовалась Ли-фанна, про себя отмечая это «вы». Выходит, себя Рэй к ним не относит? А говорил, «почти сверх». Непонятно...

— Потому что искры в глазах алые, что непонятного? Ну и наверное, чтобы посолидней звучало...

Но Ли-фанне показалось, что он снова чего-то недоговаривает.

Так они шли, а лес вокруг них оставался одинаково мрачным и зловещим. И этот ни на секунду не прекращающийся дождь... Ли-фанне казалось, что именно из-за этого дождя она так плохо себя чувствует. Да еще вдобавок ко всему ее коротко подстриженные черно-зеленые волосы намокли, липли теперь на лоб и лезли в глаза. Альнора, впрочем, выглядела примерно так же. Ее роскошные белокурые локоны изрядно потемнели от воды, и, похоже, только мешались хозяйке.

Сколько они так шли? И до куда Рэй собирался довести их сегодня? Неизвестно...

Где-то через час после обеденного привала, бывшего совсем коротким, Ли-фанна почувствовала, что голова у нее начала кружиться намного сильнее. Одновременно усилился и надоевший уже стук в этой самой голове. Она прошла еще шагов пять, и вдруг перед глазами все поплыло, и мир перевернулся с ног на голову...

Она очнулась, как ей показалось, почти сразу. Только вот где она очнулась, было непонятно. Но это точно был не Черный лес.

Вместо высоких елей и пихт, которые росли в той части леса — поле, а скорее даже, степь, покрытая странной травой серебристого цвета. Где-то эта трава казалась твердой, словно землю утыкали длинными серебристыми иглами; но почему-то именно такая трава была мягче пуха. А где-то трава стелилась по земле, будто шелковая, но ступать по ней было больно, как по иголкам. Кое-где из травы выглядывали цветы, больше всего похожие на белые звездочки.

Разглядывая это чудесное место, Ли-фанна не сразу заметила, что на ней вместо привычных брюк и кофточки надето красивое платье до колен из переливающейся алой ткани. Вдобавок, она почему-то была босиком. Заметив это, девушка несказанно удивилась: как это она оказалась здесь в таком непривычном наряде? И, кстати, «здесь» — это где? И, что самое непонятное, где остальные?

Тут выяснилось, что в этом странном месте уже наступили сумерки: из-за туч освещение в лесу было примерно таким же, так что неудивительно, что она не заметила разницы.

Небо здесь было красивого серовато-синего цвета, а прямо перед Ли-фанной висел огромный лунный серп, похожий на букву «С». Эта Луна была совершенно не похожа на ту, что Ли-фанна видела дома, в Дарминоре. То есть, она вроде была та же, но... она была ярче, больше обычной, и... словно бы живая. Не просто круглая каменюка, спутник Листа, как говорили ученые, а совершенно отдельная, живущая своей жизнью магическая планета. Именно магическая и именно планета. И никак иначе.

«Великие боги!» — подумала Ли-фанна, глядя на эту огромную и чужую Луну. «Что я здесь делаю? Как я здесь оказалась?!»

И ровно в тот момент, когда закончилась эта полупаническая мысль, Луна ослепительно сверкнула ярким серебряным светом — не серебристым, а именно серебряным, причем этот свет явно исходил от самой Луны. Вдруг от светила отделилась непонятная полупрозрачная тень. И эта тень... начала двигаться в сторону Ли-фанны! Постепенно она видоизменялась, приобретая все более четкую форму... И наконец стало ясно, что это и не тень вовсе, а молодая женщина! Она будто бы шла прямо по воздуху навстречу Ли-фанне.

Вот, наконец, она спустилась, словно по невидимой лестнице, на землю и замерла в нескольких шагах от Ли-фанны.

Незнакомка была потрясающе красивой. Но красота ее была какой-то неземной, потусторонней. И Ли-фанну не покидало ощущение, что она видела ее, и не раз.

Длинные, черные, как смоль, волосы до самых колен; снежно-белая кожа; тонкие черты лица; большие глаза интересного светло-голубого цвета. Ее высокую, стройную фигуру обтекало длинное, до самой земли, серебристое платье, сшитое — даже не сшитое, а, скорее, сотканное из тончайшего переливчатого материала, чем-то похожего на воду. Платье шевелилось от малейшего ветерка, а в свете Луны оно ярко блестело и переливалось всеми цветами спектра. Но все же оно было серебристым.

Пока Ли-фанна внимательно разглядывала незнакомку, та с той же внимательностью глядела на нее. Но потом она приветливо улыбнулась и произнесла:

— Итак... я позвала тебя, и ты пришла. Подойди же сюда, дитя мое. Не бойся — здесь тебе ничего не угрожает.

— Но... подождите! Кто вы? Где я? И что должно мне угрожать? — воскликнула Ли-фанна, сразу выходя из оцепенения, вдруг охватившего ее.

— Ты задаешь очень много вопросов, — мягко улыбнулась красавица. — Это похвально, но древние тайны не любят нетерпеливых. Ах, молодость... ты еще так юна, милая моя... а на твои плечи взвалили такую тяжелую ношу... Впрочем, я несколько ошиблась, говоря о древних тайнах... они ведь намного моложе этого мира, а наш Лист еще так юн... почти как ты, Ли-фанна. Все это так относительно, и так непостоянно...

Ее голос был очень мягким и нежным, и одновременно очень звонким и сильным. Странный контраст, но именно этот контраст и завораживал. Речь этой таинственной незнакомки можно было бы слушать бесконечно... если бы она напрямую не касалась Ли-фанны.

— О каких тайнах вы говорите? О тайнах сверхмагии? И что за ношу на меня взвалили? И кто взвалил? И откуда, в конце концов, вы знаете мое имя?

— И ты снова забегаешь вперед, Ли-фанна Лотье, — мягко осадил ее красавица. — Но если ты так этого хочешь, я открою тебе немного из того, что ты должна знать. Ты заслуживаешь этих знаний. Прости, что не расскажу всего, но пойми... это твой путь. И ты должна пройти его сама... без моей помощи.

Итак, ты спрашиваешь, кто я. Я не враг тебе — и это все, что тебе пока нужно знать. Ты можешь доверять мне, хотя и не во всем.

Где мы, я, уввы, не могу тебе сказать. Быть может, этого места даже нет на самом деле... но все же мы здесь, и иногда знания этого бывает вполне достаточно.

Угроза у всех сейчас одна: банда, именующая себя Легионом, и... а вот этого, я, к сожалению, сказать не могу. Всему свое время.

Откуда я знаю твоё имя — совершенно неважно. Я знаю многое. А вот остальные твои вопросы куда важнее.

Для начала о древних тайнах... я уже говорила, что они не столь стары, как все думают. Но это ни в малейшей степени не умаляет их важности. Эти тайны появились гораздо раньше первых сверхмагов. Но они тесно связаны с твоей судьбой и с судьбой тех, кто окружает тебя. Но ведь если я расскажу тебе об этих тайнах, они перестанут быть тайнами, так? — она улыбнулась, но в этой улыбке чувствовалась грусть.

— На твои взвалили ношу, которая оказалась не под силу многим смельчакам, лучшим воинам и сверхмагам Феникса. Кто же тебя обрек на такую участь? Ошибки. Ошибки недалекого прошлого, и люди, которые эти ошибки совершили. Они не хотели тебе такой участи... судьба рассудила сама.

— Но что, что это за участь? — снова спросила Ли-фанна, видя, что собеседница замолчала. — Что я должна сделать? Хотя бы примерно? Я ничего не понимаю...

— Твоя участь, твоя ноша, — с новой силой заговорила незнакомка, — это право начать. Право, которое больше похоже на обязанность. Тебе суждено начать то, что начнется в новолуние. А тогда, как известно, начнется все. — Она повернулась к сияющему серпу. — А новолуние уже совсем скоро...

Это лишь малая толика того, что ты действительно должна знать, это я уже говорила. Грубо говоря, это даже не знания, а подсказки, ниточки, держась за которые, можно выйти к истинному знанию. Но не за этим звала я тебя сюда. Прошу, подойди поближе.

На этот раз девушка послушалась — подошла по той траве, которая будто торчала иголками. Женщина с улыбкой наблюдала за ней.

— Молодец, заметила эту особенность с травой.

— Ее сложно не заметить. А почему же трава такая странная? Или это очередной

секрет?

— О, нет! — засмеялась незнакомка. — Никакой тайны здесь нет, хотя, признаться, истинного ответа на это вопрос я не знаю. Но могу поделиться двумя предположениями.

Возможно, вся эта трава заколдована иллюзорным заклинанием, так что все кажется наоборот, а может, тут все, как в жизни: игл много, и, наступая сразу на все, не успеваешь почувствовать боли. А в мягкой траве скрываются редкие, но очень острые иглы-предатели. Доверись шелку такой травы — и попадешься.

И Ли-фанне показалось, что этот разговор про траву был затеян не просто так.

Она стояла рядом с прекрасной незнакомкой и чувствовала себя нелепым гадким утенком. С зелеными волосами. Вот уж точно, инопланетянка!

— Итак, я наконец смогу отдать тебе то, из-за чего позвала, — сказала женщина, и с этими словами протянула ей... цветок.

Он был похож на те, что росли на поляне вокруг, только в отличие от них, он был не белым, а алым.

— Это зарецвет, — ответила она на изумленный взгляд Ли-фанны. — Магический цветок огромной силы. Он обязательно поможет тебе в будущем. А пока... — она прошептала несколько слов на непонятном языке, и цветок оказался прочно закреплен на тонкой, но крепкой бронзовой цепочке. — А пока надень его на шею и не показывай никому. Когда придет его срок, он сам себя проявит.

И, не давая больше никаких объяснений, она сама надела цепочку на шею Ли-фанне и произнесла:

— Совсем скоро ты покинешь это место. Быть может, навсегда. Но мы с тобой встретимся, и не раз. А пока что последний совет: ты привыкла не доверять людям. Так переступи же через свое недоверие!

Еще не смолкли эти слова, как все вокруг начало исчезать. Мгновение — и все погрузилось в густой молочно-белый туман...

— Эй! Ли-фанна, ты меня слышишь?

Она открыла глаза. Вокруг снова был Черный лес. Она почему-то лежала на траве. Над ней склонился Эван, и лицо у него было крайне встревоженное. Но увидев, что она открыла глаза, он усмехнулся, стараясь скрыть эту свою тревогу.

— Ну наконец-то! Спящая красавица соизволили очухаться! Ты как?

— В порядке, — неуверенно произнесла она, садясь. — Что со мной было?

— Вот и мне интересно, что с тобой было, — сказал Эван. — Ты упала в обморок — ну, как это обычно бывает у сверхов, — а очнулась почему-то только сейчас.

— И сколько я была в отключке? — спросила девушка, осматриваясь вокруг.

Солнце, похоже, по-прежнему висело высоко над горизонтом. Место, где она очнулась, разительно отличалось от того, где она отключилась... и от поляны, где она беседовала со странной женщиной, тоже. Здесь тоже была полянка, расположенная, видимо, в небольшой ложбинке. Дождь так и не перестал, все моросил, так что о положении Солнца можно было судить только по неясному светлomu пятну среди туч. На полянке никого, кроме них с Эваном, не было.

— Рэй с Алькой скоро придут, — сообщил Эван, увидев ее удивленный взгляд. — Ну, сама считай: отключилась ты часов в двенадцать, а сейчас... — он взглянул на небо, — ну, может, часов пять.

— Быть не может!

Ли-фанна была уверена, что разговор с незнакомкой длился не больше часа! А оказалось — целых пять часов! Как так могло получиться?

Оказалось, она все это время пролежала в обмороке... но почему-то она была просто уверена, что разговор с той женщиной был более чем реален. Не могло такое ей просто привидеться. Интересно, а цветок, который она дала ей? Зарецвет — так она его назвала? Где он?

— Что с тобой? — спросил Эван, разом прерывая ее размышления. — У тебя вид такой, как будто что-то случилось.

— Что? Нет, все в порядке. Я просто задумалась.

— Ясно. Что-то долго их нет... — сказал Эван сам себе. — Надо бы поискать их. Знаешь, мы миль пятнадцать прошли, пока ты без сознания была. Опять тащить тебя пришлось.

— Сочувствую, — отозвалась Ли-фанна, думая совсем о другом.

— Да ладно. Слушай, я пойду, поищу их. А то они час назад ушли, дорогу узнать. Ты со мной?

— Нет. Я, наверное, лучше здесь побуду, приду в себя до конца.

— Ну как хочешь. С тобой точно все в порядке?

Она кивнула в ответ. Эван нахмурился.

— Как знаешь. Только не уходи отсюда никуда. Ладно?

— Хорошо.

— Я скоро.

Он ушел, скрывшись за деревьями. Оставшись одна, Ли-фанна первым делом провела рукой по шее. И сразу почувствовала тонкую цепочку. Странно, но бронза почему-то была холодной. И невидимой. Незнакомка просила ее никому не показывать цветок, но она, как оказалось, и не смогла бы этого сделать — он тоже стал невидимым! Кто же все-таки такая эта женщина? И откуда она столько знает про нее? Да, эта встреча оставила после себя больше вопросов, чем ответов.

Ожидая своих спутников, она заметила кое-что очень странное: ее головокружение, не дававшее покоя весь день, с тех самых пор, как они покинули защищенную полянку, вдруг прекратилось. Хотя на самом деле, оно не покидало ее с самого дня, когда они покинули Трионвилль. Вчера ей просто помогла защита. Теперь же все прошло совершенно само. Странная перемена, которая не могла не радовать.

Эван, Альнора и Рэй вернулись минут через двадцать. И видимо, они были чем-то очень недовольны.

— Да, представь себе! — говорил Рэй Альке. Похоже, они уже долго о чем-то спорили. — Представь себе, я не всемогущ!

— Вот теперь я это прекрасно представляю! — огрызнулась девушка. — И что нам теперь делать?!

— Слушайте, может, хватит уже орать друг на друга? — вклинился в их ссору Эван. — Может, нужно просто всем сесть и подумать?

— Что происходит? — спросила Ли-фанна, подходя к ним. — О чем спор?

— Представь себе, Рэй сказал мне, что не знает, где мы! — заявила крайне рассерженная Алька.

— Да, я понятия не имею, в какой части леса мы находимся! — Рэй тоже был на взводе,

хотя и в меньшей степени. — Потому что у меня в голове нет карты леса! Такой карты вообще в природе не существует! А с таким дождем немудрено, что мы потеряли направление! А госпожа Вирт, как только услышала это, закатила скандал!

— Ничего я не закатывала! — вскричала Альнора.

— Альнора Вирт, успокойся немедленно! — воскликнула вдруг Ли-фанна, с точностью копируя интонацию их школьного завуча, госпожи Орлин. В школе это был единственный человек, способный поставить Альку на место.

Попадание получилось настолько точным, что Алька сразу замолчала, а Рэй, хорошо знавший госпожу Орлин, удивленно вскинул брови, а затем показал Ли-фанне большой палец. Девушка только плечами пожала: она и сама не поняла, как у нее так получилось.

— Слушайте, а к чему истерика? — спросил Эван. — Мы ведь все время шли на клерен-пренель. Так что мешает пойти так же?

— Вот и я о том же! — согласился Рэй. — Так кто бы меня послушал... — он с раздражением посмотрел на Альнору.

...Решили немного отдохнуть, а потом снова отправиться в путь — в направлении клерен-пренель, как и предлагал Эван. Альнора уже присмирела, да и Рэй остыл. Так что дальше все было мирно.

Дальше они пошли примерно через час. Ли-фанна удивлялась тому, как изменился лес за то время, что она была без сознания. Светлее он не стал — скорее, наоборот, еще больше помрачнел. Но появилось в нем что-то очень древнее, таинственное... какое-то очарование. Ничего подобного Ли-фанна раньше не замечала и не чувствовала. Это никак не было связано с магией — здесь, казалось, обитала сама Природа, а вся эта мрачность — не что иное, как попытки Легиона перестроить этот лес под себя, наполнить его черной магией. Не сказать, чтобы эти попытки увенчались успехом...

Но долго любоваться лесом Ли-фанне не довелось — дождь внезапно кончился, и его сменил туман, да такой густой — хоть ножом режь! Но четверым путникам некогда было заниматься такими бесполезными делами, а нужно им было двигаться дальше, да еще не сбиться с пути в этом тумане. А сделать это было крайне проблематично. Тем более что когда туман только сгустился, Альнора упала в обморок прямо на руки Эвану.

— Да что ж такое! — в сердцах воскликнул Рэй. — То одна, то другая! Когда ж у вас дар-то установится!

— Когда ты отключилась, тоже был такой туман, — тихо пояснил Эван Ли-фанне. — Не нравится он мне, туман этот. Неправильный он какой-то...

Ли-фанна была с ним полностью согласна. А вот Рэй думал совсем о другом.

— Так, ну надо уходить отсюда, — сказал он. — Хоть из полосы тумана выберемся. Немного еще пройдем...

Он легко подхватил бесчувственную Альку на руки, и пошел вперед. Если в этом жутком тумане вообще существовало какое-либо направление. Ли-фанна и Эван, конечно, двинулись за ним.

Да, со времени своего побега из дома Ли-фанна повидала многое. И это многое в большинстве своем было, мягко говоря, не очень веселым. Но этот переход через туман в Черном лесу, бесспорно, был одним из самых неприятных эпизодов на всем их пути.

Туман будто обволакивал Ли-фанну, проникал внутрь, пытаясь вытянуть из нее силы. Не оставалось никаких сомнений в том, что туман этот — очередная ловушка Легиона. Хорошо, что слабость и головокружение у Ли-фанны чудесным образом прошли, иначе она

свалилась бы без чувств, как и Альнора. Она вдруг заметила, что после разговора со странной незнакомкой стала чувствовать себя совершенно по-другому. Появилось где-то внутри нее совершенно новое ощущение — что-то очень спокойное и уверенное. Монолитное такое. Может, это и есть сверхмагия? Настоящий дар?

Но что бы это ни было, легче Ли-фанне от этого не становилось. Слишком уж сильным было действие тумана. Девушка еле волочила ноги, хорошо, что Эван был рядом, помогал. Хотя сам он едва держался на ногах, Ли-фанна это ясно видела.

Ей казалось, что они шли целую вечность, прежде чем Рэй наконец произнес:

— Все. Привал.

Странно, но в его голосе почти не чувствовалось усталости.

Они устроились под корнями большого ветвистого дерева — какого, не позволял разглядеть туман. Но ветки его свисали почти до самой земли, образуя небольшой шалаш — как раз, чтобы хватило место четверым.

Альку, все еще пребывавшую без сознания, Рэй заботливо уложил к самым корням дерева: там было практически сухо, несмотря ни на дождь, ни на туман.

Быстренько перекусив в полном молчании, наши бедные путешественники стали ждать неизвестно чего. Ночлег Рэй решил устроить здесь же, под укромными древесными ветками, но лечь спать пока никому не хотелось, хотя все (ну, может, за исключением Рэя) дико устали на этом долгом пути.

Но прошло где-то полчаса, и Эван не выдержал, заснул. Ли-фанне же спать почему-то не хотелось совсем. Ей даже казалось, что здесь, хоть в каком-то расстоянии от тумана, силы начали медленно, но восстанавливаться. В чем-то Ли-фанна даже немножко завидовала Альке — она лежит без сознания, и не чувствует этого жуткого тумана. Неужели когда она сама разговаривала с той незнакомкой, вокруг происходило то же самое?

Рэй сидел рядом с ней, прислонившись спиной к стволу дерева. Голова у него была опущена, глаза полузакрыты, так что Ли-фанна даже решила, что он тоже спит. Но он вдруг посмотрел на нее ясным, совершенно не сонным, взглядом, и спросил:

— Ты как? Жива пока?

— Да, все нормально, — ответила она. И это была чистейшая правда.

— Это-то и странно, — совершенно неожиданно произнес Рэй.

— Почему это?

— Просто понимаешь... когда ты была без сознания, а мы шли точно в таких же условиях, Алька еле шла. Да и потом, когда мы вышли из тумана, она была полуживая.

— И все-таки вы с ней пошли на разведку, — заметила Ли-фанна.

— Уж на этом она сама настояла. Но она серьезно с ног валилась. А ты как-то слишком легко все это переносишь. Скажи, только честно: когда ты упала в обморок, ты кого-нибудь видела?

Ли-фанна задумалась. Стоит ли рассказывать Рэю о встрече со странной незнакомкой? С одной стороны, та советовала ей «переступить через недоверие». С другой же, просила ничего не говорить про цветок. Но это ведь только про цветок... В итоге Ли-фанна рассказала все, умолчав лишь о зарецвете.

Когда она закончила говорить, Рэй произнес, обращаясь к самому себе:

— Значит, она уже знает... Хотя, естественно, что она знает! Но почему она решила вступить в игру именно сейчас?

— О чем ты? Ты знаешь, кто эта женщина? — спросила Ли-фанна. Определенно, чем

дальше, тем больше вопросов у нее возникало.

— Конечно, знаю. Это все знают. Но если она не назвалась тебе, то и я не буду говорить. То, что происходит сейчас... то, во что мы оказались вовлечены... это слишком сложно, слишком... опасно, чтоб разбираться во всем этом. Лучше не спрашивай меня пока об этом. В замке Эймар, я думаю, вам дадут ответы на многие вопросы.

— Было бы неплохо... — протянула Ли-фанна.

Казалось, количество вопросов увеличивается с каждой минутой. Кто была эта женщина? О каких ошибках «недалекого прошлого» она говорила? В чем ее, Ли-фанны, предназначение? Как она связана с пророчеством? И самое главное — как она умудрилась связаться во все это? И многое, многое другое... было, о чем подумать.

Минут через двадцать Альнора пришла в себя.

— Что... что со мной было? — спросила она, открывая глаза и пытаясь сесть. — Где мы? Мы ведь шли по лесу... Ничего не помню.

— У тебя был обморок, — ответил Рэй. — Дождь кончился, снова начался туман, и ты не выдержала. А мы просто нашли новое укрытие.

— Понятно. Ох, бедная моя голова... — простонала Алька.

— Слушайте, — сказала Ли-фанна, вглядываясь в пространство между ветками, — а вам не кажется, что туман рассеялся?

Рэй тут же выбрался из шалаша. Через несколько секунд девушка услышала его удивленный возглас:

— Ё-моё! Вот уж...

Ли-фанна тоже вылезла наружу. Алька осталась в шалашике.

Стоило Ли-фанне пройти два шага, как она увидела то, что так поразило Рэя.

Дерево, под которым они укрылись от тумана, стояло, как выяснилось, на краю леса. Дальше начинался луг, на котором, в свете не совсем еще севшего солнца, влажно поблескивала зеленая трава, а еще чуть дальше... еще чуть дальше приветливо светились огоньки в деревенских домах.

Деревушка была небольшой, и это, без сомнений, была одна из тех двух деревень, что были в распоряжении хозяина замка Эймар. И эта деревушка была всего-то в миле от них! Ли-фанне даже показалось, что она видит сам замок — цель их путешествия. До него было, может, миль двадцать. Темной, неприступной громадой возвышался он на фоне вечернего леса, но стены его не были мрачными, напротив, чувствовалась в них глубинная светлая сила и мощь. Что-то похожее Ли-фанна чувствовала в академии Феникса.

— Ты, кажется, говорил, нам идти еще три дня? — спросила она у Рэя, налюбовавшись потрясающим зрелищем.

— Я и сам так думал! Похоже, из-за дождя и тумана мы немного сбились с курса, и вышли западнее, чем я рассчитывал. Я думал, мы выйдем вон там, — он махнул рукой куда-то на восток. — Но оттуда до деревни идти дольше.

— Тогда хорошо, что мы сбились с курса, — удовлетворенно заметила Ли-фанна. — Это мы удачно заблудились. Ну что, порадуем остальных?

И она снова скрылась под ветками дерева.

Алька уже успела разбудить Эвана — она ведь не знала, хорошие у Рэя новости, или плохие, и поэтому жутко переживала. А вдвоем переживать все-таки легче.

Услышав от Ли-фанны потрясающую новость, Алька обрадовалась так, что подскочила едва ли не до самых веток, но уже через секунду бессильно опустилась на землю.

— Говоришь, до деревни всего миля? — спросил Эван. — Так, может, дойдем туда?

— Кажется, кто-то от усталости с ног валился, — насмешливо взглянула на него Ли-фанна.

— Ну, знаешь... какой смысл ночевать под деревом, если знаешь, что рядом есть нормальные человеческие дома?

— Вот и я так думаю, — сказал Рэй, заглядывая под ветки. — Ну что, пройдем еще немного? Аль, ты ведь идти не сможешь...

— Смогу! — ответила Альнора, неуверенно поднимаясь, опираясь о ствол дерева. — Теперь уже точно смогу!

...И снова наши путешественники отправились в путь. Но как не похожа была эта дорога на долгий, мрачный переход по Черному лесу! Теперь всем четверым шагало легко и даже весело. Кажется, даже Алькино головокружение стало утихать. Ли-фанна же чувствовала, что исчезло какое-то давление на нее. Оно присутствовало с самого момента, как они зашли в лес. Раньше она могла его не замечать, но теперь чувствовала такую свободу и легкость, какой не ощущала никогда. И так ей было хорошо и здорово, что просто слов нет! Остальные, видимо, чувствовали себя примерно так же — вид такой близкой цели придавал всем сил идти дальше.

Путь до деревни — одну дарминорскую милю — она преодолели минут за пятнадцать-двадцать. И куда только подевалась бывшая усталость?

Деревушку окружала высокая и с виду очень крепкая стена, что неудивительно — при таком-то соседстве. Но вот ворота почему-то оказались настежь открыты, а стражи нигде не наблюдалось.

— Что-то тут неладно, — произнес Эван, увидев это.

— Думаешь? А мне вот кажется, все нормально. Время еще не такое уж позднее, а зверья всякого в этой части леса почти не водится — возле Гиблых-то болот! Да и путники с этой стороны к ним вряд ли часто заглядывают, — рассудительно заметил Рэй. — Вот стражник и ушел куда-то: скучно ведь одному стоять.

Спутники согласились с ним, и отряд без всяких сомнений вошел через ворота в деревню.

...Вечер наступил еще не до конца, так что дневная жизнь в деревне все еще размеренно текла, постепенно сменяясь жизнью ночной.

Эта деревенька была совсем маленькой, если сравнивать ее, например, с Трионвиллем. Улица здесь была всего одна, а от нее отходили несколько ответвлений-переулков. Дома у селян были также небольшими, одноэтажными, но построены преимущественно из камня. Оно и понятно — в Клерене лесов, кроме Черного, почти нет, а вот гор полно: строительного материала навалом! Тем более, эту деревню разрушили, а потом заново отстроили в эру Дракона во время знаменитой Северной кампании. А сама деревня носит название Ольникс. Об этом своим спутникам рассказал Рэй, очень много знавший об этих местах.

У каждого домика был огородик (и как местные умудряются что-то выращивать на этих болотистых землях?). Сейчас, в вечернее время, там можно было увидеть многих людей — лето ведь, дел на огороде у всех полно... Ли-фанна поражалась простоте и открытости сельской жизни, проходившей совсем рядом: заборы почти на всех участках были чисто символическими, а где-то и вовсе отсутствовали. Местные жители явно доверяли друг другу,

и понимали, что в случае нападения Легиона никакие заборы не помогут.

В самом конце улицы (то есть на краю деревни) стояло каменное здание в два этажа. На фоне других домиков оно казалось великаном. Над дверью была вывеска с изображенной на ней (надо сказать, довольно неумело) головой белого волка.

— Похоже, нам туда, — сказал Рэй, указывая на это здание. — Идемте.

Они вошли в здание, которое действительно оказалось деревенской таверной и по совместительству гостиницей. Как в Трионвилле. Только здесь масштаб поменьше.

В таверне было шумно — даже странно для такой маленькой деревни. Кажется, в большом, но полутемном зале собралась половина населения Ольникса. Интересно, где же работает большинство селян?

Не успели путешественники сесть за один из немногих свободных столов, как к ним подошла миловидная молодая девушка в простом коричневом платье и белом переднике. Светлые вьющиеся волосы ее были стянуты в тугий хвост, а серые глаза смотрели приветливо, но немного удивленно — не привыкли здесь к незнакомцам, да оно и понятно.

— Привет! — радостно улыбнулась она. — Я Омали, хозяйка местная. А вы кто такие будете? Давненько у нас в Ольниксе не было приезжих!

Четверо путников назвали свои имена. Здесь, в Ольниксе, скрывать конечную цель их путешествия было бы просто глупо, так что Рэй произнес:

— Мы пришли из Дарминора, а путь держим в замок Эймар. У нас очень важное дело к хозяину замка, — добавил он с нарочито таинственным видом. — Если не возражаете, мы переночуем здесь, в вашей таверне?

— Конечно! — всплеснула руками Омали. — Разумеется! Гости Эймара и наши гости тоже! Так что я с вас даже платы не возьму! И никакие возражения не принимаются! Сейчас принесу вам ужин.

И Омали умчалась куда-то.

— Вот что могут сделать правильно подобранные и вовремя сказанные слова, — сказал Рэй, когда она растворилась в толпе. — Но, честно говоря, такого эффекта я не ожидал.

— То есть, ты специально сказал ей про важное дело? — спросила Алька. — Как-то даже нечестно получается.

— Все честно, — пожал плечами Рэй. — Нам ведь действительно туда надо. И дело к хозяину Эймара у нас есть. Кто же виноват, что здесь так его уважают?

А хозяина замка Эймар здесь, в Ольниксе, действительно уважали — чуть ли не больше, чем самого короля! (И, честно говоря, их очень легко понять — король Эфарленда для Клерена не сделал ничего хорошего... ну, может, кроме того, что не убрал с границ стоявших там Фениксов). Во всяком случае, Омали отнеслась к гостям со всем уважением и почетом. После Черного леса наши путешественники впервые почувствовали себя сытыми и удовлетворенными.

Но после ужина Альнора решила уйти в комнату, приготовленную уже для них с Ли-фанной: Омали и здесь постаралась. У Альки в глазах снова засветились сверхмагические искры. Народ ей пугать не хотелось, так что она ушла. А Ли-фанна чувствовала себя просто прекрасно, так что она решила еще немного посидеть в зале — хоть к человеческому обществу привыкнет заново.

— А ведь у Альки не было вспышек, пока мы в лесу шли, — произнес вдруг Эван. — А обычно они у нее каждый вечер.

— Это все лес, — ответил Рэй. — Он может влиять на сверхмагию. Легион постарался

У сверхов с уже установившимся даром он может вытягивать магию, а таким, как Альнора, он даже помогает — во всяком случае, вспышки на время прекращаются.

Услышав это, Эван как-то очень внимательно взглянул на Ли-фанну — начал, видно, что-то подозревать. Но она ничего не рассказала о том своем разговоре со странной незнакомкой. Она уже все рассказала Рэю, а Эван... момент был не тот, тем более, она и сама пока почти ничего не понимала. Нужно было сначала во всем разобраться, а потом уж делиться своими выводами с другими. А может, все дело в излишней ее недоверчивости? Сейчас ей не хотелось думать об этом. До того, как они придут в замок Эймар, ей все равно не удастся получить никаких ответов. А вот узнать что-нибудь об этих местах не помешало бы.

Она огляделась по сторонам. Обычная деревенская таверна, ничего особенного. Хотя Ли-фанне раньше не приходилось бывать в подобных заведениях. Разве что в Трионвилле... но его можно было в расчет не брать.

Довольно большой зал, освещенный желтоватым светом множества свечей — шторы на окнах были закрыты. Ярко горели, потрескивая, дрова в большом камине. А над камином висела просто огромная шкура белого волка. Столиков в таверне было немного, а вот народу хватало — собирались большими шумными компаниями. Похоже, пока женщины работали в огородах, их мужья собирались в таверне обсудить последние новости... ну и пропустить по стаканчику, куда ж без этого?

Но вскоре народ стал расходиться: у всех были важные дела дома. Так что вскоре в зале остались они трое, не считая трактирщика — молодого, улыбчивого парня. Тому, видно, скучно было стоять одному, так что он подошел к троице путникам.

— Приветствую! Меня зовут Тарн, — представился он. — Не возражаете, если я немного поболтаю с вами? А то, знаете ли, у нас здесь почти ничего не происходит, а новости сообщить некому — последние гости у нас были лет семь, а может, и все восемь, назад.

Разумеется, никто возражать не стал, так что Тарн присел рядом с ними. Поначалу он расспрашивал о жизни в Дарминоре, о том, что сейчас в мире делается — нет, Ольникс не был отрезан от внешнего мира — новости туда привозили слуги из замка Эймар, но ведь куда интересней услышать все от столичных жителей, почти участников событий! Тарну, простому деревенскому парню, казалось, что все, кто живет в столице, должны быть очень влиятельными людьми, и входить чуть ли не в королевское окружение.

— А вы-то здесь, в деревне, чем живете? — спросил Эван, когда почти все новости были рассказаны, — где у вас народ работает? Да и вообще, какая у вас тут жизнь?

— Спокойная жизнь, — пожал плечами Тарн. — Почти ничего не происходит. Народ в основном в Эймаре работает — там штат большой нужен, а хозяин замка никого не гонит. Золотой человек! Кто-то пытается фермерством заняться — но какие тут фермы, в наших-то болотах? Мы с Омали, сестрой моей, вот, таверну держим. Еще дед наш тут трактирщиком был! — с гордостью добавил он. — А что, работа у нас хорошая — здесь ведь все местные собираются. И из соседней деревни, бывает, люди приезжают. Знаешь все местные новости, хотя их и немного, а бывает, и с хорошими людьми пообщаешься. Ну, вот как с вами сейчас.

— Спасибо на добром слове! — улыбнулся Рэй. — А скажи-ка, что это за зверюга была, чья шкура над камином висит? Я таких великанов раньше не видал!

— И вряд ли когда-нибудь увидишь! И слава Тринадцати, что не увидишь! Было время, когда эта зверюга не давала житья всей округе. Волчара задрал лучших лошадей Эймара,

потом принялся скот в Нальморе, соседней деревне. Все думали, что через некоторое время он и на людей перейдет. Но до такого не дошло, слава богам. Только эта тварь впервые забрела к нам в Ольникс, ее сразу же изловили. Люди всякое говорят, но я-то своими глазами видел, как это было! Прямо за нашей таверной зверюга накинулась на какого-то паренька из приезжих — это как раз было тогда, когда у нас последний раз кто-то гостил. Ему было лет шестнадцать-семнадцать, но, клянусь вам, он как-то смог уложить этого волка! Парень-то не простой оказался — видел я, что был у него меч, который сиял, как луна...

Рэй улыбнулся, услышав эту историю.

— Просто невероятно! Как же шестнадцатилетний мальчишка мог одолеть такую зверюгу, пусть даже у него был меч? Хотя это тоже довольно странно...

— Можешь не верить, если не хочешь. А я говорю — видел все своими глазами! — Тарн, похоже, немного обиделся.

Рэй поспешил заверить его, что верит, просто эта история действительно странная. Но Ли-фанна подумала, что говорит он так просто из вежливости.

Вскоре девушка тоже пошла наверх, в комнату — все-таки, ей необходим был отдых. А вот Рэй с Эваном еще довольно долго разговаривали с трактирщиком о том, о сем — надо сказать, собеседником он был интересным.

Но оставим на время наших друзей — на этот раз в полной безопасности — и перенесемся в такой таинственный и неприступный замок Эймар, чьи башни возвышались над деревушками, и словно бы пристально наблюдали за их жителями.

Глава 8

Глава 8

VIII. Лист. Эфарленд. Замок Эймар. Тарлиан.

(11 дней до новолуния)

...Длинна дорога от Драконовых гор к замку Эймар — сотня миль по узким и ненадежным горным тропкам, ступить на которые решится не всякий. Но ни Фениксы, ни тем более их лошади «всякими» не были. Недаром ведь эта четверка коней была лучшей в крепости, да и Картена нельзя было назвать плохим кучером. Он прекрасно знал дорогу до Эймара — ну еще бы, он ведь географ! Но на то, чтоб добраться до замка, все равно ушел целый день. Тарлиан не раз во время этого пути жалел лошадей, которым приходилось тяжелее всех.

Когда замок наконец показался впереди, Тарлиан едва смог сдержать радость. Вот он, тот самый замок, куда им с Иломом так хотелось сбежать, когда жизнь в крепости становилась совсем невыносимой. Тот замок, легенды о котором ходили по всему Клерену! Недостижимая цель, далекая мечта Тарлиана — ему всегда хотелось хоть одним глазком, хоть издали посмотреть на замок. И именно там он будет жить в ближайшие десять дней...

Эймар был просто огромен. Его стены казались черными и почему-то поблескивали в неярком свете луны, а башни, коих было превеликое множество, вздымались к самому небу. Но при этом он не вызывал у Тарлиана никакого страха — только трепет перед этими могучими и безумно древними стенами. Нет, этому замку никак не могло быть всего пятьсот лет! Он намного, намного старше, это же сразу видно!

Единственным замком, который Тарлиан видел раньше, был замок, а точнее, крепость

Легиона, Гройвуд. Правда, ученик Феникса видел его лишь издалека, с гор. Но эта крепость даже на расстоянии внушала ужас. А Эймар... он был другим. Совсем другим. Особенным. Непохожим ни на что другое в мире.

Они подъехали к Эймару ночью, в то краткое время, когда солнце уже село, но еще не встало. Летом здесь, в Клерене, это время особенно коротко.

Замок был окружен глубоким рвом, наполненным водой. Мост, разумеется, был поднят. Но Картен подошел к страже, стоявшей на берегу рва, коротко переговорил с ней, и буквально через минуту мост начал медленно опускаться. Повозка въехала во двор замка.

Этот двор был раза в два больше двора крепости. И уж точно, он был поуютнее. Хотя была ночь, и мало что можно было увидеть, Тарлиан сразу это заметил.

Во дворе их уже ждали. Очень высокий и очень худой пожилой мужчина подошел к их повозке, как только лошади остановились.

— Приветствую, — сказал он, когда Картен спустился на землю и пожал ему руку. — Меня зовут Анор Прест, управляющий.

— Картен Джекс, наставник из Клеренской крепости Феникса, — представился Картен. — А это ученики нашей крепости — Эрлгримм, Промс, Андроний и Тарлиан.

Андроний что-то недовольно фыркнул: ему явно не понравилось, что его называли только третьим. Тарлиан себе такими мелочами голову не забивал, а старшие — Эрлгримм с Промсом — похоже, вообще не обращали внимания на такую ерунду.

— А! Конечно же! Вы самыми первыми приехали. Господин желал с вами встретиться, — эти слова управляющий произнес почти шепотом.

Картен коротко кивнул в ответ.

— Тогда идемте со мной. Комнаты для вас и ваших учеников уже приготовлены, лошадей сейчас пристроят в конюшнях. Подождите пока здесь, — обратился он к ученикам. — Сейчас вас проводят в ваши комнаты. А утром, здесь, во дворе, начнутся ваши испытания.

Господин Прест и Картен удалились, оставив учеников одних.

— Ну наконец-то! — заявил Андроний, как только они скрылись в замке. — Сто лет мечтал выбраться из этой тюрьмы!

Он щелчком пальцев зажег огонек — примерно так же, как это делал Эван. Только Андроний явно выделялся. Освещая себе дорогу, он пошел вокруг двора.

— А что, неплохо люди в Эймаре живут... — донесся до остальных его голос.

Эрлгримм и Промс с усмешкой переглянулись. Тарлиан никак не отреагировал. Честно сказать, он предпочел бы быть конюхом, чем Фениксом... в данной ситуации.

— Ну а ты, птенчик? — спросил вдруг Андроний. — Скажи, феникс наш бескрылый: никогда не хотел сбежать, а?

— Слушай, отвали, а? — устало ответил Тарлиан. Каждому из учеников хотелось, хоть раз в жизни, сбежать из крепости... он же мечтал об этом чуть ли не постоянно.

— Ого! — ухмыльнулся Андроний. — птичка распушила перышки, ну надо же!

Это Тарлиан решил проигнорировать. И когда уже Андронию надоест подкалывать его? «Птенчиком» его стали называть лет пять назад, с легкой руки того же Андрония. Хотя, на самом деле, придумал это сам Тарлиан.

Им тогда было по двенадцать лет — самый хороший возраст, когда жизнь в крепости уже узнали, но Фениксами быть еще не расхотелось. Тогда на уроках им рассказывали разные потрясающие вещи про Фениксов. Например, о том, что любой настоящий Феникс

может действительно превращаться в эту прекрасную птицу. Верили в это, правда, не все. Тарлиан с Иломом, например, сомневались.

— Тогда сейчас мы все птенцы, — сказал как-то Тарлиан. — А я так вообще... феникс без крыльев.

Под этим он подразумевал свою невезучесть, которая уже тогда здорово отравляла ему жизнь. Может, это было не слишком остроумно, но Илому явно понравилось... а Андронию, который «случайно» услышал, понравилось еще больше. С тех пор он называл Тарлиана только так. И не надоест же ему?

— Слушай, Андроний, ты вроде как лучший ученик, а мозгов у тебя, похоже, как не было, так и нет, — сказал вдруг Эрлгримм.

Андроний посмотрел на него, как на полного идиота.

— Если б у меня не было мозгов, меня бы сюда не взяли, Эрлгримм, — нагло ответил он.

— Ну, может, для тебя решили исключение сделать, — подключился Промс.

— Если тут и сделали для кого-то исключение, то не для меня... — Андроний выразительно посмотрел на Тарлиана.

А тот подумал, что лучше уж безвылазно торчать в крепости, но знать, что рядом есть хоть один друг, чем быть здесь, на свободе, в замке Эймар, но в полном одиночестве. Картен, Эрлгримм и Промс ни в счет. Единственным настоящим своим другом здесь он мог бы назвать Орлика, вороного жеребца, самого сильного и быстрого из всех лошадей крепости. Там, в крепости, в свободное время, он всегда мог прийти в конюшню, поговорить со своим другом... он его понимал. Намного лучше, чем люди. А сейчас Орлика, Арзима, Снежку и Диону распрягал сурового вида конюх, совсем не похожий на Арла. К лошадям не подойдешь. Остается только стоять, размышлять о своей тяжелой жизни и разглядывать башни Эймара, которые будто подпирали небо.

Нет, на самом деле Тарлиан никому никогда не жаловался на свою жизнь. Ни нытиком, ни тем более трусом он не был. Он был просто сдавшимся неудачником. И ему действительно было о чем подумать.

Но размышлять ему пришлось недолго: через несколько минут из замка — не из той двери, где скрылись Картен и управляющий, а откуда-то сбоку — появились четыре девушки. Все они были в одинаковых невзрачных платьицах, у одной из них, по-видимому, старшей, в руках был зажженный фонарь. Тарлиан сделал вывод, что это служанки.

— Здравствуйте, — сказала та, что держала фонарь, делая книксен. — Нас послали сопроводить вас в ваши комнаты. Следуйте за нами.

Она пошла к главному входу в замок, освещая путь своим фонарем. Остальные двинулись за ней.

Да, не привыкли ученики крепости к такому обращению! Там, в крепости, с ними мало кто обращался по-человечески: разве что некоторые наставники, да главнокомандующий. Здесь же они были гостями, к которым относились с большим уважением. Такая перемена в отношении несколько сбивала Тарлиана (да и Эрлгримма с Промсом, что уж там) с толку. А Андроний, похоже, чувствовал себя как нельзя лучше. Ему явно все это нравилось.

Войдя в замок, девушка сразу погасила свой фонарь. Тарлиану, чьи глаза привыкли к темноте, пришлось даже зажмуриться. Он и подумать не мог, что свечи могут быть такими яркими! Или здесь, в Эймаре, используются не свечи, а какое-то световое волшебство?

Холл замка Эймар был не таким уж огромным, но из-за великолепного убранства,

роскошного, но одновременно скромного, и высоченных потолков он казался очень большим.

Привыкший к угрюмым и неприветливым помещениям крепости, Тарлиан на несколько секунд замер, разглядывая замковый холл. Ничего похожего он не видел даже в Дарминоре во время королевских фестивалей. А если уж холл произвел на него такое неизгладимое впечатление, что же будет в остальном замке?

Неизвестно, что почувствовали остальные, войдя в замок. В Эймаре все они были впервые, но старшие шагали рядом с непроницаемыми лицами, а Андроний усиленно делал вид, что он ко всему такому привычный.

Они шли довольно долго — как бы не через весь замок. Коридоры сменяли лестницы, которые уступали место широким галереям, а уж сколько они прошли всяких залов! Запомнить дорогу в этом лабиринте помещений было совершенно невозможно, так что Тарлиан просто шел, любуясь замком.

А любоваться там было чем! Комнаты, какими бы бесконечными они не были, ни капельки не походили друг на друга. Но все они казались будущим рыцарям прекрасными... ну еще бы, после крепости-то! Но и на самом деле, замок Эймар считается одним из самых красивых замков Эфарленда, хотя богатством он и не отличается.

«И зачем здесь, в Эймаре, нужно столько комнат, если живет тут только один человек?» — удивленно думал Тарлиан.

...Когда они прошли очередной коридор, разветвляющийся на два, старшая из служанок, пошла направо, позвав за собой Андрония. Он еще больше возгордился. Остальные же повернули налево.

Где-то через две лестницы и один коридор две служанки вместе с Эрлгриммом и Промсом тоже свернули куда-то. Тарлиану это показалось несколько странным: почему учеников из одной крепости селят в разных частях замка? Но потом он решил не задумываться об этом: мало ли, какие здесь, в Эймаре, порядки? Он чувствовал себя несколько одичавшим после семи лет в крепости. Даже от нормального человеческого общества отвык совсем...

Он подошел к служанке и спросил — просто, чтобы что-то сказать:

— Нам долго еще идти?

Девушка, похоже, перепугалась. Тарлиан с удивлением заметил, что она даже младше него!

— А? Что? Нет, недолго. Скоро придем, — смущаясь, ответила она.

— Спасибо. Извини, если напугал.

— Нет-нет, ничего. Я просто недавно тут. Второй день. Не привыкла еще.

— Ясно. А раньше ты где жила? — спросил Тарлиан. Эта простая и явно общительная девушка произвела на него хорошее впечатление.

— В деревне, недалеко отсюда. Ольникс. Слышал, может?

— Ну еще бы!

— А сам ты откуда? — служанка снова смутилась. — Если не секрет, конечно...

— Почему же секрет? Я из Клеренской крепости. В Драконовых горах. Слыхала?

— Спрашиваешь! Так это, получается, вы наши защитники?

— Ну, не мы лично — мы ведь учимся пока...

— Неважно. Все равно, ты оттуда, значит, и ты нас защищаешь. А интересно, наверное, Фениксом быть? — спросила вдруг она. — Пусть даже учеником.

— На самом деле, не очень, — немного подумав, признался Тарлиан. — Но это, скорее всего, потому, что я такой... невезучий.

— Глупости! Ты наверняка сам себе вбил в голову, что ты невезучий, вот у тебя ничего и не получается, — неожиданно отрезала девушка. — И вообще, за невезением знаешь, какое везение приходит? У меня вот, например. Я ж почему в служанки пошла? У меня родители на мельнице работают — две деревни мукой обеспечивают. А в том году неурожай. Денег стало не хватать. Вот меня родители сюда и отправили. Тут здорово, на самом деле. Лучше даже, чем у нас в Ольниксе. Так что и тебе повезет как-нибудь.

Тарлиан только улыбнулся — не верилось ему, что когда-нибудь закончится его невезение. Но обижать девушку, которая понравилась ему своей искренностью и простотой, не хотелось.

— Меня, кстати, Келли зовут, — сказала девушка после недолгой паузы.

— Тарлиан, — представился юный Феникс.

Нет, ну он точно одичал, если даже не спросил у девушки ее имени! Хотя раньше ему почти не приходилось беседовать с девушками...

Разговаривая, они и не заметили, как дошли до комнаты, приготовленной для Тарлиана.

— Ой! А мы, оказывается, уже пришли! — с удивлением заметила Келли, оглядевшись по сторонам. — Вот твоя комната, — она показала на ближайшую к ним дверь. — Знаешь, мне, наверное, пора. Приятно было пообщаться. Пока!

— И мне приятно было поговорить. До встречи!

Тарлиан почему-то ни на секунду не сомневался, что встреча еще состоится.

Келли быстро взглянула на него, почему-то снова смутилась, даже покраснела, а потом стремительно развернулась и пошла по коридору. Тарлиан же направился в свою комнату.

На протяжении семи последних лет Тарлиан жил исключительно в казарме. Гостиничные комнаты, где случалось ночевать во время коротких вылазок в Дарминор, ни в счет. Так что он очень обрадовался такой смене обстановки: все-таки даже маленькая комнатка лучше койки в казарме.

Комнатка действительно была очень небольшой. Обстановки там практически никакой не было: кровать, шкаф, маленький столик, стул. Все. Но не привыкшему к роскоши Тарлиану этого было более чем достаточно. Он положил на кровать свою походную сумку — такие были у всех Фениксов — и подошел к окну. Интересно ведь посмотреть, что там, снаружи, делается!

А снаружи было на что посмотреть! Тарлиан, похоже, был почти на самом верху одной из башен. А вид оттуда открывался просто потрясающий!

Окно выходило на северо-запад, так что Тарлиан увидел простирающуюся на много миль вокруг тундру — суровую клеренскую болотистую тундру. Бледно-зеленая равнина казалась совсем пустой и безжизненной. Но Тарлиан знал, как обманчиво это впечатление. В тундре и животных разных полно, только их увидеть почти невозможно — пугливые очень; да и люди иногда встречаются. То Фениксы патрульные, то гонцы заблудшие — сбиться с пути в Клерене очень легко, а до ближайшего города — Мороньиса — от Эймара миль где-то пятьдесят на нитрион-пренель — полдня конного пути. Бывало, что и legionеры в тундру забредали: в тыл противнику хотели забраться, умники! Но Фениксы таких диверсантов быстро вычисляли и перекидывали их через границу.

Еще Тарлиан увидел вдалеке Драконовы горы, по которым эта самая граница и

проходила. Над ними стояло какое-то красноватое свечение, в котором то и дело возникали какие-то завихрения, вспыхивали молнии... «Опять Легион чудит, — подумал Тарлиан, глядя на это. — Ох и несладко сейчас в крепости!» И он чуть ли не в первый раз порадовался тому, что он в Эймаре. Легиона он не боялся, но кому же захочется попасть под какое-то неизвестное колдовство?

Самое интересное, что сияние это было настолько ярким, что освещало тундру чуть ли не до самого замка. Благодаря этому свечению Тарлиан и смог разглядеть всю описанную выше картину: хотя ночь уже готовилась уступить свои права дню, Солнце еще довольно крепко спало, и было достаточно темно.

Но больше Тарлиану ничего разглядеть не удалось, а усталость после долгой дороги все-таки давала о себе знать... так что он отправился спать.

(10 дней до новолуния)

Наутро, после умывания и прочих обычных утренних дел всех учеников пригласили на завтрак в большую залу внизу. Тарлиану об этом сообщил Эрлгримм, на которого он совершенно случайно наткнулся в коридоре.

— Хорошо, что я тебя встретил! — сказал Эрлгримм, увидев его. — Нам Картен передал, всех зовут вниз, на завтрак. Так что спускайся.

— Ага, спасибо, что сказал. Подожди, а куда спускаться-то?

— Хм... не знаю, честно говоря. Так... пошли тогда с нами, что ли? Если заблудимся, так хоть вместе.

Тарлиан радостно согласился. Это можно было даже считать везением! День определенно начался очень неплохо... хотелось бы, чтоб и продолжился он так же.

Но загадывать Тарлиану не хотелось, равно как и не хотелось думать о том, что ему сегодня предстоит. Так что он просто пошел за Эрлгриммом.

Сначала они зашли за Промсом — тот оказался в своей комнате, которая располагалась недалеко от Эрлгриммовой. А потом уж трое будущих Фениксов отправились куда-то вниз.

— Вообще интересно получается, — рассуждал по дороге Промс. — Никто ничего не знает, никто ничего не говорит. Что тут будет? Какие испытания? Кто нас будет испытывать? Зачем, в конце концов, это все? Хоть бы кто что объяснил. Привезли, и все. Даже куда идти, не сказали!

— Не возмущайся, — отозвался Эрлгримм, шедший немного впереди. — Выясним еще все, успеем.

— А кто возмущается? — удивленно спросил Промс. — Я, что ли? Так я не возмущаюсь, а пытаюсь оценить обстановку. У меня, может, методика такая!

— Методика у него... — пробурчал Эрлгримм. — Ты зачем с таким складом ума в Фениксы подался? Сам же знаешь — тут вопросов не любят.

— Так это ведь не я, а отец меня сюда оправил, — пожал плечами Промс. — А сейчас уже поздно что-то менять. А эта неизвестность меня напрягает. Я не люблю чего-то не знать. Вот, Тарлиан, скажи: ты волнуешься из-за того, как нас тут испытывать будут? Вот лично я — да.

— Даже не знаю, — задумчиво произнес Тарлиан. — Раньше вроде переживал, а сейчас почему-то нет.

И это было чистая правда. В крепости и во время дороги, когда он представлял себе замок Эймар и все, что его здесь ждет, все казалось гораздо страшнее.

Промса такой его ответ, похоже, вполне удовлетворил.

— Вот и у меня примерно так же, — сказал он. — Только я терпеть не могу неизвестность.

— А кто ж ее любит? — спросил Эрлгримм. — Не понимаю, чего вы вообще переживаете. Мы ж старшие, нас уже ниоткуда не выгонят. У нас путь один — посвящение, а потом служба. От этой поездки ничего не зависит.

— А откуда ты знаешь, что не зависит? — спросил Промс, хитро улыбаясь. — Вот-вот!

А Тарлиан думал, идя рядом с ними, что Эрлгримм и Промс, хоть и старше на два года, принимают его, как равного. Это было для него очень странно, но приятно. Определенно, жизнь начинает налаживаться! А вдруг Эрлгримм прав, и эта поездка не так уж и важна? Тогда выходит, что права и Келли, и за полосой невезения следует полоса удачи. Ему очень хотелось в это верить...

Шла тройца довольно долго; пару раз им казалось, что они напрочь заблудились, но каждый раз дорогу подсказывали слуги, которых в Эймаре было великое множество.

А когда они все-таки добрались до большой залы, то обнаружили, что пришли вторыми — в зале находилась четверка совершенно незнакомых им учеников — примерно ровесников Тарлиана. Ни наставников, ни слуг там не было.

Большая зала действительно была большой. Куда там крепости с ее вроде и просторными, но мрачноватыми помещениями! Здесь же и просторно, и уютно, и светло: шторы на всех окнах были открыты, и в залу врывался яркий свет утреннего солнца. Он освещал гобелены на стенах, плясал по узору из плиток на полу, зайчиками прыгал по потолку, и, преломляясь в стеклянных украшениях огромной люстры, рассыпался по всей комнате. По центру залы стоял большой стол, окруженный множеством стульев. На нем пока ничего не было — только белая скатерть — но это, честно говоря, волновало юных Фениксов в последнюю очередь.

Тарлиан изумленно осматривался вокруг. Такой красоты он уже очень давно не видел... и видел ли вообще? Определенно, ему начинало нравиться в Эймаре. Но надолго ли этого хватит?

Промс, так же, как и Тарлиан, с восхищением разглядывал залу. Эрлгримм же стоял с крайне задумчивым выражением лица, хотя заметно было, что и ему здесь очень нравится.

— Мне почему-то кажется, что я тут уже когда-то был, — задумчиво изрек Эрлгримм.

Промс изумленно взглянул на него.

— Ты ведь сам мне говорил, что ты тут в первый раз!

Эрлгримм только пожал плечами, и больше на эту тему распространяться не стал.

Но разглядывать залу слишком долг было невозможно, и Тарлиан невольно перевел взгляд на четверых незнакомцев, стоявших неподалеку.

Откуда они, понять было сложно, но явно из куда более благоприятных краев, чем Клерен. Выглядели они куда более сильными и крепкими, чем воспитанники клеренской крепости. И они разглядывали Тарлиана, Эрлгримма и Промса с таким же любопытством, с каким Тарлиан смотрел на них.

Промс первым из клеренцев набрался смелости и подошел к незнакомцам:

— Привет! Вы откуда?

— Нитрийская крепость, — ответил один из них, высокий брюнет, который, по-видимому, был самым старшим. — Меня зовут Лотрий, это Менар, Зантаур и Витлий, — представил он своих соучеников. — А вы откуда?

Промс ответил и тоже представил себя, Эрлgrimма и Тарлиана.

Постепенно они разговорились о жизни в своих крепостях. Как и думали клеренцы, жизнь в Нитрионе была намного легче. Во-первых, там было тепло. Во-вторых, край, где располагалась Нитрийская крепость, был населен куда больше, и учеников иногда отпускали ненадолго в близлежащие населенные пункты. А в-третьих, наставники в Нитрионе были куда человечней клеренских. Да и обстановка на южных границах была куда спокойнее, нежели здесь, в двух шагах от Легиона. Но Эрлgrimм, Промс и Тарлиан не стали жаловаться новым знакомым на свою нелегкую жизнь — в конце концов, это касается исключительно их крепости.

В момент, когда беседа была в самом разгаре, в залу зашел парнишка лет пятнадцати. Учеником из какой-нибудь крепости он явно не был, да и на слугу не походил. Больше всего вновь прибывший был похож на самого обычного школьника, живущего в каком-нибудь городе. Он и одет был примерно так же: темно-синяя рубашка, широкие черные брюки и черные же туфли с острыми носами, которые уже изрядно поизносились. Его растрепанные рыжеватые волосы ежиком торчали во все стороны. Весь его вид говорил о том, что сюда он бежал со всех ног. Несколько странно было видеть такого, совершенно обычного, мальчишку, в торжественной обстановке эймаровской большой залы.

— Привет! — сказал он, подходя к ним. — А что, никого из местных еще нет? Нет, ну это уже становится смешно... Вечность!

С этими словами он развернулся и направился к выходу из залы.

— Эй, постой! — окликнул его Менар, один из нитрийцев. — Ты сам-то кто?

— Да я из местных, — повернулся к ним мальчишка. — Меня зовут Мифьол.

Тарлиан плохо запомнил то, что происходило за этим «торжественным завтраком». В памяти осталось только то, что все больше говорили, чем ели, народу было много, но хозяина замка они так и не увидели, а им так и не объяснили, что их тут ждет.

Но вот то, что происходило дальше, Тарлиан запомнил очень хорошо. На всю жизнь.

После завтрака управляющий, господин Прест, объявил, что в десять часов, то есть через час, всех учеников ждут около конюшен, для проведения первых испытаний. И хотя Тарлиан почти перестал волноваться, после этого сообщения сердце предательски застучало в удвоенном темпе.

Весь оставшийся час свободного времени Тарлиан просто шатался по замку, надеясь, что сможет потом отыскать дорогу к конюшням. Остальные еще пытались как-то тренироваться перед испытаниями. Тарлиану же казалось, что в его случае это имеет абсолютно никакого смысла: зачем тренироваться, зная, что все провалишь? Лучше уж замок осмотреть: кто знает, когда еще такую красоту увидишь?

Эймар ему нравился. Очень нравился. А кому бы не понравился потрясающей красоты старинный замок, после семи лет, проведенных в угрюмой крепости Феникса? Тарлиан знал, что уезжать отсюда ему не захочется. Пусть даже все и поедут на праздник в Дарминор. Столица была для него слишком шумной, суетной и какой-то ненастоящей. Здесь же все было именно таким, каким он себе представлял. И здесь, в Эймаре, он почему-то чувствовал себя дома. Но это точно была глупость. Просто он отвык от внешнего мира, вот и все. Но все-таки здесь сама мысль о том, что ему придется провести в крепости еще целых три года, казалась совершенно невыносимой.

И все-таки ему удалось не заблудиться в лабиринте замковых коридоров (хотя где-то в

глубине души ему этого очень хотелось). К десяти часам он вместе со всеми учениками стоял во дворе около конюшен.

Здесь, видимо, всем заправлял господин Прест. Вот и сейчас он вышел вперед, встал перед учениками, и, оглядев их всех, звучно заговорил:

— Итак, юные Фениксы, добро пожаловать на ваши первые испытания! Вы, конечно же, недоумеваете, что вас ждет впереди, и почему вам никто ничего об этом не говорит. На самом деле, все очень просто: причина такой секретности в том, что никто толком не знает, что за испытания вас там поджидают.

После этих слов в строю обычно очень дисциплинированных учеников послышались удивленные и негодующие перешептывания.

— Подождите, подождите! — движением руки остановил их господин Прест. — Никто не знает об этом исключительно потому, что испытания вас ждут исключительно индивидуальные. Каждый пройдет испытание, которого достоин по силе и духу.

В этот момент Тарлиан порадовался тому, что стоит далеко от Андрония, Эрлgrimма и Промса, которым его «сила и дух» были прекрасно известны. Вернее, почти полное их отсутствие. Не проще ли сразу отправить его назад в крепость?

— Эти испытания, — продолжал между тем управляющий, — помогут вам лучше понять свою силу и свою слабость, научат владеть этими силами, дадут вам раскрыться полностью, и это поможет вам стать настоящими Фениксами! Но настоящие испытания начнутся завтра. Сегодня же будет простая проверка: надо выяснить, на что примерно способен каждый из вас.

Оживившиеся было ученики заметно приутихли: ну еще бы, всем ведь хотелось стать настоящими рыцарями Феникса! И только Тарлиан обрадовался внезапной отсрочке. Может, после этой проверки все поймут, что рыцарь из него никудышный, и отправят все-таки в крепость? Или нет, лучше просто отстранят от испытаний... а говорят еще, что Фениксы не должны отступать перед трудностями...

Проверку наставники решили проводить следующим образом: вызывали по порядку всех учеников от каждой крепости на специально выгороженную и окруженную мощным магическим барьером площадку. Что происходит за этим барьером, не было ни видно, ни слышно. О «проверке» можно было судить только по лицам уже прошедших ее учеников. Рассказывать что-либо они отказывались.

Перед началом всей этой проверки господин Прест поинтересовался, кто из учеников не владеет магией. Тарлиан, чувствуя себя полным дураком, вышел вперед. Худшие его ожидания оправдались — он оказался один. Глянув по сторонам, Тарлиан наткнулся на ехидненькую ухмылочку Андрония — вот уж кто наслаждался его позором!

Но господин Прест ничего ему не сказал — только сделал знак возвращаться в строй, а сам пошел к наставникам, сидевшим за длинным столом возле огороженной площадки. Тарлиану даже показалось, что он увидел там главу Ордена, сэра Нектоса. Да нет, не показалось! Вот он, во главе стола, беседует о чем-то с учителем Сойреном из Дарминорской академии. Вот попал так попал...

Пока Тарлиан рассматривал наставников и думал о своем грядущем сокрушительном провале, эти самые наставники времени не теряли, а выстроили все крепости и академии в длинную очередь, в порядке которой будут вызывать учеников на «проверку».

Клеренская крепость, к удивлению Тарлиана, оказалась где-то в середине этой очереди:

он почему-то ожидал, что она окажется последней. Но сам он, конечно же, среди всех клеренцев был последним.

...Их крепость стояла в очереди четвертой, сразу после крепости Флироса. Но очередь до них, как ни странно, дошла довольно быстро — где-то за час. Хотя Тарлиану это совсем не показалось быстрым: ведь всем известно, что нет ничего хуже ожидания.

Первым от их крепости, разумеется, пошел Андроний — ученики сами определяли свою очередность. Он гордо прошествовал к наставникам, громко назвал свое имя:

— Андроний Онори. Клеренская крепость.

Вот так Андроний! А в крепости всем представлялся не иначе как «Андроний Аррильский» или даже «Андроний де Ориман», как будто кто-то верил в то, что он может быть наследником престола одного из этих княжеств! А тут выясняется...

Но, видимо, сейчас Андронию было не до самоназваний. Он пошел на площадку для испытаний, и вышел оттуда через пять минут со страшно довольным (а точнее сказать — самодовольным) видом. Но к товарищам по крепости он не подошел, а удалился куда-то ближе к конюшням, откуда наблюдал за происходящим. А к наставникам тем временем направился Эрлгримм.

— Эрлгримм де Прайн, — представился он.

Тарлиан и Промс переглянулись с крайним удивлением. Своей фамилии Эрлгримм не называл никому и никогда. Все знали, что он не из простых, но о том, что он принадлежит к знаменитейшему графскому роду Прайнов, и подумать никто не мог! Даже его лучший друг Промс.

К слову сказать, род Прайнов знаменит тем, что всегда, во все времена защищал родной Эфарленд — еще до появления ордена Феникса. А графство, которым они владели, всегда было одним из самых богатых и процветающих.

Эрлгримм тоже пробыл на площадке около пяти минут. Но когда он вышел из-за магического барьера, вид у него был загадочный и несколько взволнованный. Он подошел к Тарлиану и Промсу, но ни слова им не сказал. Промс даже не взглянул на него, а, ни слова ни говоря, пошел к наставникам. Видно было, что он обиделся.

— Промс Деренс, — громко представился он.

Своей настоящей, хотя и не знатной, фамилии он никогда не стеснялся, и ни от кого ее не скрывал.

...И вновь все повторилось. Вернулся Промс вполне удовлетворенным. Он ободряюще хлопнул Тарлиана по плечу, пожелал ему удачи. Парень кивнул в ответ, и отправился навстречу своей судьбе.

— Тарлиан Брейс! — четко и громко произнес он, подойдя к столу наставников и едва узнавая собственный голос.

Сэр Нектос очень внимательно посмотрел на него, потом легонько взмахнул рукой, приоткрывая барьер. Тарлиан, как и многие до него, прошел на площадку.

Там было тихо. И не было ни единой живой души. Только в углу квадратной площадки сиротливо лежал меч. Тарлиан поднял его, надеясь, что сейчас обойдется без магических штучек, которые так любят наставники Клеренской крепости.

С мечом в руках он встал в центре площадки. Пока что ничего не происходило, и Тарлиан решил осмотреться вокруг. Снаружи видеть его никто не мог, разве что наставники, а вот он прекрасно видел всех.

Ученики, прошедшие уже проверку, разбрелись по всему двору. Остальные стоят группами, переговариваются о чем-то... От замка за происходящим наблюдают слуги. Тарлиан заметил среди них Келли, свою вчерашнюю знакомую.

Наставники совещались о чем-то: может, решали, какую проверку ему устроить? Не хотелось Тарлиану об этом думать...

Но долго раздумывать ему и не пришлось. Внезапно, совершенно бесшумно, из ниоткуда выскочили три тени, три призрака, наверное, в полтора человеческих роста каждый.

Они были очень похожи на легионеров — те же доспехи, черные плащи, обсидиановые мечи... только они были без шлемов — головы зарывали капюшоны плащей. И лиц у них тоже не было — только черный дым, клубившийся под капюшонами, со светлыми искрами глаз.

На то, чтобы увидеть все это, у Тарлиана ушло меньше секунды. Потому что призраки одновременно кинулись на него. И если кто-то думает, что призраки летают медленно, стараясь напугать жертву, и, для пущего эффекта, жутко завывая, — забудьте! Эти призраки были точно не из таких. Они кинулись на Тарлиана молниеносно и совершенно беззвучно. Двигались они как-то очень уж синхронно. Тарлиан едва успел вскинуть меч и описать им широкий круг вокруг себя — по-другому его бы попросту зарубили.

Призраки остановились и даже немного отступили назад. Это дало Тарлиану возможность оценить обстановку и подумать, как действовать дальше.

А действовать нужно было, и быстро, иначе тени снова набросятся. Похоже, настоящий здесь только один призрак, а остальные двое — копии. Но как узнать, какой именно настоящий? В принципе, призрак можно уничтожить одним точным ударом, но если он атакует не того, то проиграет во времени, и оставшиеся два снова набросятся на него... и не факт, что он успеет отразить нападение... А, была — не была! Он побежал на призрака, который, как ему показалось, был несколько материальнее остальных.

Со странным шелестящим звуком клинок прошел сквозь призрака, пронзив его как раз в том месте, где у человека находится сердце. Причем Тарлиан проделал все молниеносно — призраки, следившие за каждым его движением, не успели как-то среагировать. И только когда Тарлиан нанес удар, до оставшихся двух дошло...

...Они снова налетели на юношу, но тут с негромким хлопком взорвался тот, на кого напал Тарлиан. И через какую-то сотую долю секунды, которая показалась Тарлиану вечностью, взорвались и оставшиеся двое призраков.

Тарлиан не верил своим глазам. У него получилось справиться с этими призраками? Он запоздало вспомнил, что похожую проверку устраивали однажды у них в крепости, и справились с ней тогда все, кроме них с Иломом, потому что без магии пройти ее было невозможно. Но, может, здесь для него сделали какое-то исключение?

Тарлиан вдруг почувствовал, что за ним кто-то наблюдает. Причем «кто-то» не был наставником, поскольку стоял совершенно с другой стороны.

Он повернулся и увидел светловолосого мужчину лет сорока. Он не был похож ни на кого из Фениксов, собравшихся во дворе. Светлые волосы, длинные, до плеч, благородное лицо, прямой и открытый взгляд зеленых глаз... Одет он тоже был как-то непривычно: синяя рубашка, темно-синие брюки... и почему-то он был босой. Очень странный человек. И он совершенно определенно видел Тарлиана. А вот его самого, похоже, никто не замечал.

Увидев, что Тарлиан на него смотрит, странный человек приветливо улыбнулся ему. Тарлиан кивнул в ответ. Происходящее становилось все более непонятным.

Но раздумывать опять оказалось некогда, потому что проверка еще не закончилась.

За спиной Тарлиана неожиданно раздался странный, похожий на жужжание, звук. Он обернулся...

На том месте, где взорвался настоящий призрак, возникал новый — словно собирался из мельчайших частиц. От той тени, что взорвал Тарлиан, этот призрак отличался только ростом: он был намного ниже, чем предыдущий, примерно, как сам Тарлиан. Хотя было и еще одно отличие: этот призрак был куда более плотным. В каком-то смысле его даже сложно было назвать призраком. Так что справиться с ним одним ударом Тарлиан не мог. Значит, придется сражаться. Ну что ж...

...Этот призрак, или кто это там был, летать не собирался, да и двигался со вполне человеческой скоростью, но вот сражался он так... На памяти Тарлиана так сражались только легионеры, которым как-то раз, лет шесть назад, удалось прорваться в крепость. Фениксы тогда быстро прогнали их, но... но Тарлиан ведь не был настоящим Фениксом! Он был одним из самых худших учеников, а призрак не уступал лучшим воителям Легиона! Юноша едва успевал отражать удары, наносимые почти непрерывно, с поистине молниеносной скоростью. Ему приходилось с такой скоростью перемещаться по площадке, размахивая при этом мечом... а, между прочим, совершенно обычный, не магический, меч — просто игрушка против обсидианового клинка, каким был вооружен призрак.

Так что нет совершенно ничего удивительного в том, что призраку удалось зацепить Тарлиана. Острейшее обсидиановое лезвие оставило на правой руке глубокой порез, который сразу же налился острой болью. Рука словно бы потяжелела раза в три, и во столько же раз ослабла. Тарлиан, конечно же, знал о влиянии обсидиана на любое живое существо, но о том, что оно проявляется так быстро...

...Держать меч левой рукой было весьма проблематично. Правая же уже почти не работала. «Так не должно быть, — думал Тарлиан. — Это не должен быть настоящий бой».

Но бой почему-то был настоящим. И призрак упорно продолжал теснить Тарлиана. Парень чувствовал, что проигрывает. Эту битву ему не осилить. Зря дядя так на него рассчитывал...

И вдруг он почувствовал что-то новое. Что-то отличное от слабости и усталости. Внутри него будто зажглось какое-то пламя, и это пламя разгоралось все больше, охватывая его всего. Но оно не сжигало — скорее наоборот, придавало ему сил. Он с удивлением обнаружил, что боль от пореза утихла, а сам он, как по волшебству, исчез.

А еще Тарлиан вдруг обнаружил какую-то перемену в самом себе. У него явно прибавилось сил, вспомнилось все, чему его целых семь лет учили в крепости. Причем вспомнилось не в голове, а на каком-то подсознательно-рефлекторном уровне. И сражаться стало легче раз в тысячу.

Он впервые осознал, что на что-то способен. А поединок с призраком теперь уже не казался проваленным, а наоборот, он ясно видел, что, хотя противник яростно атакует, копируя тактику легионеров, с защитой у него явные проблемы. И Тарлиан не замедлил этим воспользоваться. Ловким обманным приемом он отвлек внимание призрака, затем сделал подсечку и повалил его на землю. А затем последовал решающий удар — туда, где, по идее, должно находиться сердце. У призрака его не было.

Призрак исчез, а Тарлиан вдруг подумал: а если бы бой был реальным, и сражаться пришлось не с наколдованным призраком, а с легионером, который все же живой человек? Смог бы он так же легко его прикончить? Мысль была пугающей и до ужаса правдивой. Ему

ведь действительно придется когда-нибудь биться с Легионом... Тарлиан поспешил отогнать эти размышления. Убивать ему не хотелось. Даже легионеров.

— Тарлиан Брейс! — раздался вдруг непонятно откуда звучный голос, выводя Тарлиана из задумчивого оцепенения. — Ты прошел свою проверку с наивысшим результатом! Поздравляю! Победить призрачного воина так быстро, не владея к тому же магией... мало кому это удавалось!

Тарлиан понял, что говорит сэр Нектос. Чтобы сам глава Ордена хвалил его? Что-то невообразимое!

— Благодарю, — только и смог ответить он.

— Завтра приступим к основным испытаниям. А пока можешь идти. Удачи на испытаниях!

Он молча покинул площадку — барьер снова приоткрыли.

Эрлгримм, Промс и Андроний стояли теперь вместе, возле конюшни. Тарлиан подошел к ним. Видимо, выражение лица у него было не самое радостное, потому что Андроний, увидев его, насмешливо спросил:

— Что, недо-Феникс ты наш, завалил проверку? Странно-то как...

— У меня наивысший результат, к твоему сведению, — твердо произнес Тарлиан. — А ты, князь Арилльский, вообще молчи. Как тебя там? Андроний Онори?

Судя по всему, он попал в самую точку. Андроний зло взглянул на него:

— Что б ты понимал, птенец бескрылый! — и раздраженно зашагал к выходу со двора.

— Зря ты так, — сказал Эрлгримм. — Он теперь еще больше озлобится.

Тарлиан и сам понял, что не стоило так говорить. Обидел человека. Пусть даже Андроний уже семь лет житья ему не давал. Зачем ему уподобляться? Но слово не воробей...

— А у тебя серьезно наивысший результат? — спросил Промс.

Тарлиан кивнул в ответ.

— Я сам не пойму, как так вышло. Ерунда какая-то...

— Ну, знаешь ли! Ты, между прочим, быстрее всех нас справился, — сказал Эрлгримм.

Тарлиан сначала не поверил, а потом понял, что с первым призраком и двумя его копиями он справился секунд за десять, а битва с призрачным воином длилась, наверное, минуты три-четыре. С ума сойти!

— А у тебя какой результат? — спросил между тем Эрлгримм у Промса.

— Отличный, — буркнул тот. — А ты, граф де Прайн, как справился? Вообще, мог бы лучшему другу свою фамилию и сказать!

— Да ты обиделся, что ли? Слушай, какая разница, Прайн я или нет? И, по-моему, у меня от этого титула проблем больше, чем привилегий!

— Ну... ерунда это все, конечно, но все-таки, мне мог бы и сказать!

Да, похоже, в Клеренской крепости у всех есть свои тайны! Начиная от главнокомандующего, барона Юсманского, и заканчивая учениками. И только у Тарлиана, как ему казалось, никаких тайн не было.

Он решил вернуться в замок. После проверки он чувствовал себя как-то странно. Пламя, разгоревшееся внутри него, не погасло, а, казалось, еще больше разгорелось, охватив его полностью. Не сказать, что ему это нравилось... Так что, спешно попрощавшись с Эрлгриммом и Промсом, Тарлиан направился к Эймару.

Остальной день для него прошел, как в тумане. Что он делал, с кем разговаривал — в

памяти не закрепилось. Единственное, что он запомнил — это странное, новое ощущение огня где-то внутри. Пламя не стихало ни на минуту. Откуда оно взялось? Что оно означало? Если б он только мог знать...

Но ближе к вечеру пламя, кажется, начало притухать, так что он прекрасно запомнил тот момент, когда к нему подошла Келли, и сообщила, что его, Тарлиана, ждет сам хозяин замка. Что ему от него понадобилось, она, разумеется, не знала. Так что Тарлиану ничего не оставалось, кроме как пойти за ней.

Они шли довольно долго, и, насколько мог судить Тарлиан, направлялись в северное крыло замка. Дорогу он не запомнил вообще, но это потому, что в Эймаре надо уметь ориентироваться. Но, в конце концов, они остановились перед одной, на первый взгляд, самой обычной дверью, и Келли тихо произнесла:

— Он там, — и показала на дверь. — Да, повезло тебе, Феникс. Не каждому доводится увидеть нашего господина.

«Это все хорошо, конечно, — подумал Тарлиан. — Да только нужна ли мне такая честь?» Но делать было нечего, и Тарлиан, постучав, потянул за ручку двери и вошел в комнату. И увидел...

Глава 9

Глава 9

IX. Лист. Эфарленд. Клеренские земли. Деревушка Ольникс. Ли-фанна. Эван. Альнора Рэй.

(10 дней до новолуния)

Утро, когда в замке Эймар устраивали проверку для будущих Фениксов, выдалось просто чудесным: теплым, солнечным... давненько в окрестностях Ольникса не было такого чудесного денька.

Впервые со времени своего побега из дома Ли-фанна смогла нормально выспаться. Проснулась она часов в восемь, как и Альнора. Обе девушки были в прекрасном расположении духа: Алька несмотря на вчерашние вспышки, а Ли-фанна чувствовала себя просто превосходно.

Спустившись в зал таверны, девушки застали там Рэя и Эвана, беседующих о чем-то с Омали. Та как раз объясняла, как им попасть в Эймар, когда они подошли.

— Вам повезло! — говорила она. — Сегодня мельник наш в замок собрался. Он не часто сам туда выезжает. С ним и доедете.

Сказать, что Алька обрадовалась, услышав, что не надо больше идти пешком — значит, ничего не сказать. Да и Ли-фанне такая перспектива показалась очень даже неплохой. Жизнь определено начинала налаживаться.

Из таверны они ушли сразу после того, как девушки позавтракали: Рэй с Эваном, вставшие намного раньше, поесть уже успели.

Теперь четверо путешественников отправились на мельницу, что находилась где-то между двумя деревеньками — Ольниксом и Нальмором. Стояла она на пригорке, так что ее было отлично видно отовсюду. Идти до нее нужно было всего мили две — кстати, именно поэтому мельница и считается ольникской: от Нальмора до нее идти гораздо дольше.

По пути они не разговаривали, но мысли у всех четверых были одинаковыми. Все

думали о замке Эймар. Но никто из четверых — даже Рэй — не догадывался о том, что ждет их там. А уж о будущем — о том, что будет после того, как они уйдут из Эймара — задумываться вообще никто не хотел.

До мельницы они дошли быстро — ну еще бы — всего две мили!

Мельник, когда они подошли, уже собирался в дорогу.

— А вот и наши гости! — приветственно сказал он, увидев нашу четверку. — Тарн сказал мне о вашем приходе. Позвольте представиться — мельник Уолринс, к вашим услугам.

Наши путешественники тоже представились.

— Вам ведь нужно в замок, не так ли? — спросил мельник. — Так едемте со мной! Помочь гостям нашего господина — большая честь для каждого!

Они с радостью согласились. Рэй с Эваном вызвались помочь мельнику с погрузкой: он вез в Эймар целую телегу муки. Уолринс сначала отказывался от помощи, но быстро сдался. Втроем они быстро справились со своим нелегким делом.

— Эх-х... — мельник с грустью посмотрел на мешки с мукой. — Не скоро мне в следующий раз придется ехать в замок...

— Это почему же? — поинтересовался Рэй.

— У нас, в Клерене, урожаи и так небольшие, а в прошлом году засуха была жуткая... И это в наших-то болотах! — мельник снова вздохнул. — Вот, последнюю муку в Эймар везу. И как нам до следующего урожая жить? Лето ведь только началось...

— Неужели у вас раньше неурожаев не случалось? — спросил Эван.

— Случалось, но не такие, как в том году. Да и давно это было... Но хватит мне на жизнь жаловаться, — прервал он себя. — Пора бы уже выезжать. Путь хоть и не далек, но довольно труден.

Они тронулись в путь. Мельник Уолринс, правивший лошадьё, всю дорогу рассказывал им о жизни в деревнях, о замке Эймар... И хотя жизнь там была до ужаса спокойной, все равно находилось, что рассказать.

Ли-фанна, Алька и Эван сидели прямо на мешках, а Рэй устроился рядом с мельником. Ли-фанне раньше не приходилось передвигаться подобным образом, так что для нее все было в диковинку. И нет ничего удивительного в том, что один раз она чуть не свалилась с телеги, которая подсакивала на каждом ухабе. А уж кочек и ям на дороге хватало! Но, к счастью, она смогла удержать равновесие — даже без посторонней помощи, чему девушка была очень рада. Но все-таки следовало быть несколько осторожней.

Вот Альке, той упасть было несколько проблематично: она улеглась на мешки и спокойненько разглядывала проплывающие по небу облака. Потому что больше смотреть было не на что. Тундра, она и есть тундра.

Было даже скучно смотреть на однообразный пейзаж вокруг, так что Ли-фанна стала прислушиваться к разговору Рэя с мельником. Эван в беседе участия почти не принимал, а сидел рядом с Ли-фанной и слушал.

— Господин-то наш — золотой человек! — говорил мельник. — Вот и дочь мою, Келли, в штат к себе принял. И жалованье неплохое платит, и отношение к слугам у него человеческое, как говорят. Девочка моя там третий день всего. Расскажет мне, что там, да как.

— А что же, у него слуг мало? — спросил Эван.

— Почему же? Вполне достаточно. Просто он так помогает бедствующим. У него в

замке столько народу живет! Ну, не просто живет, конечно. Работает, как положено. Им жалованье за это платят. Но фактически, в Эймаре слуги такие же хозяева, как наш господин. Великий он человек! Благодаря ему и живем. До него ведь — лет десять назад — тут все в упадке было. Помню я те времена... с трудом мы выживали. А как хозяин в замке сменился — все на лад пошло. Возродил он наши земли, вернул к жизни! Это вам любой скажет, хоть в Ольниксе, хоть в Нальморе.

— А что ж его не видел никто, раз он такой замечательный? — спросил Эван.

— А уж вот этого не знает никто. Но то, что у нашего господина есть какая-то тайна, это совершенно точно.

— Но тайны ведь есть у всех? — рассудительно заметила Алька.

— У всех-то у всех, но у хозяина нашего Эймара тайна особенная. Страшная.

Одним словом, из сказанного мельником можно было сделать вывод, что хозяина замка Уолринс очень уважает и немного побаивается, хотя практически ничего о нем не знает. О самом замке он тоже мало что мог рассказать. Поэтому вскоре он опять начал говорить о своей мельнице, о семье, в частности, о своей дочери Келли: и умница она, и красавица... а вот наши путешественники ничего не рассказывали, а только слушали. Слишком уж много секретов у них было... и слишком они были важными.

Около пятнадцати миль они проехали без приключений, чему наши путешественники очень радовались — хватило с них Черного леса. Но когда, очень неожиданно, практически с ясного неба, пошел дождь, все сразу напряглись, вспомнив ливень в Черном лесу. Но этот дождь был совершенно обычным, и беспокойства никому, кроме мельника, волновавшегося за свою муку, не причинил. Но муке ничего не сделалось — мешки были надежно укрыты, а вот сам дождик оказался обыкновенным только на первый взгляд...

— Что это с тобой?! — изумленно воскликнула Алька, взглянув на Ли-фанну.

— В смысле? — непонимающе переспросила она.

— С волосами с твоими!

Ли-фанна поспешно оттянула к глазам челку, которая уже больше полугода была выкрашена в яркий, ядовито-зеленый, цвет. Но сейчас волосы почему-то стали своего обычного, угольно-черного цвета. И Ли-фанне почему-то казалось, что это произошло не только с челкой. Но если краску смыло дождем, что в принципе было невозможно, то у нее все лицо должно быть зеленым! Но проведя по лицу рукой, она поняла, что это не так. Просто вся «зелень» с волос исчезла, будто испарилась. Случилось то, чего так долго добивалась мама...

— А ты даже на человека стала похожа, — с насмешкой улыбнулась Алька.

— Вот уж спасибо, — буркнула Ли-фанна. Не очень-то ей хотелось быть похожей на обычного человека.

Эван взглянул на нее с интересом и удивлением, но ни слова не проронил. А Рэй оглянулся, и, заметив перемену в ее внешности, с улыбкой произнес:

— Не переживай, Ли-фанна. Все нормально. Просто в Эймаре не любят штучек наврод твоих зеленых волос. Так что этот дождик тоже, можно сказать, волшебный, только для нас он совершенно безвреден.

Ли-фанне так почему-то не казалось. Своими волосами она, несмотря ни на что, гордилась, и избавляться от «этой зелени» не собиралась. Но теперь уж делать нечего...

Дождик закончился очень быстро — никто даже промокнуть не успел. Так что к Эймару все подъехали в приподнятом настроении. Ну, может, кроме Ли-фанны. Но и ей

стало не до своих проблем и глупых обидок на хозяина замка, когда она увидела Эймар во всем его великолепии.

Он был именно таким, каким Ли-фанна увидела его с окраины Черного леса. Огромный замок, казалось, подпирал само небо. У стены, окружавшей Эймар, тихо плескались темные воды рва. Сама стена, сложенная из огромных камней странного цвета — такого цвета бывают грозовые тучи — была неприступной и какой-то... очень крепкой, твердой... монолитной. Будто и не строили ее, а сама она появилась из ниоткуда, как по волшебству. Да и сам замок, казавшийся из-за стены и рва далеким и недостижимым, был наполнен чем-то бесконечно древним и мудрым — намного древнее любой магии. Хотя магия была на Листе всегда. Или нет?..

Ли-фанна никогда прежде не видела ничего похожего на Эймар. В сравнении с ним даже королевский дворец Эфарленда мог показаться невзрачной избушкой. И почему них в Дарминоре почти никто ничего не знает об этих местах? Сама она об Эймаре раньше слышала немного — только о его таинственном хозяине. Алька, похоже, знала не больше нее. Судя по выражению лица, Альнора тоже была поражена и восхищена увиденным. Но оставаться равнодушным, видя перед собой такое великолепие, было просто невозможно. Эван тоже замер, глядя на башни, которые, казалось, сверкали в солнечном свете. А Рэю, похоже, было привычно подобное чудесное зрелище. Во всяком случае, его лицо было абсолютно непроницаемо.

— Сколько раз я тут бывал, а все равно каждый раз сердце замирает, — сказал мельник. — Удивительное место. Другого такого в мире нет и быть не может.

Никто ему не ответил. Да и что тут скажешь? Все были с ним полностью согласны.

Мост через ров был, разумеется, поднят. Мельник приготовился было кричать, чтоб его опустили, но тут Рэй заметил пост стражи на их берегу.

— Странно, чего это стражу тут поставили? — спросил он. — Случилось, что ли, чего?

— Так скоро ведь Дарминорский фестиваль! — сказал мельник. — А в Эймаре каждый год перед праздником собирают молодых Фениксов со всей страны, устраивают им какие-то испытания... Вот тут стражу и ставят — людей-то в замок много въезжает.

— А, точно! Совсем я про это забыл! — кивнул Рэй. — Вовремя мы сюда пришли. Может, и Фениксы нам чем-то помогут.

Рэй вместе с мельником пошел к стражникам — просить, чтобы они опустили мост. Но произошла небольшая заминка...

— Уолринса я знаю, — говорил один из стражников. Он был совсем молодым: на вид ему было лет двадцать. Да и второй был едва ли старше. — А вот вас, уважаемый, я впервые вижу.

— Да я ведь вам говорю, — терпеливо начал объяснять Рэй. — У нас очень важное и срочное дело к хозяину замка. Знать вы нас, конечно, не можете, потому что мы пришли из самого Дарминора. Нам действительно очень нужно встретиться с вашим господином.

— Обычно стражу предупреждают, если кто-то должен приехать, — продолжал стоять на своем стражник. — О вас же мне ничего не известно. Мы предупреждены только о Фениксах. Вы ведь не Фениксы?

— Нет, но...

Что «но» стражник выслушивать не пожелал. Мельника с его телегой он все-таки пропустил, а Рэй, Ли-фанна, Алька и Эван остались стоять на берегу рва, рядом с стражниками. Рэй, правда, еще пытался что-то им объяснить, но, видимо, получалось не

очень, или стражники просто не хотели его слушать.

И неизвестно, сколько так могло продолжаться, если бы не...

— Ну что, Лейтц, опять не даешь прохода честным путникам? — послышался вдруг голос со стороны моста.

— А вы, господин Меннерс, снова лезете не в свое дело? — огрызнулся стражник.

Ли-фанна, Эван и Алька с удивлением посмотрели на человека, идущего к ним навстречу. Стражник назвал его «господин Меннерс». Так, может, это и есть брат Рэя, о котором он так ничего и не говорил?

По лицу Рэя, как всегда, невозможно было судить о том, что творится у него в душе. Но видно было, что он крайне удивлен происходящим. И «крайне удивлен» — это еще мягко сказано.

— Знаешь, Лейтц, — произнес между тем незнакомец. — Тебя не касается, в чьи дела я, как ты говоришь, лезу, и зачем я это делаю. Пропусти их. Я готов поручиться за них.

Стражник Лейтц, похоже, был жутко удивлен и даже рассержен, но деваться ему было некуда — пришлось пропустить нашу четверку.

— Так значит, ты?.. — начал Рэй, когда они уже шли по мосту.

— Потом, — остановил его странный незнакомец. — Не здесь.

Они зашли во двор замка, который поразил Ли-фанну, Эвана и Альнору так же, как и Тарлиана несколькими часами ранее. Причем что именно так удивило, никто потом сказать не мог. Видимо, такой была сама атмосфера этого места.

— Так, — сказал Рэй, зачем-то остановившись почти на середине двора. — В общем, ребят, знакомьтесь — это мой брат, Рональд.

Они тоже представились, хотя Ли-фанне почему-то казалось, что этот Рональд и так знает, как их зовут. А еще ей почему-то казалось, что она его уже где-то видела. Но ведь этого в принципе быть не могло!

Теперь, когда братья стояли рядом, видно было, что они очень похожи друг на друга. Только Рональд немного повыше ростом, волосы у него чуть светлее, и длинная челка постоянно падает на глаза. Хотя в его случае вернее сказать — на очки. А в остальном они очень похожи. Хотя нет, есть еще одно различие: у Рэя глаза просто синие, а у Рональда они очень странного сине-зеленого цвета.

Когда со знакомством было покончено, Рональд сказал:

— Ребят, идите пока в замок, отдохните. До вечера здесь все равно ничего не произойдет.

Ли-фанна, Эван и Альнора не замедлили его послушаться. Оказаться в легендарном Эймаре, куда они так долго шли, хотелось всем троим.

Братья остались во дворе одни. Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга, будто заново узнавая. Потом Рон произнес:

— Ну, здравствуй, что ли, брат!

Они обнялись. И только тогда стало ясно, как рады они видеть друг друга.

— Сколько не виделись? — спросил Рэй, хотя прекрасно знал ответ.

— Пять лет, — тихо ответил Рон.

— Пять лет... и где ты пропадал?

— Неважно. А ты где был?

— Я? В восточном Дарминоре. По поручению нашей общей знакомой.

— И что же ты там делал? Дарминор ведь тебе никогда не нравился.

— Ну, знаешь, выбирать как-то не приходилось. А что я там делал... вот ни за что не поверишь! Учительствовал, — весело сообщил Рэй.

— Что, прости? Ты — учительствовал? Серьезно? — засмеялся Рон. — Ты прав — ни за что не поверю! И как же ты докатился до жизни такой?

— Зря смеешься! Хотя я и сам поначалу считал это каким-то бредом... Просто она меня попросила приглядеть за Ли-фанной... вот и пришлось учить молодежь фехтованию. И, по моему, учитель из меня неплохой.

— Правда? Раньше мне почему-то так не казалось.

— Просто учить чему-нибудь тебя — это бесполезно. Ты ведь и так самый умный.

— Ну, насчет «самый умный» — это ты, пожалуй, слишком... — Рон улыбнулся. — А вообще, молодец! Приятно, что хоть у тебя все более-менее нормально.

— А у тебя, надо полагать, нет?

— Не хочу сейчас об этом говорить.

Рэй покачал головой.

— Как знаешь. Ты тоже все еще без магии?

— Почти.

Рональд вдруг исчез, и через секунду появился метрах в пяти левее.

— То есть ты можешь находиться там? — спросил Рэй, ничуть не удивившись.

— Только то время, которое необходимо для перемещения. Далеко уходить, как ты понимаешь, тоже не получается, в связи с этим.

— Все равно, тебе легче, чем мне. Я даже не могу попасть туда...

Рон промолчал, повисла недолгая пауза. Потом он спросил:

— Оррайна удивлялась, что ты не пришел. Почему?

— Почему не пришел или почему удивлялась? — вопросом на вопрос ответил Рэй.

— Почему не пришел. Тебе, кстати, было ближе.

— Потому что в то время я уже обещал исполнить просьбу Сойрена — довести их до Эймара. Не дальше. При таком раскладе трудновато было бы выполнить то, о чем бы попросила она, не находишь? А вот почему ты решился вступить в игру? Тем более сейчас? Когда ты исчез, мне даже казалось, что ты умер...

— В то время мне и самому так казалось.

Рэй внимательно посмотрел на вмиг помрачневшего брата.

— Я не буду спрашивать тебя, почему ты ушел и где был. И почему вернулся, тоже не буду спрашивать.

— А я все равно отвечу, — сказал вдруг Рональд, глядя брату прямо в глаза. — Я вернулся, потому что понял, что не могу больше бездействовать. Не могу оставаться в стороне. С магией я, или без, но это мой мир. И моя война. И я должен быть здесь.

— Все правильно, — задумчиво сказал Рэй. — Только несколько обидно, что ты не сказал, что хотел повидаться с братом.

Рэй улыбнулся. Рон улыбнулся в ответ.

— Ну, это ведь не значит, что это не так? — спросил он.

Они говорили еще долго. А поговорить им действительно было о чем — все-таки не виделись целых пять лет. Но если сейчас передавать здесь все содержание их разговора, можно случайно раскрыть такие тайны, о существовании которых ни наши юные герои, ни многоуважаемый читатель даже не подозревают. А потому автор позволит себе обратить взор читателя к Ли-фанне, Эвану и Альноре, изучающим сейчас замок Эмар.

— С ума сойти! — воскликнула Альнора, оглядывая просторный холл. — Красотища какая! И куда нам, интересно, идти сейчас?

— Может, Рэя подождать? — спросил Эван.

— Не думаю, что он скоро придет, — Ли-фанна покачала головой. — Но нас, похоже, тут ждали... ну, мне так кажется.

— Судя по тому, как нас тут встретили, что-то не очень похоже, — хмыкнула Алька.

— Да уж... хорошо, что брат Рэя оказался здесь, — поддержал ее Эван.

— Хорошо, конечно... но какой-то он непонятный, Рональд этот. И откуда он здесь взялся? — задумчиво произнесла Альнора. — И вообще, у меня почему-то есть странное ощущение, что я его уже где-то видела.

— У тебя тоже? — удивленно посмотрела на нее Ли-фанна. — Тогда я уже вообще ничего не понимаю...

Рэй говорил ей, что в замке они получают ответы на многие вопросы... но пока все запутывалось еще больше. Если это вообще было возможно.

Неизвестно, сколько бы еще они просидели в холле, если бы туда не спустилась одна из служанок (это была наша знакомая — Келли, дочь мельника Уолринса).

— Здравствуйте! — несколько удивленно сказала она, заметив их. — А вы кто такие будете?

— Ну... мы... — неуверенно начал Эван. Действительно — что сказать? Они ведь даже не знали толком, зачем пришли.

— А, вы, наверное, гости хозяина! — догадалась Келли. — Нас предупреждали о вашем появлении. Идемте, провожу вас в ваши комнаты.

Она повела их по коридорам замка, так же, как и Тарлиана прошлой ночью. Но сейчас Келли была куда смелее, чем с юным Фениксом.

— Вы с мельником Уолринсом сюда приехали? — спросила она.

— Да. А ты его дочь? Келли? — догадалась Алька.

— Так он про меня и вам рассказывал? — девушка немного смутилась. — Он мной очень гордится. А я, по-моему, гожусь только на то, чтобы быть служанкой...

— А может, ты просто чего-то не замечаешь в себе? — с улыбкой спросила Альнора. — А родители почти всегда гордятся своими детьми. И не нужно этого стесняться.

Келли тоже улыбнулась. А Ли-фанна мысленно вздохнула. Ее мама ей уж точно не гордилась. Скорее уж Иринкой, чем ей. Но младшая сестренка заслуживает этого гораздо больше, чем она. Во всяком случае, она не попадает в дурацкие истории, как Ли-фанна.

...Их комнаты находились восточной части замка, причем располагались они совсем недалеко друг от друга, что не могло не порадовать нашу троицу. Все-таки они привыкли быть вместе за время долгого пути.

Но пока по комнатам расходиться никому не хотелось — устать они еще не успели, а замок, казалось, звал их изучить его получше. Оставить без внимания такой призыв было по меньшей мере глупо. Так что ребята оставили в комнатах свои вещи — Эван даже с мечом своим расстался! — и пошли исследовать замок.

— Как бы нам тут не заблудиться... — сказала Алька, когда они прошли чуть дальше по коридору и оказались на лестничной площадке. А лестница была такой огромной и разветвленной...

— Да уж... — протянул Эван, оглядывая лестницу. — Похоже, отсюда можно попасть

на любой этаж замка... куда пойдём?

— М-м-м... может, пока не будем подниматься или спускаться, а побродим по этому этажу? — предложила Ли-фанна. — А то точно заблудимся с концами...

— Ну, насчет «с концами» я не уверен, — сказал Эван. — Тут народу вон сколько! Но вообще, действительно, давайте по этажу пройдемся.

Этаж, на котором их поселили, был третьим этажом Восточного крыла. Это был совершенно обычный жилой этаж, и там не было практически ничего необычного. Так что через некоторое время ребята все-таки решили спуститься на этаж ниже.

Но очень скоро они выяснили, что все Восточное крыло отведено под жилые помещения. Некоторые комнаты занимали ученики Феникса, но многие пустовали. «Кому мог понадобиться такой огромный замок? — думала Ли-фанна, проходя вместе с Алькой и Эваном коридор за коридором. — Сколько же людей может тут жить?..»

Алька предложила было перейти в центральное здание (а недавно она больше всех боялась потеряться), но Эван и Ли-фанна отговорили ее. В Эймаре действительно надо уметь ориентироваться, а там, в центральном здании, заблудиться проще простого. Они и здесь на главную лестницу не выходили, отыскивая менее запутанные пути на другие этажи. И, ко всему прочему, по Восточному крылу они бродили довольно долго. Так что они приняли решение вернуться на свой этаж.

Но по пути с цокольного этажа на третий им пришлось несколько задержаться. Потому что в одном коридорчике им встретился один человек, с которым Ли-фанна была просто обязана поговорить.

Это был Мифьол. Друг детства, с которым она рассорилась две недели назад. Мальчишка, который ломал почти все, к чему прикасался, и который почти всегда вытаскивал ее из неприятностей, в которые она постоянно влипала. Но что он может делать здесь, в Эймаре?

Они столкнулись практически нос к носу. Ли-фанна шла впереди остальных, вспоминая дорогу: у Альноры чувство пространства почти отсутствовало, а Эван, похоже, больше глазел по сторонам, чем запоминал их путь вниз. И вот, когда коридор в очередной раз повернул, она наткнулась на Мифьола.

Он выглядел точно так же, как в последний раз, когда она его видела. И даже одет был в школьную форму. Как будто был не в ста пятидесяти милях от дома, а оставался в родном Дарминоре.

Сказать, что они удивились, увидев друг друга — значит не сказать ничего. Ли-фанна на несколько секунд лишилась дара речи. Мифьол с трудом вымолвил:

— Ли-фанна? Что... ты что тут делаешь?

— А ты что тут делаешь, в таком случае? — спросила она, медленно приходя в себя.

Он не ответил.

Тут Алька, видя задержку, прошла немного вперед и тоже увидела Мифьола.

— Опачки... — сказала она. — Мифьол? Привет. Ты тут откуда?

— Привет, Альнора, — ответил он, даже не удивляясь ее появлению.

— Только не говори, что ты тоже сверхмаг, или что-то в этом роде, — в своей обычной манере заявила Алька.

— Сверхмаг? Я? Нет, слава богам. Подожди, а ты, что... Быть не может! А... — он посмотрел на Ли-фанну. Та коротко кивнула в ответ.

— И ты молчала! — воскликнул Мифьол.

— Кто бы говорил! И я узнала об этом в тот день, когда ушла из дома!

Да, если за время пути Ли-фанна перестала злиться на Мифьола и уже почти не считала его предателем, то теперь обида вернулась, причем в несколько раз сильнее.

Ли-фанну одолевали два противоречивых чувства. Во-первых, ей хотелось сказать Мифолу все, что она о нем думает, и уйти от него подальше. Но, с другой стороны, хотелось остаться и как следует расспросить Мифьола обо всем происходящем. Но разговаривать в присутствии Эвана, а тем более Альки, было как-то... как-то неправильно. Так что Ли-фанна сказала только:

— Ладно. Потом поговорим, — и пошла дальше.

Мифьол согласно кивнул. Похоже, ему тоже хотелось многое обсудить с Ли-фанной.

— Это кто был? — спросил Эван, когда они уже почти дошли до своих комнат.

— Мифьол. Одноклассник, — сообщила Алька. Ли-фанна не стала ничего добавлять.

— Вы с ним в школе учитесь? А откуда же он тут взялся?.. — удивился Эван.

— Хотелось бы мне знать... — вздохнула Ли-фанна.

Остаток дня они просидели в комнате у Альки, строя предположения о том, что будет с ними дальше. Альнора считала, что то, «что начнется в Новолуние», начнется здесь, в Эймаре. Эван же думал, что им снова придется куда-то идти. Ли-фанна больше придерживалась его точки зрения, хотя идти куда-то ей ужас как не хотелось... Ну разве что домой... но перспектива снова идти через Черный лес совершенно ее не радовала.

— А помните, учитель Сойрен говорил, что нам, возможно, придется идти на земли Легиона? — вспомнил вдруг Эван.

— С меня вполне хватило встречи с легионерами в Черном лесу, — заявила Ли-фанна. Алька промолчала, но по выражению ее лица было ясно все, что она в тот момент думала.

— Мне тоже, на самом деле... а с учетом того, что Рэй с нами дальше не пойдет... — тихо произнес Эван.

— Только бы не пришлось никуда идти... — прошептала Алька.

— Присоединяюсь, — чуть слышно сказала Ли-фанна.

Она уже почти забыла о том, что Рэй не пойдет с ними дальше. Теперь Эван напомнил, и настроение Ли-фанны, и так не самое хорошее, теперь упало практически до нуля. Что они будут делать без Рэя? А если действительно придется идти в горы, на земли Легиона?

— Нас ведь никуда не отправят одних, нет? — спросила Алька, озвучивая общую мысль.

Тут в дверь комнаты негромко постучали. Троица одновременно вздрогнула.

— Похоже, сейчас узнаем, — сказал Эван, с некоторым замешательством посмотрев на девушек.

За дверью оказалась совершенно незнакомая нашим друзьям служанка. Оглядев собравшихся в комнате ребят, она холодно произнесла:

— Господин хотел вас видеть. Прошу следовать за мной.

И она повела нашу троицу по бесконечным коридорам и лестницам замка Эймар.

Эта девушка совсем не походила на разговорчивую и добродушную Келли. Она в полном молчании шла вперед, даже не оглядываясь на троих ребят, идущих следом за ней. Судя по всему, она направлялась в северную часть замка. Хотя пошли они по главной лестнице, так что Ли-фанна не могла точно утверждать что-либо.

Но наконец девушка произнесла, остановившись перед одной из дверей:

— Он ожидает вас здесь, — после чего удалилась.

— Ну что? — спросил Эван, глядя на девушек. В его взгляде была некоторая неуверенность. — Идемте?

— А что нам еще остается? — спросила Ли-фанна. Ничего хорошего от грядущей встречи она не ждала.

— Зато мы вот-вот увидим самого загадочного человека во всем Эфарленде! — воскликнула Алька. — Даже не верится!

— Кому что... — только и сказала Ли-фанна, выразительно переглядываясь с Эваном. Парень с улыбкой покачал головой и взялся за ручку двери.

Комната, где они оказались, была огромной библиотекой. Это было большое помещение с круглыми стенами и высоченным потолком. И абсолютно везде — ну, пожалуй, кроме потолка, пространства над дверью и самой двери — были книги. Огромные старинные фолианты соседствовали со свитками и вполне современными книгами. Некоторые книги лежали прямо на полу, образуя настоящие книжные горы. Посреди этого храма знаний (по-другому здесь просто сказать было нельзя) стояла парочка столов, какие обычно ставят в читальных залах городских библиотек на Листе. А еще в помещении витал запах старых книг и книжной пыли. Сама пыль была прекрасно видна в свете, льющемся из трех круглых витражных окон. Ли-фанне сразу захотелось чихнуть — этот запах, и тем более пыль она не любила. Дома она не часто ходила в библиотеку, хотя читать в принципе любила. Но это место совершенно не походило на обычную библиотеку. Здесь все было каким-то хрупким, волшебным... и внушало особый, благоговейный трепет перед самим этим местом. И это чувствовала не только Ли-фанна.

За столом, стоявшем подальше от двери, сидел мужчина, внимательно изучавший какую-то явно старинную книгу. Нетрудно было догадаться, что это и есть хозяин Эймара — самый таинственный человек во всем Эфарленде.

Вошедшую тройцу он заметил не сразу — слишком был увлечен своей книгой. Так что ребята в некотором замешательстве замерли на пороге: Эван и Алька, как ученики академии Феникса, конечно, умели общаться с разными высокопоставленными людьми, но как разговаривать с таким человеком, не знал никто.

Но скоро — примерно через минуту — он все-таки их заметил. Улыбнулся с какой-то даже радостью и произнес:

— А вот и наши будущие герои! Приятно наконец видеть вас в этом замке. Представляться, уж извините, не буду — не в моих это правилах, сами знаете. А вы, конечно, Эван, Альнора и Ли-фанна, — он по очереди посмотрел на каждого из троих, ни разу не ошибившись.

— Д-да, — робко кивнула Альнора. Она, похоже, была потрясена происходящим, но немного разочарована тем, что хозяин Эймара не навал своего имени.

— А можно вопрос? — неожиданно для самой себя решилась Ли-фанна. — Вы сказали, что мы «будущие герои». А почему? Что в нас такого героического?

— Я расскажу вам все, — хозяин Эймара кивнул головой. — Но сначала нужно дождаться остальных.

— Остальных? — переспросил Эван. — А эти остальные тоже герои?

— В некоторой степени, — ответил хозяин замка и больше не проронил ни слова.

«Остальные» в лице Рэя и Рональда появились через несколько минут. Рэй был в отличном расположении духа, а Рональд был, как всегда, загадочен.

Увидев хозяина замка, Рэй жутко удивился — настолько, что, даже не поздоровавшись, воскликнул:

— Неужели вы решили открыть миру свое лицо! Такого на моей памяти еще не случалось!

— Просто всему в жизни есть свое время, Рэндиан, — с улыбкой ответил хозяин Эймара. — Момент настал. Итак, нам нужно дождаться еще одного человека, и... ах да, едва не вылетело из головы! Уж извините, что так вышло со стражей. Совсем забыл предупредить о вашем приходе Лейтца, а он, как назло, очень любит четкое выполнение правил.

Ли-фанне происходящее казалось все более и более странным. И дело было вовсе не в истории со стражей. Скорее, наоборот, это было самое нормальное из всего, что произошло с ними по прибытии в Эймар. Здесь все, начиная от самого замка и заканчивая его хозяином, было каким-то... будто принадлежавшим другому миру. Но самым странным и неожиданным событием, бесспорно, была внезапная встреча с Мифьолом. Откуда он тут взялся? Что он тут делает? И самое главное, почему никогда ничего не говорил ей о своем даре, или что там у него? Просто так в Эймар не попадают... Так ни словом, ни полсловом не обмолвился! Нет, ей совершенно точно нужно с ним поговорить! Вот только когда?..

Раздумья Ли-фанны были прерваны негромким неуверенным стуком в дверь. Потом эта самая дверь открылась, и в библиотеку вошел юноша лет шестнадцати-семнадцати. Выглядел он, как самый обычный ученик Феникса, причем именно из крепости: Эван и Альнора, как ученики Дарминорской академии, определили это сразу. Внешность у паренька тоже была непримечательная: черные растрепанные волосы, серые глаза, в которых явно читалось некоторое непонимание происходящего, и удивление. Потому что Тарлиан (а это был, разумеется, он), в отличие от остальных, сразу узнал человека, которого видел во время своей «проверки». Неужели это и есть хозяин Эймара? Но зачем ему понадобился он, Тарлиан? Почему он следил за ним тогда, и зачем позвал сюда сейчас?

— А вот и Тарлиан! — удовлетворенно заключил хозяин Эймара.

— Это и есть тот самый четвертый? — спросил Рональд.

— Четвертый? Ты о чем? — с удивлением посмотрел на него Рэй.

— Ты забегаешь вперед, Рональд, — покачал головой хозяин Эймара. — Для начала нужно хоть как-то объяснить им происходящее. Полагаю, вы трое, — он повернулся к Ли-фанне, Альке и Эвану, — уже знаете о пророчестве? Я все же расскажу о нем еще раз: возможно, и вы узнаете что-то новое.

Итак, двадцать пять лет назад — в 37 год эры Грифона — один из величайших мудрецов Цитадели, обители величайших и мудрейших магов Листа, последователей Великого Грифона, изрек пророчество, оригинальный текст которого, увы, хранится только в самой Цитадели. Его примерное содержание известно только самым могущественным магам, сверхмагам, да воителям, вроде рыцарей Феникса. И то не всем. И сводится это содержание к одной фразе: «все начнется в Новолуние». Но мне и еще кое-кому из сверхмагов известно кое-что еще. Например, то, что Лист ожидают «великие потрясения». И что начнут все четверо, владеющих даром. И речь тут не только о сверхмагии.

Услышав это, Ли-фанна сразу вспомнила слова незнакомки, с которой она беседовала, когда они шли через Черный лес: «Твоя ноша — это право, которое больше походит на обязанность. Право начать...» Выходит, она действительно причастна к пророчеству...

— Позвольте спросить, — вежливо произнес Тарлиан, удивляясь собственной храбрости. — Но о какой сверхмагии вы говорите? Я вообще ничего не понимаю...

— Сверхмагия, Тарлиан, — улыбнулся хозяин замка, — это такой особый вид магии, природа и способности которого еще до конца не изучены. Некоторые непосвященные в эту тайну люди считают сверхмагов — их еще называют сверхами, для краткости — одержимыми. Но ничего общего с одержимостью сверхмагия не имеет. Кроме алых искр в глазах сверхмагов. Но они появляются только у тех, чей дар еще не установился до конца.

После этих слов Эван снова с особой внимательностью взглянул на Ли-фанну — совсем, как тогда, в Ольниксе.

— Это довольно сложно объяснить, на самом деле, — продолжил хозяин Эймара. — Когда-нибудь, Тарлиан, ты поймешь все сам. А сейчас лучше вернуться к пророчеству. Оно во много раз важнее. Потому что то новолуние, в которое все начнется, все ближе и ближе...

— Теперь у меня вопрос, — сказал вдруг Эван. — Я так и не пойму: с чего все решили, что это именно то новолуние? Все-таки оно каждый месяц бывает.

— Конечно, это могло быть совершенно обычное новолуние, — продолжил хозяин замка, — если бы не два обстоятельства. Во-первых, нам — то есть Совету, собранию самых сильных магов и сверхмагов — стало уже точно известно: Легион что-то замышляет. И готовится осуществить свои планы он в день королевского фестиваля в Дарминоре — то есть, в день новолуния. А во-вторых — и это самое главное — теперь появились вы — те самые четверо.

— Но с чего вы решили, что мы — те самые? — спросил Эван. — Как мы можем быть связаны со всем этим?

— Вас троих назвал учитель Сойрен, который может видеть магию внутри других. Он крайне редко ошибается в таких вещах. А ты, Тарлиан, проявил свой особый дар во время сегодняшней проверки.

— Что? — охнул Тарлиан. — Как это?

Вот теперь все его мысли, вся логика, которая еще оставалась, отключилась в один момент. Какой у него может быть дар? У него, будущего Феникса без всякой магии! Еще когда их только принимали в крепость, всех проверяли на наличие магических способностей. И их с Иломом по этим проверкам просто затаскали: не обладающих магией Фениксов обычно мало, а у них с Иломом было что-то непонятное — то ли есть магия, то ли нет... а теперь выясняется!

— Ты феникс, Тарлиан, — сказал хозяин замка.

Он непонимающе посмотрел на него. Конечно, он Феникс, он об этом прекрасно знал! И зачем лишний раз говорить ему об этом? Это не определяет его «дара»!

— Я сейчас говорю не о твоей принадлежности к Ордену, — продолжал между тем хозяин Эймара. — Феникс — это тоже, можно сказать, особый дар, человек и птица в одном теле. Таких, как ты, уже почти не осталось, хотя раньше вы древности фениксы были целым народом. Ты можешь считать это выдумкой, но то, как ты прошел свою проверку, только подтверждает мои слова.

Тарлиан снова вспомнил свой поединок с призраком и его копиями. Пройти это испытание без магии совершенно точно невозможно. А исключение для него вряд ли стали бы делать: не похоже это на рыцарей Феникса. Так может, у него и впрямь есть какой-то дар? Но это же абсурд! Магия у нормального человека проявляется лет в семь-восемь, ну, в крайнем случае, в десять. А ему-то уже семнадцать! Но с другой стороны, он прекрасно помнил то пламя внутри себя, возникшее неведь откуда. Этот огонь явно был не простым. Но почему же все это проявилось только сейчас?

— Понятно, что тебе нелегко в это поверить. Это все действительно очень запутанно и почти необъяснимо. Но видимо, на тебя и твой дар как-то повлияла Клеренская крепость. Ее сильнейшее магическое поле всегда могло влиять на силу даже обычных магов, а уж с таким даром, как у тебя... Ты можешь мне не верить, Тарлиан, но настоящего феникса я узнаю всегда. А в том, что именно ты тот самый четвертый из пророчества, не сомневаюсь ни я, ни учитель Сойрен.

— Учитель Сойрен здесь? — удивился было Эван, но потом сообразил: — Конечно! Ежегодные испытания!..

А к Тарлиану постепенно возвращалась нормально соображать. Он понял, например, что хозяин Эймара знает про него что-то очень важное, но что именно, рассказывать явно не собирается. И еще он понял, что намечается что-то куда серьезнее эймаровских испытаний.

— Но это все касается пророчества и вашей четверки, — продолжил хозяин Эймара. — А я хочу рассказать вам о том, что задумал Легион... и о том, что ожидает вас в скором времени.

Когда вы, — он поочередно посмотрел на Ли-фанну, Эвана, Альку и Рэя, — уходили из Дарминора, мы только гадали, какие же планы у Легиона. Но пару дней назад нам все-таки удалось это выяснить... и ничего хорошего для нас там нет.

— Лучше уж скажите прямо — все плохо, — сказал Рональд.

— Именно. Все плохо. Вряд ли кто-то из вас знает старую легенду, сложенную еще в первую эру: легенду о злобном чудовище, способном разрушить весь мир. Древние маги каким-то образом смогли одолеть это чудовище, погрузили его в вечную спячку и спрятали в глубочайшей подземной пещере...

— Я знаю эту легенду! — сказал вдруг Эван. — У этого чудовища еще то ли название было, то ли имя... а вот какое, не помню.

— Левиафан, — ответил хозяин замка.

Слово прозвучало, как гром среди ясного неба. Собравшиеся в библиотеке явственно ощутили мрак и злобу, исходившие от него. Примерно то же чувствовали обычно сверхмаги при упоминании слова «Легион». Только здесь эффект был гораздо сильнее.

— Но какое отношение эта легенда имеет к нам? — спросила Алька, когда жуткое ощущение прошло.

— Такое, что это существо все еще живо, хотя и погружено в глубокий магический сон. Но любой, даже самый крепкий сон можно разрушить, и Легион не оставлял попыток сделать это ни на секунду. И недавно они нашли способ разбудить это чудовище...

— Вы хотите сказать, что это чудовище действительно существует? — спросила Ли-фанна, которая ничего подобного прежде не слышала. Но с этими сверхмагами и не такое услышишь...

— И не просто существует, а вот-вот проснется и начнет крушить все на своем пути, пока от Листа не останутся одни руины, — мрачно подтвердил хозяин замка.

— Но зачем это нужно Легиону? — с ужасом спросила Алька.

Ли-фанна молча старалась переварить услышанное. До тех пор, пока от Листа не останутся одни руины... это не было похоже на простое преувеличение: слишком уж серьезно сказано. Это была правда. И чем больше она пыталась это осознать, тем страшнее становилось.

— В своих попытках уничтожить сверхмагов и захватить власть легионеры не

остановятся ни перед чем, — подключился к разговору Рональд. — Они готовы даже уничтожить весь мир ради этого. Хотя, быть может, они просто думают, что у них хватит сил расправиться с... с ним, как когда-то у древних магов. Этого я не знаю. И никто не знает.

— То есть, нам придется сражаться с этим существом? — испуганно спросила Алька. — Но мы ведь не древние маги! Мы даже не знаем, что нам делать с нашими силами!

— Кстати говоря, это несколько странно, но я поддерживаю Альнору, — заявил вдруг Рэй. — При чем здесь они? Я понимаю, пророчество и все такое, но зачем так рисковать?

— Если бы ты и дальше шел с ними, ты бы так не говорил, — заметил Рональд.

Рэй ничего не ответил. А хозяин Эймара глубокомысленно изрек:

— Против Судьбы не пойдешь, вы прекрасно это знаете. Но и заставлять их делать выбор мы тоже не можем. Мы можем лишь попытаться направить, не больше. Все мы сейчас в самом начале пути — их пути. И не в наших силах изменить это. От нас уже ничего не зависит... так что риск в данном случае оправдан и даже необходим.

— То есть ничего изменить нельзя, — заключил Рональд.

— Даже если можно, у нас почти не осталось времени, — вздохнул хозяин Эймара. — Он вот-вот проснется полностью, и тогда...

— А почему вы решили, что он вообще начал просыпаться? — спросил вдруг Тарлиан.

— Все просто. И от этого еще более пугающе, — ответил хозяин замка. — Пару дней назад весь Клерен трясло так, будто Легион обрушил на нас все запасы своей черной магии. Подземные толчки такой силы может вызвать только он. А ведь он еще и не проснулся толком! Сейчас толчки прекратились, но сегодняшней ночью над горами полыхало какое-то багровое зарево — скорее всего, пробуждающие заклятия Легиона. Но до новолуния они все равно не смогут провести завершающий обряд. Он работает только в ночь новолуния. Но если им удастся провести его, тогда Левиафан полностью проснется...

И снова все почувствовали ужасающий мрак и какой-то мертвенный холод этого слова.

— И что же нам делать? — спросила Альнора.

— Я вижу только один выход из этой ситуации. Как и весь Совет, впрочем. Придется вам идти к ледникам в Северных горах. Так в своем замке живет Хэла, дух холода. Она, как и все духи, знает многое из того, что недоступно людям. И именно ей из всех духов наиболее доступны тайны Судьбы. Если кто-то и знает, что вам делать, то это она. Хотя у нее есть довольно большие разногласия с магами, сверхмагами и людьми в целом, вам она, думаю, не откажет. Слишком уж серьезно все происходящее.

— Но вы ведь не отправите нас одних? — Альнора первой решилась задать вопрос, который не давал покоя всей троице с того момента, как они попали в замок Эймар.

— С вами пойду я, — совершенно неожиданно ответил ей Рональд.

Ли-фанна, Алька и Эван удивленно переглянулись. Все интереснее и интереснее... и непонятнее.

Удовлетворенно кивнув, хозяин Эймара продолжил:

— Двинуться в путь вам, конечно, лучше как можно быстрее, но сначала с вами, — он посмотрел на Ли-фанну и Альнору, — хотел поговорить учитель Сойрен. Но сейчас уже поздно, так что он будет ждать вас завтра. Но в дороге вам нужно будет поторопиться. Путь к леднику опасен, тем более что он лежит по землям Легиона...

— Справимся, — уверенно заявил Рональд.

— Ну а раз справитесь, то тогда можете идти, — заключил хозяин Эймара. — А то уже почти ночь...

...Четверка «героев» вышла из библиотеки первой. Оказавшись в коридоре, Ли-фанна жутко удивилась тому, что солнце уже почти село — в библиотеке это было как-то незаметно.

— Значит, опять придется идти, — вздохнула Алька. — А я-то размечталась...

— Да... и ничего, как всегда, непонятно... — отозвался Эван. — Слушай! — он повернулся к Тарлиану. — Может, рассказать тебе, откуда мы, да что тут, примерно, происходит? Хоть немного в курсе будешь. Тебе ведь с нами идти придется.

— Нет, спасибо, — покачал головой феникс. — Лучше уж завтра. Сегодня я, чувствую, вообще перестал что-либо понимать.

И, попрощавшись со всеми, он направился к себе в комнату, пытаясь попутно хоть как-то осмыслить все услышанное им этим вечером. Во-первых, его внезапно открывшийся дар... нет, это лучше оставить напоследок, как и все эти истории о пророчестве, чудовище и все в том же духе.

Итак, во-первых, ему придется идти с абсолютно незнакомыми людьми куда-то к ледникам. О тех местах тоже ходило немало легенд. И некоторые из них были довольно мрачными... А впрочем, почему бы и нет?.. Хотел ведь свободы... а ради этого можно и мир разок от чудовища спасти! Хотя с его вечным «везением»...

Но эти мысли Тарлиан тоже решил оставить на потом.

— А кто вообще такие эти духи? — спросила Ли-фанна. Троица тоже направлялась к своим комнатам, и разговаривала о предстоящем пути.

— Духи? Ну, это просто... духи, — сказала Алька. — Существа, которые могут повелевать силами природы. О них не так много известно, потому что живут они в отдалении от всех, общаются фактически только друг с другом... говорят, им доступны самые сокровенные тайны мироздания. Самих духов мало, и каждый из них обладает своей особой силой. Пару лет назад нам рассказывали о них в школе. Это все, что я запомнила.

— Я знаю не больше, — поддержал ее Эван.

А Ли-фанна, которая до этого вообще ничего не знала о духах, подумала: и почему такие вещи рассказывают только тем, кто наделен магией? Получается ведь, что простые люди и половины не знают о своем мире!

— Э-э-э... — протянула вдруг Алька. — Ребят, а здесь налево или направо?

Они стояли в месте, где коридор разделялся на три части. Ли-фанна осмотрелась вокруг, пытаясь вспомнить, как они шли.

— Кажется, налево, — произнесла в конце концов она.

— А по-моему, направо, — не согласилась Алька.

— А мне вообще кажется, что прямо, — заявил Эван.

— Да, попали... еще заблудиться не хватало! — воскликнула Ли-фанна. — Нет, все-таки налево. Там еще окно такое огромное, во всю стену, видите? Я его запомнила, когда мы туда шли.

— Ну, раз запомнила... — пожала плечами Альнора, и они все-таки пошли по левому коридору.

Но Ли-фанна правильно запомнила дорогу, так что до своего Восточного крыла они добрались довольно быстро и без приключений. И вся троица была очень рада, что этот бесконечный день наконец закончился. Но впереди их ждало кое-что еще...

Глава 10

Глава 10

Х. Лист. Северные горы. Гройвуд, крепость Легиона.

А теперь, мой многоуважаемый читатель, нас с вами ждет Гройвуд, зловещая крепость в Северных горах. Крепость, которую Тарлиан видел лишь издали, и которая пугала даже на расстоянии.

Стратегически Гройвуд расположен просто идеально: крепость стоит на возвышенности, с которой горы просматриваются на много миль вперед. Подступы к крепости надежно защищены неприступными скалами, а через черномAGICESКИЙ барьер пробраться не сможет никто, кроме легионеров. Одним словом, у Легиона было все, что нужно для захвата мира и мирового господства.

Так думал предводитель Легиона, стоя на смотровой площадке башни Молний, самой высокой башни Гройвуда. Над башней этой небо, всегда затянутое черными тучами (сказывалась черная магия Легиона), будто закручивалось воронкой. В воронке то и дело вспыхивали молнии, ударявшие в самый купол башни. Купол, который был не просто черного, а какого-то всепоглощающего цвета: в нем словно бы были смешаны все имеющиеся в мире цвета. И эта причудливая смесь в буквальном смысле высасывала из окружающего пространства все тепло и свет.

В целом, сам купол башни Молний был больше всего похож на когтистую лапу какого-то хищного зверя. Своим острым шпилем трехгранная башня резко вонзалась в небо, а зазубрины-когти на ее крыше цепляли на себя клочья облаков. Колонны, на которых и держался купол, по-звериному скалились: они были вырезаны из цельных кусков обсидиана в виде уродливых горгулий. Глаза у всех шестерых были сделаны из настоящих рубинов, и они ярко и зловеще посверкивали, отражая свет молний.

Смотровая площадка была почти полностью залита водой: дождь над Гройвудом хлестал практически непрерывно. Побочный эффект какого-то заклятья или проклятья... На такие мелочи предводитель Легиона внимания не обращал. Он захватывал мир. Пока что мысленно, но скоро его планы должны будут осуществиться...

— Какие новости? — каркающим голосом спросил он, услышав шаги позади себя.

Ответа не последовало. Это скорее раздосадовало предводителя, чем разозлило. Он обернулся, стараясь не смотреть на горгулий: их красные глаза напоминали о ненавистных сверхмагах, и в черной душе главного легионера при взгляде на них сама собой закипала ярость.

Как он и думал, в двух шагах от лестницы, ведущей вниз, стоял его первый помощник и советник, Чес-фи-Ом. Кто еще, кроме него, осмелился бы беспокоить своего повелителя?

Чес-фи-Ом, этот хитрый и смелый южанин, не произнес ни звука.

— Я задал тебе вопрос, — предводитель Легиона старался сохранить самообладание. Никто, кроме Чес-фи-Ома, не мог молчать в ответ на его вопрос.

— Четверо встретились, — сказал наконец южанин.

Чес-фи-Ом, совершенно определенно, был не только смелым, но и отчаянным. Никто, кроме него, не сообщал повелителю плохих новостей. Тем более настолько плохих.

— Будь на твоём месте кто угодно другой, я бы, не раздумывая, снес ему голову, — медленно произнес предводитель. — Так почему же я жалею тебя, южанин? При чем уже не

в первый раз!

— Быть может, потому что я вам нужен? — ухмыльнулся наглец.

— О да, ты прав. Ты действительно нужен мне, Чес-фи-Ом. Только не наглай слишком сильно, а не то я и забыть об этом могу. Ненадолго. Но этого будет вполне достаточно...

— Разумеется, мой повелитель, — южанин склонился в почтительном поклоне.

— Как вы могли допустить их встречу? — резко спросил предводитель. — У вас ведь был четкий приказ!

— Простите, мой повелитель! Это была ошибка Горнулла и его людей, еще четыре ночи назад, в лесу. Но они, как вы знаете, уже получили свое.

— Четыре ночи! — со злобой воскликнул главный легионер. — Неужели за это время нельзя было что-то придумать? И потом, Горнулла вроде удалось убить кого-то?

— Увы, мой повелитель. Девчонка исцелила раненого.

— Девчонка?! Ты уверял меня, что она не умеет ничего, и что я слышу теперь?! Или речь о другой девчонке?..

— Нет, господин. Речь именно о ней. Но я был уверен, что она ничего не сможет сделать! Ее дар только дал о себе знать, и еще даже не установился...

— Чес-фи-Ом, ты все больше расстраиваешь меня, — повелитель легионеров пытался обуздать рвущуюся наружу ярость. — Неужели, спрашиваю я еще раз, неужели ты не смог придумать что-то более умное?!

— Мы с собранием боевых магов подумали, что черномагический дождь и мертвенный туман их остановят.

— И?.. — с угрозой в голосе спросил предводитель.

Южанин в ответ лишь опустил голову.

— Так... ну а четвертый? Почему его не нейтрализовали, раз те трое такие упорные?..

— Он был вне зоны нашего доступа, мой повелитель, — Чес-фи-Ом еще ниже опустил голову. — В крепости Феникса, вы же сами знаете.

— Болван! — зло выкрикнул предводитель. — Клянусь Зендером, южанин, ты болван! Ты мог перехватить его по дороге в замок! Но нет, ты дал дойти до цели всем четверым! Еще немного, и такой помощник, как ты, перестанет быть нужным мне!

— Я нижайше прошу вашего прощения, мой повелитель, — тихо произнес Чес-фи-Ом, сгибаясь в еще одном поклоне чуть ли не до самой земли.

— Прощения мало просить, южанин. Его надо заслужить. Итак, переходим к плану «б».

— План «б», мой господин? — переспросил Чес-фи-Ом. Похоже, он немного расслабился, видя, что казнить его пока не собираются.

— Да. План «б». Битва, — главный легионер был мрачнее тучи, а в глазах его горела неудержимая злоба. — Собирай лучших воителей, южанин. Будем штурмовать замок. Сейчас же. Слава Зендеру, нас уже не остановить. Он проснется, несмотря ни на что. И вот тогда все действительно начнется...

Чес-фи-Ом покорно кивнул и удалился, а предводитель Легиона еще раз осмотрел свои, пока еще небольшие, владения и ухмыльнулся каким-то своим мыслям. Скоро весь мир будет принадлежать ему. Он это чувствовал.

Лист. Эфарленд. Замок Эймар. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд. Рэй.

(9 дней до новолуния)

Ли-фанну разбудил звук, доносящийся из приоткрытого окна. Больше всего он

напоминал стук в дверь. Но в какую же дверь могут стучаться на улице?..

Ли-фанна открыла глаза, с трудом, потому что спать хотелось просто ужасно. И немудрено: на дворе стояла глубокая ночь.

— Ох-х... — вздохнула девушка. — Что тут вообще происходит? Зачем я вообще проснулась?..

Она хотела снова улечься спать, но неожиданно за окном что-то сверкнуло, а затем снаружи послышался какой-то грохот. Можно было, конечно, списать все на грозу, но грохот этот совершенно не походил на гром. Пришлось вставать: мало ли, что там такое происходит?

Ли-фанна подошла к окну. Из ее комнаты можно было увидеть огромные Гиблые болота и часть того, что происходило у главных ворот Эймара. А то, что там происходило, Ли-фанне совсем не понравилось. Потому что от ворот до, как показалось девушке, самого горизонта, растянулось огромная армия. С первого взгляда Ли-фанна поняла: Легион.

Первой ее мыслью было: спрятаться куда-нибудь подальше, и не выходить, пока все не закончится. Слишком уж свежи в памяти были воспоминания той ночи, когда на них напали в Черном лесу. Когда чуть не погиб Рэй... Но потом девушка подумала о своих друзьях — потому что Эван, Алька и Рэй перестали быть просто знакомыми или товарищами. Они точно не станут сидеть сложа руки, что бы сейчас не происходило! К тому же, в замке сейчас столько рыцарей Феникса... да у легионеров просто нет никаких шансов на победу, что бы там они не задумали!

Немного успокоив себя такими мыслями, Ли-фанна пошла было одеваться, но вспомнила, что ее старую одежду забрали служанки. Так что пришлось довольствоваться тем, что было — платьем из мягкой серой ткани, короткие рукава и пояс которого были отделаны красными лентами. Его оставили все те же служанки. Ли-фанна представила, как будет выглядеть в этом платье и своих высоких ботинках, и усмехнулась. Какая, в принципе, разница? Она и так считается странной. Жаль, что волосы у нее больше не зеленые... Да о чем она вообще думает?! На замок вот-вот нападут, а она тут о всякой ерунде рассуждает! Хотя при мысли о собственных волосах стало чуточку грустно...

И, ни секунды больше не медля, Ли-фанна быстро оделась, взяла свою рапиру и вышла из комнаты.

В коридоре она столкнулась с Альнорой. Та тоже была вооружена, а одета, как и Ли-фанна, в платье, только у нее оно было светлее, а отделка была не красного, а темно-синего цвета. И, как всегда, Алька умудрялась выглядеть просто безукоризненно.

— Ты видела? — был первый вопрос, который она задала Ли-фанне.

— Еще бы! — мрачно подтвердила она.

— Как думаешь, что будет? — спросила Алька.

— Не знаю. Но вряд ли Легион пришел сдаваться и просить мира, не находишь?

Алька согласно кивнула.

— Слушай, а где Эван? — спросила вдруг она. — Не может быть, чтобы он не слышал всего этого... ой, а вдруг с ним уже что-то случилось?..

— Да ну, ерунда, — решительно мотнула головой Ли-фанна. Хотя на душе у нее стало беспокойно. Так что девушка подошла к двери комнаты Эвана и нерешительно постучала.

Ответа не последовало.

Девушки встревоженно переглянулись.

— И почему мне все это не нравится?.. — произнесла Алька.

Ли-фанна не ответила. Она тихонько приоткрыла дверь...

...Эвана в комнате не было.

— Отлично, — сказала Ли-фанна, стараясь скрыть свое замешательство. — И что нам теперь делать?

Тут снова гроыхнуло — вдвое сильнее, чем в прошлый раз. Девушки разом метнулись к окну.

Ворота оттуда было видно намного лучше, но в данном случае это обстоятельство никак нельзя было назвать положительным. Лучше б Ли-фанна и Алька не видели того, что происходило за пределами замка! Потому что легионеры усиленно таранили ворота сгустками магии, похожими на шаровые молнии. И хотя мост был все еще поднят, а перебраться через стену воителям Легиона было не под силу, сила ударов была такова, что становилось ясно: долго ворота не выстоят. Не стоит думать, многоуважаемый читатель, что у Эймара была плохая защита — вовсе нет, напротив, он был укреплен лучше любого другого замка Эфарленда: все потому, что стоял он в беспокойных Клеренских землях... но легионеров, а тем более их магию не стоит недооценивать никому и никогда.

У Ли-фанны сердце пропустило несколько ударов, когда она увидела весь этот ужас. И дело было даже не в том, что ворота могли рухнуть в любой момент, не в том, что огромная армия готовилась ворваться в замок — дело было в самих легионерах. Не армия — колоссальная военная машина, слаженная до самых мелочей, беспрекословно исполняющая любой приказ... Страшно было смотреть на ровные, словно по линейке вычерченные, ряды легионеров. Все, как один, в черном, похожи на стаю воронов. Огромных, беспощадных. Смертоносных.

— Ой, мамочки... — тихонько прошептала стоявшая рядом Алька. Ли-фанна вздрогнула от звука ее голоса: так захватило ее ужасающее зрелище за окном, оторваться от которого, на самом деле, было почти невозможно.

— Страшно-то как... — почти беззвучно произнесла Альнора.

Ли-фанна не нашлась, что ей ответить: и ее страх почти парализовал, но показывать свои чувства она, в отличие от той же Альки, не привыкла.

Если бы только здесь был Эван... или Рэй... хоть кто-то, обладающий более-менее здравым рассудком! Кто подсказал бы им, что делать. А что могут две перепуганные девушки в огромном незнакомом замке, на который вот-вот нападет сильнейшая армия, да еще когда вокруг нет ни одного знакомого? Вот именно — много что. Особенно если эти девушки — сверхмаги. Но Ли-фанна и Альнора были ужасно растеряны, и попросту не знали, что им делать.

— Так, — сказала через некоторое время Ли-фанна, пытаясь сохранить хоть какое-то самообладание. — В замке полным-полно Фениксов, так ведь? Значит, не пропадем.

О том, что Фениксы, хоть и лучшие, но все-таки ученики, ей думать не хотелось.

В Алькиных глазах после этих ее слов загорелся слабенький огонек надежды.

— И, опять же, — продолжала девушка. — С нами Рэй. Да и Эван тоже где-то поблизости: не мог же он нас бросить?

— Правильно! — поддержала Альнора, которая, кажется, начала немного приходить в себя. — Так может, пойдём, поищем их? Пока эти не прорвались.

Ли-фанна не стала возражать — все-таки какое-никакое, а дело. И, взглянув напоследок еще раз в окно, она пошла за Альнорой, у которой оцепенение сменилось жадной бурной деятельностью. О том, что случилось со стражниками, так и стоявшими на своем посту за

мостом, Ли-фанна старалась не думать.

Так же, как и днем, девушки решили сначала быстренько пробежаться по Восточному крылу: мало ли, вдруг встретят кого-то из своих? И ожидания их, как это ни удивительно, оправдались.

На втором этаже они встретили Мифьола, самого таинственного своего одноклассника. Никогда еще Ли-фанна не была настолько рада его видеть. Даже когда пару лет назад ее чуть не поймали городские стражники — за то, что она залезла в сад наместника бургомистра — она не радовалась своему другу так сильно, как сейчас. А к наместнику она тогда залезла просто так, на спор. Отчаянная девочка была, что уж там говорить...

Мифьол, похоже, тоже очень обрадовался, увидев их.

— Там внизу невесть что творится, — сообщил он. — Всеобщая тревога, все суетятся, возводят какие-то укрепления. В башнях, думаю, то же. Относительно спокойно сейчас, наверное, только в центральной части замка. Там все собрались — и руководство Ордена, и сам хозяин замка. И господин Меннерс, наверное, тоже там. Я вас лучше тоже туда отведу — вы у нас персоны важные — сверхмаги, как-никак...

— Перестань, пожалуйста! — отмахнулась Ли-фанна. — Не напоминай лишний раз.

Мифьол с улыбкой пожал плечами.

— И насчет господина Меннерса, — решила попытать счастья Ли-фанна: вдруг Мифьолу что-то известно? — Ты его знаешь?

— Здесь, в Эймаре, его все знают, — ответил лучший друг. — Он появился три дня назад, совершенно неожиданно. Но хозяин замка хорошо с ним знаком, так что никто и слова не сказал. Вообще, про него понятно только то, что он, как говорится, «из великих». Маг он, или сверхмаг, никто не знает, но точно не из слабых. И еще, у него фамилия, как у вашего Рэя, — Мифьол, который, в отличие от Ли-фанны, был магом, посмотрел на свою подругу.

— Это потому, что они братья, — ответила девушка. — Нам Рэй сказал.

— Так он, что, тоже здесь?! — воскликнул Мифьол.

— Да, — подтвердила Алька. — Только мы пока не знаем, как он замешан во всем этом.

— Ну и дела творятся... — задумчиво произнес Мифьол.

Дальше они пошли молча. Идти старались быстро, но спокойно. Странно, но в присутствии Мифьола Ли-фанне было намного проще сохранять самообладание.

Вокруг и впрямь творилось что-то невообразимое. Все: слуги, стражники, Фениксы — сновали по коридорам, вокруг летали какие-то заклинания, возводились какие-то баррикады: замок готовился к сражению. Но Мифьол, похоже, прекрасно умел ориентироваться в Эймаре, так что он постарался провести девушек как можно более коротким и безлюдным путем. Но насмотреться на приготовления они все-таки успели.

До центральной части замка Мифьол довел их минут за пятнадцать. Там действительно было намного спокойнее, чем остальном замке. Во всяком случае, не было такой суеты.

— Эта часть замка и так защищена, — пояснил Мифьол, когда они покинули шумную главную лестницу и оказались в относительной тишине и спокойствии. — Причем защищена какой-то очень мощной и древней магией, а вот что это за магия такая, никто не знает. Ну, разве что сам хозяин...

— Повезло тем, кто здесь живет, — сказала Алька, многозначительно глядя на Мифьола. — В таком-то месте.

Мифьол сделал вид, что не понял намека.

— Дальше я с вами не пойду, — сказал он. — Надо возвращаться к... остальным местным. А вы просто поднимитесь вон по той лестнице. Дальше поймете, куда идти.

И он ушел все тем же стремительным шагом, махнув на прощание рукой.

— А Мифьол-то наш совсем не прост, — глядя ему вслед, заметила Альнора. — Ну что, идем?

Ли-фанна молча кивнула в ответ.

Девушки поднялись по лестнице. Дальше, как и говорил Мифьол, дорога была понятна: всего один прямой коридор. Пройдя по нему, Ли-фанна и Алька оказались в большой комнате со сводчатым потолком и стрельчатыми окнами. Сейчас свет в помещении был притушен, шторы на окнах, кроме одного, были плотно задернуты: люди, находящиеся в комнате, явно не хотели привлекать к себе внимания легионеров.

Собственно говоря, людей там было немного. Зато кто был! И лично хозяин Эймара, и глава Ордена Феникса, сэр Нектос, и учитель Сойрен... и Рэй с Рональдом. В общем, там собрались самые важные люди, пребывавшие в замке на тот момент.

Первым вошедших девушек заметил Рэй, стоявший у единственного не зашторенного окна. Судя по всему, он оценивал то, что происходит снаружи. Но потом, видимо, услышав их шаги, он обернулся. На его лице девушки прочитали радость и облегчение. И это был один из тех редких случаев, когда Рэй дал волю своим эмоциям.

— Слава богам, с вами все в порядке! — воскликнул он, подходя к ним. — А я уж было хотел за вами идти. А то Эван тот еще молодец: примчался сюда, когда легионеры только появились, а вас предупредить забыл!

— А где он сейчас? — тут же спросила Альнора.

— Напросился вместе со стражниками, башни укреплять. Но куда именно его отправили, сказать не могу.

— Вечно он геройствовать лезет! — в сердцах воскликнула Алька. — А если...

— Да перестань! Даже думать так не смей! — оборвал ее Рэй. — Неизвестно еще, прорвутся они в замок, или нет. Так что успокойся.

Но тут в комнату вихрем ворвался стражник Лейтц. И весь вид его говорил о том, что случилось нечто ужасное...

— Они прорвали защиту. Мы не справились. Я еле вырвался, — сообщил он, тяжело дыша. В боку у него была небольшая, но сильно кровоточащая рана.

— А... — начал было Рональд, но стражник его опередил:

— Инграма убили сразу. Остальные еще держатся...

— Сколько их осталось? — спросил хозяин Эймара.

— Человек двадцать. Не больше, — Лейтц со вздохом прислонился к стене.

— Черт! — Рэй метнулся к окну. — Слишком мало! Даже будь они лучшими воителями Феникса, все равно этого было бы мало!

— Я к ним, — коротко сообщил Рональд и стремительно исчез.

— Разделиться решили, собаки, — сквозь зубы процедил Рэй, глядя в окно. — Похоже, страже конец пришел... жаль. Хорошие были ребята. Так, треть в Западное крыло пошла... еще где-то четверть туда, к конюшням... несколько во дворе остались, ага... остальные через главный вход ломанулись. Хорошо подготовились... Так, я в Западное крыло. Нужно всех предупредить. И тех, кто обороняет башни, тоже. Скажите им... — он повернулся к хозяину замка, — скажите, чтобы действовали по плану... номер три. Да, точно. Они ведь еще действуют?

Тот коротко кивнул в ответ. Потом сказал:

— Не успеешь ведь добежать!

— Успею, — заверил его Рэй.

— Подожди, я... с тобой, — произнес вдруг Лейтц. Говорить ему явно удавалось с трудом.

— Ты-то куда! — воскликнул Рэй. — Ты здесь оставайся, сверхмагов охраняй. Девчонки сейчас важнее всего.

И он умчался куда-то.

Ли-фанна и Алька переглянулись с огромным удивлением, а потом, не сговариваясь, подошли к Лейтцу.

— Сейчас мы вас вылечим, — пообещала ему Альнора.

— Девочки, вы точно справитесь? — спросил у них хозяин Эймара.

— Хм-м... думаю, да, — кивнула Алька, осмотрев рану стражника

— Должны, — подтвердила Ли-фанна.

— Замечательно. Так, ну-ка... — хозяин замка помог Лейтцу подняться, потом довел его и помог усесться в одно из кресел, окружавших большой круглый стол.

Алька благодарно кивнула, и тут же, усевшись рядом со стражником, начала бормотать какие-то заклинания.

— Я пойду, предупрежу защитников замка, — сказал хозяин Эймара, направляясь к выходу. — Ваши действия, господа Фениксы?

— Я пойду, помогу своим людям, — сказал сэр Нектос.

— А я пойду к ученикам, — сказал учитель Сойрен. — Они тоже могут помочь в бою.

— Прекрасно. Альнора, Ли-фанна, — хозяин замка перевел взгляд на девушек. — Будьте здесь, не уходите никуда. Это очень важно. Я на вас рассчитываю.

И он последним покинул комнату.

А девушки занялись ранением Лейтца. Точно так же, как и в случае с Рэем, Ли-фанна приложила свою левую руку к ране стражника. Хорошенько сосредоточилась — на этот раз это получилось быстро, словно она уже много раз это проделывала — и от самого сердца к кончикам пальцев заструилась магическая энергия. Алька снова принялась бормотать заклинания. Минута — и рана практически исчезла. Девушки радостно переглянулись: получилось! Странно, но за время этой процедуры они не обменялись ни словом. Будто знали, что и в какой момент нужно делать.

— Потрясающе! — воскликнул Лейтц, поднимаясь на ноги и оглядывая свой бок. — Это же просто невероятно! Девушки, я дико извиняюсь за то, что не хотел пропускать вас в замок. Если бы не вы, сегодня была бы последняя ночь в моей жизни.

— Да ладно вам! — улыбнулась Ли-фанна, стараясь не думать о том, что если бы не они, никакого нападения бы не было. — Все бы обошлось.

— Вряд ли, — покачал головой стражник. — Это ведь не простая рана была, а нанесенная обсидиановым клинком. Она бы не зажила. Эх-х, а вот остальным не так повезло, как мне... — он протяжно вздохнул. — Не хотел ведь уходить! Нужно было остаться, но нет — они сами мне сказали: кто-то должен сообщить, ты самый быстрый... фактически я их бросил. Предатель я, а не стражник!

— Перестаньте на себя наговаривать, пожалуйста! — вежливо, но твердо сказала Ли-фанна. — Ведь если бы вы не ушли, не сообщили, то остальные защитники не успели бы как следует подготовиться к нападению, и погибло бы намного больше людей. Вы, наоборот,

помогли всем нам! Очень помогли. И никакой вы не предатель.

Она вдруг подумала о Мифьоле. Она ведь так и не сказала ему, что больше не злится... когда-то она теперь его увидит? И увидит ли? Нет, нельзя так думать! Ни в коем случае!

— Тогда почему же я сам чувствую себя предателем? — еще раз вздохнул Лейтц.

Ли-фанна и Алька снова переглянулись. Совершенно невозможно было узнать в этом скорбящем, почти что сломленном человеке того стражника, который еще сегодняшним утром не хотел впускать их в замок.

— К тому же, еще неизвестно, что все стражники погибли, — продолжила Ли-фанна.

— Их было. Двадцать. Человек, — хриплым голосом произнес Лейтц. — А легионеров — так, навскидку — пятьсот-семьсот. Шанс нулевой.

— Мой отец пропал в Черном лесу семь лет назад, — неожиданно для самой себя сказала Ли-фанна. — И не было ни одного шанса найти его живым. Его так и нашли. А мама до сих пор не верит, что он погиб. Говорит, что пока не убедится в этом сама, ни за что не поверит. Так что нельзя вот так сразу сдаваться.

Стражник с удивлением посмотрел на нее.

— Ты права, — задумчиво произнес он через несколько секунд. — Надо брать себя в руки. А сдаваться — это вообще самое последнее дело. Тем более, что во время битвы задумываться о потерях обычно некогда... Все, решено! Будем биться. До последнего!

— Вот и прекрасно! — обрадовалась Альнора.

Ли-фанна тем временем подошла к окну, выходящему на внутренний двор замка. И то, что она там увидела, ей совершенно не понравилось.

Весь Эймар постепенно превращался в огромное поле боя. Причем у Легиона явно был перевес в количестве и магической силе. Над некоторыми башнями полыхало зарево пожара, стены кое-где были пробиты насквозь. И это за какие-то пять минут! Что же будет дальше, страшно и подумать...

«Да, это тебе не драка в Черном лесу» — подумала Ли-фанна. — Интересно, как там сейчас наши? Эван? Мифьол? Рэй? Тарлиан, который феникс? Рональд, брат Рэя? Живы они? Или...»

Алька тоже подошла к ней.

— Вот ужас-то! — воскликнула она, поглядев в окно. — Нет, я не знаю, как ты, а я тут больше сидеть не могу!

— Да и я тоже, — сказала Ли-фанна. — Сидеть тут без дела, пока наши там сражаются!

— Так может, пойдём к ним? — Алька мотнула головой в сторону выхода.

— Вообще-то вам строго сказали: оставаться здесь, — напомнил о себе Лейтц. — И раз уж это сказал сам господин...

— То есть, вы предлагаете нам вот так просто остаться здесь, и ничего не делать? — повернулась к нему Альнора. — Ждать, пока их всех убьют? Или пока они победят всех легионеров?

— Да как же вы не понимаете! — воскликнул стражник. — Вы — сверхмаги! А значит, Легиону нужны именно вы!

— А разве не логичнее было бы предположить, что им нужны все четверо, о которых говорится в пророчестве? — спросила Ли-фанна. — А Эван сейчас вместе с другими защитниками. Да и Тарлиан, скорее всего, не сидит, как мы, без дела.

— И потом, мы ведь сверхмаги, — подхватила Алька. — А именно сверхмаги всегда сражались с Легионом!

— И если вы чувствовали себя предателем, — продолжила Ли-фанна, — покинув своих товарищей, потому что этого требовал долг, то кем себя чувствуем мы?

Судя по всему, последняя ее фраза попала в самую точку. Лейтц нахмурился: видимо, человеческие чувства в нем боролись со служебным долгом и любовью к правилам. Но чувства все-таки победили:

— Хорошо. Хоть и не должен я вам этого говорить, но... и Эван, и Тарлиан сейчас в башне Знаний. Вот в этой, — тоже подойдя к окну, он показал на башню, находившуюся немного восточнее. Сейчас объясню, как вам быстрее туда попасть. Но если вас поймают...

— А мы не собираемся попадаться, — заявила Ли-фанна.

— Ну, раз так, — Лейтц снова вздохнул, — тогда слушайте...

— Кажется, мы дошли, — не до конца веря собственным словам, сказала Алька. — Это ведь та башня?

— Вроде бы, — подтвердила Ли-фанна, немного подумав. — Было бы обидно ошибиться, правда?

— Не то слово! Столько шли...

До башни Знаний они добирались не то чтобы очень долго, но с огромным риском для жизни: легионеры разбрелись почти по всему замку, и сражения с защитниками происходили практически на каждом углу. Невозможно было догадаться, когда наткнешься на заклятие, а когда — на легионера с обнаженным клинком. Но, видимо, в эту ночь удача была на стороне сверхмагов, и девушкам удавалось избегать и стычек, и ловушек. Один, правда, раз Ли-фанна едва не угодила в магический капкан, но Альке удалось вовремя разглядеть его, так что все обошлось. И вот теперь девушки стояли у входа в башню Знаний — не со стороны двора, где был вход на первый этаж, а с противоположной стороны, где башня мостом соединялась с соседней на высоте где-то третьего этажа.

Дверь почему-то оказалась открыта: то ли защитники замка забыли про нее, когда укрепляли башню, то ли... Как бы там ни было, они зашли внутрь.

Башня Знаний встретила их полной тишиной. Но никаких разрушений там не наблюдалось.

— Странно как-то, — вполголоса сказала Ли-фанна. — Либо мы действительно забрели куда-то не туда, либо...

— Не говори так, пожалуйста, — вздрогнув, попросила Алька.

— Идем, — коротко ответила Ли-фанна, начиная подниматься по лестнице. На душе скребли кошки, а в голову лезли всякие нехорошие мысли.

Башня, куда они попали, не зря получила свое название. На каждом этаже там располагалась какая-нибудь лаборатория. Похоже, в Эймаре занимались всеми магическими и немагическими науками, какие только были на Листе. Только кто ими занимался? Неужели хозяин замка такой разносторонний человек? Так или иначе, сейчас все эти лаборатории пустовали. Ни единой живой души не встретилось девушкам за время подъема по лестнице.

Весь этот путь — довольно долгий, надо сказать: башня была порядочной высоты — наши сверхмаги проделали в полнейшем молчании. Ли-фанна старалась думать о чем угодно, только не о том, что случилось с защитниками этой башни. И вообще, со всеми теми людьми, кого она знала. Альнора... видимо, она поступала так же.

Перед тем, как подняться на самый последний этаж, обе ненадолго остановились, не

решаясь войти в последнюю дверь. Обеим было страшно: пугала неизвестность. Но Ли-фанна первой не выдержала, открыла эту самую дверь, и...

— Девчонки?! — раздался удивленный и радостный возглас Эвана.

Он, живой и невредимый, стоял совсем рядом и с изумлением смотрел на них. Ли-фанне захотелось броситься к нему на шею, но...

— Как же я рад, что с вами все в порядке! — воскликнул парень. — Я уж не знал, что и думать. Ну, заходите быстрее, чего стоите-то?

Они прошли вглубь помещения, оказавшегося огромной, во весь этаж, обсерваторией. Посреди большой круглой площадки стоял прямо-таки гигантский телескоп. Саму обсерваторию покрывал высокий прозрачный купол. Одним словом, это был просто идеальный наблюдательный пункт: с высоты был прекрасно виден весь замок.

А вот защитников в этой башне, как ни странно, было не так уж много. И почти все они были нашими знакомыми: там были Эван, Тарлиан, Эрлгримм, Промс, клеренский наставник Картен и даже сам Андроний собственной персоной. А еще там были двое местных эймаровских парней. Эти двое рослых и крепких молодчиков явно были одними из лучших бойцов Эймара. Звали их Искар и Грийк. Эван быстренько познакомил Ли-фанну с Алькой со всеми, а потом обратился к Картену:

— Девчонки тоже из этой «пророческой» четверки, — судя по его выражению, в пророчество Эван так и не верил. — И они сверхмаги, так что, думаю, их помощь лишней не будет. Хотя, нам ведь сейчас любая помощь к стати.

— Сверхмаги! — нахмурился учитель. — Но это ведь значит, что... А, ладно! Не так уж это и важно, если задуматься. А помощь ваша, девушки, и впрямь пригодится. Хоть большинство из нас и маги, установить хоть сколько-нибудь мощную магическую защиту несколько проблематично. Сможете что-нибудь сделать?

Девушки переглянулись. Ли-фанна, которая до этого использовала сверхмагию только два раза в жизни, была, мягко говоря, не уверена в том, что у нее хоть что-то получится. Альнора тоже сомневалась в своих силах, но тем не менее она, подумав пару секунд, кивнула:

— Попробуем.

И тут же быстро осмотревшись, она отошла к центру комнаты, знаком показав Ли-фанне, чтобы та шла за ней.

— Просто представь эту защиту, как будто она действительно есть, — шепнула Алька. — Мы, конечно, можем влиять только на материальные предметы, но и сотворить что-нибудь эдакое сумеем.

Ли-фанна кивнула в ответ: она не очень хорошо представляла, что значит «влиять на материальные предметы», но решила спросить как-нибудь позже. Если, конечно, удастся дожить до конца этой битвы...

Она попыталась представить, какой должна быть эта защита: почти невидимый прозрачный щит, непробиваемый для магии и обычного оружия. Перед ее мысленным взором как-то сама собой возникла башня Знаний, хотя до этого она видела ее только из окна в той комнате, где они должны были оставаться. И она ясно увидела, как вокруг башни медленно появляется надежный щит, похожий на купол над обсерваторией. Одновременно с этим она почувствовала, что где-то внутри нее разливается то же сверхмагическое тепло, что она ощущала во время исцеления Рэя, а потом и Лейтца. Это и есть сама сверхмагическая энергия, поняла девушка. Без нее никакого колдовства не получится. А значит, она все

сделала правильно.

Она подняла над головой левую руку, высвобождая эту энергию. И в тот же миг неяркая вспышка света где-то в небе дала понять, что все получилось.

Алька с бесконечным удивлением взглянула на нее:

— Тебе как это удалось? У меня на такое ушло бы... минут... пятнадцать, минимум! А так мне и делать почти ничего не пришлось — просто немного помогла тебе, и все...

Ли-фанна пожала плечами. Она и сама не понимала, как ей это удалось. Ей вообще в последнее время казалось, что она уже ничего не понимает.

Картен с изумлением поглядел на них, затем произнес:

— М-да, с такими помощниками нам никакой Легион не страшен! Хотя, до нашей башни они, может, и не доберутся.

— Это вряд ли, — сказал вдруг Искар, глядя сквозь купол куда-то вниз. — Вон, идут. Человек, может, тридцать.

— Маловато по сравнению с остальными, — заметил Картен. — Думают, видно, что здесь рассчитывать не на что. Ну что, защитники Эймара, готовьтесь к бою!

Немногочисленные защитники башни Знаний разошлись по заранее оговоренным позициям. Альку Картен, поразмыслив немного, поставил поближе к Тарлиану, а Ли-фанну — к Эвану. Обеим девушкам было не по себе перед предстоящим боем, но Алька, подумала, что с ее сверхмагией и верной рапирой она справится, тем более, сколько более сильных воинов рядом собрались. Ли-фанна же поглядела на спокойного и уверенного в себе Эвана, стоявшего совсем рядом, и на душе сразу как-то полегчало.

Из всей «пророческой четверки», как метко выразился Эван, наверное, больше всех волновался перед битвой Тарлиан. Участвовать в настоящем бою ему, в отличие от большинства присутствующих, не приходилось ни разу. Конечно, с мечом обращаться он умел, и умел, в принципе, неплохо. Но у него вечно что-нибудь выходило как-нибудь не так. Глупо было бы надеяться на то, что с неожиданным обретением какого-то «дара» вся его былая невезучесть разом пройдет.

Стоило ему подумать о своем даре, как странный огонь внутри него вновь появился. Он, похоже, и до этого никуда не исчезал, просто сейчас, в нужный момент, дал о себе знать. Не сказать, чтобы Тарлиан, не имевший представления о том, как этим пламенем управлять, как-то обрадовался новому проявлению своих способностей. Если они у него только были...

— Похоже, немного времени у нас есть, — сказал где-то через минуту Картен. — Вот спасибо вам, девчонки, за такую защиту!

Алька улыбнулась, Ли-фанна только пожала плечами.

Но времени у них оказалось не так уж и много. То ли хваленая защита подвела, то ли Легион был еще сильнее, чем думали защитники башни...

Так или иначе, в башню противник ворвался через три минуты ожидания. И если поначалу Ли-фанне казалось, что собраться всем в обсерватории — не самая лучшая тактика, то теперь она ясно видела: иначе не победить. Слишком уж много было легионеров.

А было их, как и говорил Искар, человек тридцать или даже сорок. В обсерваторию они ворвались, как черные тени, и тут же рассредоточились по всему помещению, взяв защитников в кольцо. Все это составляло какую-то дикую противоположность с тем боем в Черном лесу, где противников, во-первых, было всего семь, причем нападали они не все сразу, а во-вторых, и вооружение, и броня у них уступала этим. Ли-фанна, Эван и Алька подумали об этом одновременно.

Но битва — это такая штука, которой любые раздумья только вредят. Легионеры кинулись на них все разом — видимо, слов «честный бой» для них просто не существовало.

Ли-фанна едва успела вскинуть свою рапиру — с момента, когда она ушла из дома, она стала куда увереннее держать оружие, хотя и сама этого замечала — как на нее набросились сразу трое. Причем все трое были, мягко говоря, не из слабаков.

Если вы, друг мой читатель, когда-то смотрели фильмы, где главный герой с легкостью справляется с нападающими на него тремя, а то и семью злодеями, то запомните, пожалуйста: так быть не может! Это все придумано режиссерами для пушного эффекта. Чтоб интересней смотреть было. Но в реальности одержать победу и над двумя-то сразу проблематично, не то что над тремя или семью! Хотя многим такое умение очень бы пригодилось.

Например, Ли-фанне, которой приходилось волчком вертеться, отбиваясь от этих троих типов. А те специально наносили удары так, чтобы она не успевала парировать: стоило отвлечься на атаку первого, второй и третий тут же накидывались с других сторон, так что она оказывалась зажата между двумя противниками, норовящими проткнуть ее мечом.

Она снова испытала то чувство, которое впервые ощутила, глядя во двор из окна коридора в Восточном крыле. Легионеры действовали слишком слаженно, слишком отработано. Обычные воины так не дерутся. Не может быть так, чтоб сражались они без единого прокола! Тактика у них была отработана до самых мелочей. Они просто давили ее, предугадывая каждое движение своей жертвы. А жертвой Ли-фанне быть не хотелось.

И Альке тоже не хотелось. На нее тоже напали сразу трое, но, в отличие от Ли-фанны, к бою она была готова больше. Опять же, у нее была сверхмагия. Правда, полагаться на сверхмагию против троих... по меньшей мере неразумно.

Она попыталась сотворить какое-нибудь простенькое заклятие — никакой боевой магии, нет, просто небольшая вспышка, которая на пару секунд могла бы ослепить противников. На то, чтобы прочитать заклинание (а делала она это, как и любой сверх, молча), у нее ушла всего секунда. С учетом того, что за это время она смогла каким-то чудом уклониться от двух ударов и довольно ловко парировать третий, это был просто отличный результат. Но, хотя она была уверена, что сделала все правильно, и нигде не ошиблась в заклинании, совершенно ничего не произошло. Результат оказался нулевым. Чары словно отскакивали от мощной брони воинов Легиона. И вот тогда Альнора поняла, что попала...

Тарлиану приходилось не лучше. На него черными вихрями налетели сразу четверо: решили, видимо, что ученика Феникса можно как следует помучить перед смертью.

Пламя где-то у него внутри так и полыхало, разве что наружу не вырывалось. Тарлиан не знал, хорошо это или плохо. Он вообще уже ничего не знал. Просто был он, у него был меч, и еще были четверо типов, которые намеревались снести ему голову. А это было бы нежелательно.

Правда, иногда возникало ощущение, что его руку что-то или кто-то направляет. Он откуда-то знал, что вот сейчас, когда вот этот, стоящий чуть правее, легионер, направил острие своего меча прямо ему в глаз, нужно уйти с уклоном вправо в сторону того, кто приготовился ударить ему куда-то в бок. Он тогда промахнется, а если проделать все достаточно быстро, то оставшиеся двое вообще не успеют среагировать. И ведь все так и получалось! Но задумываться о том, почему так выходит, кто его направляет, было некогда — слишком уж большой темп у битвы. Это словами все описывать долго, а на деле противники обменивались ударами с просто умопомрачительной скоростью.

Из всей четверки только Эван пытался еще сохранить какое-то самообладание и здравый рассудок. В отличие от Тарлиана, он в академии был одним из самых лучших учеников, и навыки, полученные во время учебы, он умел применять и в реальном бою. Быстренько оценив ситуацию, он решил, что трое — а на него тоже напало трое — это еще не самое страшное, что могло произойти, и смело кинулся в бой. Как и учили в академии, он старался атаковать с помощью неожиданных приемов. И его тактика даже имела успех... какое-то время.

А вот Ли-фанне везло намного меньше. Она чувствовала: еще несколько минут такого боя, и она упадет без сил. Она парировала очередной удар, нанесенный самым из ее противников. Клинки со звоном соприкоснулись. Если бы у Ли-фанны было время на раздумья, она бы заметила, что обсидиановый меч, в отличие от ее стальной рапиры, не издал ни звука. Но она думала о том, что legionерам ничего не стоит сломать ее рапиру, как спичку. И о том, что нужно как-то увернуться от атак тех двух.

Где-то слева послышался звук разбивающегося стекла — кто-то покинул обсерваторию через купол. Наш или legionер? Непонятно. Все смешалось в этой битве. Невозможно было отличить, где защитники Эймара, а где их враги. Ли-фанна вообще никого, кроме троих legionеров, окруживших ее, не видела.

Но после того, как в куполе обсерватории появилась пробоина, начало твориться что-то совсем уж непонятное. Один из противников Ли-фанны — а именно самый сильный и рослый из всех — совершенно неожиданно повалился на пол. Оставшиеся двое в растерянности поглядели друг на друга...

Воспользовавшись этой внезапной задержкой, Ли-фанна стремительно выскочила из окружения и переместилась ближе к куполу. Ей почему-то казалось, что так надежнее.

Большая часть сражающихся сосредоточилась около дыры в куполе. Там сверкали заклятия, звенел металл, соприкасаясь с обсидианом, слышались какие-то выкрики... Ли-фанна старалась не смотреть в ту сторону: это было просто невыносимо. Зато она видела, как отважно сражается Эван... и как бьется Альнора, пытаясь вырваться из кольца, в которое взяли ее legionеры. Их было уже не трое, а пятеро.

Ли-фанна хотела кинуться ей на помощь, но тут ее снова атаковали подоспевшие противники...

И одновременно с этим там, около пробоины в куполе, полыхнуло что-то оранжево-красное...

...Когда рука Тарлиана, держащая меч, вдруг вспыхнула ярким пламенем, он подумал, что попал под какое-то legionерское проклятье, и это конец. Но огонь несколько его не жег, и через несколько секунд Тарлиан понял, что это такое проявление его «дара». Пламя вырвалось-таки на волю.

Legionеры шарахнулись от юного феникса, как от огня. А впрочем, почему «как»? Ах, если бы он умел хоть как-то управлять своими новыми способностями...

Но на первых порах, похоже, и этого было достаточно. Похоже, что огонь этот жарил так, что legionеры не могли приблизиться к нему. А через некоторое время пламя перешло на меч Тарлиана, не причиняя клинку никакого вреда. И это пришлось как нельзя кстати.

Еще никогда меч в его руках не был так грозен, никогда он не ощущал свою силу в полной мере. Он вообще ее раньше никогда не ощущал, что уж там говорить. А теперь legionеры боялись его, потому что не понимали его силы, не знали, на что он способен. А

вот он не испытывал совершенно никакого страха. Вокруг кипело сражение, заклятия проносились мимо с бешеной скоростью, сверкали в лунном свете клинки защитников, свистел ветер, влетающий в обсерваторию через дыру в куполе — а ему, кажется, было все равно. Он просто сражался — даже не за свою жизнь, а за весь замок.

Сколько прошло времени? Несколько минут или несколько часов? А может, время вообще остановилось, и эта битва никогда не прекратится? Этого Тарлиан не знал, и это казалось ему неважным. И неизвестно, сколько бы времени так могло продолжаться, если бы не...

...Если бы у него из руки не выбили меч. Какое-то шальное заклинание просвистело мимо, и со страшной силой ударило прямо в горящее лезвие. Причем, скорее всего, никто не собирался выбивать клинок у него из рук, а произошло это совершенно случайно. Но Тарлиан не смог удержать меч: слишком сильным был удар. Пламя на нем сразу же погасло, как и огонь на руке Тарлиана. Феникс остался безоружен. Сражаться врукопашную против шести легионеров сразу — и это минимум! — просто самоубийство. Они в момент проткнули его своими мечами.

Видимо, сообразив, что грозный противник больше никакой опасности не представляет, легионеры дружно пошли в атаку. Они, похоже, собирались встать в кольцо, и... а вот о том, что «и», Тарлиану думать совершенно не хотелось.

Его бы совершенно точно убили, если бы к нему не помощь не подоспел кто-то. Тарлиан не сразу разглядел, кто. А кода разглядел...

Ему помог не кто иной, как Андроний. И это было самое странное, что только могло случиться с Тарлианом за время этой битвы.

Пробив кольцо легионеров, Андроний бросил Тарлиану его меч, который юноша тут же поймал. Затем он встал рядом с ним, спросил, как ни в чем не бывало:

— Помощь нужна?

Тарлиан кивнул в ответ, и два будущих рыцаря приготовились отражать новые атаки легионеров.

Сражаться вдвоем, пусть даже против шестерых, все-таки намного легче, чем одному. Тем более, что огонь на Тарлиановом мече каким-то чудесным образом разгорелся с новой силой, а это значительно облегчало ведение боя.

Похоже, легионеры огня боялись больше, чем любых заклинаний и мечей юных Фениксов: самих своих противников они всерьез не воспринимали. Но не стоит думать, что Тарлиан ничего не делал, надеясь только на этот огонь. Он, наоборот, вошел в какой-то боевой раж, сражая противников эффективными и порой весьма эффектными приемами. Пару раз он ловил удивленные взгляды Андрония. Ну еще бы, в крепости с ним такого никогда не случалось!

Но все-таки Андроний сражался куда лучше него: как-никак, опыта у него было куда больше. Из тех шести легионеров, с которыми им пришлось сражаться, Андронию удалось тяжело ранить двоих, так что они выбыли из строя Тарлиан же смог ранить только одного. Еще двое, судя по всему, решили не связываться с его огненным мечом. С последним же они разобрались вдвоем, причем, как показалось Тарлиану, разобрались окончательно и бесповоротно. В том смысле, что последний удар, нанесенный Андронием, оказался слишком сильным для легионера.

— Что это на тебя нашло? — спросил Тарлиан, когда с легионерами было покончено. — С чего это ты кинулся мне помогать?

— Да просто так, — пожал плечами Андроний. — С теми, кто напал на меня, я кое-как расправился, и решил помочь остальным. Я даже не видел, что они окружили именно тебя.

«Ага, а если б видел, не стал бы помогать», — подумал Тарлиан, но вслух сказал только: — Ну, спасибо. И за меч мой тоже. Без него было бы несколько труднее.

Андроний с любопытством посмотрел на меч Тарлиана, все еще горевший ровным, ярким пламенем, но спрашивать ничего не стал.

— А ты, как оказалось, неплохо дерешься, — сказал он.

Тарлиан только хмыкнул в ответ. Сам он пока не решался так заявлять.

— Знаешь... беру назад свои слова начет «птенчика» и все такое, — негромко сказал Андроний.

— С чего бы? — с крайним изумлением взглянул на него Тарлиан.

— Потому что это глупость. И мы с тобой оба выжили в этой битве. Пока что. А значит, ты тоже кое на что годишься.

— А я тогда беру назад свои утренние слова. Ну, про твою фамилию, — сказал Тарлиан, решив не обращать внимания на последние слова Андрония.

Тот только отмахнулся.

— Все нормально. Просто у меня есть причины не любить свою фамилию.

И оба юных Феникса снова кинулись в бой, в самую гущу сражения. Защитники Эймара могли выиграть эту битву. Теперь Тарлиан ясно это осознавал.

А вот Ли-фанна ничего подобного не осознавала. Она не видела победы Тарлиана и Андрония, не видела, что Эван пришел на помощь Альноре, что легионеров становится все меньше... ее окружили, зажали в кольцо, причем за спиной у нее находился купол обсерватории. Теперь она понимала свою ошибку, но ничего сделать было уже нельзя. От купола не отойдешь. Оставалось только стоять с рапирой наизготовку, и ждать атаки легионеров. Их было теперь пятеро: столько же, сколько билось против Альки. И все пятеро, хоть их лица и были скрыты шлемами, выглядели как нельзя более довольными: как же, им удалось загнать в угол сверхмага!

Она даже не заметила, в какой момент они сломали ее рапиру. Просто она вдруг обнаружила у себя в руке одну рукоять с бесполезным обломком клинка. Она метнула эту рукоять в одного из своих врагов, но разумеется, жалкий обломок не причинил никакого вреда закованному в броню легионеру.

— Значит, ты хочешь сражаться? — спросил вдруг один из них, самый сильный, который был, по-видимому, главарем всех нападавших на башню. — Опомнись. Мы сильнее, и нас пятеро. А ты одна. У тебя нет шансов. Впрочем, даже если ты выживешь сейчас, потом... ты обречена. Так что прими свою судьбу, и исполни ее!

С этими словами он дал остальным легионерам какой-то знак рукой, и они тотчас повалили девушку на пол. Видимо, с помощью магии, потому что с места никто из них не сдвинулся.

Вот и все. Прощайте, мама и сестренка. И все друзья и знакомые тоже. Эван, Алька Рэй... Мифьол. Больше она никого из них не увидит.

Пока она мысленно прощалась со всеми, легионерский главарь размотал бинты на ее правой руке.

— Так-так, — удовлетворенно произнес он, глянув на наполовину зажившую уже

рану. — Отлично. Тут и делать ничего не придется. Явно кто-то из наших постарался.

И он приложил свой меч прямо к ее ране.

Каким-то чудом Ли-фанне удалось сдержаться и не закричать: боль была просто дикая. Легионер, ухмыляясь, взглянул на нее:

— Тебе довелось стать частью великого плана, девочка! Ради такого и потерпеть можно.

Что происходит? Зачем она нужна Легиону? Что с ней будет? Ли-фанна не знала. И от этого ей становилось очень страшно.

И вот, когда стало совсем уж плохо, и ей казалось, что пришла ее смерть, она почувствовала у себя на шее что-то тяжелое и холодное. Цепочка, подаренная незнакомкой во время ее обморока в Черном лесу! Неужели настало то время, когда «цветок сам себя проявил»? Как бы там ни было, ей почему-то стало намного легче. И стало понятно, что сейчас ей умереть не придется.

Легионер долго не забирал свой меч — целую вечность, как показалось Ли-фанне. А когда все-таки забрал, клинок в самом своем центре был рубиново-красным...

Это было последнее, что запомнила Ли-фанна. Потом она потеряла сознание.

Глава 11

Глава 11

XI. Лист. Эфарленд. Замок Эймар. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд. Рэй.

Она очнулась от резавшего глаза яркого света. Открывать глаза было страшно. Неужели она все еще жива? А если нет? Вдруг она откроет глаза и окажется в подземном царстве бога Зентара, куда все люди попадают после смерти? Хотя, если задуматься, какой свет может быть в подземном царстве?

Пришлось Ли-фанне все-таки открыть глаза. Потому что гадать о том, что с ней случилось, было гораздо страшнее.

А в жизни все было не так уж и страшно. Она была в своей комнате, лежала на кровати.

Кроме нее, в комнате находились еще Эван и Алька. Никогда еще она не была так рада видеть их обоих.

— Слава богам, ты жива! — Воскликнула Альнора, увидев, что Ли-фанна пошевелилась. — А мы уж было подумали, что...

Эван искоса поглядел на нее.

— Что произошло? — спросила Ли-фанна, пытаясь хоть немного прийти в себя. — Как я сюда попала?

— Ты не помнишь ничего? — спросил Эван? — Что, совсем?

— Помню, меня окружили... потом повалили на пол... а потом...

О том, что было после, ей вспоминать не хотелось. Она попыталась привстать, но не смогла: во всем теле была дикая слабость. И еще очень сильно болела правая рука, которой она с трудом могла пошевелить.

— Мы уже почти всех перебили, — начал рассказывать Эван. — Когда в башню нагрянул Рэй со своим братом. Я даже не думал, что так вообще можно сражаться! Тех легионеров, которые еще оставались, как ветром сдуло. Кто-то сбежал, а кто-то попался под горячую руку. Дальше всех продержались те, кто тебя поймал. Но Рэй и с ними справился. И

тогда мы увидели тебя...

Ты была без сознания, и выглядела, на самом деле, просто ужасно. Бледная вся и... как будто мертвая. Алька, как тебя увидела, испугалась жутко, а Рэй рассердился ужасно, и сказал, что теперь Легиону удалось заполучить твою кровь. Он вообще очень рассердился, когда узнал, что вы с Алькой были там, в башне.

— А как же мне было не рассердиться? — спросил вдруг Рэй, входя в комнату. — Ясно же было сказано: оставаться там, в центральном зале! А они умотали сражаться, стоило только один раз положиться на вашу ответственность!

— Ну, мы ведь не могли бросить Эвана, — заметила Алька. — И потом, наша помощь, по-моему, пригодилась защитникам!

Рэй сокрушенно покачал головой.

— И что мне с вами делать? Но, ладно, что было, то прошло. Хотя бы все живы. Ли-фанна, ты встать сможешь?

— Не знаю, — девушка снова попыталась подняться, но опять без сил рухнула на подушки.

— Понятно. Лежи, лежи, не вставай. Плохо, что им удалось поймать тебя. Очень плохо. У них теперь есть твоя кровь, кровь сверхмага, а это значит, что они стали еще на шаг ближе к его пробуждению.

Эван и Алька с ужасом переглянулись. Ли-фанна, наоборот, старалась ни на кого не смотреть. Это же надо было умудриться так всех подставить! Как она теперь будет людям в глаза смотреть? Она спросила, чтобы хоть как-то отвлечься от этой мысли:

— А как закончилась битва? Мы победили?

— Почти. Если бы легионеру, меч которого вобрал твою кровь, не удалось улизнуть, победа была бы полной, — ответил Рэй. — Ну и потери... всегда сложно терять хороших людей. Из тех, кто вместе с вами был в башне, погиб только Искар. Картен, наставник Клеренской крепости, ранен, но не сильно. Гораздо больше досталось его ученикам, Эрлгримму с Промсом, но и они жить будут. С учетом того, со сколькими легионерами сразу вам пришлось сражаться, вам еще повезло.

Ли-фанну это не успокоило. Новость о смерти Искара глубоко опечалила ее. Хоть она совсем не знала этого человека, в бою он показал себя отважным воином и верным товарищем. Рэй верно сказал: хороших людей терять всегда тяжело.

Некоторое время все молчали. Потом Рэй произнес:

— Да, Ли-фанна, задала ты нам всем задачку... Похоже, сегодня вы отправиться дальше не сможете. Ну ладно, время пока что есть. Ты отдохни пока, силы скоро восстановятся, я думаю. И, между прочим, я, кажется, сказал вам двоим, — он перевел взгляд с Альки на Эвана и обратно, — расходиться по своим комнатам! Вам тоже отдых нужен, воители вы наши! Борцы с Легионом!..

И с этими словами он вышел из комнаты.

Разумеется, ни Эван, ни Альнора никуда не ушли, а остались в комнате Ли-фанны. И девушка была им за это очень благодарна.

— Зато мы Эймар отстояли, — сказала Алька после пары минут молчания. — А все остальное, в принципе, не важно.

Ли-фанна устало прикрыла глаза.

— Конечно, не важно. Только теперь из-за меня планы Легиона могут осуществиться с

куда большей вероятностью. Я всех вас подставила, и больше ничего. Все нормально.

— Хватит ерунду городить! — заявила Альнора. — Никого ты не подставила! И вообще, на твоём месте легко могла оказаться я. И что же теперь, вообще из комнаты не выходить? Сидеть, всего бояться? Ни в чём ты не виновата! Наоборот, помогла: защиту поставила. У меня бы ни в жизнь так не получилось!

— Да ладно тебе, — улыбнулась Ли-фанна. Она чувствовала, что силы постепенно возвращаются, и это значительно повышало её настроение.

— Я просто говорю, что есть, — пожалала плечами Алька.

— Слушайте, а из вас-то никого не ранили? — спохватилась вдруг Ли-фанна. — А то я видела, как вы сражались, хотела помочь, но...

— У меня была пара царапин, — сказал Эван, — но Алька почти сразу меня подлатала, так что ничего страшного.

— А меня даже ни разу не задели, — весело сказала Алька. — Ладно, я пойду, и вправду отдохну. А то ночка выдалась та ещё...

— Я тоже пойду, пожалуй, — сказал Эван, и соскочил с подоконника, на котором все это время сидел.

Альнора уже ушла; Эван подошел к двери, но вдруг обернулся и произнес, глядя Ли-фанне прямо в глаза:

— И хватит себя во всем винить.

Потом улыбнулся, как ни в чём не бывало, весело подмигнул и ушел.

И Ли-фанна осталась в полном одиночестве и в некоторой растерянности. Она до сих пор так и не разобралась, как вести себя с Эваном... а вот он, похоже, уже давно во всем разобрался.

За те два часа, что она оставалась в комнате одна, Ли-фанне так и не удалось уснуть. В голове блуждали какие-то непонятные, спутанные мысли. Вспоминались то какие-то отрывки ночного боя, то переход через Черный лес, то разговор с загадочной незнакомкой... Вспомнив о нём, Ли-фанна тут же подумала о цветке, который подарила ей таинственная женщина. Интересно, как он себя «проявил» во время битвы?

Она провела левой рукой по шее. Цепочка никуда не делась, и оставалась все такой же холодной и тяжелой. Но теперь она почему-то стала видимой. А вместе с ней стал видимым и цветок. Только теперь зарецвет выглядел совсем по-другому.

Это больше не был алый цветок, похожий на звезду. Вернее, похожим на звезду-то он остался, но вот алым он быть перестал. Он стал, как и цепочка, бронзовым. В прямом смысле. Он превратился в изящный бронзовый медальон, от которого — она явственно это ощущала — исходила какая-то непонятная энергия. Ли-фанна попробовала его открыть, но бронзовые половинки цветка почему-то не поддались.

И все-таки чем дальше, тем меньше она понимала. Что это за цветок? Какими силами он обладает? И почему он стал видимым именно сейчас?

Но как бы там ни было, она все еще не знала, можно ли рассказать обо всем этом кому-нибудь из тех, кто может что-то знать про этот цветок. Хотя она и не понимала, в чем причина такой секретности, нарушать запрет незнакомки она не собиралась.

Силы у нее, несмотря на то, что очнулась она просто в ужасном состоянии, восстановились довольно быстро. Спустя где-то полтора часа, Ли-фанна практически полностью пришла в себя. Только правая рука напоминала о себе тупой, приглушенной, но

ни на секунду не прекращающейся болью. Интересно, она хоть когда-нибудь перестанет болеть? Или это на всю жизнь? Почему-то Ли-фанне не очень хотелось об этом задумываться.

Итак, через два часа размышлений непонятно о чем, от которых Ли-фанна порядком уже устала, в комнату без всякого стука вошла Альнора.

— А я думала, ты спишь, — сказала она, заметив, что Ли-фанна на нее смотрит.

— Попробовала бы ты заснуть, когда у тебя рука мало того, что работать отказывается, так еще и ноет постоянно! — сказала Ли-фанна, снова пытаюсь приподняться. На этот раз получилось.

— Ко мне сейчас Эван зашел, — сообщила Алька. — Сказал, нас с тобой учитель Сойрен ждет. Ты идти сможешь?

— Вроде да.

Ли-фанна встала, сделала несколько неуверенных шагов. Алька вопросительно посмотрела на нее.

— Все в порядке, — ответила ей Ли-фанна. — Можем идти. Ты знаешь, куда?

— Да, конечно. Эван мне объяснил. Но это довольно далеко...

— И что? — Ли-фанна сделала вид, что не поняла намека. — Слушай, хватит обращаться со мной, как с больной!

Алька в ответ весело хмыкнула и пожала плечами. Решила, видимо, что раз Ли-фанна снова говорит в своем привычном тоне, то все действительно в порядке.

Девушки вышли из комнаты, и пошли... куда-то. Дорогу показывала Альнора, и Ли-фанна не была до конца уверена, что она выведет их, куда надо. Вообще, во всей сложившейся ситуации было очень много странностей. Эти ощущения собственной слабости и вины, которые так и покинули Ли-фанну. Картина замка после битвы: стены кое-где разрушены, в коридорах обломки камней, где-то можно было увидеть воронки от заклятий Легиона, на дне которых еще курился легкий дымок... разрушения были не очень большими, но картина все равно печальная.

Они шли молча. Ли-фанне говорить не хотелось — да и о чем? Она оглядывала картину вчерашней бойни, и где-то в глубине подсознания появлялась мысль, что если бы они с Алькой не были сверхмагами, ничего такого бы не случилось.

Но идти вдвоем и грустить им пришлось недолго. Стоило только им выйти из Восточного крыла, как их встретил учитель Сойрен.

— А вот и вы! — произнес он, увидев девушек. — Я думал, вы будете чуть позже. Ну, как вы? Оправились после вчерашней битвы?

— Почти, — ответила Алька. Ли-фанна промолчала.

Учитель Сойрен внимательно поглядел на обеих девушек. В его взгляде можно было увидеть сочувствие и тревогу. Но вслух он сказал лишь:

— Идемте. Мне нужно многое вам рассказать.

Позднее Ли-фанна частенько поражалась людям, которые могут ориентироваться в Эймаре, даже не задумываясь. А учитель Сойрен был как раз из таких людей. Он вел их порой такими коридорами, о существовании которых сами девушки ни за что бы не догадались: так хорошо спрятаны были входы в эти коридоры. А наставник Дарминорской академии шел так, словно в древнем замке от него нет никаких тайн.

— Почти пришли, — сказал учитель Сойрен минут через десять хода. — Давайте задержимся здесь ненадолго. Кое-что из того, что мне нужно вам рассказать, лучше говорить

именно здесь.

Они находились в длинной галерее, по стенам которой висели самые разные картины: портреты, пейзажи — виды Эфарленда. Почти все пейзажи Ли-фанна узнала сразу: таких картин полно было и в школе, и в некоторых учебниках. А вот лица, изображенные на портретах, по большей части были ей незнакомы. На этих портретах были запечатлены совершенно разные люди: мужчины и женщины, старики и совсем молодые люди. Но была у них одна общая черта: лица у всех были очень серьезными, с каким-то даже мрачным выражением. Оптимизма все это абсолютно не прибавляло.

— В этой галерее, — начал рассказывать учитель Сойрен, повернувшись лицом к девушкам, — хранятся портреты самых великих сверхмагов Листа. Все эти люди героически противостояли Легиону на протяжении многих эр... быть может, когда-нибудь и ваши портреты окажутся здесь... это великая честь для каждого из нас, наделенных сверхмагией.

Алька уже всюду разглядывала портреты и читала подписи под ними.

— Приайн Донирская... вы ведь про нее рассказывали, учитель?

— Верно. Хорошо, что ты помнишь. Да, это она, та женщина, кто еще в эру Феникса...

Ли-фанна не слушала этот разговор — не потому, что было неинтересно, как раз наоборот — просто ее внимание полностью приковал к себе другой портрет.

На нем была изображена молодая женщина — лет двадцати — двадцати пяти. Она была очень красива, но красива как-то по-своему. Ее внешность практически ничем не походила на внешность обычных женщин Эфарленда: смуглая кожа, лицо с правильными чертами, высокие скулы, длинные угольно-черные волосы. Ее легко можно было бы принять за жительницу какой-нибудь южной страны, если бы не глаза. Светло-серые, почти прозрачные, с ярко выделяющимися зрачками, которые были словно затуманены легкой серебристой дымкой. В глубине ее глаз чувствовалась глубокая печаль, хотя лицо было преисполнено решимости. Она была похожа на воительницу из какой-то старой легенды, которую Ли-фанна уже наполовину забыла. В памяти осталась только главная героиня, которая действительно была очень похожа на женщину с этого портрета. Ли-фанна даже рисовала ее когда-то, стоящую на вершине утеса со вскинутым мечом в руке и оглядывающую поле грядущего сражения. Помнится, она тогда еще очень долго провозилась, рисуя ей руки. Но в этом портрете из галереи замка Эймар было что-то очень знакомое, что-то, не относящееся к тому старому, детскому рисунку и к той легенде. Но Ли-фанна так и не смогла понять, что именно было ей так знакомо. А подписи под портретом не было.

— Учитель Сойрен, — решила спросить Ли-фанна, воспользовавшись паузой в разговоре наставника с Альнорой. — Можно вопрос? Кто на этом портрете?

Наставник подошел, внимательно взглянул на портрет, после перевел взгляд на девушку.

— Это, Ли-фанна, изображение одной из самых сильных чародеек нашего мира. Это Верховная ведьма, известная также, как Верховная Чародейка Эфарленда. Ее имя Оррайна. В своей юности она совершила много такого, что не удавалось никому ни до, ни после нее. Сейчас же она куда-то исчезла, так что никто не знает, где она.

Больше учитель Сойрен ничего не прояснил, так что Ли-фанна так и не смогла понять, откуда она знает эту женщину. Так что пришлось отойти от портрета Верховной ведьмы, и отправиться дальше по галерее. Но пройдя вперед пару метров, она снова остановилась. Потому что следующая увиденная ей картина дала ей ответ на один из мучавших ее вопросов. И ответ этот, честно говоря, ее просто шокировал.

В принципе, это даже не была картина. Это была очень яркая красивая фреска,

изображающая Лаорин — мифическую волшебную страну, откуда, по преданиям, правят миром тринадцать богов Листа. Есть также легенды, которые повествуют о том, что все волшебные существа, когда-либо жившие на Листе, ушли туда.

Но главным было совсем не это. Главным было то, что на этой фреске была изображена Диона — богиня Луны и покровительница всей магии Листа. А самое странное было в том, что Ли-фанна вдруг поняла, что это именно с ней она разговаривала тогда, во время своего странного обморока в Черном лесу. И вот это было что-то совсем уж из ряда вон выходящее. С ней говорила богиня? Как такое вообще могло быть? Просто невероятно!

Сама эта мысль казалась ей какой-то неправильной, чуть ли не кощунственной. Боги не должны показываться простым людям! А тем более такие боги! Диона ведь на втором месте по главенству — после бога Солнца, Таруса. Одним словом, чем дальше, тем все более странной становилась вся эта история.

Пораженная этой мыслью, Ли-фанна даже не заметила, как к ней подошла Альнора.

— Красиво как... учитель, а Диона, что, тоже как-то связана со всей нашей сверхмагией?

— Диона? Ну, разумеется. Она ведь считается еще и богиней магии, а значит, и сверхмагии тоже. Существовала даже легенда, что это именно она даровала первым сверхмагам их силу. Но кто знает, как это было на самом деле...

Альнора внезапно помрачнела, словно вспомнив что-то очень неприятное. Ли-фанна же совсем запуталась в своих мыслях.

— Думаю, теперь нам пора идти дальше, — сказал наставник. — Вы, я полагаю, увидели здесь достаточно. Идемте дальше.

— В галерее, — говорил учитель Сойрен, когда они шли по очередному коридору, — вы видели множество портретов. Альнора, можешь сказать, сколько их примерно там было?

— Ну... — Алька замялась, — штук двадцать... тридцать... примерно...

— Двадцать семь, если быть точнее. Все люди, изображенные там, жили относительно недавно: в эры Феникса, Дракона и Грифона. Есть и другие галереи, там хранятся более старые портреты, но мне хотелось, чтобы вы увидели именно эту. Потому что некоторые картины там напрямую связаны с вами.

— С нами? — спросила Альнора. Похоже, она, примерно так же, как Ли-фанна, была в почти полном замешательстве.

— Да. Там висит, например, портрет Дориуса Вирта. Должно быть, Альнора, ты его не заметила. Наверняка ты знаешь, что он был...

— ...Моим... прапрадедом? — перебила его Алька. — Не знала, что среди моих предков были сверхмаги...

— Ничего удивительного в этом нет. Мало кто на Листе может похвастаться тем, что знает о существовании сверхмагов. Такие, как мы, обычно не афишируют свои способности. А сверхмагический дар частенько передается по наследству, как обычная магия.

«Выходит, и у меня были предки-сверхмаги? — подумала Ли-фанна. — Или со мной что-то другое?»

— Так вот, о том, что касается людей, изображенных на этих портретах... — продолжил учитель Сойрен. — По большому счету, все сверхмаги без преувеличения заслуживают того, чтоб их портреты оказались в галереях Эймара... ведь все они в свое время вносили свой вклад в важнейшее для всех сверхмагов дело: в борьбу с Легионом! Но, к сожалению, этой чести удостоились лишь немногие...

— Учитель, неужели эта война тянется уже так долго? — спросила Алька.

— Я как раз собирался рассказать вам об этом. Но раз уж ты спросила... А что ты вообще знаешь об этой войне и об Легионе?

— Легион — это тайный орден, в который входят маги и воины, практикующие запрещенные виды магии и боевые искусства, — как на уроке, начала бойко отвечать Алька. — Но фактически это целое государство, потому что все легионеры подчиняются одному, называющему себя их повелителем. И всех легионеров объединяет то, что они все, без исключений, ненавидят сверхмагов. А, и стремятся к мировому господству.

Учитель Сойрен удовлетворенно кивнул, и девушка, чуть приободрившись, продолжила:

— Из-за того, что Легион больше всех на свете ненавидит сверхмагов, он начал против нас войну. И сами легионеры считают, что эта война будет продолжаться, пока последний сверхмаг не будет уничтожен.

— Все верно. А вот мы и пришли, кстати. Заходите.

Наставник распахнул перед ними очередную дверь. Девушки вошли в следующую комнату.

Она оказалась небольшой, но довольно уютной комнаткой с круглыми стенами. Огонь в камине был погашен, только угольки все еще тлели. Но света было предостаточно: его давало очень большое окно, на полстены. Даже как-то странно было находиться в такой мирной и уютной обстановке, вспоминая о том, что происходило в замке ночью. И думая о Легионе...

— В этой комнате обычно Совет проводит свои собрания, — сказал учитель Сойрен. — Это, можно сказать, самое сверхмагическое место во всем замке. Ну что же, девушки, присаживайтесь. И я расскажу вам про эту войну. В вашем дальнейшем пути эти знания вам не раз пригодятся.

Итак, война между сверхмагами и Легионом началась уже так давно, что, кажется, что она была всегда. Ты, Альнора, верно сказала: легионеры не собираются останавливаться, пока не уничтожат последних из нас. Они начали эту войну почти одновременно с появлением своего ордена: еще в эру Саламандры.

— В самую первую эру? — охнула Алька.

— И они до сих пор не перебили друг друга? — спросила Ли-фанна.

— Как видишь. Живы сверхмаги, но и Легион все еще существует. Все дело здесь в том, что силы у сверхмагов, и у Легиона равны. В начале этой войны, когда Легион только начал познавать тонкости запрещенной магии, сверхмаги, которые появились немногим раньше, уже успели обзавестись кое-какими знаниями. Так что легионерам не удалось с одного удара извести всех сверхмагов, которых тогда были считанные единицы. А потом силы сравнялись, и Легиону, пусть даже обладающему сильнейшей черной магией, стало не по зубам победить всех нас. Но предупреждаю: это отнюдь не означает, что вам двоим нечего бояться. Скорее наоборот, для вас легионеры наиболее опасны. Пока ваши способности еще не установились до конца, против Легиона вы очень слабы.

А главная трагедия всей этой войны в том, что Легион постоянно стремился и стремится до сих пор увеличить свои силы. Для этого ему и нужен... тот, кого они собираются пробудить. Но и сами не ведают, что творят. Если он пробудится от своего вечного сна, на волю окажется выпущена сила, равной которой не было, и нет во всем мире. Легион сможет пробудить его уже в это новолуние. Раньше перед ними стояло еще одно препятствие: для ритуала необходима была кровь сверхмага...

Услышав эти слова, Ли-фанна сразу понуро опустила голову. Снова на нее нахлынуло это противное, тянущее куда-то вниз чувство вины. Опять выходит, что если бы не одна, сверхмагам было бы значительно легче жить.

— Не вини себя, Ли-фанна, — сказал наставник, видя ее настроение. — Если уж это случилось, значит, так и должно было быть.

Ли-фанна только вздохнула. Ей совершенно не нравились все эти мысли о судьбе и о том, что что-то уже предопределено.

— Но, учитель, это же все просто ужасно! — воскликнула Алька, участливо глядя на Ли-фанну. — И что же нам теперь делать?

— Делать вам, к сожалению, придется то, что решил Совет. Идти к ледникам, а там... кто знает? Не сказать, что мне нравится эта идея, но... если бы вы были уже взрослыми, установившимися сверхмагами, все было бы намного легче. У тебя, Альнора, становление дара уже почти закончилось, так что, вполне возможно, что за время вашего пути оно окончательно завершится. А вот что касается тебя, Ли-фанна... Видишь ли, время становления дара у каждого сверхмага сугубо индивидуальное. И определяется оно магической силой сверхмага. Чем сильнее, тем быстрее устанавливается дар. Обычно он ставится, как у Альноры — года два-три. И самое нехорошее время в этот период — начало. Где-то первая неделя. Как все-таки не вовремя вся эта история с новолунием...

— Учитель, а можно задать вопрос? — сказала Ли-фанна. У нее вдруг появилась одна довольно странная мысль, которая просто требовала проверки. — А как можно узнать, когда заканчивается становление дара?

— Выяснить это совсем не сложно. Во-первых, прекращаются все вспышки и обмороки. А потом все сверхмаги обязательно проходят посвящение, на котором получают медальон, в котором сосредоточена вся сверхмагическая сила посвященного. И еще сверхмагу дается его оружие, которое будет составлять с ним одно целое. Получение собственного оружия — это последняя часть посвящения.

Ли-фанна слушала, не отрываясь, и просто поражаясь тому, как учитель Сойрен может так спокойно, тихо, но почему-то очень интересно рассказывать. В школе ей такие преподаватели никогда не встречались.

— Собственно говоря, — продолжал наставник, — я позвал вас сюда для того, чтобы помочь вам разобраться с вашими силами. Альнора, скажи-ка: тебе часто приходится использовать сверхмагию?

— Ну... в последнее время — нет, а раньше, еще дома...

Алька почему-то опустила глаза. Наставник с улыбкой покачал головой:

— Я ведь предупреждал тебя, что использовать сверхмагию в одиночку довольно опасно?

— Предупреждали, — виновато произнесла Алька. — Но, понимаете... иметь дар, и не пользоваться им...

— Можешь не оправдываться, — улыбнулся наставник. — Я прекрасно все понимаю. И это тот случай, когда невыполнение моих указаний обернулось во благо. Если бы ты не пренебрегала моим советом, в предстоящем пути тебе было бы намного труднее. А вот ты, Ли-фанна... тебе доводилось уже применять свои способности?

— Два... то есть три раза, — кивнула девушка. — Но все три раза вместе с Альнорой.

— Очень хорошо. И как же вы использовали сверхмагию?

— Ну... в первый раз мы... — Ли-фанна замаялась. Сложно было вспоминать те события

в Черном лесу.

— ...оживили Рэя, — закончила Алька. Заметно было, что вспоминать об этом ей ничуть не легче, чем Ли-фанне.

Судя по реакции наставника, ему раньше не приходилось слышать о той их стычке с Легионом.

— То есть как — оживили? — спросил он в конце концов.

Что ж, делать нечего — пришлось рассказать учителю о том случае. Говорила в основном Ли-фанна: у Альке, похоже, до сих пор очень тяжело было вспоминать о случившемся тогда.

Учитель Сойрен слушал ее рассказ молча, так что невозможно было понять, что он думает об услышанном. Когда Ли-фанна закончила говорить, он долго еще молчал, явно задумавшись о чем-то.

— Вот, значит, как... — медленно произнес в конце концов наставник. — Странно, что мне об этом ничего не было известно. То есть, о нападении на вас я знал, но... впрочем, не так уж это и важно. Ведь все вы живы, а именно это главное. Хорошо, что вы все мне рассказали. Но вернемся к вопросу о сверхмагии. Что же вы делали дальше?

— Потом мы вылечили стражника Лейтца. Это было вчера, перед началом битвы.

Наставник удовлетворенно кивнул. Об этом он, разумеется, знал.

— А потом мы помогали укреплять башню Знаний, — закончила Ли-фанна. — Ставили магический барьер.

— Так это вашу работу я чувствовал во время вчерашней битвы? — спросил учитель Сойрен. В его голосе чувствовалось удивление и почему-то уважение. — Вы сотворили очень хороший барьер. Башню сквозь него не было видно даже мне, телепату со стажем.

— Но легионеры ведь нашли нас, — недоуменно сказала Алька.

— Понимаешь, обычным взглядом башню увидеть могут все. Вам как-то удалось скрыть башню на магическом уровне.

Девушки непонимающе посмотрели на него. Учитель Сойрен вздохнул и продолжил:

— Видите ли, девушки... кроме обычного мира, который могут видеть все, существует и так называемый «второй уровень». Увидеть его могут лишь немногие сильные маги и сверхмаги.

— А мы можем его увидеть? — тут же спросила Алька.

— Ты забегаешь вперед, — с улыбкой покачал головой наставник. — Кто знает, может, вы когда-нибудь и сможете проникнуть на второй уровень... но пока еще рано. Вам нужно поднабраться опыта...

Алька, услышав эти слова, сразу сникла. Ли-фанна ее понимала. Она и сама не любила выражения подобного рода: «вам нужно поднабраться опыта, вы еще маленькие, вы узнаете об этом позже...» А знать хотелось все и сразу!

— А что хотя бы представляет собой этот второй уровень? — хмуро спросила Ли-фанна. Видя ее настроение, наставник чуть заметно усмехнулся.

— Второй уровень — это просто название. На самом деле, это способность видеть саму магию, магические энергии, а иногда — но это только у самых сильных — и эмоции людей. Магические энергии вообще существуют абсолютно у всех предметов, даже у не обладающих какими-либо силами. Обычно алым сверхмагам очень сложно влиять на них: у нас лучше выходит воздействовать на материальные предметы. Но у вас двоих как-то получилось скрыть целую башню...

Девушки изумленно переглянулись. Да уж, все интереснее и интереснее...

— Очень интересно... — продолжил наставник. — Три раза вы вместе применяли сверхмагию, и все три раза результат оказывался более чем положительным. Если так будет продолжаться и дальше, причин для беспокойства у Совета будет гораздо меньше. Но все-таки, если полагаться на одну только удачу, далеко вы точно не уйдете. Нужно хоть немного разобраться в ваших силах, в их природе.

— В их природе? — переспросила Алька. — А разве наши силы не?..

Учитель жестом приостановил ее.

— Разумеется, ваши силы — это сверхмагия. Но каждый сверхмаг по-разному получает свои силы. Всегда должно быть что-то, что поддерживает, помогает восстановить силы. Обычно именно это «что-то» дает толчок к началу становления дара. Ли-фанна, можешь вспомнить, когда у тебя впервые проявились способности?

— Когда я грохнулась в обморок на Звездной площади, — не задумываясь, ответила Ли-фанна.

— Обморок — это уже следствие, — покачал головой наставник. — До него с тобой не случилось ничего странного? Необычного?

Сразу же вспомнилась давешняя драка с Норикой. На нее ведь тогда действительно что-то нашло, а что, она так и не поняла. Так, может, это и было началом проявления способностей?

Подумав немного, Ли-фанна рассказала учителю о том случае. Внимательно ее выслушав, учитель Сойрен ненадолго задумался.

— Хм... очень интересно... выходит, ты заступилась за свою сестру... но с чего бы так проявились способности?

— Она подралась с Норикой Эрлис, — сказала вдруг Альнора. Сама Ли-фанна не стала говорить наставнику имени своей противницы.

На лице наставника Дарминорской академии отобразились одновременно удивление, понимание, и вместе с этим какая-то неприязнь. Судя по всему, неприязнь к этой фамилии.

— Ты говоришь, она тебя ранила, — с ледяным спокойствием произнес учитель. — Покажи свою руку.

Руку пришлось придерживать второй рукой: двигаться сама она отказывалась категорически. Да еще и ужасно болела. Но пришлось стиснуть зубы и терпеть.

— Вот, значит, как... — тихо произнес наставник, осторожно разматывая повязку у нее на руке. — Тебе очень не повезло, Ли-фанна. Если бы не твоя драка, вчера legionерам было гораздо труднее заполучить твою кровь.

— Почему? — удивилась Ли-фанна.

— Эта твоя рана нарушила защиту, которая у тебя, как и любого сверхмага, была с самого рождения.

— Но почему раньше эта моя защита не давала никаких сбоев? — спросила Ли-фанна.

— Видишь ли... тут все совсем не так просто, — учитель замолчал, собираясь с мыслями. — Все дело в той девочке, с которой ты подралась — Норика, так? Она, судя по фамилии, принадлежит к одному из древнейших и могущественнейших магических родов Эфарленда — Эрлис. А эта семья уже несколько эр увлекается запрещенной черной магией, и, по некоторым слухам, тесно связана с Легионом...

Поначалу Ли-фанна даже не поверила словам наставника. Да и Альнора, похоже, впервые услышала правду про семью Норики. А в том, что это действительно была правда,

сомневаться не приходилось. Не стал бы учитель Сойрен им врать.

Вот тебе и Норика! Лучше было бы, если б у нее была просто какая-то влиятельная семья. Не связанная с Легионом...

— Но ведь Норика не владеет магией! — сказала она, надеясь, быть может, оправдать одноклассницу. Как бы та ее не доставала, обвинение в союзнничестве с Легионом — это слишком даже для нее.

— Увы, — с грустью в голосе произнес наставник. — Даже человек, лишенный магических сил, может использовать силу Легиона. Хотя я не уверен, что девочка осознанно использовала эту силу.

У Ли-фанна в голове не укладывалось то, что она только что услышала. Норика — агент Легиона? Немыслимо!

Судя по выражению лица Альки, она тоже не верила в то, что вредная девчонка, которая подлизывалась и рвалась дружить с ней с самого первого класса, как-то связана с Легионом.

— Как бы сложно не было в это поверить, — произнес наставник, — это, к сожалению, так. Легион, можно сказать, оплел своими сетями весь мир... ну, девушки, теперь, я думаю, вы можете идти. Готовьтесь к предстоящему пути. И самое главное, помните — сверхмагия — это особая сила. И независимо, установлен ли дар или нет, сильный он, или же совсем слабый, эта сила всегда идет от сердца. И с помощью этой силы можно достичь очень многого.

Выйдя из комнаты, Ли-фанна подумала, что учитель Сойрен понял о ее даре куда больше, чем она сама. И эта вечная недосказанность...

— Ты хоть что-нибудь поняла? — спросила у нее Алька.

— Только то, что Легион везде, — хмуро ответила Ли-фанна.

Альнора вздохнула. Некоторое время они шли молча. Потом Ли-фанна спохватилась:

— А мы куда идем-то сейчас?

— Не знаю даже, — сказала Алька. — Может, попробуем наших найти? Эвана там, Рэя?

Ли-фанна согласилась. А что еще оставалось делать? В этом замке они были чужими. Да и неуютно как-то становилось без Эвана и Рэя — они уже очень привыкли друг к другу.

Для начала они решили вернуться в Восточное крыло. Странно, но обратную дорогу искать было очень легко. Как будто замок сам помогал им выйти туда, куда нужно.

На полпути к Восточному крылу девушкам встретился Мифьол — живой и невредимый. Увидев его, Ли-фанна испытала такую радость и облегчение, что просто... у нее бы слов не нашлось, чтобы выразить все свои чувства.

— Девчонки! — увидев их, Мифьол тоже очень обрадовался. Вы живы! Слава богам!

— Живы, как видишь, — с важным видом кивнула Альнора. — А вот легионерам не поздоровилось!

Ли-фанна с трудом сдержала смешок. Да, не поздоровилось легионерам, как же! После того, как пришли Рэй с Рональдом...

— Так вы что, тоже защищали замок? — удивился Мифьол. — Но вы же сверхмаги, значит...

— С каких это пор сверхмагам нельзя сражаться с Легионом? — с места в карьер начала возмущаться Алька.

— Ладно-ладно, — Мифьол поднял руки, как будто сдаваясь. — И где же вы были?

— В башне Знаний, — с нескрываеомой гордостью ответила Алька.

Мифьол изумленно поглядел на нее:

— Серьезно? Туда же вроде кого-то из фениксов послали!

Альнора в ответ только пожала плечами.

— Значит, вы сейчас уходите? — спросил Мифьол.

— Не прямо сейчас, — покачала головой Ли-фанна. — Рэй считает, что сегодня нам вряд ли удастся выйти.

— А-а... — Ли-фанне показалось, что на лице у него промелькнуло облегчение. — Понятно.

— Ну, мы пойдем? — насмешливо спросила Алька. — Раз уж тебе все понятно?

— Идите, конечно, — будто не замечая ее сарказма, ответил Мифьол.

— Спасибо, что разрешил, — буркнула Альнора. К Мифьолу она всегда относилась прохладно.

И широкими шагами Алька направилась дальше по коридору.

Ли-фанна пошла было за ней, но Мифьол приостановил ее.

— Подожди. Сможешь сегодня в семь часов вечера прийти на то место, где мы в первый раз встретились? Надо поговорить.

Она молча кивнула в ответ, и пошла вслед за Алькой, ушедшей уже довольно далеко.

Эвана они отыскивали сразу: он шатался туда-сюда по коридору, ждал их. А Рэя они даже искать не стали: сам придет, когда надо будет.

Эван тут же принялся выпрашивать у них, что было, да зачем учитель их вызывал... а что они могли ему ответить? Пришлось сказать, что наставник хотел поговорить об их силах, о сверхмагии в целом. В принципе, этот ответ был недалек от истины, но рассказывать обо всем сразу девушкам не хотелось. Во всяком случае, Ли-фанне.

Чтобы как-то отвлечься от невеселых мыслей о предстоящем пути, да и вообще обо всем происходящем, наша троица отправилась во двор замка, где и пробыла почти до самого вечера. Там обнаружили Рэй с Рональдом, так что разговоров о ближайшем будущем избежать не удалось. Братья как раз обсуждали грядущий путь через горы, который обещал быть очень трудным и опасным. Рональд начал было рассказывать о своих планах, о том, как быстрее добраться до ледников. Но у Ли-фанны в голове не осталось почти ничего: почти все мысли в голове были спутанными и какими-то отвлеченными, а говорил Рональд несколько заумно. Но в итоге Ли-фанна решила не заморачиваться и не забивать голову всеми этими планами: неизвестно еще, с чем придется столкнуться на пути к ледникам.

Единственное, что она для себя уяснила — это то, что выходить нужно завтра, с рассветом. И это было просто отлично, потому что было время поговорить с Мифьолом...

Она даже себе не хотела признаваться в том, что ждет семи часов вечера. И дело тут было совсем не в ее отношении к Мифьолу — их вообще не связывало ничего, кроме крепкой дружбы. Но ведь и этого было более чем достаточно. Просто Ли-фанна каким-то шестым чувством понимала, что этот разговор может многое прояснить — Мифьолу-то от нее скрывать нечего... хотя, она ведь и до всего этого так думала... В любом случае, ей как-то спокойнее становилось от осознания того, что рядом есть хоть один знакомый, почти родной человек. А Мифьол как раз и был таким человеком.

Вечером Алька, Эван и Рэй со своим братом собрались в одной из гостиных там же, в Восточном крыле. Ли-фанна же ушла, ни слова никому не говоря. Вряд ли ее сейчас хватятся.

Когда она пришла в назначенное место, Мифьол уже ждал ее.

— Ровно семь, — сказал он, глянув в окно, из которого видно было часовую башню замка. — Ты, как всегда, четко во время.

Ли-фанна пожалала плечами. Она действительно отличалась способностью всегда приходить точно в назначенное время. Вот и сейчас пришла минута в минуту.

— Ты поговорить хотел, — сказала девушка. — Мы ведь не будем стоять прямо здесь?

— Нет, конечно! — фыркнул паренек. — Пошли.

— Куда? — спросила Ли-фанна. Но Мифьол, как всегда, остался загадочен:

— Пойдем, увидишь. И поговорим тоже там.

И он повел свою подругу длинными и запутанными коридорами Эймара.

Путь их, несмотря на все ожидания Ли-фанны, оказался не так уж долог. Мифьол привел ее на вершину какой-то башни.

Больше всего это место походило на большой пыльный чердак, заваленный всяким барахлом. По всему помещению были расставлены ящики, мешки, шкафы... у стен пылились какие-то укрытые тканью картины. И возникало ощущение, что этот чердак, больше похожий на склад, уже давным-давно заброшен. И от этого появлялось ощущение какой-то таинственности и старинности, которое Ли-фанне очень нравилось.

— Что это за место? — спросила она у Мифьола.

— Безымянная башня, — он пожал плечами. — Мое любимое место здесь. Тут всегда тихо. И нет никого...

— С каких это пор тебе нравится одиночество? — удивленно приподняв брови, спросила Ли-фанна.

— С тех самых пор, как сюда попал, — хмуро ответил Мифьол.

Она непонимающе поглядела на него. Он тяжело вздохнул и произнес:

— Года четыре назад у меня неожиданно открылся дар... не просто магический — он-то у меня всегда был, ты знаешь...

Ли-фанна хорошо знала Мифьола. И прекрасно видела, что говорит он сейчас, тщательно подбирая слова. Будто бы он боялся сказать ей что-то лишнее. Все это казалось девушке очень странным: с каких это пор Мифьол что-то скрывает от нее?

— Я и сам ее не до конца понимаю, что там за дар такой, — продолжил Мифьол. — Но...

Вот тут Ли-фанна окончательно удостоверилась в том, что что-то тут не так. Чтобы Мифьол что-то не до конца понял? Да ни в жизнь такого не было!

— Чего-то ты недоговариваешь, — девушка недоверчиво прищурилась. — Рассказывай давай!

Он еще раз вздохнул.

— Я... я не могу сейчас сказать тебе всего... — произнес он через пару секунд.

— Почему? — непонимающе спросила Ли-фанна. — Я ведь все тебе рассказывала!

— Ты же не говорила мне, что ты сверх. Да и не о том речь... я правда не могу сказать тебе всего... пока что.

— Зачем ты тогда меня сюда привел, если не хочешь ничего объяснять? — хмуро спросила Ли-фанна.

— Ладно. Хорошо, — кивнул Мифьол. Видно было, что это решение далось ему с трудом. — Я расскажу. Ты... только не злись потом, ладно?

— Посмотрим, — уклончиво ответила Ли-фанна.

Ее друг улыбнулся. Он видел, что она больше не сердится.

— Идем, — сказал он. — Тут совсем рядом. Эта башня, честно говоря — не лучшее место для таких разговоров.

— Почему же? — спросила Ли-фанна, чувствуя себя каким-то попугаем. Вопросы, вопросы, вопросы... и чем дальше, тем их становится больше.

— Просто слишком уж тут мрачная обстановочка для подобных разговоров. Эта башня проклятой считается.

Последние слова он произнес очень просто, даже буднично. Ли-фанна поглядела на него с изумлением. Мифьол улыбнулся:

— Это неправда, конечно же... но всем почему-то нравится так думать. Ну, пошли. Иди за мной!

И он направился куда-то вглубь чердака.

Ли-фанна шла за ним, думая о том, что Мифьол очень сильно изменился. Дома, в Дарминоре, у него все из рук валилось, а рассеянность его словами описать было почти невозможно. Сейчас же он был собран, сосредоточен, и Ли-фанна совершенно ясно чувствовала в нем какую-то новую силу, какую она никогда раньше не замечала. И почему все люди, которые ее окружают, в последнее время предстают перед ней в совершенно неожиданном свете?

Пока она так размышляла, Мифьол подошел к одному из окон, открыл его.

— Ты что, хочешь на крышу вылезти? — изумилась Ли-фанна. Вот это на Мифьола было совершенно не похоже!

— А что такого-то? Или ты боишься? — паренек весело фыркнул. — Ну, пошли! Когда еще тебе выпадет шанс на крыше Эймара посидеть?

Против такого веского аргумента Ли-фанне возразить было нечего. Так что она вслед за Мифьолом выбралась на крышу. Получилось это, кстати говоря, довольно неплохо.

— Ничего себе! — охнула она, едва распрямившись в полный рост, и поглядев вперед.

Она и подумать не могла, что с высоты Клеренские земли выглядят так впечатляюще! Огромная, необозримая болотистая пустошь, поросшая мхами, редкой травой и низеньким кустарником, освещалась тусклым светом вечернего клеренского солнца. Кому-то такая картина могла показаться скучной, но только не Ли-фанне. Она видела в этом месте особую, дикую, нетронутую никем красоту. Клерен завораживал своей суровостью и лаконичностью. Взгляда отвести от этой картины было почти невозможно.

— Красиво, да? — улыбнулся Мифьол, глядя на ее реакцию. — Я знал, что тебе понравится. Сам тут, бывает, часами сижу. Тихо тут. Спокойно так...

— А что же, в Эймаре плохо? — спросила Ли-фанна. — Если ты так часто тут бываешь?

— Нет, почему? Тут здорово. В какой-то степени даже лучше, чем в Дарминоре. Нет такой суетливости. И учат куда более полезным вещам, чем у нас в школе. Просто, когда тебя считают проклятым, не очень-то хочется общаться с людьми...

— Подожди, а... ты что, и правда... — Ли-фанна даже дар речи на какое-то время потеряла. Умеет Мифьол удивлять, ничего не скажешь!

— Нет, конечно! Это все из-за этого моего дара, будь он неладен! Ты права, я не все тебе сказал. Я прекрасно знаю, что у меня за дар такой. И чем дальше, тем больше мне хочется, чтобы его вообще не было.

Ли-фанна понимающе кивнула. Она чувствовала почти то же самое по отношению к своей сверхмагии. Без нее все было так просто и понятно, а теперь...

— Так что же с твоим даром? — спросила она. — Уж мне-то ты можешь сказать.

Он в очередной раз вздохнул.

— Ты знаешь, кто такие духи?

— Почти нет, — призналась Ли-фанна. — Алька говорила, что-то про силы природы, про то, что духи ими повелевают, но я мало что поняла.

Мифьол кивнул:

— Все правильно. О духах вообще почти ничего не известно, а в школе ничего внятного о них рассказать не могут. На самом деле, они обладают такими силами, которые обычным людям и не снились!

— А при чем тут ты и духи? — спросила Ли-фанна. — Ты ведь не...

— Нет. Ну, то есть, почти нет... В общем, некоторые силы природы... они подчиняются мне. Иногда. И... я пару раз будущее видел. Никто не знает, почему так происходит, и откуда у меня такие способности. Просто они откуда-то взялись, и...

— Да хватит тебе оправдываться! — перебила его Ли-фанна. — Подожди, и у тебя это продолжается уже четыре года? И ты все это время ни слова мне не сказал?!

— А как, по-твоему, я должен был сказать? Привет, Ли-фанна, я теперь сильнее большинства магов Цитадели?

— Хотя бы так, — девушка пожала плечами. — Подожди, а ты что, правда сильнее их? Круто!

Мифьол улыбнулся. В этом была вся Ли-фанна.

— Так, я про себя рассказал, — хитро прищурившись, произнес он. — Теперь твоя очередь.

— Как скажешь, — откликнулась Ли-фанна. — Началось все, похоже, с драки — помнишь, когда я первый день в школу пришла?

— Помню, помню, — отмахнулся Мифьол. — Норика в тот день всем одноклассникам и всем учителям рассказывала, какая она бедная, несчастная и несправедливо пострадавшая. От нее в конце концов даже Алька отмахиваться стала: так она всем надоела. Кстати, а как ты с Альнорой вдруг сдружились? Вы вроде всегда друг друга терпеть не могли.

Ли-фанна улыбнулась, вспомнив о тех временах. Простых и понятных временах. Не то, что сейчас...

— Сейчас все расскажу. По порядку.

Она говорила довольно долго, стараясь вспомнить как можно подробнее все, что происходило с ней, начиная с момента побега из дома. Мифьол внимательно слушал, не проронив ни слова на протяжении всего ее рассказа.

— Вот, значит, как... — сказал он, когда Ли-фанна закончила говорить. — Да, попали вы с Алькой, ничего не могу сказать... Я что-то слышал раньше об этом пророчестве, но что исполнить его должен будет кто-то из моих знакомых... а уж о том, что это будешь ты, я и подумать не мог!

— Вот такой я вам сюрприз устроила, — невесело улыбнулась девушка.

— Но, честно говоря, ты, как всегда, в своем репертуаре, — сказал Мифьол. — Сначала исчезаешь куда-то, потом появляешься в самом неожиданном месте, и при этом вводишь в заблуждение почти всех, даже, наверное, магов Цитадели!

— Серьезно? — фыркнула Ли-фанна. — Ну, у магов Цитадели наверняка есть более важные дела, чем раздумывать над моим внезапным появлением.

— Зная магов Цитадели, можно прийти к выводу, что для них все дела важные.

— А ты был в Цитадели? — удивленно взглянула на него Ли-фанна.

— Пока нет. Сюда приезжали несколько магистров оттуда. Они очень интересовались моим... моими способностями. Это довольно сложно назвать даром, понимаешь? Но мне почему-то кажется, что когда-нибудь меня отправят туда. В Цитадель. Слишком уж странные у меня способности...

Он вздохнул в очередной раз за вечер.

— Значит, мой друг будет магом Цитадели, — улыбнулась Ли-фанна. — Тоже вполне неплохо. Да и потом, не факт еще, что тебя туда отправят. Это ведь просто твои предположения.

— Да я не из-за Цитадели переживаю. Куда бы меня не отправили, от этих сил все равно никуда не деться. Честно, больше всего мне хочется, чтобы ничего этого не было. Чтобы можно было спокойно жить дома. Как раньше.

Ли-фанна никогда еще не видела своего единственного друга таким опечаленным и усталым. Она вдруг особенно остро ощутила, что случившееся с ней очень похоже на то, что произошло с Мифьолом. Они оба очень сильно изменились, приобретя свои способности. Хотя перемен в Мифьоле она раньше не замечала. И они оба очень хотели, чтобы все снова стало, как раньше — просто и понятно. Но так, как раньше, уже просто не могло быть.

Она взяла Мифьола за руку и тихо сказала:

— Мне тоже хочется все вернуть, Миф. Хочется, чтобы этот дар никогда и не проявлялся! Но так не получится. Прошое уже не изменить, понимаешь? Надо идти вперед. Просто идти и все.

— Видимо, другого выбора нет, — произнес Мифьол, не отрывая взгляда от долины внизу.

— Выбор — он есть всегда. Даже сейчас: либо остаться на месте, и всю жизнь хныкать, что тебе плохо, и все должно быть не так, и никто тебя не понимает, и так далее, либо плюнуть на все сложности и препятствия, и идти вперед. Просто идти, не зная даже, куда придешь. Главное — двигаться. Я не сразу это поняла, — Ли-фанна тоже вздохнула. — Хотела сначала домой вернуться, металась все время... и, наверное, только сейчас окончательно поняла: по-другому и быть не может. И если уж я пошла куда-то вместе с Алькой, Эваном и Рэем, то надо дойти до конца. И будь, что будет!

Она и сама от себя не ожидала такой речи. Нужные слова как-то сами нашлись и сказались.

Мифьол в удивлении поднял на нее глаза:

— Да ты философ, оказывается!

Она в ответ пожала плечами.

— Знаешь, наверное, я еще это не до конца понял, — продолжал он. — Может, если б я не сидел безвылазно в Эймаре — ну, в смысле, когда в обычную школу ходить не надо, — а хоть немного почувствовал настоящие приключения, то...

— Я была бы рада, если б ты пошел с нами, — сказала Ли-фанна. — Но не думаю, что учитель Сойрен, или хозяин замка тебя поддержат. Да и Рональд этот, брат Рэя... не знаю я, как с ним разговаривать. Вот Рэй — другое дело.

— Ну, — сказал Мифьол, — значит, опять придется мне тут скучать. Вы завтра уходите?

— Да, с рассветом. И отправимся мы в Северные горы, к ледникам.

— Так васк Хэле, что ли, отправили? — спросил Мифьол. — Я был у нее. Давно уже

года три назад. И, честно, она показалась мне намного адекватнее всех этих магов. И даже тех, которые из Цитадели. Она точно вам что-нибудь дельное скажет.

— Ну вот, а говорил, что безвылазно тут торчишь, — сказала Ли-фанна. — Кстати... а как ты в Эймар-то попал?

— Долгая история, — махнул рукой Мифьол. — Тут всегда обучали таких, как я. Обладающих слишком редкими способностями. Как меня нашли — не знаю. Говорят, что когда в мире появляется маг навроде меня, это видно сразу. Не знаю, так ли это на самом деле, но через пару недель после того, как у меня все это началось, к нам домой заявился Озар... то есть господин Озар Лиорс. Один из местных учителей. Тот еще тип, я тебе скажу! Он сказал, что теперь мне нужно будет учиться здесь. Постоянно. Мать еле уговорила его, чтобы я продолжал учиться в обычной школе. Пришлось приезжать сюда на каникулы и на выходные.

— А сейчас что, уже выходные? — спросила Ли-фанна. Со времени своего ухода из Дарминора она совершенно потеряла счет дням.

— Да. Жаль, что экзамены сдавать придется. Ты, может, и не будешь их сдавать: кто знает, когда вы вернетесь в Дарминор? А вот я...

— Опять начинаешь? — хмыкнула Ли-фанна. Учеба в школе никогда не давалась Мифьолу особенно хорошо, а выпускные экзамены, которые обязательно нужно сдавать после пятого класса, всегда были для него большой темой.

— Ну что ж сделать с тем, что я всегда плохо учился? Да и с этим метанием — там школа, тут Эймар... Тут здорово, конечно, но дома мне всегда больше нравилось. Там хотя бы меня проклятым не считают...

Ли-фанна вдруг вспомнила, как реагировали простые люди в Трионвилле на алые всполохи в ее глазах.

— Ну и парочка у нас с тобой подобралась! — улыбнулась она. — Проклятый и одержимая!

Мальчик и девочка, сидящие на крыше «проклятой» башни, весело рассмеялись.

Там, на крыше Безымянной башни, когда над Клеренской долиной уже почти сгустилась ночь, Ли-фанна впервые за долгое время своего путешествия почувствовала себя почти дома. Рядом снова был надежный и верный друг, и даже все вопросы и загадки, казалось, отступили на второй план. И думать о том, что вскоре этот краткий миг спокойствия должен был закончиться, совершенно не хотелось...

Глава 12

Глава 12

XII. Лист. Эфарленд. На пути к Северным горам. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан Рональд.

(8 дней до новолуния)

Ли-фанна с Мифьолом проговорили до поздней ночи. Рассказывал в основном Мифьол, она только слушала. Он говорил о жизни в Эймаре, о том, что во вчерашней битве он вместе с другими учениками Эймара оборонял эту самую, Безымянную, башню. И обороняли они ее так хорошо, что легионеры даже не смогли туда прорваться... много чего было там сказано и рассказано. Было далеко за полночь, когда они разошлись по своим комнатам. И настроение

у Ли-фанны было просто великолепным.

С утра ее разбудила Алька. Ну, как — с утра... еще даже не рассвело. И хотя Ли-фанна всегда терпеть не могла, когда ее будят, сейчас она чувствовала себя вполне отдохнувшей, несмотря на то, что поспать ей довелось совсем немного.

Замок покидали в спешке — нельзя было терять ни минуты: после этой битвы слишком много времени было потрачено зря. Всю ночь обитатели Эймара ожидали нового нападения, но его так и не последовало. И все-таки наивно было полагать, что легионеры окончательно покинули окрестности Эймара.

— Похоже, они все предусмотрели, — говорил Рональд. Они вместе с Ли-фанной, Эваном и Алькой стояли в главном дворе замка, поджидая Тарлиана и хозяина Эймара, который хотел дать им последнее напутствие перед дорогой.

— Выждали момент, когда мы будем в замке, неожиданно напали, а теперь затаились где-то в окрестностях и поджидают нас, — продолжил Рональд.

— Непонятно только, почему Легион дал нам дойти до Эймара, — сказал Рэй, незаметно подошедший к ним. — Обычно они не останавливаются на полпути.

— Может, им для чего-то нужна избранная четверка? — предположил Рональд.

— Тогда для чего было нападать на нас в Черном лесу? — резонно спросил его брат.

— Чем дальше, тем меньше мне все это нравится, — вполголоса сказала Алька.

— Вот именно, — поддержала ее Ли-фанна.

Тарлиан вместе с хозяином замка появился минут через десять. Юный Феникс, конечно же, прощался с лошадьми, потому и задержался. Покидать Эймар ему было немного грустно — за это короткое время он успел привыкнуть к замку. Тарлиан сам себе поражался: с недавних пор перемены в этой жизни так и сыпались на него, а он уже стал принимать это как данность. Для обычного ученика Клеренской крепости такое стремительное развитие событий было... слишком уж стремительным. Но Тарлиан, как оказалось, был не совсем обычным учеником крепости. Ему такая жизнь начинала даже нравиться. Еще бы не приходилось расставаться с лошадьми... но с этим ничего поделать, к сожалению, было нельзя.

С хозяином Эймара он встретился, когда уже шел к остальным. Самый таинственный человек Эфарленда почему-то был довольно угрюм, и, поприветствовав Тарлиана лишь кивком головы, не проронил ни слова. Тарлиан не решился нарушить это молчание.

Увидев людей, с которыми ему предстоит путешествовать, Тарлиан даже обрадовался. Он чувствовал, что им можно доверять, и был рад тому, что после битвы все они остались живы и невредимы.

— Ну что? Вы готовы? — спросил хозяин замка у Рональда.

Он кивнул в ответ.

— Отлично, — продолжил хозяин Эймара. — Сейчас я скажу вам несколько слов, и можете отправляться.

Итак, легионеры окружили замок. Это известно точно. Поэтому идти вам придется предельно осторожно, избегая дорог.

— По горам скакать долго можно, — перебил его Рэй, — да так никуда и не прийти. Может, все-таки...

— Рэндиан, — мягко прервал его хозяин замка, — я ни на секунду не сомневаюсь в том, что ты сможешь сократить время пути, но с твоей потрясающей способностью находить неприятности на свою голову... и потом, ты уже очень помог нам, приведя ребят сюда.

Рэй покачал головой и что-то недовольно буркнул себе под нос. Ему очень хотелось продолжить этот путь, но...

— Дальше, — продолжил хозяин замка, — хоть вы и пойдете по относительно безопасному пути, Легион может подстергать вас где угодно, особенно учитывая их позавчерашнее нападение на Эймар. Поэтому хочу еще раз предупредить: будьте осторожны и главное — берегите себя! Главное для вас сейчас — дойти до Ледяного замка Хэлы, и желательно, дойти целыми и невредимыми. Поэтому удачи вам, и да пребудут с вами Тринадцать!

И самый таинственный человек Эфарленда, попрощавшись с ними, направился к замку.

Рональд на прощание пожал брату руку, и направился к воротам Эймара. Ли-фанна, Алька, Эван и Тарлиан — «избранная четверка» — потянулись за ним.

Стоило им выйти из замка, колокол на вершине часовой башни начал отсчитывать мерные, долгие, гулкие удары. Эймар оплакивал погибших в недавней битве.

Стоит ли говорить, в каком настроении наши путники покидали Эймар? Из «избранной четверки» уходить не хотелось никому, что вполне логично и понятно. Рональд же... его мысли оставались загадкой. Он вообще был раз в десять таинственней своего брата. Не сказать, чтобы Ли-фанне это нравилось: она ведь не знала даже, как Рэй связан со всем происходящим... а уж как относиться к его загадочному брату, она и вовсе не понимала.

Алька, похоже, понимала не больше нее. Она шла рядом с Ли-фанной, поглядывая то на их таинственного проводника, то на мальчишек, идущих чуть впереди.

Они шли рядом, и Эван что-то оживленно рассказывал юному фениксу — вводил его в «курс дела», повествуя об их приключениях по пути сюда. Тарлиан внимательно слушал, и думал о том, что наконец-то у него началась такая жизнь, какая должна быть у настоящего Феникса! Он почему-то всегда думал, что жизнь рыцаря Ордена должна быть полна приключений, походов и сражений. Но одновременно с этим он думал: «И как меня угораздило во все это ввязаться?» Конечно, спасти мир от древнего чудовища — это здорово, но вспоминая вчерашнюю ночную битву, и учитывая его вечную «везучесть», можно было смело считать, что мир обречен. А может, и нет...

— Значит, так, — произнес Рональд, едва она перешли мост, — сейчас обойдем замок с востока, и пойдём к северной границе. Хозяин замка показал мне все тайные тропы. Идти надо быстро, но осторожно.

— А разве сейчас нас не могут обнаружить? — спросила Алька. — Ну, пока мы обходим замок, и все такое?

— Не могут, — коротко ответил Рональд. — Близлежащая к замку территория охраняется защитными чарами. После битвы их обновили и усилили. Беспокоиться не о чем.

И он, ни слова больше не говоря, пошел вперед. Ли-фанна и Алька с удивлением переглянулись. Неплохо путешествие начинается!

Если вы, многоуважаемый читатель, думаете, что обойти замок Эймар — это пустяковое дело, то вы, к сожалению, ошибаетесь. Эймар по своим размерам подобен небольшому городку, или деревне, такой, как Трионвилль. В общем, на то, чтобы обогнуть Эймар с востока, у наших путников ушло довольно много времени.

— Сейчас пойдём на север, — сказал Рональд, когда они остановились. — Пройдем немного, и повернем на северо-восток. Так до ледников добираться быстрее всего. Главное — не угодить в Гиблые болота. Если повезет, доберемся до ледников за три дня.

— И как же мы пройдем здесь незамеченными? — спросил Эван, глядя на

простиравшуюся перед ними равнину. Идеально ровную, без единого холмика или впадины, равнину.

— Я ведь уже говорил, что знаю все тайные тропы? — вопросом на вопрос ответил Рональд. — Здесь как раз начинается одна такая. Прокладывали эти тропинки еще древние маги, а назначение у них было одно: скрываться от врагов. Если мы будем идти этими путями, никакое выслеживающее заклинание нас не обнаружит. Только вот магию лучше использовать пореже. А сверхмагию лучше пока не использовать вообще. На всякий случай.

Алька, которая как раз хотела предложить наколдовать защиту вроде той, какую они сотворили для башни Знаний, сразу сникла. А Ли-фанне было как-то все равно. Свою сверхмагию она использовать так и не научилась, так что ей было безразлично.

Дальше они пошли молча. Каждый думал о чем-то своем. Первым, показывая дорогу, шагал Рональд, за ним шли Ли-фанна и Алька, чуть позади — Эван. Тарлиан шел последним, внимательно разглядывая долину. Семь лет он жил в Клерене, ни разу за это время не спускался с гор. Не странно ли? И хотя горы надоели ему до жути, сейчас Клерен ему даже нравился... еще бы не надо было скрываться от легионеров, и было бы вообще замечательно.

Идти по узкой и незаметной в траве тропинке — не самое лучшее времяпрепровождение, честно-то говоря. Уже через десять минут такого пути Ли-фанна осознала это со всей ясностью. Несколько угнетало ее это молчание. И этот хмурый пасмурный день. И присутствие Легиона, которое она каким-то шестым чувством ощущала. Словно бы, получив ее кровь, Легион получил с ней прочную, неразрывную связь...

От одной этой мысли Ли-фанне стало жутко. И что же это за жизнь такая, когда ее то чуть не убивают, потом следят... А как, наверное, сейчас хорошо в родном Дарминоре! Вернуться бы... но нельзя. Надо идти только вперед. А вперед идти было очень трудно.

Они шли вперед, никуда не сворачивая, долго — около двух часов. И Ли-фанна, и Алька успели жутко устать за это время — наверное, сказывалось влияние Легиона на их сверхмагию.

Рональд остановился как-то очень уж неожиданно. Алька, задумавшаяся о чем-то своем, чуть не налетела на него. Он, похоже, этого не заметил. Остановившись, он внимательно огляделся вокруг, и через некоторое время произнес:

— Все. Прошли. Дальше я их не вижу. Самое сложное позади. А их ведь много было...

— А я ни одного не увидел, — удивленно взглянул на него Эван. — Хотя смотрел внимательно...

— Не каждый может обнаружить воинов Легиона, которые хотят скрыться от посторонних глаз, — задумчиво глядя куда-то вдаль, произнес Рональд. — Просто некоторые люди видят больше, чем может показаться...

Ли-фанне показалось, что где-то она уже слышала эту фразу. Да не показалось, а совершенно точно слышала! Еще дома, незадолго до ухода. От кого только?

— Сплошные тайны, — недовольно буркнула Алька. Ей явно совершенно не нравилась вся эта излишняя таинственность.

Рональд, если и услышал, виду не подал.

— Нам нужно идти дальше, — сказал он, поворачиваясь к своим спутникам. — Опасно долго задерживаться здесь, совсем рядом с замком.

Альнора тут же обернулась назад — Эймар, наполовину скрывшийся в утреннем тумане, был едва виден. «И это называется «совсем рядом»?!» — подумала девушка. Они прошли уже около восьми миль, и это расстояние отнюдь не казалось Альке маленьким.

Но останавливаться пока никто не собирался, а угроза попасться лапы Легиону была слишком высока.

Теперь идти стало повеселее — будто угроза, нависавшая над ними раньше, исчезла. Хотя вернее было сказать — временно отступила. Но никому не хотелось портить себе настроение мрачными мыслями.

Еще где-то через час пути Рональд объявил привал. Алька, только услышав об этом, сразу же разлеглась на мягком мху, блаженно прикрыла глаза... Ли-фанна захотела было последовать ее примеру, но вдруг...

...Землю тряхануло так, что на ногах, кроме Рональда, не удержался никто. Больше вех повезло Альке, которая уже лежала.

Ли-фанна больно ударилась коленкой. Хорошо еще, что упала она не на больную правую руку. Только она попыталась встать, как тряхануло еще раз, причем в этот раз тряску сопровождал оглушительный грохот, раз в двадцать сильнее любого грома.

С неба почему-то посыпалась серая пыль. Алька громко чихнула, рывком села, протерла глаза и спросила:

— Что это было?.. — и через пару секунд: — Ой, я, кажется, оглохла...

Ли-фанна кивнула, соглашаясь с ней. Слишком уж громко прозвучал этот... взрыв? Гром? А что это, кстати говоря, вообще было?

Тарлиан, в отличие от Ли-фанны, недолго гадал, что это такое было. Ему сразу вспомнились подземные толчки, сотрясавшие крепость перед их отъездом в Эймар. Хозяин Эймара сказал потом, что это был...

— ...Левиафан, — словно читая мысли феникса, произнес Рональд. — Опять Легион что-то затевает...

От звука этого слова все одновременно вздрогнули. Если жутко было слышать его в библиотеке Эймара — в самом спокойном месте, которое только можно придумать, то какой ужас внушало оно в мрачных Клеренких землях?

— Может, не нужно пока произносить... это слово? — тихонько спросила Алька.

Рональд с удивлением посмотрел на нее:

— Это ведь всего лишь имя! От того, чтобы произносить его, ничего не произойдет. Имен бояться не нужно. Тем более, это имя не всегда было таким ужасным...

Альнора, похоже, не поверила его словам о том, что ничего не произойдет. А вот Ли-фанну заинтересовало другое:

— А почему «не всегда»? Он, что же, раньше не был чудовищем?

— Не был, представь себе. Первоначально он был драконом, — сказал Рональд.

Ли-фанна, Алька и Эван с изумлением на него посмотрели. Помедлив немного, Рональд начал рассказывать:

— Он был одним из сыновей Великого дракона. Ну, его-то вы, разумеется, знаете.

— Того дракона, который был Хранителем предыдущей эры? — спросила Алька с некоторым удивлением. — А почему же тогда...

— Потому что его таким сделали. Любой дракон не может быть один. Всегда должен быть человек, который станет его другом, которому он сможет доверять... у Левиафана был такой друг. Один из храбрейших полководцев Листа, генерал, участвовавший во многих сражениях... В начале эры Саламандры, самой первой эры, его вместе с другими такими же бравыми военачальниками призвали правители сильнейшего государства — Норландской империи — для того, чтобы они возглавили подразделение, которое должно было защищать

весь мир. Это должно было быть что-то вроде рыцарского ордена, на который не действуют государственные границы, который следит за миром во всем мире, предотвращает развитие военных конфликтов, ну и... следит за порядком в мире, в общем. Но... — Рональд ненадолго замолк, подбирая, видимо, слова, — но все вышло не так, как рассчитывали правители Норланда. Один из военачальников — а именно тот, который был другом Левиафана, возжелал мирового господства. Захотев стать повелителем всего мира, он предал первоначальную идею, ради которой создавался этот орден. Так появился Легион в том виде, в каком мы его знаем.

— То есть... — начала Ли-фанна, — Легион изначально...

— Создавался для защиты Листа, да, — кивнул Рональд. — Именно так. Если бы не предательство... того человека, сейчас все было бы по-другому... но я начинал рассказывать про Левиафана...

В общем, когда человек, которого он считал своим другом, перешел на другую сторону, Левиафан последовал за ним. Драконы ведь не знают предательства. И так уж получилось, что, когда Левиафан встал на сторону Легиона, то есть предателей, все его драконьи силы внезапно исчезли. Погасло священное пламя, которое горит внутри каждого дракона. Из-за этого дальше жить он смог только в воде. Легионеры в своем стремлении захватить мир долго использовали его, выкачивая из него силы и магию — хоть пламя его погасло, какая-то часть сил у него осталась, пусть и в измененной, темной форме. Легион хотел использовать его, как мощнейшее оружие — ну еще бы, настоящий дракон, который, тем более, целиком и полностью на их стороне! Но тут появились древние маги. Они прекрасно понимали, что Левиафан стал чудовищем не по своей воле, и поэтому не стали его убивать, а всего лишь погрузили в спячку. Беспробудную, как они рассчитывали. Но, увы, получилось так, как получилось. И теперь, благодаря Легиону, когда Левиафан окончательно проснется, его ярости вполне хватит, чтобы уничтожить весь мир...

Рональд замолчал. Никто из его спутников не стал ничего спрашивать или говорить. Да и что тут скажешь? Легион оставался в своем репертуаре.

Стоит ли говорить, что после того, как Рональд рассказал эту историю, у всех отпало всякое желание продолжать беседу?

И они в молчании двинулись дальше.

(7 дней до новолуния)

Шли они до позднего вечера, только раз остановившись на привал. Пройти успели довольно много — вдали уже виднелись Гиблые болота, когда они решили остановиться на ночлег. Заночевали они прямо посреди тундры, разведя небольшой костер. Было, конечно, несколько неуютно, учитывая угрозу Легиона, но выбирать не приходилось.

...Наутро Ли-фанна проснулась третьей, после Рональда и Тарлиана. Было еще раннее-раннее утро, почти еще ночь. Вокруг была тихая, холодная, огромная тундра; впереди стеной возвышались горы — мрачные, неприступные... над ними снова подрагивало какое-то зарево. На этот раз оно было не багровым, а бледно-розовым. В любом случае, выглядело это жутковато.

— Не нравится мне все это... — сказал Рональд, глядя на это мерцание. — Очень не нравится... но надо сегодня дойти до границы Гиблых болот.

— Гиблых болот? — переспросил Тарлиан. — А туда-то нам зачем?

— В обход болот быстрее всего добраться до ледников, — пояснил Рональд. — Но тут

проблема в том, что болота кое-где контролируются Легионом. Если бы у нас было больше времени, я не стал бы рисковать. Но времени в образ — всего неделя осталась... Просто придется соблюдать осторожность. Но, по идее, заметить нас они не должны.

Пусть даже идти придется не на сами болота, а к их границе, такая перспектива совершенно не радовала ни Ли-фанну, ни Тарлиана. Ли-фанна в принципе не любила никакие болота, хотя ни разу там не была. Да и вероятность нового столкновения с Легионом оптимизма, мягко говоря, не внушала. Тарлиан же, который фактически вырос в Клеренских землях, очень хорошо помнил, какие легенды ходили о Гиблых болотах среди рыцарей Ордена. Говорили, например, о призраках, которые поселились там еще с войны за Эфарленд, закончившейся семьдесят лет назад. И о всякой нечистой силе, появившейся в результате какого-то легионерского колдовства, истории ходили по всей крепости... Но делать было нечего. Нужно было идти.

Минут через пять проснулся Эван. Новость о том, что придется идти к болотам, он воспринял совершенно спокойно. А Алька, которая встала позже всех, попыталась все-таки возмутиться, но не сильно: Рональда она немного побаивалась.

Когда они двинулись в путь, солнце едва поднялось над горизонтом, освещая пустошь бледным, неярким светом. От этого долина Клерен казалась еще безлюднее и унылее. Еще более печальной эту картинку делало то, что ее не сопровождало ни единого звука — только ветер шумел, пригибая к земле низенькую траву. Несмотря на то, что стоял самый разгар лета, ветер был довольно холодный. Наши путешественники старались идти быстрее, чтобы поскорее добраться до цели, и чтобы не так холодно было. Хотя о холоде, наверное, думали только Ли-фанна и Алька.

Из-за этого ветра идти приходилось медленно — очень уж он был сильный. Ли-фанна даже подумала: не может ли это быть очередная подлянка Легиона? Если им подвластны дождь и туман, то вызвать ветер им ничего не стоит. Но все оставалось более-менее спокойно: никаких стихийных бедствий пока не наблюдалось.

— А тут что, всегда такая погода? — спросила Альнора через некоторое время такого пути.

— Почти всегда, — ответил Тарлиан. — Я тут еще не был, но рассказы патрульных слышал. Но в основном тут еще хуже, так что там еще повезло.

Сказав так, Тарлиан очень удивился: он ведь сам только что признал, что им повезло. Всем, а значит, и ему тоже... дожили! И что только в мире делается?

— Просто везения в этих местах не бывает, — сказал Рональд. В Клерене слишком много внутренней магии. Скрытой силы, можно сказать. Эта пустошь не всякого пропускает. Согласно старым легендам, здесь всем повелевают духи.

— Выходит, духам зачем-то нужно, чтобы мы дошли до ледников? — спросила Ли-фанна.

— Быть может, и так. Кто знает, что у духов на уме... А может, духи тут и вовсе ни при чем... может, все это Судьба, в которую все сверхмаги нерушимо верят...

«Лучше уж пусть это будут духи, — подумала Ли-фанна, — чем какая-то там судьба». Хотя она и была сверхмагом, в Судьбу верить ей совершенно не хотелось.

Не хотелось верить в нее и Тарлиану. За годы, проведенные в крепости, он успел наслушаться всякого о предопределении и Судьбе — Фениксы, хоть и лучшие воины Эфарленда, в некоторых вопросах очень суеверны. Особенно в вопросах того, что касается Судьбы и всего в том же духе.

Судьба... какая это все-таки странная штука. Она как бы есть, но ее как бы нет. И если у нас, на Земле, от веры в нее в принципе ничего не зависит, то на Листе судьбу считают едва ли не живым существом, иногда даже обожествляют ее. А нашим героям уже всяких «высших сил» за глаза хватало! Взять хоть ту же богиню Луны Диону, неведомо как оказавшуюся непосредственной участницей всех этих странных событий...

Вспомнив о Дионе, Ли-фанна как-то сразу вспомнила и о ее таинственном подарке — бронзовом цветке-зареве. С того момента, как она впервые увидела чудесную метаморфозу — а как иначе можно было назвать превращение живого цветка в бронзовый медальон? — она ни разу не доставала его и даже не вспоминала.

И все-таки, что же все это означает? Этот разговор с богиней Луны, получение цветка-медальона... Неужели заканчивается становление ее дара? Учитель Сойрен ведь говорил что-то о медальонах, в которых заключена вся магическая сила сверхмага... или она опять чего-то недопонимает? И почему все так сложно? Может, стоит рассказать кому-нибудь о цветке-медальоне? Но Ли-фанна решила пока что повременить с этим. Даже если становление дара у нее заканчивается, что довольно странно: у Альки оно уже три года длится, а у нее и недели не прошло! — то все равно, оно завершилось не до конца. Учитель ведь говорил еще и о каком-то оружии... Почему же вокруг сплошные тайны и недомолвки? Как же Ли-фанне все это надоело, честно-то говоря! Но никуда деться от этого нельзя. А жаль...

Не только Ли-фанна вспомнила про Диону в тот момент. Альнора тоже подумала о ней. Алька никому не говорила, но лунная богиня разговаривала и с ней тоже. Произошло это уже давно, неделю назад, в Трионвилле. Учтывая, сколько произошло с ними за эту неделю, Альке казалось, что прошла целая вечность.

От разговора с Дионой у Альки остались смешанные впечатления. В отличие от Ли-фанны, она почти сразу узнала ее, только вот не поняла, как может быть связана богиня Луны и магии с ее даром. А в том, что такая связь существовала, сомневаться не приходилось: слишком уж много она знала про Альнору и ее дар. Причем знала она многое из того, что Алька не говорила никому, даже учителю Сойрену. Например, то, что она умела ненадолго заглядывать в будущее...

...Эта способность проявилась у нее около года назад, когда совершенно неожиданно, непонятно откуда, к ней стали приходить сны — очень странные сны: то яркие, красочные, то туманные, какие-то блеклые, размытые. Но они всегда запоминались, притом очень четко — каждое слово, каждое движение... а потом эти сны всегда сбывались. Поначалу Альнора не обращала на это внимания: мало ли, какие совпадения бывают? Но мало-помалу она поняла, что это не просто сны, а нечто большее. А после разговора с Дионой, которая пришла к ней, опять же, во сне, все запуталось еще больше, но стало почему-то понятнее. Диона сказала ей тогда: «В тебе таится сила, намного большая, чем ты можешь подумать. И ты можешь использовать ее как во благо, так и во зло. Но знай — выбрать сторону можно только один раз. И ошибиться с выбором очень и очень легко».

После этих слов богиня исчезла, а Алька проснулась в небольшой комнатке Трионвилльской гостиницы. Конечно, Диона сказала ей не только это, но об остальном Альнора предпочитала пока не думать. Кому же приятно думать, например, о том, что сила, которой он обладает, способна с легкостью разрушить все то, чего они собираются достигнуть во время своего пути? А ведь при должном использовании этой силы «весь мир может оказаться в руинах». Так сказала Альке Диона. Было ли это простым преувеличением,

или она, как сверхмаг, действительно способна на что-то в этом духе? Этого Альнора, понятное дело, не знала. А выяснять было, честно говоря, очень страшно.

В общем, вспоминать о Дионе Альке было не очень приятно.

...Пока девушки размышляли о высших силах, мысли Тарлиана отвлеченно витали по всему Клерену, забредая то в крепость Феникса, то глубже в горы, где лежала конечная (на данный момент) цель их путешествия, а то и на болота, которые были уже совсем рядом. Юный феникс не уставал поражаться Клеренским землям — самому большому и безлюдному краю Эфарленда. Вроде и не живет здесь почти никто, и вряд ли в старые времена было как-то по-другому. Но сколько же всего происходило здесь! И до сих пор происходит. И дошло уже до того, что он, Тарлиан, стал непосредственным участником событий, которые могут изменить всю судьбу Листа!

А о чем думал в это время Эван, сказать может только он сам. Но, несмотря ни на что, настроение у него было приподнятое.

Они шли долго, даже без привалов: Рональд рассчитывал покрыть расстояние до болот за один день, а идти для выполнения этой цели нужно было быстро. Времени на остановки просто не оставалось. Но что ж поделать? Все прекрасно понимали, что сейчас именно от того, дойдут они или нет, могло зависеть, осуществятся ли планы Легиона, или же мир будет все-таки спасен.

Вслед за пустошью началась какая-то очень уж холмистая каменистая равнина. Идти по ней было, мягко говоря, не очень удобно: под ноги постоянно попадали острые камешки, а это значительно замедляло скорость передвижения. Надо сказать также, что Рональд шел намного быстрее остальных, а трудности дороги его, похоже, несколько не беспокоили. Так что не отстать от него было несколько трудно, особенно Альке, которая, как всегда, устала больше всех.

Но Ли-фанне с Эваном все-таки удалось догнать его, хоть для этого и пришлось пробежаться по камушкам. Тарлиан все же предпочитал пока идти последним, а Алька, как уже говорилось выше слишком устала, чтобы еще больше ускорять шаг.

Ли-фанна тоже устала, хотя и не так сильно. Все-таки идти без всяких перерывов часов с пяти утра — а на момент, который автор имеет честь описывать, было около трех часов пополудни — это тяжело даже для бывалого путешественника. Так что нет ничего удивительного в том, что Ли-фанна после этой пробежки не удержалась на ногах, запнувшись об очередной камень и упала. Хорошо еще, не на правую руку, которая так и продолжала болеть.

— Что же вы все время падаете, юная леди? — спросил Рональд, с улыбкой протягивая ей руку.

Встав, она посмотрела на него с крайним удивлением. Потому что совершенно неожиданно поняла, где видела его раньше. И удивление, которое она при этом испытала, было едва ли не сильнее, чем когда она узнала, что говорила с Дионой. А все потому, что, когда он к ней обратился, из глубин памяти само собой всплыло: «Как ваше имя, юная леди?» И точно: тот же голос, то же лицо, даже очки те же... только глаза другие, не серые, а сине-зеленые. А так, без сомнений, брат Рэя оказался третьим советником короля Эфарленда, который приезжал к ним в школу в тот памятный день, когда Ли-фанну угораздило подраться с Норикой. Вот это поворот, по-другому и не скажешь...

Но Ли-фанна не подала виду, что о чем-то таком догадалась. Она просто решила потом поговорить с Алькой — она ведь тоже утверждала, что видела Рональда раньше.

Определенно, чем дальше, тем интереснее стало это путешествие...

Они остановились лишь тогда, когда вечер уже сгушался над Северными горами. На то, чтобы развести костер, потребовалось порядочное количество времени: на каменной пустоши очень сложно было отыскать что-нибудь, что сгодилось бы на дрова. Пришлось Эвану с Тарлианом побегать, чтобы раздобыть хвороста.

Когда костер был разведен, все расселись вокруг него. Спать пока не торопились даже усталые девушки, хотя Эван, Тарлиан и Рональд пообещали их охранять. Вообще, спать они решили по очереди. Но сейчас, в этой мрачноватой каменной долине, да еще так близко от Гиблых болот — вот уж точно гиблое место, по-другому и не скажешь! — все понимали, что заснуть попросту не удастся. По крайней мере, прямо сейчас.

Ли-фанну, вдобавок ко всему, никак не отпускало ощущение слезки. Будто кто-то неотступно наблюдал за ними с самого выхода из Эймара. Но почему тогда им дали дойти аж до самых болот? Определенно, было в этом что-то неправильное и даже необъяснимое.

Около получаса они провели в полном молчании. Потом Эван тихонько, чтобы не привлечь излишнего внимания, запел красивую старинную, но немного грустную песню о драконе, одиноко стерегущем старинный клад. И хотя пел он тихо, невозможно было не заметить, какой у него потрясающий голос. Ли-фанна тихо сидела у костра, просто слушала его, и как-то даже легче становилось на душе от его голоса. Будто бы не так страшно было все то, с чем они уже столкнулись, и с чем им только предстоит встретиться.

Но, увы, недолго довелось им посидеть в тишине и спокойствии. Не успел Эван до конца допеть песню, которая, как и полагается всем старинным песням, была довольно длинной, как вдруг откуда-то справа послышался громогласный окрик:

— Именем Зендера, владыки Тьмы, сдавайтесь! Вы окружены. Любое сопротивление лишь приближает момент вашей гибели. Вам не уйти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все пятеро путешественников, как по команде, обернулись на этот голос. Говоривший оказался устрашающего вида легионером, с ног до головы закованным в черные доспехи. Уже один вид его не предвещал ничего хорошего. Но ладно бы, этот легионер был один! Осмотревшись вокруг, Ли-фанна заметила, что вокруг их стоянки постепенно сжимается кольцо из воителей Легиона. В сгустившихся уже сумерках их черных доспехов почти не было видно, потому они и не заметили засаду раньше. А теперь уже поздно. Их действительно окружили. Сколько их там было, этих легионеров? Сложно сказать. Но быстро прикинув, Ли-фанна решила — противников около пятидесяти. По десять легионеров на каждого. Да, умеет Легион сражаться «честно», ничего не скажешь! Даже там, в башне Знаний, перевес в силах был куда меньше! Но от сражения, похоже, никуда было не деться.

— Сдавайтесь! — снова прокричал легионер, которого они заметили первым.

— Еще чего, — сквозь зубы процедил Рональд, но услышали это только его спутники. — Мы будем сражаться! — крикнул он во весь голос.

— И вы серьезно надеетесь одолеть в бою лучших из воителей Легиона? — в голосе переговорщика, бывшего, судя по всему, командиром этого отряда, прозвучала явная насмешка, если не сказать — издевка. — Да вы в своем уме?

— Ну, видимо, мы чего-то стоим, раз уж за нами пятерыми посылают охотиться полсотни лучших вояк Легиона? — не растерялся Рональд. — Какого высокого вы о нас

мнения!

— Хорош языком трепать! — похоже, легионеру уже надоела эта перепалка. — Если хотите уйти от битвы, то сдайтесь! Другого не дано.

— Мы будем драться, — твердо повторил Рональд.

— Ну, раз так... В атаку! — прямо-таки оглушительно скомандовал легионер.

Остальные, до этого медленно, но верно сжимавшие кольцо вокруг наших многострадальных путешественников, резко двинулись вперед. Около половины из них, правда, оставались в резерве, отсекая возможность к отступлению. Но те, кто кинулся в атаку — двадцать или даже тридцать человек — явно были очень серьезными противниками даже поодиночке. Двигались они с умопомрачительной скоростью — единственное, что успела сделать Ли-фанна, пока они не приблизились к ним вплотную — выхватить из ножен новенькую рапиру, подаренную ей учителем Сойреном вместо сломанной старой. И сейчас девушка была очень благодарна ему за этот подарок.

Несмотря на всю серьезность и драматичность ситуации, легионеры, как заметила Ли-фанна, и двигались, и в целом вели себя так, будто все происходящее было для них... просто игрой. Эти легионеры даже не принимали своих противников всерьез! Они совершенно определенно получали удовольствие от происходящего. От того, что заставляют кого-то испытывать страх перед ними. Как только Ли-фанна поняла это, весь первоначальный испуг исчез сам собой. Ведь Легион просто играет с ними, как кот с мышами! Специально давит на психику. К чему его бояться? «Я сверхмаг, — твердо подумала Ли-фанна, — а значит, мой долг — бороться с Легионом!»

Все эти размышления, впрочем, нисколько не помешали девушке как следует собраться перед нападением. На нее налетели сразу пятеро совершенно одинаковых, на первый взгляд, легионеров. Они в первые же секунды попытались окружить ее, как тогда, в башне Знаний — это, похоже, был излюбленный прием легионеров. Но девушка, которая всего неделю назад с трудом могла нанести противнику несколько простейших ударов, не растерялась. Почти молниеносно отскочив в сторону, она оказалась за пределами этого смертоносного круга, введя противников в некоторое замешательство. Но легионеров никогда нельзя недооценивать, тем более лучших из них. Быстро сориентировавшись, соперники решили избрать другую тактику: стали теснить юркую противницу в сторону кольца «резервных» легионеров. Примерно повторилась ситуация, что имела место во время битвы в Эймаре. Но в отличие от того раза, теперь Ли-фанна была куда лучше подготовлена к бою, и сумела более-менее здраво оценить обстановку. Шанс выскочить из окружения еще оставался. Им-то она и воспользовалась, резко отклонившись вправо. При этом, правда, она едва не напоролась на острие меча одного из своих противников, но каким-то чудом сумела увернуться, и даже хлестнула в ответ рапирой по его руке, сжимающей меч. Хотя, разумеется, тонкий клинок рапиры больше приспособлен для колющих ударов... но что рапира может сделать против легионерских доспехов, которые наверняка защищены целой кучей разных темных заклинаний?

А рапира, как оказалось, может довольно много. От удара на руке легионера, закованной в черный обсидиан, появилась алая, будто раскаленная, полоска. Вот оно, уязвимое место противника! — поняла Ли-фанна, и что было сил ударила его по руке еще раз — на этот раз точным и быстрым уколом

На секунду он, похоже, действительно потерял контроль над собой, что очень обрадовало Ли-фанну. Но уже в следующее мгновение он переложил меч в другую руку, и...

Тарлиану, в отличие от Ли-фанны, было немного легче. Его не так сильно давили — он же не был сверхмагом. Да и клинком он владел поувереннее. Но все-таки пятерка легионеров — это не шутки. Как бы сейчас пригодился магический огонь, который так помог ему в битве за Эймар! Но, увы, юный Феникс и понятия не имел, как этот огонь «включается»...

В отличие от Ли-фанны, больше всего пускавшей в ход свое главное умение — уклоняться от ударов, Тарлиан придерживался тактики «лучшая защита — это нападение». В одиночку, правда, против пятерых сильно мечом не помашешь... Но юноша уворачивался, как мог, стараясь попутно применять хоть какие-то приемчики. И, кажется, ему даже удалось несильно ранить двоих из напавшей на него пятерки. Но, хотя их движения и стали чуть более медленными, на легионерское мастерство владения клинком это, увы, никак не повлияло. Очень скоро Тарлиана взяли-таки в кольцо. И в этот раз на помощь прийти было некому...

Похоже, его собирались прикончить на месте: ну еще бы! Он ведь не сверх, так зачем тогда он нужен Легиону?

Когда его окружили, до него начал доходить страшный смысл слова «конец». Смысл настоящий и единственно возможный. Потому что это был именно конец: страшный, неостановимый и неизменяемый. Как Легион. Как сама Смерть.

Но Тарлиан не был бы настоящим рыцарем Феникса, если бы так просто сложил оружие. Нет уж! Раз уж он Феникс, то он обязан стоять до последнего, чего бы ему это ни стоило!

Легионер, стоящий прямо перед ним, занес свой тяжеленный двуручный обсидиановый меч для решающего удара. Ослепительно сверкнуло волнистое лезвие в яркой вспышке света... стоп, а откуда взялся свет? Думать об этом совершенно не было времени. Тарлиан ушел от удара влево — надо сказать, что это было весьма проблематично: остальные четверо-то тоже истуканами не стояли! Юношу едва не пронзили четыре клинка, а пятый обрушился сверху: какие-то два сантиметра спасли ему жизнь. Но все-таки не совсем...

Уклониться сразу от пяти ударов — это надо постараться. Тарлиан, конечно, никогда особой ловкостью не отличался, но ведь раньше от нее никогда не зависела его жизнь!

Двигаться надо было молниеносно, а времени на обдумывание своих действий, разумеется, не было. Поэтому Тарлиан сделал первое, что пришло ему в голову: уклоняясь от сокрушительного удара, нацеленного точно ему в голову, он постарался максимально приблизиться к другому легионеру, нацелившему свой клинок ему в живот. И, как это ни удивительно, его план удался: кто-то из легионеров всадил свой меч прямо промеж пластин доспехов своего товарища, так что один легионер точно выбыл из строя. Вот тут-то бы Тарлиану вырваться из окружения, да разделаться как-нибудь с остальными, но... как оказалось спустя секунду, его все-таки задела — обсидиановый меч оставил на плече крохотную царапинку, но и этого было более чем достаточно... А все потому, что магический обсидиан, из которого и сделаны мечи и доспехи легионеров, обладает одним очень неприятным свойством: он вытягивает силы, «вампирит» тех, против кого его направит хозяин.

И вот эта чудовищная, разрушительная ила обсидиана оказалась направлена против Тарлиана. Рука сразу почти перестала слушаться, так что пришлось взять меч левой рукой, что все-таки не очень удобно. И именно в этот момент лезвие его меча само собой

вспыхнуло наконец ярким оранжевым пламенем!

Тарлиан воспрянул было духом, но эти легионеры, в отличие от тех, с кем он сражался в башне Знаний, огня боялись гораздо меньше. Во всяком случае, они были твердо намерены продолжать наступление на Тарлиана.

Эван, как только легионеры получили приказ к сражению, сразу попытался оказаться поближе к Альноре. Хотя в сражениях у нее и имелся кое-какой опыт, его явно бы не хватило для битвы сразу с пятью легионерами, как уже наглядно показал бой в башне Знаний. Рассчитывать же, что враги позволят ей использовать главное свое оружие — сверхмагию — было бы по меньшей мере неразумно.

За Ли-фанну Эван переживал почему-то куда меньше. Он видел, на что она способна в бою, и ясно понимал, что, несмотря на свою неопытность и некоторую неуверенность, эта девушка не пропадет.

Итак, стоя плечом к плечу, Эван и Альнора приготовились отразить атаку по меньшей мере десяти легионеров. Но было их — вот странно! — всего восемь, и Эван был уверен, что не ошибся. Уж что-что, а считать он умел прекрасно.

Разумеется, их тоже попытались окружить... но Эван ведь не зря был лучшим учеником Дарминорской академии Феникса! Легионерскую тактику они в академии проходили, и Эван, надо сказать, в ее изучении преуспел.

— Ты слева, я справа, — шепнул он Альке. Та кивнула: поняла. Ну еще бы — сколько раз проделывали этот маневр на тренировках в академии!

— Раз... два... три! — тихо скомандовал Эван, и они с Алькой, повернувшись в разные стороны, кинулись прямо на легионеров.

Те, разумеется, не ожидали такой наглости от двоих подростков, которых даже за серьезных противников не считали. Так что, благодаря эффекту неожиданности Эвану даже удалось сбить с ног легионера, который был куда больше и тяжелее него! А зная, как трудно подняться на ноги в таких тяжелых доспехах без чьей-либо помощи, Эван даже не усомнился в том, что этот их противник выбыл из строя достаточно надолго.

Альке удалось выбиться из окружения исключительно благодаря своей ловкости и увертливости. Но, проскользнув между двумя легионерами, она, к сожалению, не смогла остаться незамеченной. Трое легионеров, которых Эвану отвлечь не удалось, дружно повернулись в ее сторону. Альке ничего не оставалось, кроме как встать в боевую позицию с рапирой наизготовку. Хорошо еще, Эван вовремя подоспел на помощь, кое-как отвязавшись от преследователей. А вдвоем сражаться, пусть даже и со множеством сильных противников, куда сподручнее. И как-то очень уж легко выходило сражаться с восьмеркой сильных легионеров.

В пылу боя ни Алька, ни Эван не заметили, что их потихоньку заманивали в узкую перемычку между их теперь уже шестью противниками — Эвану как-то удалось вырубить еще одного легионера — и «резервным» оцеплением. В общем, ловушка, подстроенная Легионом для наших друзей, была пугающе простой и до ужаса действенной. А самое плохое, что заметили они ее, когда она уже почти захлопнулась...

...Когда сзади на них начали наступать «резервные» легионеры, Альнора поняла, что уже слишком поздно. Она попыталась хоть как-то воспользоваться сверхмагией, сотворить ослепляющую вспышку света — это был ее любимый прием, который не сработал лишь однажды — в башне Знаний. На этот раз заклинание подействовало, но легионерам, похоже,

было все равно. «Обсидиан! — запоздало вспомнила Алька. — Он ведь ослабляет действие сверхмагии...» Эта мысль была последней, которую она успела додумать — те легионеры, которые подступали к ним сзади, просто вырубил девушку, так что она рухнула на землю без сознания. А спустя некоторое время к ней присоединился и Эван, который храбро и даже отчаянно сражался до последнего. Но слишком уж много у него было противников...

Когда на тебя нападает полностью вооруженный легионер, а с боков подступают еще четверо, это, мягко говоря, не очень приятно. Мало того, что неприятно, это еще и страшно. Хотя Ли-фанне страшно вовсе не было.

Легионеру, который продолжал атаковать ее, видимо, неудобно было держать меч левой рукой. Из-за этого некоторые удары у него выходили как-то очень уж неуклюже. Ли-фанна даже заподозрила что-то: слишком уж легко было уходить от его атак. И ее упорно пытались заманить поближе к окружению. Но каким-то шестым, а то и седьмым чувством она понимала, что не стоит следовать за легионерами, что это ловушка.

Враги, кажется, поняли, что имеют дело со слишком проницательным противником, и просто накинулись на девушку всей оравой. Ли-фанна взмахнула рапирой вокруг себя, больше от отчаяния, чем от расчета на то, что это как-то подействует на легионеров. Но где-то на полукруге лезвие ее рапиры случайно поймало лучик света: как раз в этот момент Алька попыталась вспышкой ослепить легионеров. И вот что странно: если Альнора не произвела никакого впечатления на окружающих ее легионеров, то противник Ли-фанны как-то очень уж синхронно расступились. Девушка оказалась стоящей со вскинутым клинком в руке посреди кольца воинов в черных доспехах.

Ей почему-то послышалось, что враги о чем-то перешептываются между собой. Хотя как можно переговариваться, когда лица у собеседников закрывают забрала шлемов?

И тем не менее, она отчетливо разобрала слова, произнесенные кем-то из легионеров: «Это она!» И одновременно с этим послышалось: «Взять ее!» Все произошло так быстро, что Ли-фанна не успела как-то среагировать. Легионеры одновременно, также синхронно, как и отступили, накинулись на нее. Сколько их было, она не знала — считать было бесполезно, да и зачем?

Она все-таки пыталась еще размахивать своим клинком, хотя и знала, как глупо выглядят эти ее попытки отбиваться.

Разумеется, им удалось схватить ее, хотя перед этим ей каким-то чудом удалось ранить двоих, или даже троих легионеров. И если бы не удар в спину, нанесенный кем-то из «резервных», кто знает, быть может, тогда все пошло бы по-другому...

Тарлиан держался дольше всех из «пророческой четверки». Только он сам об этом не знал, а если бы узнал, очень сильно бы удивился.

...После того, как меч его сам собой вспыхнул ярким пламенем, боевого духа у Тарлиана значительно прибавилось. Пусть даже легионеров было неизмеримо много, и отступить они явно не собирались. Из-за слишком большого скопления легионеров вокруг себя юный феникс не мог видеть того, что происходило с остальными... а жаль. Кто, как не рыцарь Феникса, пусть даже и непосвященный, мог бы помочь им? Но Легион хитер, и очень хорошо все рассчитал. Некогда Тарлиану было остальных спасать: на него самого наваливалось... ну очень много легионеров!

Правда, где-то через минуту, а может, чуть меньше, Тарлиан обнаружил у своего меча

способность, которая была в данной ситуации очень и очень полезной.

Как оказалось, этот огонь, неожиданно появляющийся в самый нужный момент, может плавить обсидиан, то есть плавить то, что расплавить невозможно в принципе! Эта новость не могла не радовать, потому что теперь защита легионеров уже не была такой неуязвимой, как они раньше считали. Видимо, до них это тоже дошло, потому что они стали держаться с Тарлианом куда более осторожно, избегая теперь резких атак, а действуя больше быстрыми уколами. Но Тарлиану так было даже легче: появилось немного времени, чтобы обдумать свою дальнейшую тактику.

Итак, если бы легионеров не было так много, можно было бы проломиться сквозь окружение и отправиться помогать остальным (в том, что помощь им действительно необходима, Тарлиан даже не сомневался, но о степени этой необходимости он и не догадывался). Но, увы, врагов было слишком много, а значит, нужно было выдумывать что-то другое... но на это нужно было больше времени...

...Легионеры тоже думали. Но, в отличие от Тарлиана, у них времени было предостаточно. Феникс находился в их власти, и они не скрывали своего торжества, хотя и заметно было, что они опасаются своего юного противника.

Тактика всегда была главным оружием Легиона. Вот и сейчас они решали, как лучше и быстрее покончить с Тарлианом: видели, что он не так прост.

...На Тарлиана кинулись двое. Он, конечно, знал, что Легион способен на самые подлые выдумки и ловушки, но он не ожидал, что человека (а тем более Феникса, чего уж там), можно обезоружить с такой легкостью. Один легионер отвлек его обманным ударом в голову, другой в это время подкрался сзади... р-раз — и он безоружен!

А дальше... ну, не врукопашную же идти на эту ораву? И хотя сдаваться Тарлиан не собирался, он ничего не успел сделать. Точно так же, как Альку, Эвана и Ли-фанну до него, его вырубил...

Как ни обидно это признавать, это было первое поражение наших друзей на этом пути. Первое и разгромное.

Глава 13

Глава 13

ХIII. Лист. Северные горы. Гройвуд, крепость Легиона. Чес-фи-Ом.

— Ну и?.. — требовательно спросил предводитель Легиона. Он восседал на троне из черного мрамора, а перед ним склонились в поклонах его подданные, вернувшиеся только что с ответственного задания.

Мало кому из тех, кто борется с Легионом, известно о том, что в Гройвуде есть тронный зал. А он, между тем, был. Все дело здесь в том, что Легион считал (вернее сказать, мнил) себя настоящим государством, притом государством мощнейшим, сильнее всех настоящих государств Листа. А Гройвуд служил и столицей этого «государства», и дворцом его «короля» — легионерского предводителя.

Убранство тронного зала Гройвуда было таким же мрачным, как и все остальное в этой черной крепости. Стены и пол из черного мрамора. Небольшие круглые окошки почти под самым потолком. Разумеется, свет из них не мог как следует осветить почти ничего даже днем, так что здесь всегда горели свечи, которые во множестве стояли в огромных кованых и

тоже черных люстрах, слишком вычурных для этого мрачного места. Дрожащее пламя свечей освещало барельефы на стенах: сцены битв, победы в которых неизменно одерживали воины в черных доспехах.

Но центральное место в зале, разумеется, занимал огромный мраморный трон. На стене над ним висел щит с гербом Легиона — черным драконом с оскаленной пастью. К слову сказать, это было изображение Левиафана, не очень, правда, правдоподобное.

В общем, тронный зал Гройвуда был очень хмурым и мрачным местом, так что нет совершенно ничего удивительного в том, что предводитель Легиона очень любил проводить здесь всяческого рода собрания.

— Они у нас, мой повелитель, — с поклоном ответил предводителю Чес-фи-Ом, его первый помощник.

Предводитель удовлетворенно кивнул. Это было странно для его подданных: обычно его одолевали вспышки неукротимого гнева.

— Ну наконец-то, — сказал. — Хорошие новости. И что же ты можешь сказать о ней, южанин?

— Она точно та самая, мой господин. Я лично наблюдал это во время сражения.

— Отлично! — торжественно воскликнул главный легионер. — Наконец все пойдет точно по плану! Теперь, если на Листе грядут перемены, то эти перемены будут зависеть от нас! Мы будем устанавливать правила игры, если уж суждено сбыться пророчествам тех, кого эти жалкие маги, сверхмаги и Фениксы считают мудрецами!

В глазах предводителя Легиона зажглись и сразу погасли фанатичные искорки. Так происходило всегда, когда он начинал говорить или даже думать о величии Легиона и захвате мира.

— Что с остальными? — резким, каркающим голосом спросил он.

— Все ровно так, как вы и предполагали, мой повелитель, — с очередным низким поклоном ответил Чес-фи-Ом.

— Итак... — протянул предводитель. — Если это действительно так, то уже совсем скоро весь мир будет наш. И в нем воцарится вечная тьма! Во славу Зендера!

— Во славу Зендера! — дружным хором поддержали легионеры своего повелителя.

— А ты, южанин, — обратился главный легионер к своему советнику, — сейчас приведешь сюда девчонку. И если она действительно та, кого мы искали...

Предводитель замолчал. Чес-фи-Ом, видя, что других распоряжений для него не следует, в который уже раз почтительно поклонился и вышел из тронного зала, не поворачиваясь, впрочем, к предводителю спиной.

...Оказавшись наконец в одиночестве, Чес-фи-Ом прислонился спиной к холодной каменной стене, чтобы перевести дух. Чем дальше, тем сложнее становилось ему сдерживать себя в присутствии легионеров. Но никто не должен знать, как, как он ненавидит этого сумасшедшего, фанатичного старикашку, именующего себя чуть ли не властелином мира!

— Ничего, — успокоил себя Чес-фи-Ом. — Осталось немного...

После этих слов он заметно приободрился, и отправился выполнять приказ того, кого ему приходилось называть своим господином. Пока приходилось. Уже очень скоро все это изменится. И все пойдет по его плану...

И одна эта мысль давала Чес-фи-Ому силы идти вперед, притворяться и улыбаться, почтительно кланяясь, глядя прямо в глаза человеку, которого он ненавидел больше всего на свете...

Лист. Северные горы. Гройвуд, крепость Легиона. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан.
(6 дней до новолуния)

Когда Ли-фанна очнулась, вокруг было темно. Очень темно. Правда, у нее были закрыты глаза... «Вот теперь-то я точно умерла, — решила девушка. — А как иначе-то?» Но, к счастью, Ли-фанна была жива. Немного глупо было бы умереть вот так, когда цель совсем близко. Хотя, что это за цель, Ли-фанна пока понятия не имела.

За секунду до того, как открыть глаза, Ли-фанна твердо была уверена, что увидит перед собой мрачный пейзаж унылого царства Зентара. Но увидела она лишь каменные стены маленькой камеры в Гройвуде. Правда, Ли-фанна не знала тогда, что это именно Гройвуд.

Хорошо еще, что в камере не было абсолютно темно: свет проникал в камеру через крошечное окошко почти под самым потолком.

Снаружи, похоже, был день, но день какой-то мрачный — видны были сплошь серые и черные тучи. Над Гройвудом всегда висят тучи — солнце, наверное, последний раз видели здесь, когда никакой крепости еще не было. Но этого Ли-фанна, разумеется, тоже не знала.

В камере она была не одна: Алька, Эван и Тарлиан тоже были здесь. Похоже, их просто притащили сюда и оставили приходить в себя и ждать своей участи.

К тому времени, как Ли-фанна пришла в себя, в сознании был только Тарлиан. Он сидел, прислонившись к стене, обхватив голову руками и бессильно закрыв глаза. Эван и Алька без сознания лежали на соломенных подстилках около другой стены — и неудивительно: им-то досталось больше всех. Ли-фанна лежала на такой же тонкой, жесткой подстилке.

Было тихо. Слышно было, как с потолка капает вода где-то в углу камеры, да тихое дыхание друзей. И все. Даже мыши не возились. Наверное, здесь их попросту не было.

Ли-фанне очень скоро надоело слушать эту мрачную тишину. Она села, несколько удивившись тому, что не ранена, и к боли в правой руке, ставшей уже привычной, не добавилось ничего. Хотя удивительным, на самом деле, было уже то, что у нее еще оставалась способность удивляться.

Тарлиан услышал ее движение: поднял голову, открыл глаза.

— С возвращением, — сказал он Ли-фанне.

— Да уж, — кивнула Ли-фанна. Голова сразу закружилась — видать, крепко ее приложили.

— Где мы? — спросила Ли-фанна, хотя ответ был, в принципе, понятен.

— В Гройвуде, — с неприязнью произнес Тарлиан. — Вот уж не думал, что когда-нибудь окажусь здесь... хорошо еще, что нас оставили в живых.

— А разве это не странно? — спросила Ли-фанна. — То есть, это очень хорошо, конечно, но... зачем мы им? Мы ведь избранные, или что-то вроде того... мы ведь им только мешаем!

— Но, возможно, мы чего-то не знаем, — Тарлиан пожал плечами. — В Эймаре мне показалось, что нам многого не сказали.

— Мне тоже, — согласилась Ли-фанна. — И не только в Эймаре. Учитель Сойрен с самого начала говорил так, будто знает что-то, о чем нам не хочет говорить.

— Возможно, — сказал Тарлиан. — Честно говоря, я не очень понимаю, что здесь вообще происходит. Как-то все неожиданно на голову свалилось... Вы-то, похоже, уже привыкли ко всему этому, а вот я...

В этот момент Ли-фанна очень остро осознала, что они с Тарлианом очень похожи. Он тоже чувствовал себя чужим среди всех этих сверхмагов. Он тоже не понимал своего внезапно открывшегося дара, но ему, в отличие от Ли-фанны, было еще труднее: он-то привык уже к своей жизни в крепости, к тому, что он Феникс без магии. А тут... да, у Ли-фанны жизнь не была такой спокойной и устоявшейся, что в данной ситуации было даже к лучшему.

— Слушай... а ты не знаешь, где Рональд? — спросила вдруг Ли-фанна, в очередной раз поглядев на Эвана и Альку.

— Мне и самому это интересно, — ответил феникс. — Последний раз я видел его еще перед сражением...

— Я тоже, — кивнула Ли-фанна. — Не нравится мне это...

Тарлиан молча кивнул. Некоторое время он не произносил ни слова, а потом сказал совершенно неожиданную для Ли-фанны фразу:

— Все-таки не надо было мне с вами идти.

— Это почему же? — удивилась девушка.

— Потому что теперь, похоже, все мое невезение перекинулось на вас, — юноша вздохнул. — У меня всегда так: где ни окажусь, все наперекосяк.

— Да что за глупости-то! — воскликнула девушка. Пусть даже Тарлиана она совсем не знала, зато она знала, что неудачников как таковых не бывает, а жизнь — она полосатая. Правда, во всю эту историю ее угораздило ввязаться в разгар самой черной своей полосы...

— В том-то и проблема, что не глупости, — покачал головой Тарлиан. — Это подмеченная с годами реальность.

— Просто ты сам вбил себе в голову, что это реальность, вот тебе и не везет, — сказала Ли-фанна. В этом вопросе она была непреклонна. — И потом, еще ведь не все так плохо. Мы живы, и мы хотя бы знаем, что с каждым из нас. Ну... почти.

— Лучше не каркай, — сказал Тарлиан. — Да и вряд ли легионеры надолго о нас забыли.

— Это кто еще каркает, — буркнула Ли-фанна. Почему-то разговаривать с Тарлианом, которого она почти не знала, ей было неизмеримо легче, чем с тем же Эваном, или даже с Алькой.

Увы, Тарлиан оказался прав. Не прошло и пяти минут, как маленькая дверь камеры, которую сразу-то и не заметишь, открылась. В камеру заглянул человек в черных доспехах. Разумеется, это был Чес-фи-Ом, первый помощник и советник предводителя Легиона. Внимательно посмотрев на Ли-фанну, он знаком приказал ей следовать за ним. Девушка поднялась на ноги, стараясь не обращать внимания на возобновившееся с новой силой головокружение.

— Удачи, как бы странно это ни звучало, — прошептал Тарлиан, прежде чем она вышла из камеры.

Ли-фанна в ответ с горечью усмехнулась, и пошла за легионером.

Она ожидала, что ее поведут куда-то чуть ли не с завязанными глазами, но нет. Ей даже руки оставили свободными. Чес-фи-Ом просто придерживал ее за плечо, будто знал, что Ли-фанна не убежит. А она и не собиралась: вокруг полно легионеров — поймают, и, того и гляди, убьют. А даже если и удастся сбежать, что очень маловероятно, что она будет делать одна? Нет, тут следовало быть умнее...

Идти пришлось долго — Ли-фанне показалось, целую вечность. Или легионер

специально повел ее самым длинным путем? Об этом Ли-фанна как-то не задумывалась. Не идя за своим конвоиром, она внимательно смотрела вокруг, стараясь запомнить все, что попадалось на глаза — вдруг пригодится при побеге? Сейчас Ли-фанна точно знала одно: нужно бежать отсюда, и как можно быстрее. Каким образом — это был уже другой, куда более сложный, вопрос.

Увы, вскоре Ли-фанна убедилась — куда быстрее, чем ей самой хотелось бы, — что запомнить что-либо в Гройвуде весьма проблематично. Конечно, девушка не могла знать, что легионеры стремились сделать свою крепость похожей на королевский дворец. И хотя в планировке они преуспели, с интерьерами был явно перебор. Столько черного цвета сразу Ли-фанна не видела больше нигде и никогда. А других красок в Гройвуде и не было.

И даже когда Чес-фи-Ом повел ее через внутренний двор, которых тут, кстати, было тоже множество, веселее увиденная картинка не стала.

Двор этот, похоже, служил легионерам чем-то вроде тренировочной площадки. То тут, то там сражались легионеры — причем сражались настоящими боевыми обсидиановыми клинками. На Чес-фи-Ома и Ли-фанну внимания никто не обращал: пленники в Гройвуде — дело привычное.

Оглядываясь по сторонам, Ли-фанна вдруг увидела совсем молодого, примерно одного возраста с Тарлианом, паренька в черных доспехах. В отличие от более старших легионеров, он смотрел на Ли-фанну, но смотрел с таким равнодушием и отчужденностью, что девушка поспешила отвести взгляд. «Неужели в Легион и таких молодых принимают? — изумленно подумала она. — Интересно, сам он сюда пришел, или его заставили?..»

Она снова переела взгляд в ту сторону. К парнишке как раз подошел кто-то из старших легионеров, что-то сказал ему — слов слышно не было — и он направился к выходу со двора, сразу как-то поникнув и даже будто став меньше ростом. Ли-фанне даже жалко его стало. «Нет, вряд ли он сам сюда подался», — подумала девушка.

Переведя пленницу через двор, Чес-фи-Ом свернул в незаметный коридорчик, вход в который скрывался в самом темном углу двора. Там начиналось так называемое Императорское крыло. Конечно, существовал и парадный вход в него, но предводитель Легиона любил быстро попадать в другие части крепости, так что таких входов и выходов было множество.

Несмотря ни на что, Ли-фанне почему-то не было страшно. Она прекрасно понимала, что легионеры хотят, чтобы она их боялась, потому что это дает им силы. А давать легионерам силы она не собиралась.

Но сами легионеры совершенно определенно считали иначе. Здесь, в Императорском крыле, их тоже было полно, но в отличие от тех, кто был во дворе, они смотрели на Ли-фанну с любопытством и каким-то отвращением. Она ясно видела, что от нее чего-то хотят. Но что она, пятнадцатилетняя девчонка с неустановившимся еще даром, может сделать? Чем она так важна? Страх не было — одно сплошное замешательство.

Чес-фи-Ом довел ее до двери тронного зала и внезапно остановился. Он слышал, что там, за дверью, все еще идет собрание. Предводитель что-то вещал лучшим своим воинам. Хотя отдельные слова сложно было разобрать — мешала толстая дверь тронного зала — общий смысл был вполне ясен: главарь Легиона выговаривал своим подданным за то, что они так долго выполняли его задание — речь, разумеется, шла о поимке «пророческой четверки».

— Что значит — вы пострадали в битве?! — вскричал вдруг предводитель, да так, что

никакие стены не смогли заглушить его голоса. — Неужели вы, лучшие воины великого Легиона, не в состоянии сразиться с четырьмя малолетками, двое из которых — ха! — неустановившиеся сверхмаги?!

После этих слов Ли-фанна не смогла сдержать торжествующей улыбки. Все-таки они сумели достойно встретить этих легионеров, хотя и попали в итоге в плен.

Собрание закончилось довольно быстро. Слишком быстро, как показалось Ли-фанне. Легионеры выходили из тронного зала, что называется, «организованной толпой», и каждый, похоже, читал своим долгом с неприязнью и чуть ли не с ненавистью посмотреть на Ли-фанну. И как не старалась девушка сделаться как можно незаметнее, уйти от этих ненавидящих взглядов никак не удавалось.

Когда в тронном зале не осталось никого, кроме предводителя, Чес-фи-Ом зашел внутрь, потянув за собой Ли-фанну.

Предводитель восседал на своем мраморном троне, и, видимо, сам себе казался очень величественным и грозным.

Ли-фанна увидела на троне старика невысокого роста. На нем, как и на всех легионерах, были черные доспехи (и как только они не устают постоянно их носить?), только в отличие от всех остальных, нагрудник доспехов предводителя украшал герб Легиона, нарисованный кроваво-красной краской, а на голове у него вместо шлема была устрашающего вида корона, сделанная, похоже, из обсидиана: абсолютно черная, с тремя острыми, как стрелы, шипами сверху. На переносицу опускалось что-то вроде защитной пластины, больше похожей на коготь. Это роднило корону главного легионера со шлемами его подданных.

Про лицо предводителя можно было сказать только одно: ничем, кроме высокомерно-надменного выражения, в котором читались также неприязнь, отвращение и ненависть, свойственные всем легионерам, оно не выделялось. Лицо обычного тронувшегося умом старика. Неприятный тип, в общем. Да, не так представляла себе Ли-фанна легионерского предводителя. Совсем не так.

— Я привел ее, мой повелитель, — с очередным поклоном произнес Чес-фи-Ом.

Ли-фанна с удивлением глянула на своего конвоира. Его голос она узнала сразу. Это ведь именно он тогда, на пустоши, командовал другими легионерами, а им предлагал сдаться! Вот так номер! У Легиона, что, все военачальники у предводителя на побегушках?

Предводитель властным жестом отослал своего советника прочь, и внимательно посмотрел на Ли-фанну.

— Так вот, значит, какая ты... — задумчиво произнес он через несколько секунд. — Та, которая начнет все...

— Начнет что? — не удержалась Ли-фанна. Определенно, в этом мире все знали больше, чем говорили им четверым! Так пусть хоть этот сумасшедший старикашка хоть что-нибудь прояснит! Хоть какая-то польза от Легиона будет!

Предводитель взглянул на нее, как на забавную зверушку, которая, оказывается, еще и разговаривать умеет.

— Смешно, — сказал предводитель, внимательно разглядывая девушку. — Смешно, что ты спрашиваешь об этом. Неужели ты действительно не знаешь своего предназначения? — он неприятно рассмеялся. — Так, значит, ты не знаешь, что тебе суждено восславить в веках имя великого Легиона?

Снова в глазах предводителя Легиона сверкнул этот сумасшедший, фанатичный огонь. «О, боги! Да он же совсем сумасшедший!» — подумала Ли-фанна. Впервые за все это время

ей стало по-настоящему страшно: не потому, что так хотел Легион, а потому, что это действительно было жутко.

— С твоей помощью мы сможем наконец пробудить его, — самозабвенно продолжал предводитель. — Он поможет нам поработить этот жалкий мир, и править наконец-то будет тот, кто достоин этого! Так что готовься, глупая девчонка! Через шесть дней свершится твое предназначение! Так что пока мы не тронем тебя и твоих друзей. Эй, южанин! Уведи ее пока, да определи в уединенную — ха-ха-ха! — комнату.

Чес-фи-Ом появился будто из ниоткуда. Все это время он стоял за дверью, внимательно слушая, что предводитель говорит пленнице.

Войдя, он, ни слова ни говоря, схватил девушку за плечо, причем гораздо сильнее, чем до этого — Ли-фанна даже поморщилась от боли. И в полном молчании Чес-фи-Ом вывел девушку из тронного зала.

Она почти сразу заметила, что ее ведут не так, как на пути в тронный зал. И это ей, мягко говоря, очень не понравилось.

Чес-фи-Ом явно направлялся в Гройвудские подземелья, намного ниже, чем располагалась камера, где оказались четверо Избранных сразу после битвы. Но этого Ли-фанна, опять же, не знала.

Несколько странным было и то, что, выйдя из тронного зала, Чес-фи-Ом сразу ослабил хватку. При желании Ли-фанна легко смогла бы вырваться — сколько раз проделывала это в Дарминоре, когда приходилось иногда сбегать от городских стражей порядка. А те, бывало, хватали ее посильнее, чем сейчас этот легионер.

Но все же она не сбежала. Нельзя было убежать сейчас, когда с остальными творилось неведь что. Раз уж Легиону что-то нужно от нее, неплохо было бы сначала разобраться, что именно. А зная это, можно было придумать что-нибудь более-менее дельное.

Под конец этого мрачного, молчаливого пути Ли-фанна начала уставать. Ей никогда не нравились всякого рода подземелья, тем более такие, как в Гройвуде.

Если бы в подземелья легионерской крепости каким-то образом попал кто-то из нашего мира, наверняка первое, о чем он подумал бы, были бы мрачные средневековые замки, в глубоких подземельях которых томились брошенные туда на веки вечные пленники. Непрístupные замки эти были окружены глубокими рвами, в их высоких башнях сидели в ожидании рыцаря на белом коне прекрасные принцессы, а в огромных залах весело пировали короли со своими приближенными. Романтика средневековья, одним словом... Но Гройвуд, увы, походил на такие замки исключительно подземельями — глубокими, сырыми, темными, с закопченными факелами стенами, с железными дверями или решетками, с цепями, которыми приковывали узников... долго можно продолжать этот мрачный список, но многоуважаемый читатель наверняка уже понял, что именно в такое унылое место Чес-фи-Ом и привел Ли-фанну.

Камера, или, как сказал предводитель, «комната», где Чес-фи-Ом оставил Ли-фанну, была раза в три меньше, чем та камера, где остались Алька, Эван и Тарлиан. Но там было, как ни странно, не так сыро, как в коридоре, и вообще, жить, кажется, можно было.

— Шесть дней на то, чтобы спасти мир... — сказал вдруг Чес-фи-Ом, собравшийся было закрыть за собой железную дверь. — Не так уж и плохо. Удачи тебе, дочь Оррайны!

И, не слова более не говоря, советник предводителя Легиона два раза провернул в замке ключ и ушел. Слышно было только эхо его удаляющихся шагов, да и то с трудом.

— Что?! — несколько запоздало воскликнула Ли-фанна. Но толстая дверь не

пропустила ее голос наружу. Так уж все устроено в подземельях Гройвуда: пленник еще может слышать, что происходит снаружи, а вот его не слышит никто. Да даже если бы Чесфи-Ом и слышал ее восклицание, он вряд ли пожелал бы ответить.

Он назвал ее «дочерью Оррайны». Но почему? Ведь Оррайна — это Верховная Ведьма Эфарленда, о ней еще в Эймаре рассказывал учитель Сойрен. А в одной из эймаровских галерей висел ее портрет. Этот портрет еще показался Ли-фанне каким-то знакомым, похожим на кого-то... но вот на кого? Этого девушка так и не смогла понять. Не смогла вспомнить. Пока не смогла...

А вот Тарлиану пришлось намного хуже, чем Ли-фанне. Его, к счастью, ни к какому предводителю не отводили, но все-таки когда двое здоровенных легионеров скручивают тебе руки за спиной, и чуть ли не волоком куда-то тащат, это, мягко говоря, не очень приятно. И еще больно, вдобавок ко всему.

Его сразу же повели в подземелье, но, в отличие от Ли-фанны, забросили его намного ниже и в куда более худшие условия.

В камере, еще более тесной, чем та, где заперли Ли-фанну, было сыро и темно, хоть глаз выколи. Темноту же Тарлиан всегда терпеть не мог. Не боялся, нет — просто он не любил, когда ничего вокруг не видно. Да, сейчас бы очень к месту пришелся его внутренний огонь. Но как его вызвать, этот огонь, он до сих пор так и не понял. В прошлый раз, во время сражения на пустоши его меч загорелся ровно в тот момент, когда все было уже настолько плохо, что, казалось, хуже уже некуда. А сейчас ничего. Он даже не ощущал этого своего «дара». Вывод: все пока что не так плохо. Это вселяло некоторую надежду, но все-таки возникал вопрос: насколько же все должно быть плохо, чтоб этот огонь снова разгорелся? Даже подумать об этом страшно.

«И все-таки это из-за меня, — подумал Тарлиан, ложась на холодный каменный пол. — Все от моей невезучести... Заразная она, все-таки... вот где теперь все? Что с ними? Нет, нужно что-то делать. Причем чем скорее, тем лучше. Но как выбраться отсюда? Как?..»

И погруженный в такие невеселые размышления, Тарлиан провалился в забытье.

— Эй! Эй, брат, просыпайся давай!

Тарлиана разбудил незнакомый голос. Что-то тут было не то... Он ведь совершенно точно был в Гройвуде, а там точно некому называть его «братом». Так что же такое тут происходит?

Юноша открыл глаза. И почти сразу зажмурился от нестерпимо яркого солнечного света. Но откуда было взяться этому свету, если он был в глубоком подземелье, где даже окон не было, что вполне естественно.

Он снова открыл глаза, приготовившись на этот раз к яркому свету.

Вокруг был лес — яркий, зеленый, живой и какой-то радостный лес. Странно было видеть его после Клеренских пустошей и Гройвудской жути, по-другому и не скажешь. Все здесь было пронизано солнечным светом и наполнено жизнью, причем до такой степени, что Тарлиан увидел все это в первую же секунду.

Недалеко от него стоял человек, которому, похоже, и принадлежал голос, разбудивший Тарлиана. Приглядевшись немного, юноша понял, что этот человек едва ли намного старше него. Высокий худой парнишка с жестким ежиком черных волос, торчащих во все стороны. Одет он был несколько странно: в длинный красный кафтан, расшитый золотой нитью; на

ногах — остроносые красные же сапожки. Непривычный вид для человека Грифоновской эры. Такие наряды были в моде скорее в эру Феникса. Но Тарлиан не удивился: мало ли чудаков на свете? И все равно, было во всем этом что-то не то.

— О! Проснулся наконец-то! — сказал он, увидев, что Тарлиан начинает подниматься. — Давно у нас новичков не было...

— В каком смысле — новичков? — спросил Тарлиан. — Где я?

— Ты? В принципе, ты там же, где ты и заснул, просто... как бы сказать... сознание твое переместилось сюда. Ты до попадания сюда где был?

— В Гройвуде, — откликнулся Тарлиан.

— О-па... — медленно произнес незнакомец. — Да, попал ты, брат...

— Слушай, а почему ты меня все время братом называешь?

— Почему? Ну, просто... а как же еще? Брат, потому что такой же, как и я. Феникс. У нас одна сила. Без этой силы сюда не попадешь, тем более во сне.

— А «сюда» — это... — начал Тарлиан.

— Сюда — это именно что сюда, — ответил странный человек. — Туда, где мы, фениксы, живем. Я потому и говорю, что ты новичок. Сюда рано или поздно попадает каждый феникс. Кто-то остается, как я, например, а многие просто получают тут знания о своем даре, и снова возвращаются... ну, домой к себе, короче.

Тарлиан улыбнулся. Определенно, чем дальше, тем больше ему нравился этот странный парень, который вроде начинал говорить несколько официально, будто даже заученно, но потом сбивался на простой лад.

— Так, выходит, у вас здесь все не по-настоящему? — спросил он.

Собеседник сначала непонимающе взглянул на него, потом, видно, сообразил:

— А, ты об этом... нет, почему же? Это ведь реально существующее место, не то что какой-нибудь Лаорин, который, не поймешь, то ли есть, то ли нет. А таких, как ты, у нас тут очень давно не было. Сюда в основном все на своих двоих добираются.

— Вот ты говоришь «все». А что, фениксов так много?

— Много? Нет... скорее наоборот, — пожал плечами парнишка. — Но зато всех нас объединяют наши силы. Вот ты давно узнал про свой дар?

— Дней пять назад, — подумав немного, ответил Тарлиан.

— Всего лишь? И уже умудрился попасть в Гройвуд? — удивился собеседник. — Ладно, неважно. В общем, главное, что у тебя есть эти силы, ты феникс, а значит, один из нас. Мы все тут вроде одной большой семьи... ой, да что это я! Вот память дырявая! — неожиданно спохватился он. — Ты ведь новичок? Новичок. Значит что? Значит, надо отвести тебя к Старейшине. Тебя зовут-то как?

— Тарлиан.

— А я Арос.

«Подходящее имя для феникса», — подумал Тарлиан. Действительно: это имя с древнего языка переводится как «огненный».

И Тарлиан со своим новым знакомым отправились куда-то через.

В лесу Арос двигался легко и бесшумно, как кот. Тарлиан же, хотя и умел идти, не издавая лишнего шума, то и дело наступал на лежащие на земле веточки: не привык ученик Клеренской крепости к лесам, что уж тут скажешь...

Лес, все такой же радостный и светлый, закончился довольно быстро, и юноши увидели перед собой маленькую прозрачную речушку, через которую был переброшен деревянный

мостик — будь здесь Ли-фанна, она нашла бы этот мостик похожим на тот, что соединял два берега ручейка в ее секретном уголке у подножья Бронзовой горы. Но о том месте Тарлиан ничего не знал, а сам он нашел эту картину симпатичной, но непривычно было видеть такой пейзаж человеку, который много лет провел среди скалистых пустошей и непролазных болот Клерена...

...За мостиком начиналась тропинка, ведущая в деревню, где, собственно, и жили фениксы. Красные крыши домов весело поблескивали в лучах жаркого полуденного солнца. Даже сюда, к мосту, доносились звуки голосов — мужских и женских, детских и старческих: поселение фениксов жило своей тихой, уединенной жизнью.

— Добро пожаловать в Норьяф, — сказал Арос, глядя на эти крыши. — Наш цветущий край, по-другому и не скажешь.

Тарлиан согласился. Ему нравилось это странное место, так что даже просыпаться не хотелось. Еще бы не тревога за остальных, не оставляющая ни на минуту...

Они перешли мостик и скоро оказались в деревне.

С первой же секунды Тарлиан ощутил, о чем говорил ему Арос. Здесь действительно все были одной большой семьей — вместе работали, вместе решали какие-то вопросы, вместе радовались, вместе горевали... более того, Тарлиан и сам ощутил связь с этими людьми. Его роднила с ними его сила, сила феникса — и теперь глупо было отрицать ее существование.

— Понимаешь теперь? — спросил у него Арос. Тарлиан только кивнул в ответ. Да и что тут скажешь?

Он то и дело ловил на себе заинтересованные взгляды — но заинтересованные по-доброму. Его принимали здесь, принимали, как своего. Ничего подобного Тарлиан прежде никогда не испытывал — даже в крепости все семь лет он оставался чужим.

Так же, как фениксы смотрели на него, он тайком поглядывал на них. Люди как люди, и не скажешь с первого взгляда, что все они фениксы. Все разные — южане, северяне, люди с Востока, даже несколько синир — это вольный народ, живущий в высоких горах. В одежде преобладают красный с золотым цвета — цвета фениксов, как догадался Тарлиан. Но на этом все сходство и заканчивается. Кто-то из обитателей Норьяфа, как и Арос, выглядели по-старинному, а кого-то было не отличить от обычных жителей Дарминора или Клифура, столицы Норланда. И все же было здесь какое-то единение.

— Эй, Финьяр! — окликнул Арос могучего рыжебородого северянина. — Не знаешь, где сейчас Старейшина?

— У себя дома, — пожав плечами, басовито ответил Финьяр. — Где ж ему еще быть?

— Спасибо, — кивнул Арос, и направился к самому маленькому домику, стоявшему на деревенской площади. Тарлиан, разумеется, за ним.

— Тут живет Домиан, наш Старейшина, — сказал Арос, останавливаясь у двери. — Он мудрейший из всех Фениксов, и все новички обязательно попадают к нему.

Арос постучал в дверь.

— Иди, — сказал он Тарлиану. — Удачи тебе.

Тарлиан вошел в дом.

Несмотря на каменные стены, это была скорее хижина, состоящая всего из одной комнаты. Служила она сразу всем: и рабочим кабинетом, и кухней, и спальней.

Старейшина Домиан стоял у окна, глядя на деревню. Но услышав, что Тарлиан вошел, он обернулся.

Старейшина Домиан оказался среднего роста седым стариком с улыбчивым лицом и

яркими карими глазами. Чем-то он был похож на учителя Сойрена, которого Тарлиан видел до этого пару раз. Но наставник Дарминорской академии был намного серьезнее, можно даже сказать — суровее.

— Итак, — произнес Домиан приятным, бархатистым голосом. — Вот ты и здесь. Не удивляйся, я знал о том, что ты придешь, Тарлиан. Вопрос был лишь в том, когда...

— Но откуда вы знаете меня? — спросил Тарлиан. Не удивляться, как он ни старался, не получалось.

Домиан улыбнулся: похоже, старик прекрасно понимал, что сейчас творится в душе и в голове Тарлиана.

— Я знал твою мать, Тарлиан. Она жила здесь долгие годы до того, как отправилась странствовать и встретила твоего отца. Так что нет совершенно ничего удивительного в том, что я знаю тебя.

— Но... но... — у Тарлиана просто в голове не укладывалось то, что он только что услышал. — Но разве моя мама была фениксом?

— Конечно! Притом каким фениксом... я давно не встречал среди нас никого с такой силой. Неужели ты думал, что твой дар появился сам собой, из ниоткуда?

— Я уже никак не думаю, — мотнул головой Тарлиан. — Потому что ничего не понимаю.

Он действительно запутывался все больше. Его мама была фениксом? Хорошо, пусть так. Но почему он об этом не знал? Зачем скрывать это от него?

— И это вполне естественно, мальчик мой, — с улыбкой кивнул Старейшина Домиан. — Ты сейчас оказался в том положении, когда вопросов все больше и больше, а давать ответы на них никто либо не хочет, либо не может. Все мы прошли через это. И хотя я не могу помочь тебе на твоём нелегком пути, я постараюсь хотя бы рассказать тебе о твоём даре. О том, кто ты.

Вот это Тарлиану понравилось. Даже очень. Наконец-то хоть что-то определенное! А то сплошные тайны да загадки...

— Ты, наверное, спрашивал себя: кто же такие фениксы? Я отвечу тебе.

— Но при чем тут фениксы и именно мой дар? — спросил Тарлиан. Он не совсем разобрался во всей этой магии, но знал, что у каждого обладающего каким-то даром этот самый дар уникален.

— У нас, фениксов, все не совсем так, как у магов и даже сверхмагов, — покачал головой Домиан. — Мы едины в своих силах, и поняв таких, как ты, ты сможешь понять и себя.

В первую очередь, пойми — феникс — это не дар. Не магия. Это народность, можно даже сказать — раса людей... да даже не совсем людей... это куда проще понять, чем объяснить. Просто внутри каждого из нас есть частичка пламени, которое в чем-то сродни драконьему. Оно горит всегда, но до поры до времени оно неощутимо. Появляется же оно в самый важный момент. Возможно, то, что твой дар открылся так поздно, вызвано тем, что ты долгое время находился в Клеренской крепости Феникса. Ее магия во многом непостижима...

Тарлиан согласно кивнул. Такую же мысль высказывал и хозяин Эймара.

— Издревле мы, фениксы, жили на этих землях. Извини, я пока не могу сказать тебе, где именно мы сейчас находимся. Ты узнаешь это сам... когда-нибудь.

Итак, мы жили здесь с самых древних времен. Жили мирно, никогда ни с кем не воюя.

И так продолжалось бы до сих пор, если бы не Легион...

Для них существуют только они сами. Остальные — так, нелюди. Особенно сверхмаги, горцы-синиры и фениксы. За первые годы войны с Легионом фениксы потеряли многих. Очень многих. С тех пор мы вынуждены жить среди обычных людей, и лишь немногие отваживаются вернуться в Норьяф, на свою истинную родину. Поэтому борьба с Легионом — для всех нас — дело чести. Кто знает, быть может, именно поэтому самый лучший рыцарский орден Эфарленда — Орден Феникса?

А теперь переходим к самому главному. К самой главной силе всех фениксов. А главная наша сила — в превращении в птицу... — Старейшина ненадолго замолчал.

Тарлиану на ум сразу пришли легенды о рыцарях-птицах, слышанные в крепости. Может, не все в этих легендах — выдумка?

— Собственно говоря, — продолжал Домиан, — мы больше птицы, чем люди. Любой из нас может возвращаться к своей истинной природе, но только от тебя зависит, когда ты будешь к этому готов... Сейчас же запомни одно, Тарлиан. Самое главное. Твой путь впереди туманен и долог. Я в отличие от многих других, не верю в судьбу. Но я верю в человека и в его выбор. Верь тому, что говорит тебе сердце, Тарлиан. И доверяй тем, кого можешь назвать своими друзьями... Сейчас это — самое важное. Но тебе пора возвращаться...

Голос Старейшины становился все тише, а комната будто растворялась в темноте...

Через пару мгновений Тарлиан проснулся все там же, в сырой и темной камере в Гройвудском подземелье.

Было ли увиденное им правдой? Или это был всего лишь сон? Как бы там ни было, он, кажется, начинал понимать, что нужно делать...

— И снова здравствуй, Ли-фанна. Я знала, что ты вернешься сюда.

Она без труда узнала этот голос. Диона. А значит, произошло примерно то, что она и думала...

В этот раз Ли-фанна даже запомнила момент, когда лишилась сознания. Или просто заснула? В любом случае, ей показалось, что вся она, все ее существо превратилось в крошечную, ослепительно-алую искорку, подобную тем, что вспыхивают в глазах неустановившихся сверхмагов. И эта искорка стремительно летит куда-то — кажется, что сквозь Вечность, сквозь Вселенную...

Место, где она приземлилась, снова став человеком, было ей незнакомо. Была это небольшая полянка, укрытая с одной стороны крутыми горными склонами, а с другой — густым лесом. Одним словом, местечко было надежно укрыто от посторонних глаз.

Ли-фанне показалось странным, что там, на этой полянке, уже наступал рассвет (на самом деле, на Листе тоже есть часовые пояса, просто Ли-фанна про них забыла). Из-за этого рассвета все вокруг казалось золотистым: и трава, устилающая полянку, и лес, и горы... Красивое зрелище. Почти сказочное. Но Ли-фанне было не до любования природой. Сейчас ее занимали куда более важные вопросы.

— Диона? — спросила она у Лунной богини, стоявшей перед ней.

Та ничуть не изменилась с прошлой их встречи. В ответ на вопрос Ли-фанны она с улыбкой кивнула:

— Итак, ты уже знаешь... что ж, ничего удивительного. В прошлый раз я специально не назвалась тебе, чтобы у тебя не возникло еще больше вопросов.

«Но они, тем не менее, возникли», — подумала девушка не без раздражения. Хотя злиться на богиню — это по меньшей мере глупо и неосмотрительно.

Видя недовольство Ли-фанна, Диона тихо рассмеялась. Ее смех был похож на журчание воды в весеннем ручейке.

— Что ж, похоже, избежать вопросов не удастся, — сказала Диона. — Спрашивай же, а я постараюсь ответить... на что смогу.

Ли-фанна не поверила, что богиня может не знать ответа на какой-то вопрос, и спросила:

— Почему именно мы должны победить Левиафана? Неужели никто до нас не мог этого сделать?

Богиню слегка передернуло при звуке имени древнего чудовища: очевидно, ей, как и многим магам и сверхмагам, неприятно было слышать его. А Ли-фанна после рассказа Рональда о прошлом Левиафана, кажется, вообще перестала бояться его. Хотя, когда она думала о грядущем сражении с бывшим драконом, ей становилось как-то не по себе...

— Потому что только вы обладаете достаточной для этого силой, — ответила, немного подумав, Диона. — У вашей четверки, вместе взятой, в сумме сил больше, чем даже у рыцарей Феникса.

Не сказать, чтобы Ли-фанна ей так просто поверила. Но в последнее время ей все только и говорили, что о наличии у нее каких-то особых сил. Так что, пока представлялась возможность хоть что-то прояснить, она спросила:

— Но что это за силы такие?

— А вот этого, к сожалению, я тебе сказать не могу. Пока не могу. И ты, и каждый из вас должен узнать это сам.

— А если мы не сможем это узнать? Если мы не справимся? Что тогда?

Ли-фанна твердо решила выяснить сейчас хоть что-нибудь. В данной ситуации ей, а значит, и всем остальным, могли пригодиться любые сведения, любая информация. Какой бы ужасной она не была.

— Я не могу загадывать, — уклончиво ответила Диона. — А заглядывать в будущее, чтобы ответить на этот вопрос, я, честно скажу, опасаясь. Кто знает, что можно там увидеть...

«Конец света», — поняла Ли-фанна. Хорошо же их, даже не знающих своих сил, отправили сражаться с чудовищем! «Все просто, ребят: вы сейчас сразитесь с Левиафаном, убьете его, а если вдруг не справитесь, ничего страшного — просто будет конец света». Видимо, примерно так.

— Тогда скажите хотя бы, как нам сейчас сбежать из Гройвуда, — хмуро сказала Ли-фанна.

— Вы должны использовать все свои силы, чтобы пройти это испытание, — таинственным голосом ответила богиня.

— Но как мы можем использовать силы, о которых почти ничего не знаем?! — воскликнула Ли-фанна. Даже в прошлый разговор с богиней она получила больше ответов.

— Ну вот, наконец, мы и подошли к главному, — вновь улыбнулась Диона. — К тому, для чего ты оказалась здесь.

Пять ночей назад я отдала тебе цветок со священной горы, где мы встретились в первый раз. Зарецвет. Можешь показать мне его?

Ли-фанна вытащила цветок-медальон, протянула его Дионе, не снимая, впрочем,

цепочку с шеи.

— Значит, он уже проявил себя... — Лунная богиня задумчиво провела рукой над медальоном, не касаясь его. — Впрочем, другого и ожидать не стоило. Когда он стал таким? Ты помнишь?

— Во время битвы в Эймаре. Когда легионеры заплучили мою кровь, — бесстрастно ответила девушка. До сих пор ей неприятно было вспоминать об этом.

Диона покачала головой. Несомненно, она знала об этом.

— Ты говорила о нем кому-нибудь? — спросила богиня.

— О разговоре с вами — говорила. А о нем, — Ли-фанна перевела взгляд на медальон, — ни слова.

— И это правильно. Ты, конечно же, уже знаешь, что медальон появляется у сверхмага, когда его дар заканчивает свое становление...

— Но почему мой дар установился так скоро? Ведь даже недели не прошло! У Альноры дар ставится уже три года.

— У всех сверхмагов скорость становления дара зависит исключительно от их силы. Ты разве не знаешь об этом?

— Знаю, — сказала Ли-фанна, вспомнив, что о том же говорил учитель Сойрен.

— А скорость именно твоего становления, — продолжала Диона, — говорит о том, что силы, которыми ты обладаешь, просто огромны. И это — еще один факт в пользу того, что именно тебе принадлежит право начать.

— Начать что? — в который уже раз спросила Ли-фанна. — Все говорят мне о каком-то праве, но никто не может ничего объяснить. Чем это право так ужасно?

Диона в ответ покачала головой:

— В том-то и дело, что этого никто не знает. И это чистая правда. Потому что это зависит исключительно от тебя самой. Но в любом случае, Лист ждут большие перемены... какими они будут — неведомо даже самому нашему владыке Тарусу... — богиня замолчала.

Еще лучше! По сравнению с этим даже сражение с Левиафаном отошло на второй план. От нее, оказывается, судьба всего мира зависит напрямую! Вот это поворот...

— Но это, в общем-то, не так уж и важно, — продолжала Диона. — Для тебя гораздо важнее сейчас — полностью пройти посвящение в сверхмаги. Открой свой медальон.

Ли-фанна хотела было сказать, что медальон все это время открыть было невозможно, но, когда она попыталась открыть его, бронзовые створки легко поддались.

Она даже не сразу поняла, что там такое внутри. Но внутри точно что-то было.

Ли-фанна хотела аккуратно это самое «что-то» достать, но тут медальон сам с силой вырвался у нее из рук, будто хотел долететь до неба, и, сильно натянув цепочку — у Ли-фанны даже дыхание перехватило! — завис, обращенный к небу. Из него вылетели какие-то предметы, которые, стремительно увеличиваясь, сначала взмыли ввысь, а потом плавно приземлились прямо у ног Ли-фанны. И в тот же момент медальон сам собой закрылся, и тоже опустился вниз.

На земле перед собой Ли-фанна увидела... рапиру. Абсолютно новую, с блестящим и длинным стальным клинком.

Эфес этой рапиры был выполнен в виде крылатого бронзового дракона с рубиновыми камешками-глазами. Голова этого дракона служила и навершием рапиры.

Наклонившись, Ли-фанна подняла рапиру с земли. Обернутая кожаной лентой рукоять до странности легко легла в ладонь. Намного удобнее, чем та рапира, которую сломали в

башне Знаний, и чем та, которую отобрали гройвудские легионеры. Девушка сразу почувствовала себя сильнее и даже как-то... взрослее. Она и сама не заметила, как пятнадцатилетняя девочка-подросток, перечашая всем и вся, и даже не умеющая толком держать оружие, превратилась в настоящего воина, сверхмага, готового бороться с Легионом до конца и несмотря ни на что. Сейчас же эта перемена была как никогда заметна. В том числе и для нее самой. Потому что прежняя Ли-фанна, спокойно живущая на Восточной окраине Дарминора, никогда не стала бы задумываться о том, насколько легок клинок и насколько удобно им будет сражаться. Хотя она до сих пор не была специалистом ни в оружии, ни в ведении боя, несложно было понять, что эта рапира просто идеальна для нее, Ли-фанны.

Пока Ли-фанна изучала новое оружие, Диона с одобрением смотрела на нее. Впрочем, любовалась рапирой девушка недолго.

Она не забыла, что из медальона вылетела не только рапира. И действительно: на траве лежало еще что-то. Она не сразу нашла это «что-то», а когда нашла, очень удивилась. Потому что она ожидала увидеть все, что угодно, кроме того, что она увидела.

Потому что увидела она несколько длинных, острейших дротиков, связанных друг с другом тонким кожаным шнурком. Она пересчитала их — семь. Семь идеально сбалансированных, отточенных с одного конца стальных иголок. Отличились друг от друга они только цветом оперения.

Сказать, что Ли-фанна обрадовалась, увидев такое сокровище — значит ничего не сказать. Уж в чем-чем, а в дротиках и прочих метательно-кидательных вещах она разбиралась просто отлично. Потому что, если твое детство прошло на тихих улицах восточного Дарминора, ты поневоле выучишься вещам, о которых «приличные дети» из центра того же Дарминора, небось, и слыхом не слыхивали! Лишь бы эту тишину развеять...

— Теперь это твое, — улыбнулась Диона, когда Ли-фанна подняла на нее глаза. — Оружие, полученное тобой, как установившимся сверхмагом. Оно будет верой и правдой служить тебе, и никогда не изменит в трудную минуту. Эту рапиру сломать невозможно, поскольку она не была выкована. С дротиками же нужна особая сноровка.

Ли-фанна кивнула. Это она знала и так.

— И теперь, когда твой дар наконец полностью установился, — продолжала Лунная богиня, — твой медальон получает особую силу. Отныне он — сердце твоей сверхмагии, в каком-то смысле даже ее источник. Всегда носи его с собой, и не давай никому, даже самым близким друзьям и родным. Без него ты лишишься сил и не сможешь использовать сверхмагию, в том числе и свое оружие.

— Но ведь учитель Сойрен говорил, что вся сверхмагия идет от сердца! — возразила Ли-фанна. — Так почему же?..

Диона приостановила ее:

— Не думаю, что будет лучше, если ты узнаешь об этом. Некоторых вещей лучше вообще не знать.

И в тот самый момент, когда она договорила фразу, рапира, которую Ли-фанна все еще держала в руках, вдруг исчезла. Будто растворилась в воздухе.

Девушка непонимающе взглянула на богиню. Но Диона лишь улыбнулась в ответ:

— Все в порядке, Ли-фанна. Ведь твоя рапира — это прежде всего магическое оружие. А любое магическое большую часть времени находится... сложно сказать, где. Возможно, на уровне магических энергий... Ты ведь знаешь, что это такое?

Ли-фанна кивнула. Она отлично помнила, что об этом самом «втором уровне» говорил учитель Сойрен.

— Но в любой момент, — продолжала Диона, — ты, как хозяйка своего оружия, можешь призвать его. Достаточно лишь представить его у себя в руке. Но раз рапира уже исчезла, то значит, и тебе пора покинуть это место...

Тут Ли-фанна заметила, что все вокруг будто бледнеет, теряет свою реальность. Исчезал, словно призрак, и образ Дионы... несколько мгновений — и вот Ли-фанна, снова став невесомой искоркой, опять летит куда-то, все отдаляясь от чудесного места, и миля за милей пересекая черноту — может быть, даже черноту Космоса — приближаясь к Гройвуду. А в легионерской крепости ее ожидала такая же чернота... И еще неизвестность.

Глава 14

Глава 14

XIV. Лист. Северные горы. Гройвуд, крепость Легиона. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

— А ну вставай! Ишь, разлеглась тут! Тут тебе не курорт! Поднимайся, кому говорят!

Ли-фанну грубо толкнули в бок — кажется, ногой. Но не сильно. Подняться измотанная девушка смогла сама.

Почему-то происходящее здесь и сейчас казалось ей куда менее реальным, чем недавний разговор с Дионой. Будто бы плен в Гройвуде, окружающие со всех сторон легионеры — это просто кошмарный сон. Вот скоро она проснется, откроет глаза — и окажется в Эймаре, утром того дня, когда они должны были продолжить путь через горы. А еще лучше — дома, в Дарминоре.

Но, увы, проснуться не удалось, потому что это был совсем не сон. А жаль...

На этот раз Ли-фанну жалеть не стали: связали ей за спиной руки, так что она пальцами с трудом могла пошевелить, и повели куда-то, с силой стаскивая плечо — чтоб не сбежала, наверное.

Ли-фанне стало не по себе, когда она поняла, что ее снова ведут к предводителю. Что-то ему снова от нее понадобилось?..

Когда пленницу вывели наконец из подземелья, ей стало ясно, что уже вечер: за окнами сгущались сумерки. Хотя в Гройвуде сумерки куда сумрачней и гуще, чем в местах, не отравленных черной магией.

...В тронный зал ее буквально втолкнули: девушка еле смогла удержать равновесие, чтобы не грохнуться к ногам легионерского предводителя. Каким-то чудом на ногах она устояла. И даже обрадовалась, что никто больше не сдавливает ее руку.

Тут же обнаружилось, что самого главного легионера в тронном зале, к счастью, нет. Зато есть Тарлиан, Эван и Алька. Живые и относительно невредимые. На сердце у Ли-фанны сразу полегчало. Несмотря на всю эту ситуацию со становлением ее дара, о друзьях она не переставала думать ни на минуту.

Но не стоит думать, многоуважаемый читатель, что автор специально умалчивал об Альноре и Эване, испытывая Ваше терпение. Вовсе нет. Просто Эван очнулся буквально за час до того, как его привели в тронный зал. Алька пришла в себя чуть раньше, но все равно едва держалась на ногах. Пока оба пребывали без сознания, их растащили (по-другому и не

скажешь) по разным камерам, таким же, как те, в которые кинули Тарлиана и Ли-фанну.

И ведь даже словом обменяться нельзя! Стражники-легионеры ни на секунду не сводят с них глаз. Хорошо хоть, что все живы... «Стоп, а как же Рональд? — спохватилась вдруг Ли-фанна. — Он-то где? Неужели...»

Додумывать мысль было страшно. Да и некогда: в тронный зал соизволил войти «его величество король-император Легиона». Сам. Лично.

Лучше б он с самого начала сидел на троне! Хотя бы не такая комичная картина получилась... Низенький старикашка в полном боевом обмундировании, в короне-шлеме, которая чуть ли не вдвое больше его головы... и эта просто зашкаливающая самоуверенность во всем: в движениях, во взгляде... этот сумасшедший, похоже, и впрямь мнил себя властелином мира! И бывают же на свете такие люди...

Смешного, конечно, маловато, но Ли-фанне трудно было сдержать улыбку. И вот этот старик держит в своих руках власть над Легионом и терроризирует весь мир? Да уж...

Предводитель водрузился на трон, явно считая себя в этот момент очень властным и внушительным. И грозным.

— На колени! — скомандовал он. Стражники ткнули древками своих алебард в спины пленникам. На ногах устояли все. Тогда они повторили это еще раз, посильнее.

Первой пошатнулась и упала на колени Алька. За ней — Ли-фанна. Мальчишки стояли. Ли-фанна попыталась было подняться, но тут же получила по голове тем же древком. Больно... Еще б не были связаны руки!

Слева послышались глухие удары: похоже, легионерам все-таки удалось повалить Эвана и Тарлиана. Ли-фанна зажмурилась, представив, с какой силой их должны были ударить, чтобы сбить с ног.

— Гордые, да? — усмехнулся, глядя на их четверку, предводитель. — Посмотрим, какими вы станете после исполнения моих планов. Но это все потом... А сейчас... Эй вы, там! Ввести пленника!

В дальнем от главного входа левом углу зала открылась незаметная дверь, откуда вышли еще двое конвоиров...

Ли-фанну будто молнией ударило, когда она увидела, кого они ведут. Она почему-то думала, что это будет Рональд, но нет...

...Рыжеватые, выгоревшие на солнце волосы пленника были растрепаны еще больше обычного, на правом локте запеклась кровь, рукав рубашки вырван с корнем. Он сильно хромотал, наступая на правую ногу. Выглядел он просто ужасно — весь в пыли и крови. Вон и бровь разбита, в уголке рта струйка крови... похоже, перед тем, как захватить в плен, его били, и били жестоко. У Ли-фанны дыхание перехватило, когда она увидела его, потому что...

...Потому что это был Мифьол!

... Когда он увидел их — стоящих на коленях, почти таких же избитых, как он сам, на лице его появилась сначала жалость, потом ужас и отчаяние. Ли-фанна понимала его: она и сама чувствовала нечто похожее. Их всех поймали. Выхода практически нет. Что делать?

— Ну? — усмехнулся предводитель Легиона. — Знаете вы этого... человека? Он шпионил у стен нашей крепости.

Все четверо молчали. Ли-фанна будто наяву представляла себе замешательство Альки, непонимание Эвана и Тарлиана. Мальчишкам в каком-то смысле проще: они-то Мифьола

действительно не знают...

— Так что? Знаете вы его? — уже угрожающе спросил предводитель. Похоже, его вновь начинала одолевать ярость.

— Нет, — вдруг, неожиданно для всех, в том числе и для самой себя, твердо сказала Ли-фанна.

Алька воззрилась на нее с удивлением, Мифьол — с непониманием. Впрочем, его лицо почти сразу приняло непроницаемое выражение.

Впоследствии она так и не смогла объяснить, почему сказала это. Это был выстрел в неизвестность, на самом деле. Невозможно было заранее предугадать реакцию предводителя.

А он, похоже, ожидал всего, чего угодно, но только не этого.

— То есть как?! — вскричал он. — Быть того не может! Ну, раз так... раз этот шпион вам не важен, то я, пожалуй... а не сбросить ли мне тебя со стены?

Ли-фанна мочала, хотя внутри у нее все сжалось. Неужели сейчас Мифола убьют из-за нее?!

Первым желанием Ли-фанны было закричать, что она знает Мифьола, и не нужно его убивать... но она не забыла, с кем имеет дело. Этот сумасшедший старикашка наверняка специально испытывал их, хотел вывести на чистую воду. Только бы Алька сейчас не выкрикнула что-нибудь не то! Но Альнора, похоже, решила положиться сейчас на нее, думая, видимо, что у нее есть какой-то план. И Ли-фанна молчала. Молчала, стараясь изобразить на лице некое подобие равнодушия, и не смотреть на Мифьола.

Предводитель, кажется, пришел в наиболее замешательство, видя такую ее реакцию. Все больше гнев одолевал его, и чем дальше, тем сложнее ему становилось его сдерживать.

— Ну, раз так... — сказал в конце концов предводитель. Голос его стал хриплым, еще более каркающим. — Раз так... В подземелье их! Всех!

Стражники резко подняли с колен нашу многострадальную четверку, и буквально вытолкали из тронного зала. Что дальше стало с Мифьолом, Ли-фанна не видела.

На этот раз с пленниками обходились еще хуже, чем на пути в тронный зал. Видно, ярость предводителя как-то подействовала на конвоиров, зарядила их каким-то негативом и ненавистью, так что теперь Ли-фанна шла перед следившим за ней стражником, а в спину ей упиралось острие алебарды. Не самое приятное ощущение, надо сказать...

Путь до «своей» подземной камеры показался Ли-фанне просто вечным. Вечностью было и время, когда легионер гремел ключами у железной двери...

...В камеру ее в прямом смысле слова забросили, даже не развязав руки. Но на это Ли-фанне было почти уже наплевать. Она постаралась забиться в угол камеры, как можно дальше от двери, и погрузилась в тяжелый, полный воспоминаний и кошмаров, сон.

(5 дней до новолуния)

Она проснулась от скрежета открывающейся двери, звучавшего в гробовой тишине Гройвудского подземелья, как гром среди ясного неба.

День был, или же ночь? Понять было невозможно. На такой глубине времени суток, как и времени вообще, просто не существует. Ли-фанна поняла только одно: сейчас ее снова куда-то поведут. Наверняка на очередной допрос. Что может быть хуже?

Она все-таки решила пока притвориться спящей — просто, чтобы оттянуть момент,

когда снова нужно будет куда-то идти.

Кто-то вошел в камеру — кто, она, разумеется, не видела — подошел прямо к ней, развернул к себе спиной, и... вжик! Ли-фанна скорее догадалась, чем почувствовала, что ей на руках разрезали веревки. Это уже было что-то новенькое. Пришлось открыть глаза.

Сначала она увидела перед собой одну сплошную стену. Так что пришлось развернуться лицом к таинственному освободителю.

В темноте видно было очень плохо — один только силуэт. Понятно было только то, что это легионер.

«Иди за мной», — приказал он ей знаком. Пришлось подчиниться.

Легионер стремительно шагнул по коридору, даже не глядя на идущую позади девушку. Пока что он не представлял никакой угрозы, и Ли-фанна даже немного расслабилась.

Каково же было ее удивление, когда этот самый легионер подошел к дверям еще одной камеры, и, как-то очень уж быстро открыв ее дверь, вывел оттуда... Эвана. Руки ему он тоже развязал.

Через несколько минут на относительной свободе была уже вся «пророческая четверка» и Мифьол в придачу.

Мифьолу сейчас приходилось тяжелее всех. Ему пришлось драться с неизвестно сколькими легионерами, и, ясное дело, досталось ему даже больше, чем Эвану или Альке.

Когда все пятеро пленников были выпущены из своих камер, легионер, все это время безмолвствовавший, полушепотом произнес:

— Сейчас идите за мной, только тихо. Старайтесь не попадаться никому на глаза.

Ли-фанна, Эван, Алька, Тарлиан и Мифьол удивленно переглянулись. Вот это было уже действительно что-то не то! От легионера можно было ожидать чего угодно, но только не такого высказывания! Плюс ко всему, Ли-фанна узнала его по голосу. Это именно он командовал теми легионерами, которые взяли их в плен еще тогда, на пустоши. И он же первый раз привел ее к предводителю... (читатель, конечно же, уже догадался, что это был Чес-фи-Ом). А теперь он... помогает им?! Больше похоже на очередную ловушку...

Но разве у них был выбор? Здесь, в Гройвуде, им не стал бы помогать никто. Значит, что бы не задумал этот непонятный легионер, оставалось только делать то, что он говорит.

И они пошли, даже ничего и не спрашивая — все равно не ответит. Чес-фи-Ом был, похоже, доволен таким развитием событий. Во всяком случае, он зашагал дальше, опять даже не оглядываясь на освобожденную им пятерку.

Из подземелья они выбрались быстро, и по пути им не встретилось ни единой живой души. И неудивительно: Чес-фи-Ом прекрасно знал, где и когда в самых разных уголках Гройвуда нет стражи.

Когда они оказались на первом этаже крепости, выяснилось, что еще глубокая ночь: тоненький серп Луны заглядывал в узкие окошки мрачной крепости, словно напоминая легионерам, а заодно и нашим многострадальным путешественникам о близости рокового новолуния. Невольно все, включая и Чес-фи-Ома, посмотрели на эту Луну. «Пророческая четверка» как-то сразу помрачнела. Особенно беспокойно на душе стало у Ли-фанны. У нее бы слов не хватило, чтобы описать это странное чувство, охватившее ее при взгляде на Луну. Захотелось бежать куда-то — прямо сейчас, и как можно быстрее — для того, чтобы... чтобы что? Этого она как раз и не могла понять.

Но долго заглядываться на Луну Чес-фи-Ому было некогда. Он снова направился куда-то, остальные, конечно, за ним.

Чем дальше они шли, тем больше их путь казался Ли-фанне смутно знакомым. Может, их опять ведут к легионерскому предводителю, а вся эта таинственность — только уловка? Ох, и почему все в этом мире так сложно...

Как-то неожиданно рядом с Ли-фанной оказался Мифьол. Она колебалась некоторое время: заговорить с ним или все же лучше перестраховаться: вдруг этот легионер подслушает их, а потом сдаст предводителю Легиона? Но все-таки она решила поговорить с ним: кто знает, что будет дальше?

— Прости меня, — тихо сказала она, так, что слышать мог только он. — За то, что я говорила тогда...

— Не бери в голову, — так же тихо остановил ее Мифьол, — все ведь закончилось хорошо. Ну, пока хорошо... и потом, неизвестно еще, как бы я повел себя на твоём месте... а ты молодец, держалась. И потом, можешь считать это мстью за то, что я отвернулся от тебя тогда... ну, еще в школе, помнишь?

— Сравнил, — усмехнулась Ли-фанна. — Слушай, вот почему ты всегда такой... оптимистичный? И даже сейчас? Это просто...

— Вечность, да? — подсказал Мифьол.

— Вот именно. Вечность, — кивнула Ли-фанна.

«Вечность» было любимым словечком Мифьола, которое он, бывало, вставлял чуть ли не в каждую фразу. А со всеми этими событиями оно оказалось почему-то почти позабыто.

— Это ты меня в Эймаре не видела, — грустно улыбнулся Мифьол. — Вот уж где оптимизма маловато. Слушай... — неожиданно перешел он на другую тему. — Знаешь, в чем твоя главная проблема? Ты всегда и во всем почему-то винишь себя. Хотя из всего, что происходило, например, со времени вашего прихода в Эймар, ты не виновата абсолютно ни в чем.

— Ну да... кроме того, что Легион завладел моей кровью.

— А тут-то ты в чем виновата? Просто так обстоятельства сложились... — Мифьол замолчал.

— Ты тоже в судьбу веришь? — спросила Ли-фанна. — Как все эти сверхмаги?

— Не знаю... — он ненадолго задумался. — Нет, не знаю. Меня никогда об этом не спрашивали... но, наверное, больше нет, чем да. Должен ведь у человека быть свой выбор?

— Спасибо, — еще тише, чем раньше, сказала Ли-фанна. Ей, не верящей в судьбу, такой ответ друга был очень важен.

Мифьол в ответ взял ее за руку. Он всегда так делал, когда они втягивались в очередную переделку. Ли-фанне сразу стало как-то спокойнее. Будто бы далекий дом в Дарминоре стал ближе...

Вдруг Чес-фи-Ом, все так же шагавший вперед, остановился.

— А вот теперь, — шепнул он, поворачиваясь к ним, — начинается самое трудное.

Ли-фанна огляделась: они были во дворе, через который ее водили к предводителю уже два раза. Что же тут может быть трудного?

— Видите вон ту стенку? — спросил Чес-фи-Ом, указывая на окружавшую двор каменную стену где-то впереди и правее их. — Если перебраться через нее, то окажешься за пределами крепости, в горах. Там, конечно, потрудится придется, чтобы выйти на нормальную тропу, но до ледника добраться можно гораздо быстрее, чем другими путями.

— Вы... вы что, помогаете нам сбежать? — непонимающе спросила Альнора.

Чес-фи-Ом не успел ответить: совершенно неожиданно из какой-то двери, которую Ли-

фанна до этого не замечала, одним сплошным потоком хлынули черные тени... Засада! Выходит, этот легионер вовсе не хотел им помогать?

Но времени на раздумья снова не оставалось. Что могли сделать пятеро безоружных подростков против неизвестно скольких отлично подготовленных бойцов Легиона, которые каждый закуток в этом дворе знают, как свои пять пальцев? Оставалось только одно...

— Бегите! — сказал Чес-фи-Ом, стараясь, впрочем, не привлекать к себе лишнего внимания легионеров. — Я задержу их, насколько смогу.

«Насколько смогу»... надолго ли? И станет ли он вообще кого-либо задерживать? Пятеро освобожденных пленников быстро переглянулись, и одновременно рванули к тому участку стены, который показал и Чес-фи-Ом. Легионеры, до этого рассыпавшиеся по стенам, окружающим двор, и ожидающие чего-то, как по команде, ринулись за ними. Кажется, еще немного — и эта черная обсидиановая волна настигнет беглецов, но вдруг — бах! — первые легионеры внезапно остановились, будто что-то мешало им бежать дальше.

— Вот так, — сказал Чес-фи-Ом, опуская правую руку. Как оказалось, он тоже побежал за ними. — Это их ненадолго задержит.

Похоже, первый советник предводителя был сильным магом, и смог установить барьер, преградивший легионерам дорогу.

— Бегите же! — крикнул он нашей пятерке. — Скорее! Барьер не выдержит долго!

Первой его послушалась Алька. Не потому что испугалась, а просто потому что лучшего варианта, как ей казалось, не было. Да и после той битвы на пустоши она еще не до конца отошла... в общем, Алька первой полезла по лестнице, будто специально приставленной к стене (уж не Чес-фи-Ом ли ее туда притащил?).

Ли-фанна и мальчишки остались стоять. Почему, они, честно говоря, и сами не до конца понимали. Наверное, не привыкли вот так сбегать с поля боя. И даже сейчас, когда жизнь висела на волоске...

— А вы чего стоите? — рыкнул на них Чес-фи-Ом. — Сказано же: бегите! Но что сейчас там, на той стороне, я не знаю...

Эван, ясное дело, тут же подумал об Альке и помчался за ней. Остальные побежали было за ним, но в тот самый момент, когда Эван скрылся по ту сторону стены, барьер, поставленный Чес-фи-Омом, рухнул, а кто-то из легионеров сбил лестницу то ли стрелой, то ли заклинанием — и поджег в придачу. Теперь путь к отступлению был отрезан.

Чес-фи-Ом тихо ругнулся себе под нос, а затем вдруг метнулся вперед, растворившись в толпе легионеров.

Ли-фанна удивленно переглянулась с Тарлианом. И что теперь? Помощи ждать было неоткуда, а вот нападения — отовсюду.

Неожиданно немного правее того места, где стояли Ли-фанна и Тарлиан, сверкнуло что-то ослепительно-белое. Ли-фанна обернулась — и не поверила своим глазам, потому что в руке у Мифьола откуда-то появился меч! Белый свет шел именно от него.

Ли-фанна встретилась с Мифьолом взглядом. Его глаза были полны решимости, и девушка поняла: он собирается сражаться до последнего. Чтобы они, «избранная четверка», могли уйти. Это было так похоже на него...

Но она тоже сдаваться без боя не собиралась. Отступать все равно некуда. Как там говорила Диона? Просто представить рапиру в своей руке?

Клинок появился меньше, чем за секунду. Будто ждал, когда его призовут. И сейчас Ли-фанна ощущала с ним еще больше единения, чем тогда, на посвящении.

И именно в эту секунду легионеры решили начать атаковать, а Тарлиан подумал об огне внутри него. О том, что он феникс. И — о чудо! — огонь этот сразу же появился, да такой, что Тарлиан, даже безоружный, смог бы противостоять легионерам.

Но все-таки врагов было неизмеримо больше. Ни Ли-фанна, ни Тарлиан, ни Мифьол даже используя они все свои силы и способности, не смогли бы победить их всех. Так что они старались продержаться как можно дольше, не дать себя окружить, и стоять спиной к спасительной стене, прямо за которой — свобода! Но до этой свободы надо было еще как-то добраться...

...Помощь пришла, откуда не ждали. Битва (если весь этот ужас только можно было назвать битвой) была в самом своем разгаре, когда прямо со стены к ним спрыгнул... Рональд! В руке у него прямо-таки сиял лунным светом меч.

Никогда раньше Ли-фанна не думала, что можно с такой скоростью врезаться в строй противника, рубить всех направо и налево, и при этом мастерски уклоняться от вражеских ударов! Но Ли-фанна, заглядевшись на Рональда, и о своих противниках не забыла.

...Она очень удачно уклонилась сразу от трех клинков, и ушла из полукольца, в которое ее собирались взять легионеры, когда увидела Мифьола. Его окружили со всех сторон, и, кажется, вот-вот собирались прикончить...

С криком: «Миф! Нет!» — она бросилась на помощь другу. Первого легионера она ткнула рапирой куда-то в грудь, второго просто с силой оттолкнула, третьему пропорола кольчугу... и откуда только силы взялись?

Она не помнила, сколько всего там было легионеров, и как долго они продержались, сражаясь плечом к плечу. В памяти остался лишь один момент. Остался на всю жизнь.

Она отбивалась от двоих легионеров, и не заметила, как сзади подобрался третий... он уже занес руку с кинжалом, чтобы покончить с девушкой, когда Мифьол, закричав: «Ли-фанна, берегись!», встал между ней и легионером. Сам встал под кинжал...

Когда она опомнилась, было уже поздно. Кинжал угодил Мифьолу чуть выше сердца, и теперь на его когда-то синей, а теперь серой от пыли рубашке медленно расплывалось бурое пятно. А легионеры, нападавшие на них двоих, вдруг исчезли куда-то. Словно внезапно потеряли к ним интерес.

К горлу подступил комок. Ли-фанна опустилась на колени рядом с Мифьолом, не обращая внимания уже ни на сражение, ни на других легионеров, ни на Тарлиана, ни на Рональда... Поверить в реальность происходящего было невозможно. Ну не может, не может все быть так... так страшно.

— Миф... — тихо позвала она, будто надеясь, что он услышит.

Жив он или... или нет? Страшно... и почему-то больно, как будто это ее пырнули кинжалом...

Он вдруг открыл глаза. Жив! Золотисто-карие глаза его были ясны, будто ничего такого не случилось.

— Ли-фанна? Тебя не ранили? — первое, что спросил он.

— Меня? Нет... а ты...

— Я? Я умираю, — сказал он так просто, будто говорил о погоде. — Прости...

— Что?! Миф, нет! Не уходи... пожалуйста... Только не ты! Только не сейчас...

— Прости, — еще раз сказал он. — Но эта рана смертельная... это должно было случиться, понимаешь? Я видел. И я не боюсь.

— Зато я боюсь, — Ли-фанна всхлипнула, из глаз сами собой потекли слезы. — Как же

я буду без тебя? И это ведь из-за меня ты сейчас...

— Нет! — Мифьол не дал ей договорить. — Так должно было быть, понимаешь, должно! Если бы я не защитил тебя, потом никогда себе не простил бы.

— А так я себе не прощу, — Ли-фанна уже не пыталась сдерживать слезы, и они текли у нее по щекам и капали на колени.

— Да ты не понимаешь, что ли? — Мифьол мягко улыбнулся. — Ты важнее меня. Ты — Избранная. Без меня еще можно обойтись, а тебе нужно мир спасти.

— Спасти... да я даже не представляю, как!

— Ты справишься. Я знаю. Ты не можешь не справиться.

Он взял ее за руку. Ладонь Мифьола была очень сухой и горячей. Ли-фанна чуть сжала его пальцы, пытаясь хоть немного успокоиться. Все будет хорошо. Это просто очередная переделка, в которую они влипли вдвоем... но нет. Уже никогда ничего не будет так, как было раньше...

— А все-таки хорошо, что я с вами хоть немного прошел, да? — спросил вдруг Мифьол, и в глазах его блеснули веселые искорки. Как будто все было в порядке... и говорил он так, словно не был смертельно ранен...

— Я шел за вами от Эймара, — продолжал Мифьол. — А когда вас взяли в плен, пошел за легионерами.

— И ты все это время знал, что?..

Мифьол остановил ее, чуть сильнее сжав руку.

— Знаешь, а ведь ты была права, — сказал он, немного помедлив. — Надо всегда идти вперед. Я только здесь это по-настоящему понял. А это... это просто еще один шаг. Что дальше — я не знаю. Но нужно идти. И я пойду. Прости меня, Ли-фанна. Мне жаль, что наши пути расходятся. Я счастлив был иметь такого друга, как ты.

— И я... как же я без тебя буду? — снова спросила Ли-фанна.

Мифьол в ответ лишь улыбнулся тихой и печальной улыбкой и произнес почти шепотом:

— Прощай...

Глаза его в тот же миг закрылись, а рука, державшая руку Ли-фанны, ослабла. Но она долго еще не выпускала его руки. Она стояла на коленях рядом с ним и плакала, потому что потеряла своего лучшего друга, который был ей почти как брат. А вместе с ним оборвалась и тонкая ниточка, соединявшая ее с Дарминором. С прошлой жизнью.

И она никогда раньше так близко не видела Смерть...

Тарлиан не видел развернувшейся рядом трагедии. Он был занят, потому что все легионеры, сражавшиеся с Ли-фанной и Мифьолом, перекинулись теперь на него. А у него не было ровно ничего, кроме собственных рук, да огня где-то внутри. И хотя этот огонь временами вырывался наружу — прямо из ладони вылетал огненный яркий шарик, от которого легионеры дружно шарахались в стороны (противостоять огню феникса могут только особо подготовленные легионеры, но об этом Тарлиан тогда не знал), этого было слишком мало. Если бы только у него было хоть какое-то оружие!

Как там сказал Старейшина Домиан? Феникс — это не магия, а раса? Жаль. Сейчас бы ему какая-нибудь магия очень бы пригодилась...

Тарлиан уже привык к огню, горящему где-то внутри него. Ему уже не казалось это каким-то ненормальным, неправильным. Ну огонь и огонь. Ничего такого. Пускай себе

горит.

Но сейчас, во время этого совершенно нереального сражения, в котором не то что победить — остаться в живых было невозможно — это пламя внутри Тарлиана стало разгораться с невиданной до этого силой. В один миг ему даже показалось, что он просто сгорит изнутри. Но все обернулось совсем иначе.

Он даже не понял, когда началось его первое превращение. Все произошло как-то одномоментно и внезапно. Будто этот его внутренний огонь полностью вырвался наружу, охватив все тело. Он не знал, что действительно его охватила ярчайшая вспышка, а потом легионеры отпрянули от него, и отошли метров на десять. Потому что такого всплеска фениксовой энергии никто из них не видел никогда раньше.

Но Тарлиану в тот момент было не до легионеров, и уж тем более не до их реакции на него. Потому что он просто горел. И снаружи, и изнутри — по-всякому. И он определенно чувствовал, что с ним происходит что-то не то. Но что именно, он так и не мог понять, пока весь огонь не затух.

А вот когда он наконец погас... Тарлиану показалось, что прошла целая вечность, прежде чем это произошло. Но когда его перестало нестерпимо жечь, и лишь где-то в сердце осталась спокойная, ровная искорка, он смог осознать, что же с ним случилось...

Что бы сделали Вы, многоуважаемый читатель, если бы обнаружили, что руки Ваши превратились в крылья, тело покрылось перьями, да вдобавок ко всему, еще и хвост вырос? Одним словом, если бы вы превратились в птицу? Вот то-то и оно. Немудрено, что Тарлиан поначалу растерялся, да так, что чуть не упал, потому что он, как оказалось, висел в воздухе. Пришлось начать махать крыльями, чтобы не упасть. Это его немного взбодрило, и Тарлиан вспомнил, что о чем-то таком ему говорил Старейшина Домиан. Что ж, тогда нечего удивляться тому, что в этом золотисто-алом оперении он чувствовал себя едва ли не комфортнее, чем в человеческом обличье.

Заметив, наконец, как на него смотрят легионеры — а во взглядах их явно читались злоба, ненависть, непонимание и даже некоторый испуг перед неведомой им силой, Тарлиан не смог скрыть своего торжества. Он пролетел почти над самыми головами легионеров, опять же, не удивляясь тому, как хорошо ему удается владеть крыльями: будто всю жизнь летал! Легионеры же, только завидев его маневр, снова метнулись куда-то в сторону. И если бы птицы могли смеяться, Тарлиан засмеялся бы. Ощущение неведомой прежде свободы захлестнуло его с головой. И Тарлиан перелетел чрез стену.

Но не стоит думать, многоуважаемый читатель, что он забыл о Ли-фанне и Мифьоле. Нисколько. Он просто думал, что они давно уже на свободе...

А Ли-фанна и подумать не могла о том, чтобы бежать к долгожданной когда-то свободе. Она вообще ни о чем думать не могла, кроме одного: Мифьола больше нет. В голове осталась лишь одна эта мысль. Она кровью стучала в висках, разливалась по всему ее существу... Почему? Зачем он умер? Именно сейчас — зачем?

Она не видела ни превращения Тарлиана, так же, как он не видел ее, ни того, что легионеры отступили, завидев его метаморфозу... ни того, что трое легионеров подбираются к ней сбоку, намереваясь снова схватить... да даже если бы и схватили, она, наверное, не стала бы сопротивляться.

Им удалось подобраться близко... слишком близко. Еще каких-то пара мгновений, и Ли-фанна вновь стала бы пленницей Легиона, но тут, откуда ни возьмись, появился Рональд.

На то, чтобы расправиться с тремя легионерами сразу, у него едва ли ушла минута. Потом он посмотрел на Ли-фанну и лежащего рядом Мифьола... на лице у него одна за другой сменились несколько эмоций, причем с такой скоростью, что разглядеть их было почти невозможно.

Потом Рональд зачем-то взял ее за руку. Тихо-тихо прошептал что-то, глядя в небо, и шагнул вперед. Они вдруг оказались в каком-то странном месте — Ли-фанна так и не поняла, не привиделось ли ей... какая-то дорога, идущая вперед... но продолжалось это лишь мгновение. Затем последовала неяркая вспышка света, и...

...И они снова очутились в совершенно другом, тоже незнакомом Ли-фанне месте. Единственное, что она поняла: вокруг были горы...

Еще ей показалось, что она видела Эвана, но в этом она до конца уверена не была, потому что снова потеряла сознание...

Северные горы.

Мифьола, чье тело Рональд как-то сумел вынести из Гройвуда, похоронили недалеко от стен крепости. Над горами занимался уже рассвет, но идти дальше никто не решался. Смерть Мифьола выбила их всех из колеи.

Ли-фанна больше не плакала — слез не осталось. Она просто стояла, опустив голову, и молчала. Не хотелось ни с кем ни говорить, ни даже никого видеть.

Когда солнце уже почти проснулось, около их стоянки неожиданно нарисовался Чес-фи-Ом. Он недолго переговорил о чем-то с Рональдом, а потом подошел к Ли-фанне.

— Мне жаль вашего друга, — сказал он.

— Зачем вы нам помогаете? — спросила она, никак не реагируя на его реплику.

— Когда-то твоя мать спасла мне жизнь, — ответил легионер после короткого раздумья. — Помочь вам — мой долг.

После этого он ушел, не сказав больше ни слова.

В любое другое время Ли-фанна задалась бы вопросом: как ее мама, совершенно обычный человек, могла спасти жизнь этому легионеру? Но сейчас ей было не до того. Она и вопрос-то свой задала только чтобы не думать лишний раз о Мифьоле...

Они двинулись дальше, когда день давно уже вступил в свои права. Чес-фи-Ом, как выяснилось, объяснил Рональду их дальнейший путь, так что заблудиться в горах им не грозило.

Ли-фанна шла последней. С утра она так и не сказала никому ни слова. Впрочем, на этом пути разговоров было не очень много.

Альнора тоже грустила, хотя и старалась не подавать виду. Эван, который Мифьола знать не знал, но понимал, что он хороший друг Ли-фанны и знакомый Альки, тоже был печален. Тарлиан же, прежде никогда не сталкивавшийся со смертью так близко, пребывал в полной растерянности. Он никогда раньше не задумывался о том, как это, когда был человек — обычный живой человек — и вдруг его уже нет. Пусть даже он совершенно не знал Мифьола, да и со спутниками своими не до конца еще познакомился, он сочувствовал их горю. И у самого него на душе было как-то тягостно.

Неизвестно, сколько Рональд планировал пройти за этот день, и сколько они прошли в действительности. Но шли они без остановок до самого вечера. Никто не возражал: всем хотелось уйти подальше от Гройвуда.

На ночлег решили остановиться на небольшом плато. Оно было не таким пустынным, как все вокруг: кое-где там даже росла зеленая трава. Расположено это плато было довольно высоко, и с этой высоты было прекрасно видно восточную часть Северных гор. Вдалеке даже можно было разглядеть белые склоны. Ледник. Теперешняя цель их пути. Но сколько еще им предстоит вынести, прежде чем они доберутся туда? И подумать страшно...

Хотя за этот день, показавшийся нашим путникам бесконечно длинным, все они очень устали (не столько физически, сколько морально), вечером спать ложиться никто не спешил. Только когда Рональд напомнил всем, что завтра им предстоит длинный и трудный переход через горы, сперва Альнора, а потом и Тарлиан с Эваном отправились отдыхать.

Ли-фанна же знала, что заснуть ей точно не удастся. Да и зачем?

Одним словом, когда в лагере установилась полная тишина — было уже далеко за полночь — Ли-фанна так и сидела в позе, в какой провела весь вечер: подтянув колени к груди и обхватив их руками, спиной прислонившись к какому-то вросшему в землю валуну, а голову подняв к небу. И хотя небо этой летней ночью было ясно, девушке казалось, что его затянули непроглядные тучи.

В случившемся с Мифьолом она винила себя. И только себя. Он ведь подставился под удар, защищая ее! А она... она могла бы его спасти, могла! Но не спасла... Это из-за нее он погиб. И от этой мысли на душе становилось так тошно...

...Она даже не заметила, как к ней подошел Эван. Он подошел совершенно бесшумно, сел рядом с ней... она почему-то ожидала, что он скажет что-то вроде «мне очень жаль», или, что еще хуже, начнет ее успокаивать. Но нет, ничего такого он делать не стал. Просто сидел рядом с ней, думая о чем-то своем. И она ощущала его молчаливую поддержку, и от этого на душе становилось немного легче.

Сколько времени прошло, пока они так сидели — неизвестно. Скорее всего, около получаса. История сохранила лишь тот факт, что через некоторое время Эван тихо произнес:

— Знаешь, мне, слава богам, никогда не приходилось никого терять. У меня живы и родители, и друзья, и все родственники. Так что я не могу до конца понять, каково тебе сейчас. И лучше б мне, наверное, никогда этого не понимать, — он вздохнул, собираясь с мыслями. — И, знаешь... хотя я не знал Мифьола, мне жаль, что он погиб.

— Он погиб из-за меня, — тихо сказала Ли-фанна, не глядя на него. — Потому что он спасал меня от того легионера. Если бы не я, он был бы жив...

— Зато ты была бы мертва, — оборвал ее Эван. — И тогда он винил бы себя в твоей смерти. И... знаешь, Ли-фанна, я случайно услышал, о чем вы говорили там, в Гройвуде. Когда мы только сбежали из подземелья, помнишь? И мне кажется, что Мифьол был прав — ты действительно всегда и во всем винишь себя, хотя ты ни в чем не виновата.

— Так может, было бы лучше, если бы я умерла, — сказала Ли-фанна, никак не отреагировав на его последнюю реплику. Она опустила голову, уткнувшись лбом в колени, да так и сидела.

— А кто мир бы спасал? — спросил Эван. — Слушай, сейчас у нас есть цель. И мы должны ее выполнить, несмотря ни на что. А по пути может случиться всякое — кто знает, может, я погибну, может... — он замаялся, суеверно не хотя произносить имена друзей, — может, еще кто-то из наших. Так что же, теперь после каждой смерти сдаваться и опускать руки?

— Я не сдаюсь. Теперь уже точно не сдамся, пока твари, убившие Мифьола, ходят еще по земле. Просто я пока не привыкну, что его больше нет...

Она заплакала, хотя пару минут назад сил плакать у нее просто не было. Эван положил руку ей на плечо. Она удивленно посмотрела на него, но тут же снова опустила голову, спрятав лицо. Лишь бы он не видел, как она покраснела...

— Я знаю, что нельзя сейчас раскисать, — продолжала Ли-фанна. — Но он был моим лучшим другом, и...

— ...и я не думаю, что он бы хотел видеть тебя такой, — прервал ее Эван. — У уж тем более я не думаю, что ему приятно было бы знать, что ты винишь себя в его смерти.

— Да, ты прав, я знаю, но... я ничего не могу с собой поделать. — Хотя он говорил мне, что знает, на что идет...

— Вот видишь, — сказал Эван, немного помолчав. — Значит, это был его осознанный выбор. И ты уж точно тут ни при чем.

— И я теперь совершенно не знаю, справлюсь ли... со своим предназначением, — вздохнула Ли-фанна, будто не слыша его последней фразы.

— Справишься, — твердо сказал Эван. — Мы все справимся. Потому что так надо. Потому что мы не можем не справиться.

— Ты говоришь точно, как он, — сказала Ли-фанна со вздохом.

— Значит, я прав, — просто ответил он.

— Знаешь, ты ведь не одна, — продолжил он через несколько секунд. — С тобой все мы. И уже только поэтому мы не можем проиграть. И... — тут он вдруг замаялся, словно не решаясь что-то сказать. — И у тебя есть я. И всегда буду.

После этих слов он резко встал и ушел, оставив Ли-фанну в полнейшем замешательстве. Эти его последние слова... неужели они означали именно то, о чем она боялась даже думать...

И все же Эвану удалось немного облегчить ее горе от потери Мифьола. Хотя она все еще считала, что виновата в его гибели...

(4 дня до новолуния)

Когда они отправились в путь на следующий день, было уже около семи, а может, и восьми часов утра. Ли-фанна, которой все-таки удалось заснуть под утро, чувствовала себя к тому времени совершенно разбитой. Ибо спать три-четыре часа в день — это не дело. Опять же, против воли постоянно вспоминалось произошедшее с Мифьолом...

Сначала они шли, можно даже сказать, быстро: дорога была легкой, не очень даже горной — обычная дорога, какие часто бывают в деревнях. Похоже, это и была «нормальная тропа», о которой говорил Чес-фи-Ом. Но длилась такая дорога, увы, недолго.

Где-то через час хода тропинка стала значительно уже и извилистей, на ней появилось много острых камней, маленьких и не очень. Идти сразу стало тяжело, особенно Альке и Ли-фанне, которые не привыкли бегать по горам. Поэтому Альке помогали то Тарлиан, то Рональд, а рядом с Ли-фанной шел Эван, который поддерживал ее, если она оступалась. Ли-фанна старалась поменьше смотреть на него, и не обращать внимания на бешено колотящееся сердце.

Она даже себе боялась признаваться в том, что ей нравится Эван. Причем нравится уже давно — чуть ли не с того самого дня, когда они только покинули Дарминор. Кажется, это было вечность назад...

Конечно, Эван, бывало, раздражал ее, бывало, ставил ее в полнейший тупик... но все же он уже не раз спасал ее, начиная с того ее обморока на Звездной площади. Неизвестно, как

бы все обернулось, не подбери он ее тогда... он ведь сказал еще, что так на его месте поступил бы каждый. Но на самом деле это, конечно же, не так. Большинство людей, которых она знала, просто прошли бы мимо, увидев, что она в беде. Или вообще сделали бы вид, что не знают ее. А Эван... Ли-фанна, правда, до сих пор не до конца поняла, что же такого странного было в Эване. Будто что-то нездешнее было в нем. Таких людей, как он, Ли-фанна никогда раньше не встречала в Дарминоре.

И все же мысли ее постоянно возвращались к последним словам Эвана, сказанным сегодня ночью. «У тебя есть я. И всегда буду». Может ли это означать, что он...

Но об этом Ли-фанна запрещала себе думать. Пока что. Сейчас не время. Она даже почувствовала себя предательницей по отношению к Мифьолу. К памяти о нем.

Ну почему, почему в этом мире ничего не может быть просто и понятно? Почему обязательно на смену ясности приходят тайны и загадки? И почему не бывает просто радостных и спокойных времен? Почему даже в самое мирное и счастливое время в жизни присутствуют печаль, досада, зависть со стороны других, или же просто какие-то неприятные личности? С другой же стороны, в самой ужасной войне есть место чему-то светлому, радостному. Как сейчас... Конечно, это хорошо, что даже в непроглядном, казалось бы, мраке можно найти лучик света, но разлад в чувства этот «лучик» вносит полнейший. Ведь совсем недавно погиб Мифьол. И как может она, Ли-фанна, спустя всего-то два дня, уже мечтать об Эване? Хотя будь здесь Мифьол, он наверняка сказал бы ей не заикливаться на нем и жить так, как она считает нужным. Но проблема была в том, что она не знала, как нужно. Как правильно...

...Пока Ли-фанна пыталась разобраться со своими чувствами, остальных больше всего занимал вопрос: куда и как идти дальше? Потому что чем дальше они заходили, тем хуже становилась тропа. И, казалось, еще немного, и она исчезнет совсем.

Тарлиан приотстал немного, оглядываясь по сторонам.

— Ты чего? — спросил Рональд, заметив это.

— Пытаюсь понять, где мы, — ответил Тарлиан. — Мне почему-то кажется, что я уже был здесь когда-то.

— Ну это вряд ли, — сказал Рональд. — Тропа давно заброшена, видишь? Тем более, Гройвуд совсем близко... А вот где мы... кажется, где-то в верховьях Нэды. Великой реки. Слышите, вода где-то шумит? Совсем рядом, по-моему.

Тарлиан, услышав это, даже вздрогнул от неожиданности.

— Вспомнил! — сказал он. — Я был недалеко отсюда около года назад. Нас тогда еще в старшие ученики посвятили. Здесь совсем рядом исток Великой реки.

— Священное место для всех Фениксов? — понимающе спросил Рональд.

— Да, — кивнул Тарлиан. — Побывать у истока Нэды — святая обязанность каждого рыцаря Ордена. И то, что сейчас я так близко... слушайте, а если я... оставлю вас... ненадолго? Совсем ненадолго? Просто это... — он замолчал, не зная, какие слова подобрать.

— Ты обратную дорогу найдешь? — спросил Рональд.

— Найду. Теперь уже точно найду. Вы меня не ждите, идите вперед. Я догоню.

С этими словами он сначала пошел куда-то, а потом прямо на ходу превратился в птицу и взлетел.

Теперь это не составляло никакого труда: после того, первого своего превращения Тарлиан научился освобождать свою внутреннюю энергию. Он просто как-то единомоментно понял, что нужно делать со своими силами, принял их и понял: он феникс.

И никак иначе. Или, говоря сверхмагическим языком, его дар установился.

Итак, Тарлиан улетел, а остальные двинулись дальше — сначала в молчании, а потом понемножку разговорились.

— А почему для Фениксов так важен исток Нэды? — спросил Эван.

— Ты же учился в Дарминорской академии! Тебе ли не знать? — удивлено оглянулась на него Альнора. Она шла чуть впереди Эвана и Ли-фанна.

— Ну я-то не собирался становиться Фениксом! — ответил он. — Меня и не посвящали в тайны Ордена. И потом, ты тоже там училась!

— А я сверхмаг! — безапелляционно заявила Альнора.

— Исток Великой реки, как считают сами Фениксы, дарует им особые силы, — вмешался в их разговор Рональд. — Силу, которая может помочь им в бою, да и вообще... место, где рождается Нэда, тесно связано с историей Ордена. Подробнее сказать, к сожалению, не могу — меня тоже не сильно посвящали в подробности.

Ли-фанна молча слушала, впитывая информацию. Она, конечно, слышала раньше, что у Ордена какие-то свои обычаи и традиции, непохожие ни на что другое на Листе. Но ведь одно дело — слышать, а совсем другое — действительно узнавать, что называется, изнутри, о жизни Ордена.

— Фениксы — это хорошо, конечно, — сказала Алька, которая, разумеется, давно уже привыкла жить среди рыцарей Ордена. — Но... сколько нам еще идти? В смысле, до самого ледника?

Все одновременно устремили взгляды туда, где еще утром можно было различить сверкающие белизной ледяные горы. Сейчас же ледник скрылся за скалами.

— В принципе, если будем продолжать идти с той же скоростью, — задумчиво произнес Рональд, — то доберемся где-то к завтрашнему вечеру. Это, конечно, если не будет никаких непредвиденных обстоятельств.

— Непредвиденных обстоятельств? — переспросил Эван. — То есть... то есть они могут преследовать нас? Не поздновато?

— Преследовать — вряд ли, а вот устроить засаду где-нибудь в горах — это вполне в их духе. Но лучше не будем сейчас об этом, — сказал Рональд, заметив, как помрачнела Ли-фанна. Да и Альке явно не по душе пришелся этот разговор. — Но на всякий случай — будьте начеку, ладно?

Они пошли дальше. Но прошли немного. Примерно через пять минут хода где-то неподалеку послышался звук, похожий на цокот копыт. Но ощущение было, что идут несколько лошадей.

«Засада!» — первое, о чем подумала Ли-фанна, услышав этот звук.

Но это была не засада. Это стало понятно, когда из-за скалы, куда, оказывается, вела едва заметная тропинка, вышел... Тарлиан. А за ним — пятерка великолепнейших лошадей! Вот сюрприз так сюрприз! Причем, если кто-нибудь из наших путников хотя бы некоторое время жил в Клеренской крепости Феникса, он сразу узнал бы в четверых из пяти лошадей Орлика, Арзима, Снежку и Диону — лучшую четверку крепости, и, наверное, всего Клерена. Пятый же конь — белоснежный красавец-жеребец — был не знаком даже Тарлиану. Причем все пять лошадей были полностью оседланы.

— Представляете? — начал Тарлиан, заметив наших друзей. — Встретил их у самого истока Нэды! И говорите мне потом, что это не священное место!

— Да уж, тут не захочешь — поверишь! — улыбнулся Рональд. — Ну что, ребят, планы

изменились: теперь мы мигом до ледника домчимся!

Он лихо вскочил на белоснежного коня.

— Ну здравствуй, Мелидор, здравствуй, — сказал он ему. — Кто ж тебя оседлал-то?..

Тарлиан по его примеру вскочил на своего Орлика. Жеребец радостно заржал, приветствуя друга.

Эван, Алька и Ли-фанна переглянулись. Ничего не оставалось, кроме как забираться на оставшихся лошадях.

Эвану позволил на себя забраться благородный Арзим, Алька кое-как залезла на Снежку. Недоверчивая Диона же сначала понюхала руку Ли-фанны, видимо, пришла к выводу, что та опасности не представляет, и все-таки позволила девушке залезть на себя, что девушка, не без труда, и сделала. Раньше ездить верхом ей вообще не приходилось.

— Ого! — удивленно воскликнул Тарлиан, увидев Ли-фанну верхом на Дионе. — Она ведь даже меня к себе не подпускает! Ее, кстати, Дионей зовут.

Ли-фанна усмехнулась, услышав это. И тут Лунная богиня ее не оставляет!

И с этим пятеро всадников стремительно двинулись в путь. К леднику.

Глава 15

Глава 15

XV. Лист. Северные горы. Замок Хэлы. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

Рональд оказался прав: они домчались до ледника практически мигом. Едва ли минуло два часа их конного пути, как они оставили позади суровые и мрачные Северные горы. Все потому что их кони летели быстрее ветра.

Ледник начался как-то внезапно. Просто р-раз! — и все вокруг стало белым-бело. Самое интересное, что температура вокруг почти не изменилась. Разве что совсем немного похолодало.

Выбравшись наконец из Северных гор, наши путники приостановили своих лошадей.

— Добрались, — с чувством глубокого удовлетворения произнесла Альнора. — И куда нам теперь?

— Где-то здесь должен быть замок Хэлы, духа холода, — ответил Рональд. — Поехали дальше. Думаю, мимо не проедем.

И они снова поехали. Но уже шагом.

Замок они нашли сразу. Действительно, проехать мимо него было бы проблематично.

Замок духу холода и льда служила целая ледяная гора (почти как айсберг, только без океана). Похоже, Хэла создала его при помощи своих сил, ибо, хоть выстроен он был в цельной ледяной глыбе, это все-таки был именно замок. Четкой архитектуры он, на первый взгляд, не имел, но были там небольшие, прозрачные, будто хрустальные, башенки, и большие башни, сложенные будто из ледяных кирпичей. Было их целых три. Еще в замке было много окон — больших и маленьких, точно разбросанных то тут, то там по всему замку. Кое-где были балкончики, тоже разного размера. Ледяные стены при ближайшем рассмотрении оказались украшены красивыми морозными узорами. А огромные ворота — главный вход в замок — были как будто сплетены из этих узоров и выглядели очень хрупкими. Хотя это впечатление, разумеется, было обманчивым.

Замок был красивым, и хотя все в нем было разным, и иногда совершенно невероятным

образом сочетались там совершенно несочетаемые вещи... но каким-то образом все это в сумме выглядело... очень цельно. Не сказать, чтобы гармонично, но было во всей этой картинке что-то такое, от чего сложно было отвести глаз. Какая-то холодная утонченность, присущая, видимо, и хозяйке замка, прямо-таки витала в воздухе.

— Красиво... — сказала Алька, — разглядывая ледяные стены. — Интересно, как там внутри?

— Скоро узнаешь, — сказал Рональд. — Не торопи события.

Путники спешили, и, ведя лошадей за собой, направились к воротам. И — вот странность-то! — как только они подошли к ним достаточно близко, ворота сами собой распахнулись перед ними! Переглянувшись, наши друзья вошли в замок.

Да, снаружи обитель духа холода выглядела внушительно. Но изнутри она была еще великолепней!

Наши путники оказались в большом дворе, имеющем идеально круглую форму. Со всех сторон его окружали ледяные стены. Выход наружу был только один: главные ворота.

Во дворе никого не было. Ни единой живой души! Кто же тогда открыл перед ними ворота? Хотя, когда имеешь дело с духами, таким вещам удивляться не стоит. От духов вообще можно ожидать чего угодно.

— Ну и куда нам?.. — спросила Альнора, оглядываясь по сторонам и выискивая хоть какую-нибудь дверь, через которую можно было бы войти в замок. Но такой двери отчего-то не наблюдалось.

Рональд, было, хотел что-то ей ответить, но тут, совершенно неожиданно перед нашими путниками из ниоткуда появился... сложно сказать, кто. Больше всего этот «кто-то» был похож на человека, сделанного из льдинок и снега.

— Добро пожаловать, путники, — басом произнес ледяной голем. — меня зовут Норд. Моя госпожа ждет вас. Следуйте за мной. А скакунов своих можете оставить прямо здесь. О них позаботятся мои братья.

Судя по невнятному бормотанию Тарлиана, последовавшему за этим заявлением, он был отнюдь не уверен в способностях ледяных людей позаботиться о лошадях. Но тем не менее, повод Орлика он все же отпустил, и, сказав жеребцу на прощание несколько ласковых слов, последовал за Нордом и остальными.

Ледяной голем повел их вглубь замка. Обитель Хэлы была очень хорошо защищена: без проводника пройти в сам замок было практически невозможно. Норд открыл незаметную, такую же ледяную, как и все вокруг, дверь, приложив к ней свою руку. Дверь бесшумно распахнулась внутрь.

Они оказались в просторном холле, освещенном голубоватым светом множества зачарованных свечей. Свечи эти были закреплены в огромной, тоже ледяной, люстре, и источником света в них служил не огонь, а магия холода в чистом своем виде. Заиндевелые стены холла украшали такие же морозные узоры, какие были снаружи. На полу будто бы лежала огромная, ослепительно красивая снежинка с шестью лучами, которые простирались от самого входа в холл и до выхода из него.

Несмотря на то, что помещение целиком и полностью состояло из льда, холода никто из наших путников не чувствовал. Видимо, Хэла своей магией как-то защищала их.

Норд неспешно вел их ветвистыми коридорами и крутыми лестницами ледяного замка. Лед и иней в коридорах и комнатах переливались всеми возможными цветами и оттенками. Выглядело это, конечно, очень красиво, но особым разнообразием интерьеры замка не

отличались. Похоже, кроме самой Хэлы и ее слуг — ледяных големов, здесь никто не жил.

Сложно сказать, сколько они шли, и в какой части замка оказались. Возможно, они просто поднялись в одну из многочисленных башен замка, а может, наоборот, забрались в самую его середину.

Но вот наконец Норд остановился у высокой, в два человеческих роста, и тоже ледяной дверью.

— Госпожа ожидает вас там, — раскатисто произнес голем. — Прошу вас.

И с этими словами он удалился.

Где-то с минуту наши путники стояли в полном молчании. И в тишине, установившейся в коридоре в это время, можно было различить тихий мелодичный голос. По этому голосу ясно становилось, что пела молодая женщина. Неужели сама Хэла? Странно как-то: на носу конец света, а она песни поет. Не очень, правда, веселые, судя по голосу...

Почему-то никто из наших друзей некоторое время не решался даже подойти к двери. Какой-то трепет внушали им все эти мысли о духах... и эта печальная песня, доносящаяся из-за двери...

Первым побороть это странное оцепенение смог Рональд.

— Идемте, — сказал он. — Ни к чему нам сейчас лишнее время терять.

Он тихонько постучал в дверь. Пение сразу же стихло. Дверь медленно отворилась. Наши путешественники прошли в следующий зал.

Похоже, они все-таки попали в центральную часть замка. Потому что комната, где они оказались, была похожа на тронный зал.

Это была большая, тоже, разумеется, ледяная комната. Освещалась она ярким солнечным светом, попадающим в замок через высокие, до самого потолка, окна. Потолок подпирали длинные, метров, наверное, пять длиной, колонны, сделанные из цельных ледяных глыб, и украшенных затейливой резьбой.

У стены, что напротив входа, стояло кресло с высокой спинкой. Но не трон. Именно кресло. Тоже, разумеется, белоснежное. Кроме него, никакой мебели в зале не было.

На кресле восседала сама Хэла — дух холода и льдов. Глядя на нее, сразу можно было увидеть, что она не человек, а нечто намного большее. Даже сидя она, казалось, была выше наших путников. Белоснежные волосы волнами рассыпались по плечам, спускаясь едва ли не до самого пола. Серебристо-голубое платье, будто сотканное из инея, обтекало ее стройную фигурку. Длинный шлейф платья волнами лежал на полу, так что казалось, что вокруг кресла намело небольшой такой сугробчик.

Сама Хэла была очень красива. Кожа ее, белая, как снег, будто бы тихо светилась изнутри. Лицо духа холода было словно выточено из льда, но выточено величайшим мастером: все ее черты были очень тонкими и женственными. Ее вполне можно было бы принять за наследницу какого-нибудь очень древнего и знатного рода... если б она не была духом.

Глаза Хэлы были удивительного серебристого цвета. Они, казалось, просвечивали человека насквозь, могли заглянуть в самую душу. Когда наши путники вошли в зал, она окинула каждого из них пронизательным взглядом. Казалось, после этого взгляда она уже знала о них все, и ни в каких представлениях не нуждалась.

Почему-то Рональд, который вошел в зал последним, ненадолго задержался на пороге. Но по его лицу совершенно невозможно было разгадать его мысли, так что оставалось только гадать, что же послужило причиной этой заминки. Но так ли это было важно?..

— Вот вы и здесь, — тихо сказала Хэла, когда они вошли. — Я уже давно жду вас. И знаю, что вам пришлось испытать по пути сюда. Равно как известно мне и то, что ничего этого избежать было нельзя. Такова воля Судьбы. Итак, я приветствую всех вас в своем замке.

— И мы приветствуем тебя, Хэла, — ответил Рональд. — Для нас честь оказаться здесь. Она чуть заметно склонила голову после этих слов.

— Совет направил нас к тебе, — продолжил Рональд. — И, по словам хозяина замка Эймар, мы сможем найти здесь многие ответы.

— С Советом у меня давние... разногласия, — произнесла Хэла. — Но с хозяином Эймара меня связывает дружба... и только из уважения к нему я помогу вам.

Итак, мне известно обо всем, что происходило с вами, начиная с того момента, как вы покинули Дарминор. Я пристально следила за вами, и к великому сожалению вынуждена признать, что Совет в кои-то веки оказался прав: пророчество близко к своему исполнению. Об этом говорит и фаза луны, и попытки Легиона пробудить Левиафана, пока что тщетные. И ваша четверка появилась как нельзя вовремя, — Хэла поглядела по очереди на всех четверых ребят. — И ваша с братом помощь пришла как нельзя кстати, — она слегка кивнула Рональду.

— Я могу представить, какими вопросами вы задаетесь. Действительно, в сложившихся обстоятельствах без вопросов обойтись просто нельзя. Не очень-то легко вот так просто осознать то, что приближается конец света. Тем более, вы даже не знаете до конца своих сил...

— А можно спросить? — как-то внезапно решилась Ли-фанна. Перед Хэлой она немного робела. Но дух кивнула с благосклонной улыбкой, и девушка, набравшись смелости, продолжила:

— Пока... пока мы шли сюда, нам часто говорили о Судьбе, предназначении... и о том, то мы — а точнее даже, я — должны что-то «начать». А о том, что именно, никто то ли не может, то ли не хочет говорить. А ведь об этом и учитель Сойрен говорил, и хозяин Эймара! И даже... даже Диона, — почему-то сказала Ли-фанна, хотя хотела сказать о предводителе Легиона.

Она не видела, что после этой фразы Эван и Рональд устремили на нее удивленные взгляды. И даже Хэла, казалось, не ожидала услышать от нее это имя.

Дух холода ненадолго задумалась: похоже, Ли-фанне удалось поставить ее в тупик своим вопросом. Но уже меньше, чем через минуту Хэла произнесла:

— Я точно могу сказать тебе, что они не солгали. Вам говорили уже о том, что Лист в ближайшее время ждут великие перемены и великие потрясения. Это связано с пророчеством, изреченным двадцать пять лет назад. Но никакие перемены не могут начаться просто так. Что бы не подразумевалось под словом «потрясения» — а этого не знает никто: ни из Совета, ни из духов — они начнутся только после победы над Левиафаном. А победить его — увы! — способны только вы четверо. В этом состоит ваше предназначение, определенное Судьбой.

— А если я, скажем, не верю во всю эту судьбу? — спросил Эван, который при упоминании Судьбы осмелел настолько, что даже не задумываясь, задал вопрос.

— Верить или нет — это только твое право, — улыбнулась Хэла. — Ты можешь не принимать сам факт существования Судьбы, но это не отменяет того, что она есть. Равно как не отменяет и того, что у каждого из вас четверых, и не только: вообще у каждого человека

— есть свое предназначение. Есть люди, чья судьба наперед известна. Их немного, и чаще всего их называют Избранными. Считается, что выбрала их сама Судьба, послав великим мудрецам знаки, по которым можно прочесть жизненный путь человека. Во все эры, во все эпохи находились свои Избранные, так же, как всегда есть герои и злодеи. И нет совершенно ничего удивительного в том, что сейчас роль Избранных выпала вам четверым. Впрочем... это для меня нет ничего удивительного. Что ж, не буду скрывать — мне известно о происходящем намного больше, чем Совету, и даже чем некоторым мудрецам Цитадели. Открыть вам все — значит погубить весь мир. Нет ничего страшнее преждевременного знания. Я могу сказать только о том, что это бремя сейчас выпало не только вам. Избранных не мало, но начать всю цепочку событий дано именно вам. Ибо только вы обладаете силами, необходимыми для выполнения вашей нелегкой миссии...

Вот этим словам Хэлы из нашей «пророческой четверки» не поверил никто. Ну, разве что Ли-фанна, которая, как ей самой казалось, еще немного — и поверила бы и в Судьбу. Потому что она совсем уже запуталась во всем этом. Хотя, на самом деле, в Судьбу она ни за что не стала бы верить.

— Но как же мы сможем победить... его, — Эван все еще опасался вслух произносить имя Левиафана, — если даже не знаем, в чем наши силы? Если это все-таки не ошибка.

— В делах Судьбы не может быть ошибок, Эван де Ориман! — в голосе Хэлы прозвучали стальные нотки. — Если уж вы были избраны, то будьте так добры принять это! А силы эти у вас есть. Без них вы бы просто не дошли сюда.

— То есть как — Эван де Ориман? — шепотом спросила Алька непонятно у кого. Эван не услышал — или сделал вид, что не услышал.

Ли-фанна была так же ошеломлена, как и Алька. Все дело в том, что фамилия «де Ориман» на Листе знакома почти каждому. Потому что правящая династия Ориманского княжества, самого маленького государства Листа, несмотря ни на что, была известна на весь мир. Вот тебе и Эван... Аронский!

Но задуматься о происхождении Эвана можно было и потом. Пока что разговор с Хэлой был гораздо важнее.

— О ваших силах, — продолжала между тем Хэла, — вы должны узнать сами. И только сами. В моих силах лишь направить, указать вам путь. Впрочем, то же делают и члены Совета. Судьба, к сожалению, распорядилась так, что никто, кроме вас самих, не может помочь вам на этом пути.

По мнению Ли-фанны, все эти разговоры о Судьбе и прочем — хождение вокруг да около, напускание тумана, которого, как ей казалось, и так было слишком много. Хотелось хоть какой-то ясности. А вот Тарлиан думал совсем о другом.

— То есть у нас совершенно нет выбора? — спросил юный феникс. — Если мы Избранные? Судьбу изменить нельзя? Или я чего-то не понял?

— Выбор есть всегда, Тарлиан Брейс, — ответила Хэла, будто насквозь пронзая юношу своим взглядом. — Даже наперед известные вещи иногда можно изменить. Любой из вас может как остаться в веках героем, так и стать тем, кто уничтожит этот мир.

И хотя Хэла в этот момент смотрела вовсе не на нее, Алька ясно поняла, что слова эти относятся в первую очередь к ней. А как иначе объяснить те слова Дионы, сказанные ей уже давно?

— Но независимо от того, как сложатся обстоятельства, какой выбор вы сделаете, сейчас вам остается только одно: отправиться в Ориманское княжество. Именно там, в

глубочайшей подземной пещере, и спит Левиафан. Я полагаю, легенда о нем широко известна в ваших краях? — поинтересовалась она у Эвана. Он кивнул в ответ.

— В Ориман я отправляю вас с помощью магического перехода, — продолжила Хэла. — Но в ближайшие два дня это лишено всяческого смысла. Как ни парадоксально, победить Левиафана, пока он спит, просто невозможно. А так как Легион сейчас располагает всеми средствами, необходимыми для его пробуждения, то нам остается лишь дожидаться новолуния, до которого остается четыре дня.

— А ты уверена, что это сработает? — спросил вдруг Рональд. — Что они справятся? Избранность и Судьба — это, конечно, хорошо, но силы почти у всех только что открылись, а сразиться с разъяренным драконом не каждый установившийся сверх и не каждый рыцарь Феникса сумеет.

— Они справятся, — тихо, но твердо сказала Хэла. — Они не так просты, как ты думаешь, Рональд Меннерс. Да, силы их проявили себя недавно, но у двоих из них уже установились в полной мере, — она взглянула сначала на Тарлиана, а затем на Ли-фанну. — И дар Альноры, я уже вижу, вот-вот завершит свое становление.

Видимо, Рональд не знал даже о первом разговоре Ли-фанны с Дионой — еще тогда, в Черном лесу — иначе он так не удивился известию о том, что ее дар уже установился. А он удивился, и очень сильно.

— Про дар Тарлиана я знал, — сказал Рональд после недолгого молчания. — Но про твой, Ли-фанна... И давно?..

— Два дня назад, — подумав, ответила девушка. На самом деле, она уже запуталась с собственным даром: когда началось его становление? Когда оно закончилось? Слишком уж все происходило быстро.

— На самом деле, чуть раньше, — сообщила Хэла. — Дар считается установившимся, когда прекращаются вспышки и обмороки. А у тебя это произошло...

— Ну, где-то неделю назад, — пожалала плечами Ли-фанна.

— А точнее? — спросил Рональд.

Ли-фанна задумалась, пытаясь хоть как-то упорядочить в голове события прошедших дней. Это ведь было еще в Черном лесу.

— Неделю назад, — повторила девушка. — Ровно.

И все-таки она совершенно не понимала, какое это имеет значение.

— Подожди, но это ведь получается, что твой дар установился... за три дня? — ошеломленно спросил Рональд. — Ты понимаешь хотя бы, что это может значить?

Ли-фанна понимала, но весьма смутно. Время становления дара напрямую зависит от силы сверхмага — это она помнила. Но все это было слишком запутано для ее понимания. Зато Алька понимала все очень хорошо.

— То есть как это — за три дня? У меня уже три года, и... это же какой силой нужно обладать, чтоб так быстро установился дар?

А ведь действительно — у Альноры дар ставится вот уже три года! А у нее — всего три дня? Ну и кто она после этого? И какая у нее сила? Если б Ли-фанна только знала...

— Это говорит, опять же, о том, — сказала Хэла, — и только о том, что она справится со своей ношей.

Похоже, Рональд был не очень в этом уверен. Впрочем, судить об этом с уверенностью несколько затруднительно.

— А какая, в таком случае, сила у меня? — спросил вдруг Эван. — Девчонки, понятно,

сверхмаги, Тарлиан — феникс, а я-то...

— А у тебя, Эван, — произнесла Хэла, — особая сила. Сила, которая принадлежала твоей семье с самых древних времен. В чем она заключается, знают только твои родные. С этим я, увы, не могу тебе помочь.

— А я думал, что все эти легенды про какой-то «родовой дар» — просто сказки, — с удивлением сказал Эван.

— В каждой сказке есть лишь доля сказки, разве нет? — спросила Хэла. — Но как бы там ни было, и ваши силы, и дальнейший план действий мы жжем обсудить позже. Скоро стемнеет, а вы проделали долгий путь. Да и перед решающей битвой отдых вам не повредит. Ступайте пока что. Мои слуги проводят вас. А завтра мы продолжим этот разговор.

Все наши путешественники были несколько обескуражены таким внезапным окончанием разговора, но не могли не согласиться с Хэлой: все произошедшее, начиная с их побега из Гройвуда, их порядком утомило. Так что, например, Ли-фанна была даже рада покинуть зал и последовать за очередным големом (который, кстати, походил на человека чуть больше, чем Норд) вглубь ледяного замка духа холода.

(3 дня до новолуния)

Когда Ли-фанна проснулась, утро следующего дня давно уже вступило в свои права. Вчера, когда голем Хэлы проводил девушку до двери отведенной ей комнаты, она сразу же улеглась в постель, и тут же уснула. И хотя ей снились какие-то мрачные и спутанные сны, сейчас она чувствовала себя вполне отдохнувшей.

Встав, она оглядела комнату: вчера это сделать просто не осталось сил.

Комната оказалась небольшой, но светлой. Почти все там было в белых и серебристых тонах. Оживлял обстановку только огромный, на пол-стены, вышитый гобелен, изображавший красивый лесной пейзаж. Это, как Ли-фанна узнала позже, была работа самой Хэлы.

На прикроватном столике, тоже белом, как и все в комнате, обнаружилась чистая, абсолютно новая одежда и красивый перламутровый гребень. Ли-фанна мысленно поблагодарила Хэлу за предусмотрительность: ее-то сумка со всеми вещами осталась в Гройвуде, у легионеров...

Вспомнив о Гройвуде, она вспомнила и о Мифьоле. На душе сразу стало тяжелее. Но она постаралась сразу взять себя в руки. Прав Эван: не хватало еще раскиснуть в самый ответственный момент! Кстати, не мешало бы расспросить Эвана, с чего это он вдруг оказался де Ориманом... Да и Хэла ведь говорила, что продолжит вчерашний разговор...

С этими мыслями грусть и боль потери не исчезли, но притупились на время. Так что Ли-фанна быстренько привела себя в порядок и вышла из комнаты.

Только вот куда сейчас идти? Замка она совершенно не знала. Даже отыскать остальных было довольно проблематично. Неужели придется ждать, пока Хэла придет за ней какого-нибудь голема?

И тут, как будто специально, из-за ближайшего поворота коридора появился Эван. Он, видимо, заблудиться не боялся. Заметив Ли-фанну, парень подошел к ней.

— Доброе утро, — сказал он.

— Не сказала бы, — ответила Ли-фанна.

Странно, но после вчерашней беседы с Хэлой у нее проснулось недоверие к Эвану. При этом относиться к нему хуже она не стала. Но вся эта недосказанность, таинственность и

непонятность ужас, как ее раздражала.

Некоторое время они просто молча стояли, не зная, как начать разговор. Просто никто из знакомых Ли-фанна никогда не оказывался князем Ориманским. А Эван... сложно сказать, о чем он думал.

— Ты правда де Ориман? — прямо спросила Ли-фанна, не выдержав этого молчания.

— Ну... да.

Он что, серьезно? Серьезно стыдится своей фамилии? Или она совершенно ничего не понимает в людях...

— А почему сразу не сказал?

— А почему ты не сказала, что у тебя установился дар? — вопросом на вопрос ответил Эван.

Ли-фанна поймала себя на мысли о том, что этот разговор до странности похож на тот, что они с Мифьолом вели на крыше одной из башен Эймара. Кажется, это было вечность назад...

— Просто я и сама не поняла, установился он или нет. Решила сначала сама разобраться. И потом, мне казалось, ты понял больше меня, — она внимательно посмотрела на Эвана. Парень пожал плечами:

— Я же не сверхмаг. Не знаю всех ваших тонкостей... да и пока ты ничего не говорила...

— Ты объясни все-таки. Почему ты нам ничего не сказал... о своей фамилии, — напомнила Ли-фанна.

— А что бы это изменило? Если бы я с самого начала вам все рассказал, было бы только хуже. Уж я-то знаю. Обычно, если люди узнают, из какой я семьи, сразу начинают носиться со мной, как... не знаю даже.

— Ну еще чего! — фыркнула Ли-фанна. — Я бы точно не стала с тобой носиться. Мне, может, вся эта монархия вообще не нравится.

— Слышал бы тебя мой отец... — улыбнулся Эван.

— Ой, извини, — спохватилась Ли-фанна, вспомнив вдруг, как Алька, еще в школе, обвинила ее в революционности. Это ведь было всего три недели назад... а кажется, в прошлой жизни...

— Да ладно тебе, — отмахнулся Эван. — Мне тоже все это совершенно не нравится, но что ж поделаешь...

— А как ты в Эфарленде-то оказался? — спросила Ли-фанна. — Тем более в академии Феникса?

— Да... отец послал. Он считает, что у его единственного наследника, — при этих словах парень закатил глаза, — должно быть хорошее образование, а лучше, чем у эфарлендских Фениксов, не бывает. Вот и отправил меня в Дарминор. А вместе со мной Теллуса: вроде как слугу. Только он мне даже роднее, чем большинство этих князей. А вам я не рассказывал ничего еще и потому, что такая известная фамилия, как у меня, всегда поднимает слишком много шума, и прямо притягивает к себе неприятности. А их у нас, по моему, и так более чем достаточно.

— Это точно, — кивнула Ли-фанна. — Знаешь... я тебя даже понимаю. Но все-таки, лучше бы ты нам все сразу рассказал.

— Теперь я и сам это вижу, — согласился Эван. — Спасибо. За понимание.

Ли-фанна только улыбнулась в ответ. Странно, но почему-то, когда она разговаривала с

Эваном, ей становилось настолько легче, что все беды, неприятности и даже довольно мрачная Судьба как-то отступили на второй план.

— Ты куда сейчас? — спросил Эван.

— Не знаю, — пожалала плечами девушка. — Хотела Хэлу найти. Спросить у нее кое-что. Насчет дара и всего остального.

— Понятно, — кивнул Эван. — Насколько я помню, она была где-то там, — он махнул рукой куда-то по направлению к западной части замка. — Хочешь, пойдём вместе?

— Спасибо, конечно, — сказала Ли-фанна. — Но пока что я сама. Главное, не заблудиться.

— Тут не заблудишься, — улыбнулся Эван. — Дорогу есть, кому показать.

— Ну, тогда я пошла? — Ли-фанна вопросительно взглянула на него.

Он кивнул с улыбкой.

— Удачи.

— Спасибо, — ответила она и пошла в западное крыло, куда и направил ее Эван. Хотя где-то в глубине души ей очень хотелось, чтобы он пошел с ней...

Юный князь Ориманский был совершенно прав: добраться до Западного крыла замка Хэлы оказалось совсем не трудно. Даже если бы она хотела, заблудиться было бы весьма проблематично.

Несмотря на впечатление, которое Ледяной замок производил при взгляде снаружи, его архитектура, в отличие от того же Эймара, являла собой совершенно понятную картину. А если смотреть на замок сверху, то станет отлично видно, что он похож на огромную снежинку с шестью «лучами» — крыльями замка. И если Ли-фанна отправилась искать духа холода в западное крыло, то всех наших путешественников поселили в восточном. То есть Ли-фанне нужно было просто идти все время прямо.

Не пришлось никуда сворачивать и в Западном крыле. Спросив у кого-то из големов, где Хэла, девушка поднялась на пару этажей вверх. Откуда-то из глубины коридора слышалась песня — без сомнения, та же, что и вчера, в большом зале. Ли-фанна, недолго думая, пошла на голос.

Песня привела ее к большой двери из непрозрачного льда в самом конце коридора. Постучав, Ли-фанна открыла дверь и вошла внутрь...

Больше всего место, где она оказалась, было похоже на... она даже не нашла нужного сравнения. Открытая площадка, можно даже сказать — балкон, только очень уж большой — круглой формы, и буквально висящий над землей. Противоположный от замковой стены край ее был отгорожен красивыми ажурными перилами. В самом центре площадки росло удивительное дерево. Листья его были белоснежными, а кора удивительного серебристо-белого цвета. Вокруг дерева росла странная серебристая трава, а к самому дереву вели шесть узких тропинок, вымощенных, как и остальная площадка, белыми камешками.

Песня Хэлы доносилась из небольшой беседки, расположенной на самом краю площадки. Беседка эта была будто сплетена из кружевных паутинок морозных узоров. Среди этого торжества холода так легко было забыть, что сейчас на самом деле жаркое лето...

Ли-фанна зашла в беседку.

Хэла действительно была там. Дух холода сидела на невысокой скамеечке, какие стояли у стен беседки, и, тихонько напевая что-то себе под нос — даже странно, что ее пение было слышно так далеко — вышивала что-то на пяльцах. Ли-фанна была весьма удивлена, застав

ее за этим занятием.

Вошедшую девушку Хэла пока что не замечала. А Ли-фанна не хотела ее отвлекать. Она так и стояла у входа, слушая пение Хэлы. Голос у нее был красивый, просто завораживающий, а песня — грустная, но тоже очень красивая: о девушке, ждущей своего любимого.

Только когда песня закончилась, Хэла заметила Ли-фанну.

— Доброе утро, — приветливо улыбнулась она.

— Доброе утро, — поздоровалась и Ли-фанна.

Хэла взмахнула рукой — рукоделие исчезло, словно подхваченное небольшой вьюгой.

— Присаживайся, — она показала на другую скамеечку. Ли-фанна не замедлила последовать этому приглашению. — Ты хотела что-то спросить у меня, — это было утверждение, не вопрос.

— Да, кивнула девушка. — Я хотела бы знать больше обо всем этом... о Судьбе, о своем даре... о том, почему начать все должна именно я.

— А кто сказал тебе об этом? — тут же спросила Хэла с каким-то тревожным выражением глаз.

— Диона. И... предводитель Легиона, — Ли-фанна вздохнула. Больно было вспоминать об этом сумасшедшем старикане и о Гройвуде.

— Вот, значит, как... — теперь Хэла выглядела задумчивой. — От легионера иного и ждать не стоило: у меня уже давно сложилось впечатление, что он совершенно не думает, о чем говорит. Но Диона... неужели и она ведет какую-то свою игру?

— Свою игру? — переспросила Ли-фанна. — О чем ты? Почему вы все говорите с происходящем так, будто... будто Левиафан, конец света — все это абсолютно неважно, а мы — так, марионетки?!

— Успокойся, Ли-фанна, — остановила ее Хэла. — Я прекрасно понимаю твои чувства, и... я расскажу тебе все, если ты так этого хочешь. Но учти: далеко не все, что я скажу тебе, будет приятным.

— Я готова, — твердо ответила Ли-фанна.

— Ну раз так... тогда слушай, — Хэла вздохнула, собираясь с мыслями. — Итак... Конечно же, о пророчестве тебе рассказывали, и рассказывали не раз. Я не буду в очередной раз пересказывать тебе его содержание, но некоторые вещи просто нуждаются в том, чтобы быть сказанными.

Ты знаешь уже, что оно было изречено двадцать пять лет назад — за десять лет до твоего рождения. Не сказать, что основная суть его — «Лист ожидают великие потрясения» — явилась неожиданностью для нас, духов, и магов Цитадели, посвященных в события, происходившие в мире на тот момент. Тогда случалось много такого, что изменяло мир едва ли не ежедневно. Никто не знал, чего ждать в следующий момент — виной всему, разумеется, Легион — так что пророчество о новолунии казалось вполне логичным.

В тех событиях — я не буду перечислять тебе их: об этом ты узнаешь в свое время... так вот: в тех событиях принимали участие многие из людей, которых ты уже знаешь. Учитель Сойрен, к примеру. Или братья Рональд и Рэндиан Меннерсы, которые помогали вам добраться сюда. Но они стали участниками этих событий, конечно, намного позже, чем двадцать пять лет назад. И даже хозяин замка Эймар, имя которого я знаю, но обещала ему хранить его в тайне, некоторое время был одним из главных героев этой истории. Но по-настоящему началось все с твоей матери, Ли-фанна.

— С моей... — начала девушка, но закончить сил не хватило. Ее мать — совершенно обычный человек, и это была одна из тех немногих вещей, которые она все еще точно знала.

— Да, с твоей матери. Оррайна была совсем еще юной, когда все это закрутилось вокруг нее...

— Оррайна? Верховная ведьма Эфарленда? — совершенно ничего не понимая, переспросила Ли-фанна. — Она-то тут при чем? Мою маму зовут Сигма, и она...

— Так значит, она решила не говорить тебе вообще ничего? — Хэла внимательно посмотрела на девушку. — Даже... Но впрочем, после той истории неудивительно, что она...

— После какой истории? — переспросила Ли-фанна. Это уже было выше ее сил...

— А вот этого я точно тебе рассказывать не должна, — Хэла покачала головой. Так или иначе, Ли-фанна, имя твоей матери — Оррайна. Прости, что вот так говорю это тебе, но ты сама захотела узнать все...

— Я и не отказываюсь, — Ли-фанна постаралась собраться с мыслями. — Просто я никак не ожидала, что мама...

— Никто на твоём месте не ожидал бы ничего подобного, — печально улыбнулась Хэла. — Я понимаю тебя, Ли-фанна. И сожалею, что не могу открыть тебе всего, что происходило в те времена. Я могу сказать лишь о том, что однажды события сложились таким образом, что... Оррайна где-то исчезла. Ни другие ведьмы, ни члены Совета, куда она тоже входила, ни даже маги Цитадели — никто не мог найти ее. Она просто исчезла, и все. Будто и не было ее вовсе. Видно, тогда так было нужно...

Итак, Оррайна исчезла на несколько лет. Приближалось время, когда пророчество о четверке должно было исполниться, и мудрецы об этом знали. Но больше они не знали ничего: ни когда оно сбудется, ни о ком в нем говорится — ничего этого они даже предположить не могли...

— А ты могла? — почему-то спросила Ли-фанна.

— Я? — переспросила Хэла. — Что ж, не скрою, духам ведомы некоторые тайны будущего, но все же я не решалась заглядывать вперед. Пусть все идет своим чередом, решила я.

О времени наступления того новолуния магам и сверхмагам стало известно лишь тогда, когда стало известно лишь тогда, когда стало известно о планах Легиона... вернее, даже не о планах, а о намерениях устроить что-то в день Дарминорского фестиваля — как раз тогда, когда наступало новолуние. И вдруг — совершенно неожиданно для всех — на сцене появляешься ты. Альый сверхмаг, дочь Оррайны — об этом, поверь мне, нетрудно было догадаться — да еще и обладающая крайне мощным даром! С учетом того, что большинство этих мудрецов и понятия не имело о твоём существовании, твоё появление вызвало среди них... скажем так, небольшой переполох, — Хэла улыбнулась. — А вместе с тобой появились и Эван с Альнорой — впрочем, они двое уже давно были на примете у учителя Сойрена. Если же говорить о Тарлиане... с ним все несколько сложнее.

— Как, еще сложнее? — невесело усмехнулась Ли-фанна.

— Представь себе. Там замешана другая история — вернее, другая часть одной истории прошлых лет — тоже очень запутанная и печальная. Что же касается твоего дара... Во-первых, он у тебя просто небывалой мощности: одно только становление — всего три дня! — чего стоит! Но вдобавок к этому, ты получила некоторые способности от своей матери... ты никогда не замечала в себе ничего особенного?

— По-моему, в последнее время со мной только и происходит, что «особенное», — хмыкнула Ли-фанна.

— я говорю не про последнее время, — покачала головой Хэла. — А впрочем, зачем играть в угадайку — смотри!

В тот же миг у нее в ладони возник язычок пламени — настоящего, живого... и горячего — Ли-фанна даже на расстоянии чувствовала исходящий от него жар.

— А мне казалось, ты дух холода, — посмотрела она на Хэлу.

Дух улыбнулась:

— А твоя подруга Альнора — сверхмаг. Но это же не мешает ей использовать обычную магию? Ты посмотри внимательно на огонь.

Ли-фанна послушалась. Смотреть на огонь она любила всегда, еще с детства, когда еще не исчез папа...

Она даже не заметила, как грань между воспоминанием и реальностью стерлась. Вот она уже дома, в Дарминоре. Рядом родители и сестренка, а в камине в гостиной горит, весело потрескивая, огонь. Она смотрит в пламя, и в душе такое спокойствие и умиротворение...

— Что ты видишь? — донесся издали голос Хэлы. — Расскажи мне.

— Много, — словно во сне, ответила Ли-фанна, не отрывая взгляда от огня. — Людей... разных людей. Драконов... легионеров. И... ой, это что, моя сестра?!

— Очнись, Ли-фанна, — прервала ее Хэла.

И уютная гостиная у нее дома исчезла. Она снова была в беседке в Ледяном замке. Хэла погасила огонек на своей руке.

— Что это было? — спросила Ли-фанна.

— Одно из проявлений твоего дара, — ответила дух. — Видишь ли, Ли-фанна... я думаю, эти способности — а они очень редкие, можешь мне поверить — появились у тебя из-за твоей матери. Ведь она ведьма, а магия ведьм издревле была связана с огнем. И ты в какой-то степени... унаследовала их.

— Но что это за дар? — Ли-фанне казалось, что она начинает уже сходить с ума. — В чем он заключается?! Что я видела там, в огне? Будущее?

— О нет, — покачала головой Хэла. — Увидеть будущее ты сможешь еще очень и очень не скоро. А это... возможно, отражение твоих собственных мыслей. Трудно сказать. С этой древней магией всегда столько вопросов... пожалуй, только ведьмы смогли бы хоть сколько-нибудь внятно объяснить тебе происходящее. Сами они называют этот дар «Даром живого пламени». Насколько я понимаю, это означает, что ты можешь подчинять себе силы огня. Полезная способность, учитывая, с кем вам предстоит сражаться.

— В том-то и дело, что я ничего не умею, — вздохнула Ли-фанна. — Способности-то, может, и есть, но вот применять их...

— Ну, это не самая большая проблема, — улыбнулась Хэла. — Думаю, что, пока вы у меня, я могла бы помочь тебе с этим.

Ли-фанна благодарно кивнула.

— Но сначала, — продолжила дух холода, — я должна рассказать тебе еще кое о чем.

Видишь ли, хотя я и считаю, что твои огненные силы достались тебе от матери, здесь, скорее всего, замешано еще одно обстоятельство... — похоже, Хэла не знала, как рассказать Ли-фанне это самое «кое-что», потому что в этот раз она довольно долго собиралась с мыслями. — Дело в том, что в результате одной старой истории, произошедшей шестнадцать

лет назад, ты получила... очень прочную связь с Левиафаном.

Странно, но когда это имя произносила Хэла, оно совершенно не внушало ужаса или чего-то подобного. Ли-фанна сначала в очередной раз об этом подумала, а потом до нее дошел смысл сказанного:

— Что?!!

— Увы, именно так, как я сказала, — печально ответила Хэла. — Видишь ли, точно неизвестно, отчего это произошло: по воле Легиона, или же Судьба так распорядилась, но... так или иначе, ты — отражение Левиафана в человеческом мире. Его одиночество и преданность другу — ты невольно повторяешь его судьбу. Так же, как и ему, тебе придется встать рано или поздно перед выбором, чью сторону занять...

— Но раз я повторяю его судьбу, — перебила ее Ли-фанна, — не значит ли это, что меня нет, как человека? То есть, как личности? То есть, как меня?..

— Как раз именно этого это и не означает, — покачала головой Хэла. — Ты не дослушала меня. Да, тебе, как и ему, суждено встать перед выбором, но чью сторону ты выберешь, решать тебе. Да, ты связана с Левиафаном, но это совершенно не означает, что ты не можешь влиять на свои поступки. И вовсе не отменяет того, что ты человек. И личность. Ведь даже ваша избранность не отменяет того, что вы вольны выбирать свой путь сами.

— Я запуталась, — призналась Ли-фанна, хотя эти слова Хэлы ее успокоили.

Хэла улыбнулась в ответ:

— Да, это сложно понять с первого раза. Но вот что я тебе еще скажу: для тебя победить Левиафана в какой-то степени означает победить саму себя. Будь к этому готова.

— А моя связь с ним... она означает, что после победы над ним я тоже... — начала Ли-фанна.

— Врать не буду: Я не знаю. Никто и никогда еще не сталкивался с тем, что выпало тебе, поэтому... поэтому прости, но тебе придется самой узнать это. Легион ждет чего-то от тебя, — внезапно сменила тему она. — И пока очень сложно предположить, чего именно. Будь осторожна.

Должно быть, сомнения Ли-фанны как-то отразились на ее лице, потому что Хэла сказала:

— На тебя взвалили слишком много, Ли-фанна. Но не стоит думать, что ты не справишься. Просто прислушайся к своим друзьям. Они верят в то, что у вас все получится. Они верят в тебя. А иногда вера значит больше, чем судьба и все обстоятельства, вместе взятые.

«Только вот я сама в себя уже почти не верю», — подумала Ли-фанна, а вслух сказала:

— Спасибо тебе... за рассказ. Теперь я хотя бы знаю, чего от себя ожидать.

— Ты еще разберешься во всем этом, — с улыбкой ответила Хэла. — В этом я уверена. А сейчас... иди-ка за мной.

Она вышла из беседки. Девушка с некоторым недоумением последовала за ней. Неужели Хэла еще не все рассказала ей?..

Дух холода остановилась около дерева — того, на которое Ли-фанна обратила внимание еще по пути сюда.

— Красивое дерево, — сказала девушка, глядя на белые листья, сверкающие в солнечном свете.

— Оно не только красивое, — сказала Хэла. — Оно еще и очень древнее — гораздо древнее меня — и очень волшебное. Горцы-синиры называют его йор'альяр. Но это не на их

наречии, хотя и очень похоже. Так что сложно сказать, что это означает.

— Зато звучит красиво, — пожалала плечами Ли-фанна. — Но какое отношение это... это дерево имеет ко мне?

— На самом деле, никакого, — улыбнулась Хэла. — Но, знаешь, оно имеет одну очень любопытную особенность: хотя йор'альяр обладает огромными запасами магии, и любой сведущий в ней человек сразу же видит это, до сих пор никто не смог понять, как же проявляются эти силы. Не могут же они просто существовать, и все? Даже я за свою жизнь — а цифра, поверь мне, приличная — не разобралась в свойствах этого дерева. Это я к тому, что с тобой все примерно так же: никто не знает, чего от тебя можно ожидать. Начиная с твоего внезапного появления и по сей день все ждут, как ты проявишь себя и кого выберешь. Причем ждут обе стороны. Теперь, когда твой дар установился, возможно, они будут пытаться как-то влиять на тебя... когда узнают.

— Хочешь сказать, что они пока не знают? — удивленно спросила Ли-фанна.

— Именно, — кивнула Хэла. — Так что будь осторожней. Особенно, если снова столкнешься с легионерами. Ну а теперь, я думаю, ты можешь идти. Ты узнала уже много для одного утра.

— Слишком много, — подтвердила Ли-фанна. — Надеюсь, это все насчет моего дара?

— Все, — улыбнулась Хэла. — Иди, Ли-фанна. Полагаю, тебе нужно многое обдумать.

— Это точно. Спасибо тебе, Хэла.

И девушка вернулась в коридор замка. Хэла же снова что-то запела и вновь принялась за рукоделие.

Когда вечером Хэла снова позвала к себе наших путешественников, Ли-фанна решила остаться в комнате. Хэла была права: ей нужно было обдумать слишком многое...

Значит, она обладает каким-то «Даром живого пламени». Что же, весьма неплохо. Она вдруг вспомнила, что видела в огне какие-то смутные образы уже давно, чуть ли не в Черном лесу. И тогда, в горах, легионеры стали перешептываться друг с другом и говорить «Это она!», после того, как ее рапира случайно поймала лучик света. Уж не приняли ли они это за какой-нибудь «огненный» знак? Тогда, выходит, они знают о ее даре... Хотя, если они знают о ее связи с Левиафаном, то должны знать и об этом «живом пламени»...

Можно подумать, что она уже привыкла ко всем этим сверхмагическим штучкам! Но она до сих пор не была готова к таким внезапно открывающимся секретам. Вот откуда вообще могла у нее взяться эта связь с бывшим драконом? Ох... может, тут все дело в «ошибках недавнего прошлого», о которых ей сказала Диона еще в их первую встречу? Но кто же совершил их, эти самые ошибки? Может быть, Оррайна?

И вот тут встает самый сложный и страшный вопрос: неужели это правда, и Оррайна действительно ее мать? Ведь даже тот таинственный легионер, который помог им сбежать и Гройвуда, называл ее «дочерью Оррайны»... Что же все это может означать? Неужели Сигма Лотье — не родная ее мама? Или, наоборот, она Верховная ведьма Эфарленда, просто скрывает ото всех свое настоящее имя? Но в таком случае, почему она не узнала ее на портрете в одной из галерей Эймара?.. Хотя этот самый портрет на самом деле напомнил ей кого-то...

Если бы только Мифьол был рядом... вдвоем они точно смогли бы разобраться во всем этом... рассказывать же обо всем остальным... Ли-фанне почему-то эта идея не казалась блестящей.

Примерно такими, грустными и запутанными, были мысли Ли-фанна на исходе этого дня. И от этих мыслей она чувствовала себя ужасно усталой...

(2 дня до новолуния)

...Утро следующего дня было как две капли воды похоже на предыдущее. Хотя, кажется, в этот день Ли-фанна проснулась немного раньше. Но Солнце, заглядывавшее в комнату через окно, было таким же ярким.

Странно, но сейчас, утром, Ли-фанна чувствовала в своих мыслях забытую уже ясность. Все равно сейчас им остается только ждать, а потом придется сражаться с Левиафаном... а ответы на все вопросы можно поискать в более спокойное время — так думала девушка. Похоже, утреннее солнце привело ее мысли в порядок.

И хотя вопросы на время отступили, непонятным оставалось, что же делать сейчас? За эти две недели Ли-фанна настолько привыкла куда-то спешить, что неожиданное бездействие совершенно выбивало ее из колеи. Тем более, от безделья в голову забредают незваные мысли... Ли-фанна — как-то само собой — начала снова думать о Мифьоле, и, испугавшись собственных мыслей — вернее, того, что осталась с ними наедине — вышла из комнаты и пошла, куда глаза глядят.

В коридоре, ближе к центру «снежинки», она столкнулась с Алькой. Судя по всему, она тоже не знала, что сейчас делать. Увидев Ли-фанну, она, похоже, даже обрадовалась:

— О, привет! Ты чего вчера к Хэле не пошла? Она много чего интересного говорила.

— Я была у нее. С утра.

Алька взглянула на нее с удивлением:

— И что же?..

Ли-фанна только покачала головой. Передавать Альке содержание своего разговора с Хэлой ей не хотелось. Во всяком случае, не сейчас.

— Ну не хочешь говорить, не говори, — хмыкнула Алька. — А она нам еще много всего про Судьбу рассказала. И про то, что Легиону нужны мы, все четверо, для чего-то, связанного с... ну, с ним. — Алька, похоже, как и Эван, опасалась произносить вслух имя Левиафана. — Но мы им нужны не для его пробуждения, а для чего-то, что будет потом.

— Потом? — переспросила Ли-фанна. Она как-то не задумывалась раньше, что у Легиона есть какие-то планы на то, что будет после пробуждения Левиафана. Все вокруг говорили о том, что будет конец света, а речи сумасшедшего легионерского предводителя она в расчет как-то не принимала.

— Ну да, потом, — кивнула Алька. — Только Хэла не знает, зачем мы им, и... ну, в общем, что они затевают.

— Понятно, — кивнула Ли-фанна. — Что еще она говорила?

— Да так, — Алька пожала плечами. — Сказала, что может помочь мне овладеть моими силами...

— Тебе тоже? — спросила Ли-фанна, хотя не видела в этом совершенно ничего удивительного. Просто ей хотелось посмотреть на Алькину реакцию.

А Алька, похоже, была немного разочарована тем, то не сумела произвести на нее хоть какого-то впечатления.

— Слушай, — сказала тогда Ли-фанна, — может, пойдем сейчас к Хэле? А то, может, завтра уже придется отправляться, а что делать сейчас, я совершенно не знаю.

— Давай! — обрадовалась этой идее Алька. — Слушай, а наш Эван и впрямь князи

Ориманский, представляешь?

— Представляю. Он мне сам сказал.

— Нет, ну с тобой совершенно невозможно разговаривать! — возмутилась Альнора. Ли-фанна только улыбнулась: Алька все-таки совершенно неисправима!

— Так... а где сейчас Хэла, кстати? — спросила вдруг Алька.

Ли-фанна пожала плечами:

— Спроси. Вон, видишь, кто-то из ее слуг?

По коридору действительно шел какой-то голем. Подождав, пока он подойдет к ним, Алька спросила:

— С... скажите пожалуйста, уважаемый, где сейчас Хэла?

— Госпожа пребывает в центральной зале, — без всякого выражения ответил голем и направился дальше.

— Спасибо! — крикнула Алька ему вслед и сказала, обращаясь уже к Ли-фанне — Какой-то он неразговорчивый. Норд почеловечней был. А этот...

— Мое имя Вест, юная госпожа, — донеслось вдруг до девушек, и им показалось, что в голосе голема прозвучала обида.

Ли-фанна хихикнула, глядя на сконфуженную Альку. А та, когда голем удалился на порядочное расстояние, тихонько произнесла:

— И имена у них какие-то странные — Норд, Вест...

«Да уж... одно слово — Альнора!» — подумала Ли-фанна и сказала:

— Пошли уже! Хорошо, хоть выяснили, где Хэлу искать.

И девушки направились в центральную часть замка.

— А ты знаешь, что Судьба на самом деле — живое существо? — спросила вдруг Алька, когда они прошли примерно половину расстояния до центральной залы.

— Да неужели? — ответила Ли-фанна без всякого удивления. В Судьбу она не верила и верить не собиралась.

— Нам Хэла об этом вчера сказала, — пожала плечами Алька.

— Ты сама-то в нее веришь, в Судьбу эту? — спросила Ли-фанна.

— Знаешь... наверное, больше да, чем нет, — подумав, ответила Альнора. — И потом, в нее ведь почти все сверхмаги верят.

— Значит, я неправильный сверхмаг, — отрезала Ли-фанна.

Всю дальнейшую дорогу они молчали.

Центральной залой в Ледяном замке именовался тот зал, где Хэла самый первый раз приняла наших путников.

Она действительно была там: из-за дверей залы снова доносилось пение. Похоже, оставаясь одна, Хэла всегда пела. Но когда Алька тихонько постучала в дверь, песня, так же, как и в первый раз, оборвалась, а дверь сама собой распахнулась.

— Здравствуй, Хэла, — начала, Альнора, первой войдя в залу. — Мы...

— Вы пришли, чтобы я помогла вам разобраться с вашими способности. Об этом нетрудно догадаться, — дух холода улыбнулась. — Здравствуйте и вы, девушки. Садитесь, — она одним движением руки вызвала из небытия два кресла. Девушки сели. — Итак... с чего же начать? Ты, Альнора, ведь обучалась сверхмагии раньше?

— Да, в Дарминорской академии Феникса, — кивнула Алька. — Родители как-то определили меня туда, когда мой дар только открылся.

— Хорошо, — кивнула Хэла. — И чему же тебя успел научить учитель Сойрен?

— Ну... — Алька почему-то смутилась. — На самом деле, не очень многому. Я больше изучала всякие магические науки, а к настоящей сверхмагии меня подпускали редко. Все почему-то ждали, пока установится мой дар. Так что я знаю только самые основы.

— Что же, все ясно. В каком-то смысле так даже легче, — произнесла Хэла. — Я-то думала, что ты уже специалист... Ну, в таком случае, девушки, проверим ваши знания. Что вам уже известно о сверхмагии? Не конкретно о вашем даре, а в общем?

— Ну... учитель Сойрен говорил, что вся магия идет от сердца, — первой решилась Ли-фанна.

— Правильно. Но, к сожалению, это не твой случай. — И, в ответ на удивленные взгляды девушек, Хэла продолжила:

— Так можно сказать только о тех сверхмагах, чей дар еще не установился. Установившимся же сверхмагам силы дает их медальон.

Ли-фанна хотела было спросить про медальоны: почему они так важны — но тут Алька сказала:

— Еще мы, алые сверхмаги, можем влиять на материальные предметы.

Хэла благосклонно кивнула.

— Только вот я с трудом представляю, что это вообще может означать, — сказала Ли-фанна.

— В этом нет ничего сложного, — произнесла Хэла. — Смотрите.

В тот же момент у нее в руке появился небольшой кусочек льда. Магией заставив его повиснув в воздухе, она превратила его в прекрасный цветок — белую розу.

— Вот это, — Хэла улыбнулась, глядя на восхищенные лица девушек, — и есть одно из проявлений «влияния на материальные предметы» — трансформация одного в другое в другое.

— А так можно превратить что угодно во... во что угодно? — тут же спросила Алька.

— Почти, — ответила Хэла. — Но есть несколько законов: неживой предмет может превратиться только в неживой — растения в этом случае рассматриваются, как неживые. А живой предмет — только в живой. Ну, может, кроме самых-самых крайних случаев...

Хэла превратила розу в бумажный самолетик и заставила его летать по залу.

— Кстати, левитация — тоже один из способов так называемого «влияния», — сказала она.

— Здорово! — сказала Алька. — Вот бы и нам уметь так же...

Ли-фанна была с ней полностью согласна.

— Так почему бы вам не попробовать прямо сейчас? — спросила Хэла. — Дар у вас есть, а больше ничего и не нужно.

И дух снова улыбнулась, глядя, как загорелись у девчонок глаза.

Она наколдowała еще один кусочек льда, превратила его в такой же самолетик и отдала его Альке.

— Вернуть предмету истинную его форму легче, чем создать новую, — пояснила она девушкам и, поймав на лету первый самолетик, протянула его Ли-фанне.

Девушки все еще ждали чего-то от нее. Хэла вздохнула:

— Даже самых элементарных вещей вам не объяснили! Значит, так: сверхмагия — это не обычная магия, никакие заклинания тут не нужны. Достаточно лишь хорошо представить результат, и высвободить свою сверхмагическую энергию. Это, я думаю, вы уже делали. Ну, смелее!

Ли-фанне показалось, что в этот раз «высвободить сверхмагическую энергию» получилось гораздо легче. Уж не потому ли, что теперь ее дар полностью остановился?..

...Результат, как ни странно, превзошел все ее ожидания. Бывший бумажным самолетик теперь стал полностью ледяным! Но, видимо, она все-таки сделала что-то не совсем правильно — форму-то он не изменил... Ли-фанна оглянулась на Альку: ее самолетик только покрылся инеем, что, кажется, ее расстроило.

— Молодцы! — похвалила Хэла обеих. — У многих с первого раза вообще ничего не получается. А вам потренироваться еще немного, и все будет просто превосходно!

Алька после этих слов сразу повеселела. Да и Ли-фанне было приятно.

— Но практикой вы можете заняться чуть позднее, — сказала Хэла. — А сейчас я хотела бы поговорить с вами кое о чем очень важном. Особенно это касается тебя, Ли-фанна.

...Не успела она даже закончить фразу, как вдруг, совершенно неожиданно, Алька упала без чувств прямо там, где стояла. Хэла едва успела сотворить что-то вроде снежного облака, которое подхватило девушку.

— Что это с ней? — испуганно спросила Ли-фанна. — Это ведь не из-за...

— Нет, конечно, — Хэла покачала головой. — Просто свершилось наконец то, чему уже давно следовало бы случиться: ее дар наконец установился.

— Но почему же тогда она упала в обморок? Если становление завершилось...

— У тебя было точно так же. По крайней мере, так это выглядело со стороны.

Ли-фанне сразу вспомнился день, когда Диона вручила ей цветок-медальон. Тогда она ведь тоже была в обмороке...

— Видишь ли, — начала Хэла, — кто-то думает, что все посвящения проходят в Лаорине, а попасть туда можно только во сне... или, — она показала на Альку, — в обмороке. Но... кто проводил твое посвящение?

— Диона, — несколько удивленно ответила Ли-фанна.

— Так я и думала, — кивнула Хэла. — но посвящения у всех проходят по-разному, так что я думаю, что и в разных местах. А может, и в разных мирах. Кто знает... Но скоро Альнора вернется к нам, и мы продолжим наш разговор...

...Алька действительно пришла в себя минут через пять.

— Что про... — начала она, но осмотрелась вокруг и сказала: — Что, я уже вернулась?

— Именно, — подтвердила Хэла. — Поздравляю тебя с полным установлением твоего дара!

По лицу Альки можно было подумать, что сейчас она снова упадет в обморок — от счастья.

— А вот теперь, девушки, самое время продолжить разговор. Тем более, что теперь он касается вас обеих в одинаковой степени, — Хэла улыбнулась. — Я хотела поговорить о ваших медальонах. И не только о них...

Итак... по медальону можно очень многое узнать о его владельце. Это одна из причин, по которой медальон нельзя давать в чужие руки. Хотя основная причина, конечно, в том, что без медальона сверхмаг фактически бессилён. И все же... Ли-фанна, позволь мне взглянуть на твой медальон. Из твоих рук, естественно.

Девушка протянула ей свой бронзовый цветок. Хэла осмотрела его, не дотрагиваясь.

— Да... все в точности так, как я и сказала тебе. Альнора, позволь теперь твой?..

Медальон Альки тоже был бронзовым — и это было все, что Ли-фанна успела

разглядеть. Его Хэла изучала намного дольше, а потом изумленно взглянула на Альку:

— Во имя всех высших сил! Неужели... зато теперь понятно, почему ты — одна из Четырех...

Реакцию Альки на эту реплику сложно объяснить. Потому что практически никакой реакции не последовало. Похоже, девушка пыталась скрыть от всех свои эмоции, что было совершенно на нее не похоже.

Некоторое время все молчали. Первой решилась нарушить молчание Алька, делая, впрочем, вид, что ничего не случилось:

— Медальоны, медальоны... что в них такого важного-то? Откуда в них берутся все наши силы?

Хэла нахмурилась. Потом вздохнула:

— Я хотела вам рассказать позже, но раз уж ты сама спросила... тогда слушайте.

История появления медальонов, как и многие другие истории, связанные со сверхмагами, восходит еще к первой эре. А история сверхмагов — это в первую очередь история борьбы с Легионом...

Итак, однажды — еще на заре войны — Легион — вернее, первый его предводитель — изобрел заклятие, которое лишило бы сверхмагов силы раз и навсегда, если бы он учел все... так что наше счастье, что он был не настолько сведущ в магии... первые сверхмаги смогли остановить это проклятие, когда оно еще не вошло в силу, и удержали свои силы в медальонах, а сами медальоны защитили всеми возможными чарами... но, к несчастью, проклятие успело подействовать, и с тех пор каждый вошедший в силу — иными словами, установившийся — сверхмаг носит эту самую силу в своем медальоне. В каком-то смысле эти медальоны и есть проклятье всех сверхмагов...

— Ужас какой! — воскликнула Алька и действительно с ужасом посмотрела на свой медальон.

«Так вот о чем Диона не хотела мне рассказывать! — догадалась Ли-фанна. — Интересно, почему...»

— Не хотела я вас пугать, — вздохнула Хэла, — но так уж получилось. Но ведь с концом становления сверхмаг не только медальон получает...

...Глаза у Альки сразу же загорелись, и тут же водной руке у нее появился короткий легкий меч, а в другой — кинжал.

— Ты пошла по стопам своего предка, — улыбнулась Хэла. — Дориус Вирт тоже виртуозно сражался кинжалом.

— А ты знала его? — спросила Алька.

— К сожалению, нет. Ли-фанна, а какое оружие у тебя?

Она сразу же призвала свою рапиру и дротики — их, кстати, впервые после посвящения.

— Дротики? — спросила Алька. — Почему я не удивлена? После того, как вы с Мифьолом выбили все окна в кабинете завучей... ой, извини, пожалуйста.

— Ничего, — Ли-фанна улыбнулась, вспомнив давний случай. — Я, кажется, начинаю привыкать...

— Мифьол? — спросила вдруг Хэла. — Я помню его... вы что, были знакомы?

— Мы учились в одном классе, — кивнула Алька. — А с Ли-фанной они вообще были — не разлей вода!

— Мне жаль, что он ушел, — печально сказала Хэла. — Он обладал силами, какими может обладать только дух, но при этом он оставался человеком. Но ведь смерть — это лишь

шаг вперед, как верим мы, духи. Кто знает, что там, впереди... быть может, даже Лаорин... о, Лаорин, страна видений чудных...

Снова воцарилось молчание. Через некоторое время Хэла сказала:

— Как-то печально завершается наш разговор... что ж, идите, девочки. Надеюсь, наша беседа была для вас полезна...

— Очень! — воскликнули они хором. Хэла улыбнулась:

— Я очень рада этому. А, и еще одно: думаю, будет лучше, если завтрашний день вы тоже проведете здесь. Как-никак, у Альноры только что установился дар...

Не сказать, чтобы девушки расстроились, услышав это. Еще раз поблагодарив Хэлу, они направились к выходу из залы. Хэла снова запела что-то печальное и очень красивое. Алька неожиданно остановилась и спросила:

— Хэла... а ты любила когда-нибудь?

— Что? — она, похоже, была удивлена вопросом. Да и немудрено... — Нет. Духи не умеют любить.

Переглянувшись с замешательством, девушки вышли и залы. И... столкнулись нос к носу с Рональдом.

— Вот вы где! — сказал он. — Мы уж вас обыскались. Идем, надо как-то решить, что дальше делать...

— Успеем еще, — сказала Ли-фанна. — Хэла сказала, чтобы мы еще и завтра у нее погостили. У Альки дар установился.

— Правда? Поздравляю! — Рональд, похоже, и сам обрадовался. — Ну, раз так... А, все равно пошли! Такие планы за день не выстраиваются.

— А если бы мы завтра ушли? — хихикнула Алька, но Рональд не обратил внимания на ее подколку. И они пошли строить планы грядущего сражения.

(1 день до новолуния)

...Сражаться с Левиафаном им придется только вчетвером — это было главное, что наша «пророческая четверка» узнала на этом собрании. И хотя они знали это и раньше, все-таки оставалась еще слабая надежда, что Рональд тоже будет с ними. А теперь все. Он сам сказал, что идти в пещеру Левиафана им придется без него.

Сказать, что узнав такую новость, наша четверка пришла в уныние — значит промолчать. И теперь все Избранные в самом мрачном расположении духа собрались на той самой площадке, где два дня назад Хэла рассказала Ли-фанне о ее даре. Сейчас ребята пытались хоть как-то собраться с мыслями и обсудить, что же им делать там, в пещере Левиафана. Все-таки сражаться с древним чудовищем без всякого плана — просто самоубийство.

— По-моему, пещера должна находиться где-то на севере острова, — сказал Эван. — Во всяком случае, там тоже горы, и никаких селений поблизости.

— Опять горы... — вздохнула Алька.

— Ну, искать-то эту пещеру нам вряд ли придется, — заметил Тарлиан. — Меня куда больше интересует, что нас ждет внутри.

— Не «что», а «кто». Левиафан, — мрачно поправила его Ли-фанна.

— А можно все-таки не произносить это слово? — Алька даже вздрогнула от звука имени бывшего дракона.

— Как же ты сражаться с ним собираешься? — спросил Эван. — Если даже имени его

боишься?

Алька только вздохнула в ответ.

— И все-таки: как нам его победить? — Тарлиан вернул разговор в нужное русло. — Один разъяренный дракон даже с сотней легионеров не сравнится!

— Ну, он же не совсем дракон, — сказала Ли-фанна. — Как там Рональд говорил: пламя внутри него погасло, и живет он теперь только в воде? А с водой можно бороться...

— Огнем! — перебил ее Тарлиан. — Выходит, моя сила пригодится!

— Похоже, не только твоя... — тихо произнесла Ли-фанна и сказала в ответ на удивленные взгляды друзей: — Я тут, как выяснилось, могу немножко повелевать огнем...

— Приехали, — только и смогла сказать Альнора, а Эван улыбнулся и покачал головой.

— А у тебя, князь Ориманский, какая сила? — поинтересовался у Эвана Тарлиан. — Просто, чтобы в бою сюрпризов не возникало...

— Да у меня не то чтобы сила... в общем, у нас в роду существует предание, что нашему родоначальнику, Ориму, была дарована какая-то сила, которая поможет ему справиться с врагами и направит меч его, ибо это меч истинного правителя... ерунда какая-то, в общем. И хватит меня уже князем называть!

Ли-фанна и Алька с улыбкой переглянулись. Только Эван мог назвать ерундой свой родовой дар.

— Аль, а у тебя какая способность? — спросила Ли-фанна.

— Я даже не знаю пока. Разбираться надо, — ответила Альнора, но Ли-фанне почему-то показалось, что она чего-то недоговаривает.

— Но знаете, что главное? — спросил вдруг Тарлиан. — Главное, чтобы там, в этой пещере, не оказалось легионеров...

Эта мысль раньше как-то не приходила никому из четверки в голову. А им сейчас и так было несладко...

— Эван... а где сейчас Ориман? — спросила Ли-фанна после недолгого молчания. — Если отсюда смотреть?

— Ориман? Да вот он. Видишь, остров?

За горами действительно можно было разглядеть море, а в нем — остров. А над островом почему-то курился черный дым... похоже, пробуждающий заклятия Легиона постепенно начинали делать свое дело...

...В мрачной обстановке прошел этот день. Он был наполнен ожиданием следующего, решающего дня — и страхом перед испытанием, которое предстояло выдержать нашим героям...

Стоит еще добавить, что в тот день Хэла решила попытаться помочь нашим героям вернуть их вещи, отнятые легионерами, из Гройвуда — если не все вещи, то хотя бы самое необходимое. Получилось у нее это весьма успешно: дух холода была настоящим мастером магии.

А теперь, с позволения многоуважаемого читателя, оставим наших героев в замке Хэлы и обратим наши взоры на остров Ориман, родину Эвана. Там, в горах недалеко от пещеры, где пока еще спал Левиафан, постепенно собирались легионеры во главе со своим предводителем. Они, как и Избранные, тоже ждали — ночи и Новолуния...

Глава 16

XVI. Лист. Ориманское княжество. Горы Бэр-Ункар. Легион.

(День новолуния.)

...Ночь медленно сгущалась над горами Бэр-Ункар, как называли в Оримане этот северный хребет. Тончайший серп Луны то и дело скрывался за облаками, так что даже самому внимательному наблюдателю сложно было бы уследить за медленным, но пугающе неостановимым его исчезновением. Но легионеры ждали, устремив взоры к небу. Они знали, что в нужный, самый решительный момент туч в небе не будет.

Этого дня они ждали целых семь эр. Так что целый день ожидания наступления Новолуния был для них просто пустяком.

С вершины горы, где они собрались, прекрасно был виден вход в пещеру, где пока еще спал Левиафан. Вход этот, единственная связь пещеры с внешним миром, был завален камнями и запечатан каким-то очень мощным заклинанием — древние маги постарались на славу, так что легионеры за все эти годы, века и эры не смогли сдвинуть с места ни единого камешка.

На горе собралось около пятисот легионеров: лучшие колдуны, лучшие воины, многие из которых принимали участие в той битве на северной пустоши, в результате которой наши герои оказались в плену. И все они, как один, стояли, замерев и устремив лица к небу — поистине страшное и пугающее зрелище!

Но вот, наконец, Луна — вернее, то, что еще от нее оставалось — выглянула из-за последнего облака. Небо прояснилось.

Пристально, очень пристально наблюдали легионеры за светилом, но вряд ли многие из них заметили именно тот момент, когда Луна совсем исчезла — так этот момент был краток. Было около трех часов ночи, когда Новолуние наконец наступило.

— Начинайте, — скомандовал тогда предводитель Легиона, причем скомандовал не громко, как обычно, а вполне тихо. Но слышали его все.

И легионеры «начали». В магическом круге, приготовленном заранее, колдуны начертали завершающие его символы. То был не простой круг, который частенько используется магами и чародеями по всему Листу; нет, то был круг чистейшей черной магии, созданный из злобы и призванный распространить эту злобу во всем мире.

Ровно в центр этого круга кто-то из колдунов аккуратно вылил кровь сверхмага — девушки, которая начнет все. Руны в круге сразу же вспыхнули багровым светом. Легионерские колдуны начали читать какие-то заклинания на странном, гортанном и раскатистом языке. Непонятные слова этих заклинаний могли внушить ужас любому человеку, магу или даже рыцарю Феникса, окажись он здесь. Но тогда там, на горе, были только легионеры, привычные к вещам вроде этих заклинаний...

Но пока легионеры читали эти свои заклинания, происходило еще кое-что... а именно: чем дольше они читали, тем сильнее разгоралось багровое сияние в небе. Оно было похоже на то, что бушевало над Клереном за одиннадцать ночей до новолуния, но это сияние было намного ярче. Оно бурлило, закручивалось вихрями, полыхало алыми всполохами... подобные явления ассоциируются у обычных людей прежде всего с концом света.

Когда заклинание наконец закончилось, в небе уже всюду полыхал багровый костер. Как только замолчали легионерские колдуны, мертвая тишина повисла над хребтом Бэр-Ункар. Даже горные животные, не сбежавшие еще в долину, не смели выйти из своих

убежищ. Все чувствовали, что вот-вот должно было произойти нечто грандиозное и ужасное.

Сколько длилась эта мертвая тишина, неизвестно. Но вот где-то в глубинах острова раздался оглушительный взрыв, черный дым, валивший из пещеры и раньше, стал гуще в несколько раз, земля под ногами легионеров содрогнулась, и... все снова стихло. И все же не совсем...

— Наконец-то! — торжествуя усмехнулся предводитель, глядя на медленно осыпавшиеся камни, закрывавшие раньше вход в пещеру...

Северные горы. Замок Хэлы. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

Все, кто находился в Ледяном замке — кроме големов, конечно: они-то и так не спали — проснулись от подземного толчка небывалой силы. Нетрудно было догадаться, что — вернее, кто — послужил его причиной.

Итак, обстоятельства сложились таким образом, что наши путешественники решили отправиться в Ориман прямо сейчас, не теряя ни минуты. Медлить действительно было нельзя — и это понимали все. Поэтому Хэла быстренько открыла им магический переход — прямо из своей центральной залы напрямую к пещере Левиафана.

Они даже все свои немногочисленные пожитки оставили у Хэлы — в сражении ведь им могло пригодиться только оружие...

Напоследок Хэла пожелала им удачи. И пятеро наших путешественников прошли по магическому переходу, вход в который больше всего походил на снежное облако.

Проходя через это облако, Ли-фанна поймала себя на мысли о том, что, возможно, уже не вернется сюда... кто знает, как обернется эта ее связь с Левиафаном... она так никому и не сказала о ней. Еще бы — ведь ей самой страшно было думать о ней.

Горы, где они оказались, до ужаса были похожи на Северные горы, где они только что были. Но здесь ощущалось напряжение, злоба и... и еще что-то, пока непонятное, но тоже очень жуткое.

— А раньше тут было совсем не так, — тихо произнес Эван.

— А ты что, был здесь раньше? — с удивлением спросил Рональд.

— Не именно здесь... чуть ближе к городу.

— Ясно. Так, — Рональд осмотрелся по сторонам. — Идемте дальше. Вход в пещеру, насколько я знаю, должен был открыться. Да, точно — вот и сама пещера.

Тут ее заметили уже все. Вход в пещеру — огромный черный провал — был скрыт за плотной завесой черного дыма. А из самой дыры доносился неясный звук — какое-то клочкотание. Или рычание?..

Одним словом, заходить в эту пещеру не то что не хотелось, а было попросту страшно. Тем более что на горе неподалеку ясно видно было, несмотря на почти ночной еще мрак, стоящие там черные фигуры. А кто это мог быть, кроме легионеров?

Они даже не скрывались, что было, на самом деле, довольно странно для них. Похоже, ритуал пробуждения все еще не был завершен: в кругу черных воинов то и дело виднелись какие-то вспышки, похожие на молнии...

Не возникало совершенно никакого сомнения в том, что в случае, если хоть что-то пойдет не так, как надо, они нападут. И будут использовать против них все, что только в силах Легиона. Так что наши путники сделали вид, что не заметили этого сборища и подошли вплотную ко входу в пещеру.

— Страшно... — тихо призналась Алька, не отводя взгляда от пещерного мрака.

— Еще бы, — сказала Ли-фанна. На самом деле, ей было гораздо страшнее, чем Альноре, но этот свой страх она старалась не показывать, даже не думать о нем. Получалось, честно говоря, с трудом.

— Идемте? — неожиданно неуверенно спросил Рональд.

— А у нас есть выбор? — вопросом на вопрос ответил Тарлиан.

— Подожди, а ты, что, с нами? — спросила Альнора с заметным облегчением в голосе.

Рональд покосился на легионеров:

— Видимо, у меня, как и у вас, выбора нет.

И с этими словами наши путешественники вошли в пещеру.

Ориман. Хребет Бэр-Ункар. Пещера Левиафана.

В пещере царила темнота — да не просто темнота, а... ни в эфарлендском, ни даже в русском языке не нашлось бы слов, чтобы описать ее. Даже тусклый свет звезд не мог проникнуть в пещеру сквозь плотную завесу черного тумана. Дышать было трудно, и, вдобавок ко всему, совершенно ничего не было видно: наши путники словно ослепли.

Эван хотел было зажечь огонек, как он всегда это делал. Но Рональд остановил его:

— Подожди. Кто знает, что это за дым. Может, здесь все взлетит на воздух.

В общем, пришлось им пробираться вперед чуть ли не на ощупь, пока дымная завеса не осталась позади. Тогда Эван зажег все-таки огонек.

Коридор, где они находились, оказался идеально прямым, с ровными круглыми стенками: явно рукотворный. Так, может, и вся эта пещера появилась не сама... а, например, с помощью магии. Сейчас вряд ли можно рассуждать об этом с какой-либо долей уверенности. Но нашим героям в тот момент было, конечно, совсем не до причин возникновения этой пещеры.

Хорошо, хоть никаких развилок в пещере не было — во всяком случае, пока. Но тусклый свет Эванова огонька не мог осветить весь коридор и всю пещеру. Так что то, что лежало впереди, оставалось неизвестным.

Странноватым Ли-фанне казалось и то, что она не чувствовала здесь ничего присутствия. И даже самого Левиафана. Хотя она совершенно не знала, должна ли чувствовать что-то из-за своей связи с Левиафаном. И почему она вообще сразу поверила словам Хэлы о существовании этой связи? Но все же духу холода она верила. Мифьол был прав: она действительно намного адекватнее всех прочих...

И, возможно, Ли-фанне показалось, но мысль о погибшем друге придала ей сил.

Нужно было идти дальше. И они пошли. Все так же молча. Как-то не до разговоров было им в этом мраке. Но присутствие остальных все же вселяло некоторую уверенность.

Так они шли до тех пор, пока коридор вдруг не разделился надвое.

— И куда нам теперь? — тихо спросила Альнора.

— Вот уж... — Рональд покачал головой. — Не знаю, честно говоря. Об этом месте всегда много легенд ходило, но точно о нем не известно ничего. Я вообще не знал, что тут есть какие-то развилки.

И тут из глубины левого коридора явственно послышались шаги. Но эти шаги точно не могли принадлежать Левиафану — во-первых, бывший дракон не мог выходить из воды, а во-вторых, слишком уж эти шаги были легкими... для дракона, имеется в виду.

— Так-так... и что нас тут? — раздался крайне язвительный мужской голос. — А! Да это ведь те самые избранные герои-освободители! Решают, куда идти, разве не так? А это

бессмысленно! Дорога здесь одна — к смерти...

Тут в небольшой круг света вступила первая пятерка легионеров. Сколько их скрывалось во тьме, было пока неизвестно. «Пока», потому что вся эта делегация явно не намеревалась вести мирные беседы.

— Так! — говоривший легионер обернулся к Ли-фанне. — Это ведь ты — та, которая начнет все. Дальше ты идешь одна.

— С чего бы это? — тут же спросил Эван.

— Так приказал мой господин, — бесстрастно отвечал легионер.

— И с каких это пор ваш господин приказывает что-либо нам? — с убийственной вежливостью поинтересовался Рональд.

— С таких, как пробудился Левиафан. Теперь весь мир в руках моего повелителя! Осознайте это и примите как данность. А если не захотите выполнить приказ... — он не стал договаривать. Хотя ясно было, что он имел в виду.

— Я останусь, — сказал Рональд, — но не потому, что так решил какой-то свихнувшийся легионер, а потому что это не мой путь. А эта четверка должна идти вместе. И они пойдут вместе, можешь не сомневаться.

— Итак, вы не принимаете условий моего повелителя? — и почему у этих легионеров такие нечеловеческие голоса? — Что ж, на другое я и не рассчитывал. В таком случае, увы, господа герои, но придется вас всех попросту убить. И даже девчонку, как это ни прискорбно... но довольно речей.

И он взмахнул рукой, подавая сигнал легионерам за своей спиной.

Эван, Рональд и Тарлиан сразу же выхватили свое оружие. Ли-фанна же с Алькой некоторое время сомневались: а стоит ли так явно показывать противнику, что их способности уже полностью установились? Раздумья, впрочем, длились недолго: не успели легионеры всей своей толпой налететь на них, а наши сверхмаги материализовали свое оружие. Сейчас главным было совсем не то, узнают ли легионеры об их даре. Выжить бы для начала...

Хуже всего было то, что в неярком свете магического огонька мало что было видно. Ли-фанна даже испугалась немного: вдруг она невзначай ранит кого-то из своих? Но девушка поспешила отогнать от себя эти мысли. Сражение — не место для долгих размышлений: так ведь можно и совсем без головы остаться!

Излюбленная тактика легионеров — брать числом. Умение не играет большой роли, если накинуться на противника всем скопом, не так ли? Хотя воинами все легионеры были просто отличными.

Как же наша четверка рада была тому, что с ними был Рональд! Он один мог дать отпор, похоже, целой армии. И что бы наши Избранные делали без него, страшно даже представить.

Неизвестно, сколько бы могла продолжаться эта рубка практически в полной темноте — но один-единственный момент изменил все.

Один из легионеров — никто даже не разглядел его толком: только черный силуэт — попытался засадить в Ли-фанну каким-то заклятием, но тут Эван наскочил на него. Рука колдуна отвелась в сторону и куда-то вверх, когда шаровая молния заклинания готова уже была сорваться с пальцев. И сорвалась, сбив с потолка несколько камешков.

В тот же миг что-то наверху затрещало, с потолка пещеры посыпалось еще больше камней — не только маленькие, но уже и средние, и даже несколько крупных... и самое противное заключалось в том, что останавливаться этот камнепад явно не собирался.

Ли-фанна едва успела отскочить в сторону, как потолок коридора с грохотом обрушился, подняв тучу пыли...

А когда пыль спала, Ли-фанна увидела самую главную проблему из всех, какие только могли встретиться в этой пещере.

В коридоре она стояла одна. А перед ней была сплошная стена из только что осыпавшихся камней...

Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

...Когда обрушился потолок, битва в левом ответвлении пещерного коридора замерла на несколько бесконечных секунд. Когда же пыль улеглась, обнаружилось, что количество легионеров заметно уменьшилось: видимо, некоторые из противников оказались погребены под завалом, а кто-то, возможно, просто вернулся туда, откуда пришел. Все-таки не все легионеры были такими уж героями.

Но даже теперь легионеров было намного больше, чем их. И хотя даже многие из них были несколько помяты — досталось им в результате обвала — они были настроены продолжать битву...

...Первым отсутствие Ли-фанны заметил Эван. Сначала он подумал о самом худшем, но взял себя в руки, рассудив, что в случае гибели «девушки, которая начнет», легионеры знали бы об этом. И потом, он ведь своими глазами видел, что Ли-фанна успела отскочить в сторону, прежде чем начался обвал! Значит, она жива, а это главное. Только бы вместе с ней на той стороне не оказались какие-нибудь легионеры... Но чем он мог сейчас помочь Ли-фанне? Тут-то целая толпа легионеров: того и гляди, нападут.

Но вопреки всем ожиданиям, вновь идти в атаку их противники не собирались. Во всяком случае, так это выглядело со стороны. Некоторое время они просто стояли, разглядывая своих противников. А потом, как-то без всяких предисловий, что было совсем не похоже на воинов Легиона — вообще без всякого перехода — развернулись, причем синхронно, и ушли вглубь коридора.

— И как это понимать? — тихо спросила Альнора, когда шаги легионеров стихли вдали. — Они же нас убивать собрались...

— А ты бы хотела, чтобы они остались? — усмехнулся Эван.

— Нет, конечно! Просто... странно это как-то, разве нет?

— Скорее всего, они получили какой-нибудь новый приказ от своего предводителя, — предположил Рональд. — Некоторые из них могут общаться друг с другом телепатически, насколько мне известно.

— Это все хорошо, конечно, — сказал Тарлиан. — Только вот возникают два вопроса: куда дальше идти, и как быть с Ли-фанной?

Ее исчезновение к тому времени заметили уже все, но поднимать вопрос о ней никто пока что не решался.

Рональд посмотрел на каменную стену, отгородившую от них Ли-фанну.

— Эту стенку мы точно не разберем. Я опасался чего-то подобного. Похоже, к Левиафану ей придется идти одной...

— То есть как — одной? — охнула Алька. Несмотря на то, что раньше она Ли-фанну терпеть не могла, но за время пути они успели сдружиться.

— Но разве мы не должны победить его вместе? — спросил Эван. — Мы же избранные, или что-то вроде того...

— Это-то да, конечно, но начать всю цепочку «великих потрясений» предназначено ей одной. Что бы ни случилось сейчас в той части пещеры, мы ничем не сможем помочь...

Рональд, похоже, и сам не рад был своим словам. Но что можно сделать с горькой правдой? С правдой можно только смириться.

— И что, в таком случае, нам делать? — хмуро спросил Эван.

— Видимо, придется последовать за легионерами, — со вздохом сказал Рональд. — Других вариантов я не вижу, тем более, что и обратный путь завален.

И действительно — коридор, откуда они пришли, тоже был завален. Все. Пути назад нет.

— А ты? — спросила Альнора? — Ты с нами?

— А как же еще? Мне ведь только к самому Левиафану вход закрыт. Ну, идемте.

И четверо наших друзей отправились дальше — туда, куда ушли легионеры. Нужно было идти. И будь, что будет.

Ли-фанна.

— Ребята! Эван! Аля! Тарлиан! Рональд! Вы живы? Вы меня слышите?

Нет ответа.

Тишина. Каменная стена впереди будто поглощала ее голос. А даже если они и слышали ее, в ответ все равно не доносилось ни звука.

Живы ли они? Или попали под обвал? Чем закончилось сражение? Или оно еще идет? Ох, как же страшно... в основном потому что кругом сплошная неизвестность.

Хоть бы лучик света сюда... хоть какой-нибудь! Но кругом крошечная тьма, и даже стена прямо напротив угадывается скорее интуитивно, чем визуально.

— Ребята? Эван... — еще раз позвала она.

Безрезультатно.

А ведь Хэла говорила, что она может как-то повелевать силами огня... Ну и где они, силы эти? Сейчас бы они как никогдагодились!

Да, в отличие от, например, Тарлиана, Ли-фанна совершенно не чувствовала в себе никаких проявлений силы или дара. Будто бы вся сверхмагия прошла со вспышками в глазах. А ей еще предназначено сразиться с Левиафаном...

...Одновременно с этой мыслью где-то в глубине пещеры послышался жуткий рев, а в коридоре — в той его части, что не была завалена камнями — девушка увидела какой-то красно-оранжево-белый отблеск.

— А вот, похоже, и сам Левиафан... — она сказала это вслух, чтобы хоть как-то успокоиться. Не сказать, что это ей так уж удалось... — Ладно, госпожа Лотье, соберитесь... когда-нибудь это должно было случиться... Надо просто успокоиться, и... и пойти вперед... о боги, что я говорю! — вскричала Ли-фанна. Она ужасно боялась, и от страха было никуда не деться. Он преследовал ее, пробирал до дрожи, даже, кажется, ерошил волосы на голове. И самое плохое, что у нее действительно не было никакого другого выхода, кроме как идти вперед — туда, где неизбежно придется встретиться с Левиафаном... и хотя Ли-фанна больше не боялась этого имени, все равно присутствовала какая-то жуть... особенно если вспомнить этот рев, прозвучавший совсем недавно...

«И почему я одна? — отчаянно подумала девушка. — Что с нашими, неизвестно. Мифьол погиб. Вот он бы точно знал, что сейчас делать! Мифьол, Мифьол... Как же мне тебя не хватает!»

Ей вдруг вспомнился ее отец, исчезнувший семь лет назад где-то в Черном лесу. Отец, имени которого она даже не помнила. Ведь когда он исчез, мама совершенно не знала, что им делать. Она осталась совершенно одна с ними, двумя дочками, на руках... но все-таки не сдалась, как-то поставила семью на ноги... И ведь она не потеряла надежду...

Вот бы и она, Ли-фанна, могла так же... не сдаваться, несмотря ни на что.

И вдруг она услышала — и ей не показалось, в этом она была уверена на все сто процентов! — она услышала голос, принадлежавший, несомненно, Мифьолу:

— Ты справишься... я точно знаю...

Она не осмелилась переспрашивать или вообще что-либо говорить. Но что это вообще могло быть? Неужели призраки реально существуют, или же в стенах этой пещеры оживают духи? А может, это ее воспаленное страхом воображение сыграло с ней злую шутку? Но она знала, что это не так.

В нее верили все: и Мифьол, и Эван (от этой мысли сердце почему-то дрогнуло), и даже Хэла... Диона, кажется, вообще возлагала на нее какие-то особые надежды... как, впрочем, и предводитель Легиона, так что не стоило слишком обольщаться на этот счет.

Если кто-то и верил в нее изначально, то это была Иринка. Кто, кроме сестры, всегда поддерживал ее, и надеялся на лучшее? Даже мама, кажется, не была настолько уверена в своей старшей дочери. Хотя насчет мамы Ли-фанна уже ни в чем не могла быть уверена.

Но если и идти дальше, то только ради них. Ради сестры, мамы и даже отца, которого она, хотя и почти не помнит, все равно меньше любить не стала. Ну, может, ради остальных тоже имеет смысл идти сейчас вперед... Но в основном — ради них. Ради семьи.

Помнится, учитель Сойрен говорил ей — давно, еще в Эймаре — что ее, Ли-фанны силы, как-то связаны с ее семьей. Что-то вроде того, что родные наполняют ее сверхмагией... Видимо, это действительно было так, потому что подумав о маме и сестренке, она как-то неожиданно поняла, что нужно делать.

Выпустить на волю сверхмагическую энергию — что может быть легче? Правда, никуда не направленная, она может разнести все вокруг... так что Ли-фанна поспешила мысленно придать ей форму шара. Дотронуться до этого сгустка энергии она бы не смогла. Но тем не менее, красноватое, слабо светящееся облачко послушно приняло шарообразную форму и засветилось ярким желтым светом.

Ли-фанна пошла вперед — с появлением света страх отступил куда-то. Не до конца, но все же голову она больше терять не собиралась. Только что сотворенный огонек летел вперед, освещая дорогу. Хотя освещать было практически нечего: каменный коридор, тоже, судя по ровным стенам, рукотворный, но, судя по многочисленным трещинам, изрядно пострадавший от... времени? Или от Левиафана? Скорее всего, и от одного, и от другого. Об этом Ли-фанна старалась не думать.

Чем ближе она подходила к центру пещеры, тем громче слышался звук, на который она поначалу не обращала внимания: звук, больше всего похожий на дыхание... к нему примешивалось еще что-то: размеренное, негромкое клокотание, наполненное... яростью? Скорее всего. Это ведь Левиафан... и чем ближе Ли-фанна к центру пещеры, тем ближе она к нему...

Чем дальше, тем холоднее становилось в коридоре. А еще Ли-фанне показалось, что она чувствует легкий ветерок, пахнувший морем. Ну, море еще ладно. Они, как-никак, на острове. Но откуда здесь, в пещере, взяться ветру? Тут ведь почти невозможно всякое движение воздуха — ведь вход в эту часть пещеры теперь завален. Не от дыхания же Левиафана ему

взяться?

Но все вопросы могли разрешиться только в центре пещеры. Там, где уже полностью проснулся Левиафан...

Коридор постепенно расширялся и уходил куда-то вниз. На его покрытых зловещего вида трещинами стенами теперь непрерывно плясали вспышки: желтые, зеленые, синие... В окружающей Ли-фанну тьме легко можно было принять эти вспышки за чьи-нибудь горящие глаза. Девушка спешила отогнать от себя подобные мысли, потому что с ее богатым воображением ей сразу представлялись такие страшилища... брр! Нет уж, хватит с нее одного Левиафана!

Но вот, наконец, и он. Центр пещеры. Момент настал, как бы она не хотела его оттянуть.

От Левиафана ее отделяла пара ступенек вниз и водная гладь: пещера была залита морской водой, поступавшей, видимо, по какому-то подземному туннелю.

Вот и все. Отступать некуда. Сворачивать тоже. Путь только один. Ли-фанна глубоко вздохнула и шагнула вперед. Навстречу Левиафану...

Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

— Что это за место?.. — тихо спросил Эван.

Чем дальше они заходили, тем сильнее изменялась сама пещера. Потолок коридора стал гораздо выше, коридор заметно расширился, а через некоторое время на стенах еще и факелы появились! Это все было совсем не похоже на ту пещеру Левиафана, какой ее представляли себе наши друзья. Речь тут идет, конечно, об Эване, Альноре и Тарлиане, потому что о том, как это место представлял себе Рональд, судить, по меньшей мере, сложно.

Оранжевое пламя факелов шевелилось, как живое, когда они проходили мимо, и выхватывало со стен фрагменты росписи, по всей видимости, очень древней: местами потрескавшейся, покрытой толстым слоем пыли. Но изображения вполне можно было разобрать: жестокие, кровопролитные сражения, воины в неизменных черных доспехах, на знаменах которых начертаны зловещие символы. Пленники — без сомнений, сверхмаги — в мучениях у ног человека в короне предводителя Легиона... там было изображено много малоприятных вещей, от которых отводил взгляд даже Тарлиан, о многом наслышанный в крепости Феникса. Но одно дело — слышать, а тут...

Но даже если не смотреть на стены, глазам предстает не самая приятная картина: на полу, то тут, то там лежали, белея в свете факелов, кости. Были ли то кости зверей, встретивших свою смерть в этой пещере? Или же...

— Похоже, что когда-то это было легионерское логово. Еще до того, как построен был Гройвуд, — произнес Рональд, не только для того, чтобы ответить Эвану, но и для того, чтобы хоть как-то отвлечь своих спутников от мрачных мыслей. — По легенде, легионеры обитали в каких-то катакомбах в первые годы своего существования. Там же, неподалеку, жил и Левиафан. Немудрено, что после того, как древний маги погрузили его в спячку, они оставили его в той же пещере. А саму пещеру заблокировали. Скорее всего, тут до сих пор осталось что-то, интересующее легионеров — в смысле, кроме Левиафана. Вот они и набежали сюда, как мухи. А место это, скорее всего, скрывает в себе множество таких вещей, какие трудно даже представить...

— А откуда ты все это знаешь? — Эван подозрительно прищурился.

— Да... много откуда, — Рональд пожал плечами. — От хозяина Эймара, например.

Или от учителя Сойрена. Мало ли умных людей в мире? А в чем вообще дело? Ты почему спрашиваешь?

— Да просто так, — сказал Эван, но через пару мгновений, решившись, видимо, высказаться, произнес:

— Просто мне кажется странным, что ты столько всего знаешь о Легионе. Особенно, если вспомнить о том, как нас взяли в плен в Гройвуде.

Рональд посмотрел на него с недоумением, и это был чуть ли не первый раз, когда по его лицу можно было сказать что-то определенное о его мыслях.

— Очень уж внезапно ты тогда куда-то пропал, — продолжил Эван. — Сразу после сражения. А потом ты как-то очень вовремя появился.

Рональд нахмурился.

— Так ты об этом... — медленно произнес он. — Знаешь, если бы я мог все это вам объяснить, я бы, не раздумывая, это сделал. Но... не веришь, — констатировал он, глядя на Эвана. — Ладно. Я вот что вам всем скажу: можете подозревать меня в чем угодно... но только не в предательстве.

Он сказал это так просто, без какой-либо обиды, что у ребят сразу появилось желание ему верить. Ну не может человек, который так говорит... не может он врать. И даже Эван, который в последнее время стал гораздо подозрительнее, ему поверил. В конце концов, Рональд — брат Рэя. А не доверять Рэю у него не было ни единой причины.

И с этим наши будущие герои отправились дальше.

— Интересно, долго нам еще идти? — спросила Альнора, которая не то, чтобы устала — просто это место жутко действовало ей на нервы.

— Правильнее, по-моему, спросить, не как долго мы будем идти, а куда мы в итоге придем... — с самым мрачным видом произнес Рональд. — И кого мы там встретим.

— Хочешь сказать, нам придется сражаться? — рука Эвана сама потянулась к ножнам на поясе.

— Скорее всего. Да погоди ты за меч хвататься! Успеешь еще. Избежать сражения не удастся в любом случае — раз уж легионеров тут такая толпа. Но пока что у нас есть шанс подобраться к ним незаметно.

— Не думаю, что они будут к этому не готовы, — скептически произнес Тарлиан.

— Но все-таки немного времени мы выиграть сможем, — сказал Рональд. — Во всяком случае, оружие достать успеем.

— А почему его в таком случае нельзя достать сразу? — спросил Эван.

— Потому что маги Легиона очень хорошо чувствуют присутствие рядом любого магического оружия — материализованного или вынутого из ножен. У тебя меч магический? — спросил Рональд у Эвана.

Эван ничего не ответил. Меч у него был семейный, подаренный отцом перед тем, как он отправился на учебу в Эфарленд. Магический он или нет, Эван не знал. Но Хэла, которая помогла ему вернуть меч из Гройвуда, довольно долго изучала его, держа в руках. А потом, ни слова не сказав, вернула его Эвану. Так что на всякий случай парень решил сейчас не рисковать. Хотя с оружием в руках ему было бы намного спокойнее.

Дальше идти старались как можно тише: все чувствовали каким-то шестым или седьмым чувством ощущали присутствие легионеров совсем рядом.

Они шли, как им казалось, уже долго (на самом деле не очень — Ли-фанна в то же самое время шла по пещере, только в другую сторону), когда Альнора вдруг остановилась

прямо посреди коридора, сжала руками виски...

— Что с тобой? — спросил у нее Тарлиан.

Она сначала молча помотала головой. Вид у нее при этом был такой, будто что-то причиняло ей дикую боль: лицо бледное, как полотно, губы сжаты, глаза закрыты... Только через несколько секунд она открыла глаза, и увидев, что все на нее смотрят, произнесла:

— Я не понимаю, что происходит... Что-то как будто стучится ко мне в голову... ой, мамочки... сейчас упаду...

Она действительно чуть не упала, но, к счастью, Эван ее поддержал.

— Какое оно — то, что стучится к тебе? — спросил Рональд, подходя к ней.

— Не знаю, — голос Альки был совсем слабым, — я же его не впускаю...

— Придется впустить, — сказал Рональд. — Поверь мне, я знаю.

— А что будет? — спросила Алька, испуганно глядя на Рональда. — Если я его впущу?..

— Не знаю, — с грустью ответил он. — Я никогда прежде не сталкивался с подобным. В любом случае, так просто это нечто, чем бы оно ни было, от тебя не отвяжется. Попробуй впустить его, а я постараюсь подстраховать тебя.

Алька лишь кивнула в ответ: сама уже понимала, что другого выхода попросту нет. И она постаралась убрать мысленно возведенную стену, которая все еще защищало ее от этого самого «нечта».

Оно ворвалось в сознание облаком темной энергии. От этой энергии Алька, все еще опиравшаяся на руку Эвана, чуть не упала на пол, но вдруг ощутила, чуть не упала на пол, но вдруг ощутила, что ей кто-то помогает справиться с этим облаком, помогает, мысленно поддерживая ее. Неужели Рональд? Но ведь тогда получается, что он...

Боль как-то сразу отступила. И мысленному взору Альки совершенно четко, ясно предстал темный силуэт какого-то неясного пока что предмета. Этот силуэт был не просто темным — в нем клубилась, будто черный дым, какая-то темная энергия.

— Ну ничего себе! — приглушенно, словно со стороны, донесся до Альноры голос Рональда. Она только сейчас поняла, что видит этот силуэт одна, без всякой сторонней помощи. И от этой мысли она едва не потеряла контроль над своим внутренним зрением. Но все-таки успела собраться с мыслями и открыла глаза, возвращаясь к реальности.

— Насколько я понял, — сказал Рональд в ответ на ее удивленный взгляд, — у тебя очень редкий для алого сверхмага дар. Ты можешь ощущать присутствие рядом черномagicеских артефактов. Похоже, это у тебя от прапрадеда — Дориус Вирт тоже очень остро чувствовал черную магию.

Эван и Тарлиан удивленно взглянули на девушку. Такого от Альки они не ожидали. Да она и сама не могла представить о себе ничего подобного. Выходит, вот почему она может как спасти, так и уничтожить мир! Ее дар был связан с черной магией... Когда-то очень давно чуть ли не год назад, в академии Феникса, она слышала о том, что такая связь дара и запрещенной магии могла быть очень опасной. Особенно для самого сверхмага...

— Но я же... — тихо начала она, глядя на Рональда. — Я же не черный маг?

— Нет, конечно, — он покачал головой. — Ты сверхмаг, а это автоматически означает, что ты не можешь что ты не можешь быть черным магом. Но справляться с твоим даром тебе, подозреваю, будет сложнее, чем остальным сверхам.

— Ну спасибо, успокоил, — буркнула Алька, хотя на душе у нее, несмотря ни на что, полегчало. Лучше уж быть сверхом с редким и сложным даром, чем черным магом!

— Можешь сказать, где находится... то, что ты чувствуешь? — неожиданно попросил

Рональд.

Алька тут же повернулась спиной к своим спутникам и уверенно показала куда-то на стену. Определить, где находится это самое «нечто» оказалось намного легче, чем ей показалось вначале. Даже сил прилагать для этого не потребовалось.

Рональд удовлетворенно кивнул, и, не говоря больше ни слова, пошел дальше. Трое Избранных, с удивлением переглянувшись, поспешили за ним.

Ли-фанна.

В пещере было темно. И сыро. И тихо — слышно было только журчание воды где-то неподалеку. Это было первое, что Ли-фанна увидела и услышала там: темнота и тишина. Похоже, Левиафан не хотел показываться никому на глаза.

Ли-фанна полагала, что вошла почти бесшумно... но никогда не стоит недооценивать древних драконов, пусть и бывших... и пусть даже они беспробудно спали целых восемь эр.

Едва Ли-фанна вошла в пещеру, вода в огромном подземном озере, невидимом девушке, вдруг вскипела. Из глубины темной воды буквально вылетела, как если бы у Левиафана был реактивный двигатель (это сравнение, разумеется, исключительно земное — до реактивных двигателей прогрессу на Листе лететь и лететь), драконья голова на длинной шее.

Левиафан был мало похож на настоящего дракона, как выяснилось при рассмотрении. Видно, черная магия Легиона сказала на его облике. Но глаза его, как глаза любого «правильного» дракона, светились в темноте, только каким-то неправильным, ледяным светом. И вот еще, что странно: как только он вынырнул из глубины своего обиталища, пещера сразу осветилась исходящим непонятно откуда синеватым светом. И в этом свете Ли-фанна смогла рассмотреть своего противника во всех подробностях...

...Больше всего он походил на морского змея, с которым, по легенде, однажды сразился великий герой и путешественник Борнхельм Гаялльсон. Конечно, сравнение было не самым удачным: морской змей все-таки не дракон, да и сама Ли-фанна ну никак не выдерживала сравнения с легендарным мореплавателем. Но мысль о Борнхельме Гаялльсоне напомнила о далеком доме, и на душе стало даже как-то легче.

...Когда-то чешуя Левиафана-дракона была рубиново-красной. Но потом, после того, как драконье пламя его погасло, она почернела, став похожей на обсидиановую броню легионеров. И теперь в этом непонятном свете чешуя Левиафана тускло поблескивала, отчего казалось, что его длинное, гибкое тело тоже светилось в темноте. Он и вправду очень походил на змею, только морда оставалась драконьей. И еще у него были огромные — даже в сложенном виде огромные! — крылья.

Он высунулся из воды почти наполовину и теперь оглядывался по сторонам, высматривая того, кто посмел прийти к нему. Ли-фанна порадовалась тому, что вход, где она все еще стояла, оказался в тени. Но радоваться пришлось недолго...

— Кто здесь?.. — услышала вдруг Ли-фанна тихий, больше похожий на змеиное шипение, голос. Голос, который совершенно определенно принадлежал Левиафану... — Не прячься. Я вижу свое отражение в твоих зрачках... Кто ты, что посмел прийти сюда, нарушив мой покой?..

Меньше всего Ли-фанна ожидала, что Левиафан умеет говорить. То есть, она, конечно, знала, что все древние драконы умели разговаривать, и даже могли превращаться в людей. Но почему-то в случае с Левиафаном ей казалось, что речь он утратил, как и все драконье...

— Отвечай! — поторопил Левиафан. — Иначе я убью тебя, не разбираясь!

— Я не нарушала твой покой! — набравшись смелости, ответила Ли-фанна и сделала шаг вперед.

— Не нарушала? — с усмешкой, если такие чудовища только могут усмехаться, промолвил Левиафан. — Стало быть, не ты пришла сюда и пробудила меня?

— Я пришла сюда, — Ли-фанна не стала отрицать очевидное. — Но вот пробудила тебя не я.

— А кто же? — в шипящем голосе Левиафана прозвучала угроза.

— Легион, — ответила девушка, совершенно нехотая ловя себя на мысли о том, что это слово наводит на нее куда больший ужас, чем когда-то имя Левиафана.

— Ты лжешь! — взревел Левиафан. Потолок пещеры задрожал от этого рева. — Они не посмели бы прийти! З... постой! Ты ведь из этих... свержмагов, — презрительно прошипел он. — Как ты смогла пройти? Где они?

— Коридор обвалился, и все легионеры остались в другой части пещеры. Если выжили, — Ли-фанна старалась говорить спокойно, и не думать о том, что эта фраза вполне могла относиться к ее друзьям. — А твой друг, если ты хотел спросить о нем... думаю, он умер. И давно...

— КАК?! — прервал ее бывший дракон. Девушка схватилась за уши — иначе она сразу бы оглохла. — Как это возможно?!

— Ты проспал около полутора тысяч лет, — ответила Ли-фанна.

До нее только сейчас дошло, что Левиафан ничего не помнит о своей многолетней спячке. Поэтому он и не начал пока что крушить все вокруг, как предсказывали все, от хозяина Эймара до Хэлы. Наверное, опасно было говорить ему об этом, но если не ответить, есть вариант умереть, прежде чем удастся что-то придумать.

Похоже, Левиафан сначала не понял — по крайней мере, не осознал до конца ее слов. Но через несколько мучительных для Ли-фанны секунд — она ожидала вспышки неукротимой ярости, гнева, чего-то разрушительного — Левиафан сказал:

— Теперь я помню... — его голос стал тише, и в нем появилась какая-то печаль. — Сверхмаги... Чертова Триада... они усыпили меня. Надо было разделаться с ними сразу, без промедлений!

Последние слова он почти прорычал, как-то очень уж угрожающе повернув голову к Ли-фанне. Но девушка не сдвинулась с места.

— Они были сильнее меня, — продолжал падший дракон. — И почти справились со мной. Я думал, они убьют меня... так же, как я убил бы их...

— Но ты жив, — осторожно сказала Ли-фанна. Сейчас она яснее ясного осознавала слова Рональда, произнесенные им уже давно, в Северных горах: «Изначально он не был чудовищем. Его таким сделали». Казалось, Левиафан не может освободиться от тяжелого груза, давящего на него. Хотя, наверное, он был бы этому рад. — Они не захотели убивать тебя.

— Почему? — очень тихо спросил Левиафан. Сложно было поверить в то, что такое чудовище может говорить с такой искренней болью в голосе. — Почему они не захотели избавиться от меня, как хотели избавиться от них?..

— Потому что ты дракон, — Ли-фанна сама удивлялась спокойствию своего голоса, но продолжала, — потому что они понимали, что ты воевал против них не по своей воле...

— Да что они понимали! — внезапно вскричал Левиафан. — «Не по своей воле»! Ха! Я сражался с этой горсткой магов и рыцарей, потому что меня попросил об этом Зендер!

— Зендер? — переспросила Ли-фанна. Слово было знакомым: кажется, это был клич легионеров: «Слава Зендеру!», или что-то в этом духе... Больше всего это слово было похоже на имя мрачного и злого бога мертвых и подземелий, Зентара. Ли-фанне и казалось до сих пор, что легионеры поклоняются ему, только в какой-то измененной форме. Неужели она ошибалась?

— Зендер... единственный человек, который понимает... понимал меня. Ради друга можно и сразиться со всеми этими...

Ради друга... Неужели Левиафан совершал... все, что он совершал... неужели он делал это добровольно? Ради своей дружбы? Но в таком случае...

Считать Левиафана чудовищем ей больше не удавалось. Ведь разве Мифьол не пожертвовал собой ради нее? Разве она не готова была сейчас встретиться лицом к лицу с Левиафаном ради всех, кого любила? Левиафан ведь был совершенно не виноват в том, что его друг оказался предателем. Вот она — драконья преданность, вечная и неизменная...

— Но разве тебе нравилось убивать? — осторожно спросила Ли-фанна. — Зачем ты делал все, что он тебе приказывал?

— Он не приказывал, — падший дракон покачал своей огромной головой. — Он просил. Это другое. И как можно было не выполнить его просьбы, если он мог восстановить немного моих сил...

— А что случилось с твоими силами? — спросила Ли-фанна, хотя знала ответ. Дракон пока не собирался нападать на нее, а ей хотелось поподробнее разузнать обо всем произошедшем восемь эр назад. Она, несмотря ни на что, сочувствовала этому, пусть бывшему, но все же дракону. А сражаться... ей и раньше не особо этого хотелось, а теперь вообще... Как можно сражаться с тем, кого даже не считаешь врагом? Так или иначе, Левиафан казался ей куда человечней всех легионеров, вместе взятых.

— Они исчезли, — сказал Левиафан, — после того, как я присоединился к Зендеру и Легиону.

— И тебя это не насторожило? — спросила Ли-фанна. — Силы ведь не пропадают просто так.

— По-твоему, я должен был предать своего единственного друга? — спросил Левиафан, и в его интонации снова появились рычащие нотки.

— Нет-нет, что ты! Просто... — Ли-фанна замаялась, не зная, что теперь сказать. Разговор, кажется, зашел в тупик.

— Зачем они пробудили меня сейчас? — спросил вдруг Левиафан. — Если уж я проспал полторы тысячи лет... зачем?

Он явно ждал от нее ответа. Но как сказать, что те, кого он считал своими, ради кого сражался и убивал, хотели использовать его — и раньше использовали — как оружие массового поражения? Что произойдет, если он узнает об этом?

— Они... — медленно и тихо начала Ли-фанна. — Они хотели, чтобы ты в своей ярости уничтожил все вокруг... и тогда они правили бы всем миром.

В светящихся ледяным огнем глазах Левиафана читалось непонимание. Но ни злости, ни гнева в этих глазах не было.

— Но... если так... зачем ты пришла сюда? — спросил Левиафан.

— Чтобы остановить тебя, — почти прошептала Ли-фанна.

Непонимания в его глазах стало только больше.

— Остановить? То есть... — как-то неуверенно начал Левиафан.

Ли-фанна только кивнула в ответ. Нужных слов не было. А врать драконам просто бесполезно: это известно, кто знаком с древними легендами. А в Левиафане, каким бы чудовищем он ни был, драконьего было намного больше, чем можно было бы представить.

— Но как же ты попала сюда? И кто ты? — спросил вдруг Левиафан. — Только сильнейшие могут остановить меня. Кто ты, сверхмаг?

— Я Ли-фанна Лотье, — твердо сказала девушка. — И, да, я сверхмаг. Я пришла сюда... сложно сказать, как. Мне в последнее время все говорили, что я какая-то избранная... что только я могу остановить тебя и запустить какие-то великие перемены на Листе... Почему все это так — я не знаю. Но недавно мне сказали, что я... связана с тобой, твоими силами и твоей судьбой. И поэтому меня послали сюда. Всем что-то нужно от меня — и даже Легиону, и...

Ли-фанна не знала, зачем она сейчас начинает оправдываться перед Левиафаном. Неужели она виновата перед ним в чем-то? Тут уж скорее наоборот...

Но даже сейчас — вот уж странность! — Левиафан не собирался атаковать ее. Но где-то в глубине его печальных глаз появилось что-то... пока что неопределенное, необъяснимое, но уже пугающее.

— Так, значит, это твою кровь я чувствую в своих жилах, Ли-фанна Лотье, — задумчиво произнес падший дракон, глядя девушке прямо в глаза, — значит, благодаря тебе я смог пробудиться... Но ведь ты должна быть моим врагом... Почему же я не чувствую в тебе той ненависти, которую должен испытывать ко всем сверхмагам?..

Теперь удивилась Ли-фанна. Что значит «ненависти, которую должен испытывать»? Легион, что, принудил его ненавидеть кого-то? Но главным было даже не это. Главным было вот что: если ни Ли-фанна, ни Левиафан не собирались убивать друг друга, то почему же ее целенаправленно посылали на сражение? Неужели ни Хэла, ни хозяин Эймара, ни учитель Сойрен не могли предвидеть такого развития событий?

С Левиафаном теперь ей было вообще ничего не понятно. После разговора с ним почти невозможно становилось представить, что это именно тот самый Левиафан — древнее чудовище, едва не уничтожившее Лист много эр назад. Он был запутавшимся в себе самом существом, преданным лучшим и единственным другом, но все еще остававшимся преданным ему. Что-то здесь определенно не сходилось...

Некоторое время они оба молчали. И вдруг, когда молчание уже явно затянулось, непонятно где — Ли-фанне показалось, что прямо у нее в голове — раздался голос:

— Чего ты ждешь! Атакуй! Убей девчонку! Она — сверхмаг! Она — враг!

Она сразу узнала этот голос: предводитель Легиона! И не возникало никаких сомнений по поводу того, кому был адресован весь этот набор восклицательных предложений.

С Левиафаном же в этот момент начало твориться что-то совсем неладное. Его глаза, до этого светившиеся ровным льдистым светом, вдруг зажглись багровым огнем, а черная чешуя, наоборот, утратила свой блеск, и стала точь-в-точь, как легионерские доспехи. На спине его неожиданно вздыбился гребень из таких же черных шипов, а крылья воинственно поднялись... А самое плохое, что после этой своей метаморфозы бывший дракон отнюдь не собирался оставаться таким же мирным. Он бросился на Ли-фанну...

Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд.

Дверь была просто огромной — почти в три человеческих роста. Позолоченная, с узором из обсидиановых стрел... и без единого замка или ручки. А самое неприятное — она

преграждала единственный путь дальше.

— Оно там, — уверенно сказала Алька, показывая на эту дверь.

Внезапно открывшееся у нее «второе зрение» очень помогло им добраться сюда. Рональд решил, что лучше довериться Альке, чем блуждать по всей пещере, выискивая неизвестно что. Девушка провела их запутанными коридорами, которых, казалось, было просто неисчислимое множество. И в итоге они оказались здесь, перед этой дверью, куда привело их неведомое нечто, видимое только Альке.

— И как же нам туда попасть? — спросил Эван у Рональда.

— Скорее всего, наше присутствие уже заметили, — ответил он, немного подумав. — Значит, скорее всего, сами откроют.

— С чего бы это? — спросил Тарлиан.

— Насколько я знаю, предводитель Легиона всегда не прочь побеседовать со своими врагами, чтобы показать им, какой он умный и злобный. О, глядите!

Рональд оказался прав: дверь сама медленно начала подниматься вверх.

— Идемте, — поторопил Рональд своих спутников.

— А у нас есть выбор? — спросила Алька, боевой задор которой несколько угас.

Рональд ничего не ответил и прошел через дверь. Остальные — за ним. Произошло это примерно в то же время, когда Ли-фанна начала свою беседу с Левиафаном...

От подземного логова легионеров можно было ожидать чего угодно, но никак не того, что оказалось там в действительности. После Гройвуда у наших Избранных осталось впечатление, что кроме черного, легионеры никаких других цветов не знают. Но здесь все пестрело разными цветами, причем преобладал золотой, и, конечно же, черный. Все-таки легионеры всегда были легионерами, хотя сейчас они стали куда более мрачными. А раньше они, судя по всему, любили роскошь. Очень любили. Сейчас, в эру Грифона, не каждый богатый граф может позволить себе такое убранство! И откуда древние легионеры только натащили столько драгоценностей, которые кое-где валялись прямо под ногами? Впрочем, эта большая круглая комната с очень высоким потолком была обставлена очень даже неплохо. Но кое-что роднило ее с тронным залом легионерского предводителя в Гройвуде: центральное место в ней было отдано огромному роскошному трону. Никто из наших друзей не удивился, если бы вдруг выяснилось, что трон этот настоящий, украденный из какого-то королевства. А на троне восседал предводитель Легиона...

— И кто же тут у нас? — с крайне странным для него удовлетворенным выражением спросил он. — Неужели наши героические беглецы соизволили вернуться? Какая честь!

«Похоже, он на радостях совсем помешался», — подумал Тарлиан.

А предводитель действительно выглядел просто донельзя довольным. Наконец-то все шло по его плану!

— Чем же я заслужил подобный визит? — в притворном недоумении продолжал предводитель. — Вы тоже не смогли пропустить такое веселье, не правда ли? Но, увы, веселиться вам осталось недолго! — и он разразился хохотом, полагая, видимо, что выглядит сейчас очень устрашающе и по-злодейски.

— На твоём месте я не был бы так в этом уверен, — сказал Рональд, с презрением глядя в глаза предводителя.

— А где же та, что начнет все? — спросил вдруг главный легионер. — Уже отправилась навстречу судьбе? Ну что ж... значит, мы ее уже не увидим.

У Эвана рука сама собой сжалась в кулак, а потом потянулась к ножнам, причем

произошло все это подсознательно.

Предводитель Легиона заметил это его движение, и нехорошо усмехнулся, глядя на паренька.

— Что я вижу? Ты хочешь сразиться со мной? Что ж, это возможно. И за твою храбрость я даже щедро вознагражу тебя: быстрой смертью.

Эван рванулся было вытащить меч из ножен, но его вовремя остановил Рональд, положив руку ему на плечо:

— Не сейчас. Пока еще не время.

Эван убрал руку.

— Все-таки испугался? — предводитель, казалось, даже расстроился: — Жаль, жаль. Я уже настроился на знатное сражение.

— Может, хватит нам зубы заговаривать? — спросил Рональд.

— Да как ты смеешь так разговаривать со мной?! — взорвался предводитель. — Я вот-вот стану повелевать всем миром! А ну отвечай: зачем вы пришли сюда? Помогли бы лучше своей подруге. А то сражаться не хотите, а от оскорблений толку, сами понимаете, нет.

«Ну надо же! — подумал Тарлиан. — Первая более-менее здравая мысль за все это время!»

А ведь действительно, зачем они сюда пришли? Только потому что Алькино «второе зрение» привело их сюда, а помочь Ли-фанне не было никакой возможности? Или по какой-то другой причине?

— Для чего мы пришли сюда? — переспросил Рональд. — Да так, ничего особенного. Просто для того, чтобы навсегда избавиться от тебя.

После таких слов трое Избранных взглянули друг на друга с неописуемым удивлением. Ну ничего себе «ничего особенного»!

— По-моему, о таком повороте событий речи не было, — шепотом сказала Алька, так, чтобы не услышал никто из легионеров, которых в комнате было порядка сотни: остальные разбрелись по всей пещере, ища по приказу предводителя сильные артефакты, принадлежавшие некогда первым легионерам.

Но если Альнора, Эван и Тарлиан пришли в некоторое замешательство, услышав эту реплику Рональда, то предводитель только засмеялся:

— Избавиться от меня? Да кто ты такой, чтобы хотеть этого? Да и не многовато ли желающих сражаться для одной вашей компании?

— Неужели теперь ты боишься? — с насмешкой поинтересовался Рональд.

— Боюсь? Я?! — похоже, предводителем снова начинала овладевать его обычная ярость. — Да за кого ты меня держишь?! Никогда и никого я не боялся, не будь я Кайворд Эрлис!

Эта реплика прозвучала как-то слишком уж неожиданно, так что никто сразу не понял главного ее смысла: предводитель назвал свое настоящее имя! А ведь его знали лишь немногие из легионеров! Похоже, он раскрылся случайно, не отдавая себе в этом отчета.

«Он Эрлис? — в крайней степени удивления подумала Алька. — теперь понятно, как семья Норики связана Легионом! Интересно, кем ей приходится... этот вот?»

Эван и Тарлиан, конечно же, не поняли до конца признания предводителя: они ведь не знакомы были с Норикой! (И, надо сказать, к счастью для них). А вот Рональд, кажется, прекрасно понял все.

Но продолжить этот странный разговор не удалось: где-то в глубине пещеры, кажется

даже — за несколько миль отсюда, послышался какой-то грохот. А потом — дикий рев, ничем не напоминающий драконий. Это произошло как раз в тот момент, когда Левиафан решил атаковать Ли-фанну.

— А вот, кажется, и основное веселье начинается. Кульминация! Но скоро нас ожидает и развязка... — предводитель захохотал, будто бы сразу забыв о наших друзьях.

— Подожди смеяться, — оборвал его Рональд. — Неизвестно еще, как все закончится.

— И что же, по-вашему, там непонятно?! Все! *Finita la comedia!* Великий Легион скорс вознесется над всем миром, и починит себе всех этих жалких людишек!

— Может, представление скоро и закончится, но вот не факт, что ты попадешь на финальную часть, — раздался вдруг голос из неосвященного угла комнаты. До боли знакомый голос. — Уж поверь мне, все билеты давно распроданы. Аншлаг, что называется.

А вот такого поворота событий не ожидал никто! Хотя, конечно, все наши Избранные уже убедились на собственном опыте, что самые непредсказуемые люди в мире — это...

— ...Рэндиан! — изумленно воскликнул Рональд, мигом узнавший голос брата.

— Именно! — Рэй вышел на свет. Легионеры разом отпрянули от места, где он стоял.

Да на их месте любой отскочил бы в сторону! Одновременно с тем, как шагнуть вперед, Рэй материализовал свой меч. А он так ярко вспыхнул серебристым, почти лунным, светом, что даже наши привычные к свету Избранные вынуждены были прикрыть глаза. А с учетом того, что легионеры не выносят подобного света...

— И что это? — спросил предводитель, стараясь сохранить все то же презрительное выражение лица, хотя видно было, что он пребывает в некотором шоке. — Нежданное подкрепление?

— Можно и так сказать, — ответил Рэй, беспрепятственно подходя к остальным. Никто даже не подумал его остановить.

— Ты что тут делаешь? — спросил Рональд у брата, но спросил тихо, чтобы никто из легионеров не услышал: пусть думают, что все идет по какому-то, на самом деле несуществующему, их плану.

— Не хочу сейчас об этом говорить, — Рэй улыбнулся и подмигнул брату. — Потом расскажу.

— Стоит ли это понимать так, — начал предводитель, в глазах которого снова уже засверкали яростные молнии, — что вы бросаете мне вызов?!

— Именно, — хором ответили братья.

— Ну, что же... раз уж вы настолько отчаянны, тогда... в атаку! — крикнул он, подавая сигнал своим войскам, которые сразу же схватились за мечи...

...Эван едва успел выхватить свой клинок из ножен. Тарлиан оказался быстрее: он свой меч успел даже воспламенить. Алькин же меч появился в руке у девушки за долю секунды. Только девушке почему-то казалось, что она видит какую-то черную ауру...

Рэй с одобрением оглядел всех троих... и в этот самый момент все легионеры (за исключением предводителя, который считал себя выше сражений) накинулись на них, применяя свой любимый прием: массовую атаку.

А далее последовало нечто такое, чего практически невозможно было предвидеть: Рэй и Рональд бросились им навстречу, попутно снося своими клинками всех, кто попадался на пути. Такого «тарана» никому из наших Избранных видеть еще не приходилось...

Но все же легионеров было больше сотни, а братьев Меннерсов всего двое. Как бы виртуозно они не сражались, победить всех легионеров было бы нереально.

Когда пылающий меч Тарлиана первый раз скрестился с легионерским обсидиановым клинком, даже искры полетели. Легионер, хотя и был в полном боевом обмундировании, отшатнулся от этих искр назад. Подготовка подготовкой, а плавить обсидиан эти искорки могут не хуже большого открытого пламени.

«Вот, значит, как! — подумал тогда Тарлиан. — Не только с водой можно сражаться огнем! Ну, теперь держитесь...»

И он сделал еще сильнее пламя на своем мече. Ловко ушел от очередного удара, переместившись чуть ближе к центру комнаты. Какова была его цель в этой битве, он пока что не понял. Наверное, расправиться с как можно большим количеством легионеров, чтобы дать Ли-фанне время. Ну и самому выжить, по возможности. Поэтому он сражался сейчас отчаянно, не жалея ни себя, ни легионеров. Именно сейчас он чувствовал в себе небывалый прилив сил. Будто сейчас, накануне конца света, все сомнения исчезли, а с ними — и все то, что ограничивало его силы. Вернее — ограничивал их он сам. Одно дело — принять свои способности такими, какие они есть, а совсем другое — позволить себе использовать их на полную. Раньше Тарлиану не хватало смелости для этого. Теперь же все в момент изменилось.

Несколько раз он даже превращался в птицу, поражая своих врагов сверху. Легионеры ничего не могли с ним сделать. Они боялись его, хотя и не хотели показывать этого. Они ненавидели фениксов почти так же, как сверхмагов, но справиться с ловким и сильным противником, который прекрасно владел мечом, и за мгновение мог превратиться в феникса, было практически невозможно. А Тарлиан, хотя ему и сложно было пробивать обсидиановую броню, отступить совершенно не собирался.

Как не собиралась сдаваться и Алька. Меч и кинжал в ее руках мелькали так, что лезвия едва можно было разглядеть. Девушка и сама не поняла, откуда у нее взялась такая скорость и упорство. Не иначе, как перешли от предка-сверхмага. Дориус Вирт ведь тоже сражался кинжалом: так говорила Хэла.

Увертка, ловкая подсечка — и сразу же отскочить в сторону, чтобы не напороться на обсидиан. Откуда только силы брались? Сражаться с оружием в обеих руках было неудобно лишь поначалу. Так же, как и Ли-фанна, Алька сразу поняла: это оружие для нее идеально.

Окружение? Ну и что? Пара взмахов мечом, да таких, что легионеры не успевают среагировать — и снова она в относительно спокойном месте. Неужели она, пятнадцатилетняя девушка, так легко справляется с лучшими легионерами, приближенными к предводителю? Верилось в это с трудом. Уж не замешана ли в этом внезапно открывшаяся способность чувствовать черную магию?

Так или иначе, черная аура вокруг меча определенно существовала. И более того: она сгущалась при приближении к правой части комнаты. И хотя Алька понятия не имела о том, что все это может означать, она очень хотела это выяснить. А значит, стоило попробовать прорваться туда...

А что же Эван? Да все то же самое. В пылу битвы он, правда, не чувствовал в себе никаких новых сил, но владеть мечом он будто стал еще лучше, чем раньше. Ни одному легионеру не удавалось даже слегка задеть его своим обсидиановым клинком.

Он даже не понял, как именно оказался в центре комнаты. Тарлиан еще только пытался прорваться сюда, Алька вообще была неизвестно где, так же, впрочем, как Рэй и Рональд. А ему как-то удалось проскочить...

Странно, но здесь было пусто. Легионеры будто специально дистанцию, не подпуская

сюда никого из Избранных. Потому что...

...Предводитель-то был здесь! В сражение он так и не вступил: гордость не позволила. Так что с самым, как ему казалось, гордым и мрачным видом он так и сидел на своем троне.

— Что же я вижу? — с презрением спросил он, заметив Эвана. — Неужели кто-то соизволил пожаловать ко мне? И надо же, какое знакомое лицо! Кто же ты, витязь?

— Эван де Ориман, — спокойно ответил юный князь. Предводитель не внушал ему совершенно никакого страха. Да что там страх! Даже никакой ненависти к нему он не испытывал, хотя, казалось бы, это ведь предводитель Легиона...

— А... ну да, ну да. Значит, будущий князь Ориманский. Тогда понятно, откуда я тебя знаю. Ты очень похож на отца и деда, — он зловеще усмехнулся.

— Так значит, это был ты?! — внезапно догадался Эван. — И ты еще...

Его рука сама собой стиснула рукоять меча. О том, что когда-то, в далекой молодости его деду довелось сразиться с каким-то легионером, он прекрасно знал, как и о том, что вернулся тогда дед тогда едва живым. С тех времен Легион в Оримане стали люто ненавидеть, и это, кстати, послужило одной из причин, почему отец отправил Эвана именно к эфарлендским Фениксам: они-то с Легионом боролись всегда, причем успешнее всех на Листе. И вот сейчас этот самый легионер, едва не убивший одного из величайших правителей Ориманского княжества, восседает перед ним на троне и нагло смеется ему в лицо!

Хотя бывали моменты, когда Эван свою фамилию просто ненавидел, семейная гордость у него была всегда. А уж чтобы кто-то в его присутствии (да и не в присутствии тоже) пытался оскорбить его род... такого юный князь позволить не мог никому и никогда. Пусть даже это и предводитель Легиона, который может одним ударом прикончить его.

— Рад, что ты такой догадливый, — осклабился предводитель. — И что же теперь? Схватишься за меч, чтобы отстоять честь своей семьи?

— А почему бы и нет? — спросил Эван. — Тем более, мой меч готов. А на твоём счету не только моя семья...

Оскорблять своих друзей он тоже не мог никому позволить. Особенно легионерам. Особенно, если это касалось Ли-фанна...

— Ну, если ты так этого хочешь... — предводитель встал. Движением руки отодвинул трон ближе к сражающимся. Хотел произвести впечатление своей магической силой. Дешевая показуха, ничего больше. — Тогда бой. Один на один. Битва двух правителей! Что может быть увлекательнее?

И сейчас Эван, перехвативший поудобнее меч, даже не подумал возразить ему о том, что он не правитель. Хотя ему эта мысль совершенно не нравилась... ситуация была не та.

Предводитель материализовал свой меч — здоровенный двуручник, целиком сделанный из обсидиана — даже рукоять. Сложно даже представить, как этот огромный волнистый клинок, который едва ли не больше предводительского роста, может держаться у него в руках. Но Кайворд Эрлис, каким бы сумасшедшим он не был, еще не научился держать меч.

Противники начали медленно сходиться...

...А Тарлиан в это же самое время мощным ударом пробил доспех и повалил на землю очередного легионера. Дальше думать о нем времени не было, и Тарлиан переключился сразу на двух, подбиравшихся к нему сзади. Он широко размахнулся, уже понимая: двоих одним ударом не сбить. Ударить одного — подставиться другому; превратиться сейчас в птицу — упустить обоих и дать им время. И все-таки...

Он ударил одного, кажется, сломав ему руку, сразу же каким-то чудом отбил атаку второго своим мечом... вернее — почти отбил. По руке сразу потекла до странности горячая струйка крови. Он где-то в глубине сознания удивился тому, что рука пока не спешила отниматься. Но это было сейчас не главное. Он крепче перехватил меч и продолжил бой...

...И сам не заметил, как оказался плечом к плечу с Рональдом. С учетом того, что Рональд вместе с Рэем с самого начала были в самой гуще сражения, Тарлиан понял: почти пробился!

— Ты как? — спросил Рональд, когда легионеров, нападающих на них, стало чуть меньше.

— Порядок, — ответил юноша, не прерывая боя с одним очень увертливым легионером. Вж-жих-х! Меч противника просвистел прямо над его головой. Хорошо, успел вовремя присесть, а не то меч этого... нелюдя встретил бы на пути преграду в виде его шеи.

Снова встав, Тарлиан, недолго думая, выждал следующую атаку и ударил своим клинком руку врага. Обсидиановый меч выпал и руки легионера, беззвучно ударившись об пол. И тут Тарлиан заметил, что не только его падение было беззвучным. В пещере вообще не осталось ни единого звука. При этом легионеры будто бы застыли на месте, причем в самом разгаре сражения. Тарлиан увидел неподалеку от себя озадаченных Рэя с Рональдом. А чуть поодаль стояла Алька, держащая в руке какой-то странный предмет...

...А за несколько минут до этого Альноре все-таки удалось достигнуть своей цели. Ни один легионер не смог остановить ее на пути к этой правой стене пещеры.

Зачем же она так стремилась попасть сюда? Что рождало эту черную ауру вокруг ее меча? Какой темный артефакт привел сюда их всех?

На первый взгляд место, куда она с таким трудом пробилась: даже сейчас не переставала кровоточить ссадина на левой руке, и правая рука, сильно ушибленная, тоже пока не собиралась успокаиваться — ничем не выдавало своей исключительности. Обычная на первый взгляд стена... разве что каменная кладка в одном месте треснула. Учитывая то, что вся остальная стена была идеально целой, это могло навести на определенные мысли...

Она подняла руку, выпуская в эту треснувшую кладку ступок сверхмагической энергии. Девушка рассчитывала сломать эту стенку, раз уж в ней появилась трещина. Но результат превзошел все ее ожидания.

Камни из стены просто вылетели под действием ее силы. Альке пришлось даже отклониться в сторону, чтобы ее не задело.

За каменной кладкой обнаружилась неглубокая ниша, на дне которой лежал какой-то шарообразный сверток. И именно он, Альнора ясно чувствовала это, излучал эту черную ауру, приведшую Альку сюда.

Было, конечно, очень страшно, но девушка каким-то шестым чувством осознавала, что этот темный артефакт, что бы это ни было, сейчас для нее очень важен. Она осторожно коснулась свертка...

«Итак, Избранная, ты пришла, — прозвучал вдруг прямо в голове жуткий бестелесный голос. — Пришла, чтобы встретиться наконец лицом к лицу со своей судьбой... своим даром и своим проклятием».

Алька молчала. И вслух ничего не говорила, и мысленно тоже. Что это вообще был за голос? Откуда он взялся? И откуда он знает ее? А потусторонний голос между тем продолжал:

«В этом шаре хранится мощное заклинание, которое обеспечивает защиту всем

легионерам, находящимся в этой пещере. Ты можешь уничтожить его, и тогда те, с кем ты пришла, смогут честно сразиться с ними и, может быть, одержать победу. Или же ты можешь сама использовать это заклинание. Ты станешь неуязвимой, сильнейшей из сверхмагов! Ты сможешь легко побеждать всех своих врагов. Я дам тебе силу, какой не обладал ни один из легионеров или же сверхмагов. Только впусти в себя энергию этого шара, и тебе откроются небывалые горизонты! Все твои самые амбициозные желания будут исполнены...»

Разумеется, все, кто знал Альнору в Дарминоре, знал и о том, что она не лишена самолюбия и некоторой амбициозности. Действительно, она всегда стремилась быть лучшей — и была ею, что уж там говорить. Лучшей в учебе, в общественной жизни, первой красавицей класса. Единственное, где ей не удавалось достичь таких высот — сверхмагия. Особо сильного дара у нее никогда не было, а к сверхмагическим знаниям ее в академии Феникса почему-то не допускали. Хотела ли она быть сильнее всех сверхов? Хороший вопрос, точный ответ на который может дать только она сама. Но в любом случае, таинственный голос знал, что ей предложить...

Алька задумалась. Не то, чтобы ей хотелось действительно согласиться на предложение голоса, но стоило хотя бы попытаться разобраться в том, что именно он хотел предложить ей.

«Но тогда эта сила останется у меня только здесь, в пещере», — подумала Алька, зная: ее услышат.

«Нет... я сделаю так, чтобы она была с тобой постоянно. Только представь: ты — сильнейший сверхмаг! Ты легко сможешь одолеть любого, кто только встанет у тебя на пути!»

«И даже Легион?» — спросила вдруг Альнора.

«И даже Легион, — ответил голос. — Так ты согласна?»

Стать сильнейшей и в одиночку победить Легион — или же оставить все, как есть, зато...

Зато — что? А что она, собственно, теряет? Что такого в том, чтобы победить Легион? Она ведь не станет делать ничего больше...

Ничего больше. Почему-то эта мысль обратила на себя Алькино внимание. Ведь если она получит эту силу, одинарным ее использованием дело не кончится... А что дальше? С такими силами и ее амбициозностью вполне есть вариант, что потом ей захочется захватить мир...

...Захватить мир. Легион. Стоп! Но ведь этот голос, даже если он и не принадлежал никому из них, все равно был как-то связан с Легионом! Так зачем же ему позволять Альноре побеждать его? Что-то тут не то...

И тут ее осенило. Из нее хотят сделать человеческую версию Левиафана, только и всего. К этому и относились давнишние слова Дионы о том, что она может как спасти мир, так и уничтожить его. Но было тут одно но. Большое такое но.

Альнора не хотела уничтожать мир. Совсем не хотела. Поэтому пришлось аккуратно сложить амбиции в коробочку и задвинуть ее в дальний угол сознания.

«Нет», — подумала Алька, снова обращаясь к голосу.

«Что — нет?» — он, похоже, даже не сразу ее понял: настолько уверен был, что она согласится.

«Я не согласна принимать твои подачки. И вообще, кто бы ты ни был, убирайся из моей

головы!»

«Ты, похоже, не до конца поняла, кому отказываешь, — вкрадчиво продолжил голос. — Я видел твои мысли. Да, ты права, Альнора Вирт: я хотел переманить тебя на свою сторону. Но теперь я приглашаю тебя к нам. Ты будешь желанной гостьей для нас. И ты все равно останешься сверхмагом — самым сильным из всех сверхмагов! Даже сильнее Ли-фанна Лотье, этой второй Избранной! Ты ведь всегда терпеть ее не могла, разве нет?»

Ну надо же, какую речь развел! И даже Ли-фанну припел: видать, точно мысли ее видел... Только не на ту напал!

«Я своих друзей не предаю, — твердо подумала Алька. — все. Разговор окончен».

Видимо, голос с этим согласился, потому что не произнес больше ни слова. Но вот в голове у Альки будто бы что-то взорвалось, разлившись по всему сознанию дикой болью...

И хотя от этой боли ее почти перестали слушаться собственные руки, девушка все же нашла в себе силы поднять сверток с шаром над головой, а затем разжать руки...

Ли-фанна.

Весь Ориман содрогнулся от того, с какой силой обрушился на нее Левиафан. Всей своей огромной массой, наполовину высунувшись из воды, он будто бы собрался протаранить девушку своей мордой. Не успеет Ли-фанна отскочить в сторону, она бы закончила свою жизнь в брюхе падшего дракона.

— Зачем ты это делаешь?! — закричала Ли-фанна, пытаясь перекричать оглушающий шум воды, которая от маневров Левиафана почти вскипела. — Зачем выполняешь их приказы? Твоего друга уже нет. А они... они ведь просто хотят захватить мир с твоей... даже не помощью, а...

— Ты лжешь! — взревел Левиафан, снова кидаясь на нее. Ли-фанна при этом заметила, что голос у него странно изменился: стал куда более грубым и хриплым. С чего бы, интересно?..

Она материализовала свою рапиру: наблюдения наблюдениями, а сражаться все-таки придется...

— Ты серьезно полагаешь, что сможешь победить меня своей зубочисткой? — оскалился Левиафан. — Ты? Меня? Меня, которого не мог одолеть никто из великих героев?

— Не думаю, — тихо сказала Ли-фанна. — Но попробовать стоит.

Но все же как рапирой, пусть даже и магической, победить дракона, пусть даже и бывшего? Без сверхмагии тут любом случае не обойтись... Но как она могла использовать то, чего практически не знала?

А вероятность поразить Левиафана рапирой была практически равна нулю: его обсидианово-черная чешуя была отличной броней, защищающей его тело идеально, без единого уязвимого места.

Был бы тут хоть кто-то из своих... Алька или Тарлиан... А лучше — Эван... Но она была одна. А значит, придется как-то выбираться самой...

Тут она вдруг осознала, что в пещере стало подозрительно тихо: Левиафан ушел под воду, и даже волны в подземном озере затихли, как будто никого в его глубине не было. Что бы это могло значить? Насколько Ли-фанна смогла понять, Левиафана полностью контролировал Легион. А легионеры не привыкли отступать в сражениях. А значит...

...Ей показалось, что озеро взорвалось изнутри — с таким грохотом вверх взметнулся водяной столб высотой почти до самого потолка. В самом центре этого столба черным

стержнем, прямым и длинным, виднелся Левиафан. Сейчас он особенно походил на змея — еще бы не крылья...

А сквозь грохот и шум воды Ли-фанна как-то смогла разобрать голос Левиафана:

— Я... я чувствую... теперь я понимаю... Твоя кровь во мне... она разрушила чары!

Теперь я почти свободен!

Раскрыв крылья, он стремительно вылетел из воды. Водный столб упал, обдав Ли-фанну тучей соленых брызг. И с этими брызгами к ней будто прозрение пришло: она поняла, что именно наделала, позволив легионерам забрать свою кровь. Ведь если бы этого не случилось, Левиафан до сих пор не мог бы выбраться из воды...

— Ну, Избранная, — с жутким оскалом произнес Левиафан, — а вот теперь сразимся...

Он взмахнул крыльями, вложив, видимо, в этот взмах свою то ли драконью, то ли легионерскую, магию. Позади него тут же поднялась огромная волна, которая до жути медленно, и без всякого рокота и шума поползла, постепенно набирая мощь, к Ли-фанне.

Светившиеся раньше ледяным светом глаза Левиафана полыхнули рубиновым, совсем как у неустановившегося сверхмага. Выходит, он действительно связан с ней...

— И чем же ты мне ответишь, сверхмаг? — с самой что ни на есть зловещей ухмылочкой (чудовища, оказывается, тоже ухмыляться умеют), спросил Левиафан.

«Я могу повелевать огнем», — подумала Ли-фанна. — У меня получится с ним справиться».

Но вот в мыслях у нее было гораздо больше уверенности, чем на самом деле...

А волна все приближалась и приближалась... Возможности увернуться не было никакой. Левиафану хорошо: он большой, да к тому же сам эту волну и создал. А ей, еще немного, и придется прощаться с жизнью...

И ладно бы, эта волна просто двигалась навстречу! Но она ведь еще и скорость увеличивала!

«Огонь, — думала Ли-фанна. — Огонь... и где его взять?»

Решение пришло внезапно, и показалось каким-то слишком уж элементарным. Вызвать огонь с помощью сверхмагии — почему бы и нет? Всего-то и нужно, что придать сверхмагической энергии форму пламени. Вряд ли это сложнее, чем превратить в лед бумажный самолетик.

Привычное уже мысленное усилие, и облако аморфной энергии, видеть которое могла, кажется, только Ли-фанна, вспыхнуло вдруг ярко-оранжевой вспышкой. Больше всего это напомнило ей ту битву в Черном лесу, бывшую уже вечность назад. Только тогда ей как-то удалось сразить легионеров какими-то белыми вспышками. А сейчас...

...Сейчас результат превзошел все ее ожидания. Ей удалось не просто создать какую-то вспышку — на волю вырвалась струя пламени, да какая! Никогда раньше Ли-фанна не видела ничего подобного! И это неостановимое олицетворение огненной стихии неслось навстречу созданной Левиафаном волне...

Автору при этих словах почему-то в голову приходят строки великого русского поэта, Александра Сергеевича Пушкина: «Они сошлись. Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...». Тут же получается «Волна и пламень»: немного не так. Но результат, смею Вас заверить, многоуважаемый читатель, был самым что ни на есть непредсказуемым.

...Ли-фанну отбросило при этом столкновении почти к самой стене пещеры. В центре же ее все бушевало и сверкало так, что совершенно невозможно было понять, что вообще произошло.

А в центре пещеры, между тем, бушевал торнадо, которым управлял... а вот это уже большой вопрос, кто им управлял.

Где-то на другом конце пещеры снова взревел Левиафан. Ли-фанна инстинктивно создала еще одну огненную струю, которая с громом, вспышками и почему-то шипением врезалась в уже бушующий торнадо. Он сразу же усилился, закрутился еще бешеней, и почему-то переместился ближе к противоположному от Ли-фанны краю пещеры. Только тогда до девушки дошло, что в действительности произошло: их силы, противоположные по своей природе, столкнулись, но пока что противостояли друг другу без участия их самих... Но плохо было то, что понял это и Левиафан...

...Их огненная и водная струи столкнулись снова, прибавив к уже бушевавшему в пещере урагану еще один. Но сейчас они оба держали еще связь со своими чарами.

...Никогда прежде мир не видел ничего подобного! Невероятное смешение, слияние, противоборство двух стихий, двух сил природы, двух смертельных врагов. Завораживающее. Красивое. Смертельно опасное.

И точно так же, как весь мир, Ли-фанна ничего подобного не испытывала никогда. Вокруг был жар от созданного ей пламени, и одновременно было очень сыро из-за левиафановского водопада, и в воздухе стояли клубы пара. И одновременно она чувствовала все это у себя внутри. Удерживать связь с собственной магией становилось все труднее. Если бы не осознание того, что без этой связи она просто погибнет, Ли-фанна точно уже бы сдалась.

Левиафан же собирался сражаться до последнего. Броситься на Ли-фанну он не мог, зато постоянно обстреливал торнадо водными струями.

...Сколько продолжалось все это безумие — Ли-фанна не знала. Сколько раз она чуть не теряла контроль над собой — тоже. Может, время в пещере вообще остановилось, и эта битва продолжалась бы до тех пор, пока один из противников не рухнул бы замертво. Силы девушки были уже на исходе, огонь иногда угасал, не долетая до разделявшего их вихря. Левиафан же, как дракон, все еще сражался так, будто битва только начала. Хорошо еще, что приблизиться к Ли-фанне он не мог.

И вот, когда Ли-фанна уже практически осталась без сил, Левиафан вдруг просто перестал атаковать. И как только стих бушевавший все это время вихрь, падший дракон подлетел к девушке и, вцепившись в нее когтями своих коротких, но сильных лап, взлетел куда-то вверх. К потолку.

Девушка зажмурилась, чтобы не видеть проносящиеся мимо стены, а главное — свод пещеры, который был все ближе...

...С оглушительным треском Левиафан вылетел из пещеры через потолок. Вниз посыпались разнокалиберные камни и мелкая каменная пыль. Ли-фанна закашлялась. Падший дракон ни на секунду не ослаблял своей мертвой хватки. И сейчас Ли-фанне было попросту страшно.

Внезапно Левиафан заложил крутой вираж, понесшись куда-то вниз. И вдруг отпустил девушку. Она уже попрощалась с жизнью, но падение, вопреки ожиданию, оказалось мягким. Даже слишком мягким.

Она открыла глаза. Встала. Вокруг были одни сплошные горы, что само по себе было совершенно неудивительно. Удивительно было то, что она не могла разглядеть среди этих гор Левиафана...

...Он обрушился на нее сверху совершенно бесшумно, подобно богу смерти, который

своими стрелами поражает людей и отправляет их в царство Зентара. Ли-фанна и не заметила бы его, если бы не черная тень, накрывшая ее.

— Зачем это все? — спросила она, когда он вдруг опустился рядом с ней на землю. Не стал атаковать. — Почему не убил меня сразу?

— Так ведь тогда битва потеряет всякий интерес, — усмехнулся Левиафан. — И потом, разве я не обязан тебе тем, что вновь могу безболезненно находиться на солнечном свете? Было бы даже несправедливо вот так прикончить тебя.

— Отлично. А Легиону ты чем обязан? — устало спросила девушка, удивляясь тому, что вообще находит еще силы говорить.

— Своей дружбой с Зендером! — не терпящим возражений тоном заявил бывший дракон.

— Он уже умер, — сказала Ли-фанна.

— Эта дружба выше смерти!

«Хорошо же — дорожить дружбой с тем, кому ничего не стоило предать тебя», — подумала Ли-фанна, но промолчала.

— А вот теперь, Избранная, можно тебя и убить, — произнес Левиафан, запрокидывая голову к небу и произнося затем что-то очень непонятное, гортанно-рычащее.

Тут же окружающее пространство заполнилось самыми разными звуками: дождь, стремительно движущаяся река, огромные морские волны... образы, связанные с этими звуками, тут же предстали мысленному взору Ли-фанны. Левиафан хотел направить против нее всю мощь водной стихии, попросту затушить ее пламя.

И в этот самый момент она ощутила это самое пламя. Не внутри себя, как Тарлиан, а именно вокруг. Оно было всюду: ей даже казалось, что она может видеть образы, подобные тем, что являлись ей в глубине костра давным-давно... И вместе со способностью ощущать сие священное пламя в ней будто пробудились поколения дремавших раньше предков — эфарлендских ведьм, одной из которых была и Оррайна. И подсознательно девушка поняла, что должна сделать.

Собрав в кулак всю свою волю, всю свою силу, она попыталась собрать, сосредоточить рядом с собой и всю эту огненную силу. И, как это ни странно, ей это удалось. Огонь был невидим, и чувствовать его могла только она. Но он был. И она могла управлять им.

... И снова огонь и вода столкнулись друг с другом. Только сейчас никакого торнадо, вообще никакого смещения двух стихий не было. Наоборот, они столкнулись, оставляя меж собою четкую границу. Два луча — сияюще-алый и глубоко-синий — боролись друг с другом, пытаясь уничтожить. А управляли ими два смертельных противника — девушка и падший дракон.

Ли-фанне казалось уже, что в мире не осталось ничего, кроме контраста двух цветов: красного и синего. Из всех оставшихся сил пытаясь удержать свой огненный луч, она одновременно «толкала» его в сторону Левиафана, машинально повторяя мысленные движения руками.

Она чувствовала: именно сейчас все должно решиться. Скоро конец. Каким он будет — кто знает? Разве что Судьба, в которую она не верила.

Левиафан в очередной раз взмахнул крыльями — ее едва не унесло назад в воздушном потоке. А затем последовала очередная волна «водной» силы...

В этот самый миг произошло сразу несколько вещей: собрав последние силы, Ли-фанна направила в Левиафана последнюю «огненную» волну; внизу Альнора грохнула об пол

пещеры магический шар, а Эван каким-то чудом умудрился достать своим мечом и ранить легионерского предводителя. В следующую же секунду «водная» волна настигла Ли-фанну. Девушка рухнула на землю...

...Вот и все. Она не справилась. Прощайте, мама и Иринка... и отец... и Эван... теперь из-за нее наступит конец света...

Ли-фанна не видела, как созданная ей секунду ранее огненная струя продолжила свое движение и, все больше ускоряясь, понеслась на победно взревшего и вскинувшегося Левиафана...

Волна огня ударила падшего дракона в грудь. Ударила с такой силой, что он, не удержавшись на ногах, упал вслед за Ли-фанной.

— Что? Как?.. — прохрипел он, и Ли-фанна услышала, что голос его вновь стал тем же, что и при первом их разговоре (если это только можно назвать разговором).

Девушка встала, почти не удивляясь происходящему. Хотя то, что она вообще осталась жива, было странно.

— Это ты, сверхмаг? — спросил Левиафан. — Но... хотя нет. Теперь я понимаю. Ты права.

Ли-фанна, сделавшая до этого пару шагов к Левиафану, остановилась. Это было слишком не похоже на все только что произошедшее, чтобы быть правдой. Но бывший дракон сейчас казался ей до странности похожим... на нее саму. Такой же запутавшийся, обманутый, непонятый и непонимающий других.

— Это ведь они сейчас управляли мной, — продолжил Левиафан. — Ты права. Я — их оружие. Инструмент для убийств.

Он говорил с трудом. Почему — Ли-фанна не понимала. Ведь ее последний удар был совсем слабым. Он не мог причинить дракону большого вреда...

— Они просто обманывали меня. Теперь я понимаю, — сказал падший дракон, тяжело дыша. Из ноздрей го выходил пар. — Но я не могу им сопротивляться. Слишком сильно их колдовство. Я мог бы легко уничтожить мир, прикажи они. Но ты победила меня, Ли-фанна Лотье, алый сверхмаг. Но как?..

— Не знаю, — прошептала девушка. — Не знаю...

— Жаль, что я предал отца, — неожиданно сказал Левиафан. — И братьев с сестрами. Но теперь внутри меня снова огонь... и я все понимаю... Как же он жжется...

Он замолчал. Ли-фанна боялась сдвинуться с места. Неужели она справилась? Но почему же тогда так жаль Левиафана?..

— Спасибо... — прошептал он из последних сил и затих. Навсегда.

Эван. Альнора. Тарлиан. Рональд. Рэй.

А минутой ранее в старом логове Легиона битва была еще в самом разгаре. И тяжелее всех из нашей пятерки приходилось, без сомнения, Эвану. Потому что, видимо, Кайворд Эрлис был когда-то отличным воином. Долгое сидение на троне и окончательное помутнение рассудка, конечно, лишили его прежней формы, но мастерство, как говорится, не пропьешь. И даже на троне не просидишь.

Хорошо, что Эван был лучшим учеником Дарминорской академии. Иначе он не смог бы справиться с таким противником. Но все же, как он ни старался, ему не удавалось даже достать его своим клинком.

Когда Альнора разбила магический шар, предводитель не застыл каменным истуканом,

как остальные легионеры. Но движения его почему-то потеряли прежнюю скорость и точность. Видно, они обеспечены были исключительно магией.

А дальше, как автор говорил уже выше, одновременно с тем, как Ли-фанна создала последнюю огненную волну, Эван, изловчившись, пробил защиту предводителя, который как раз собирался атаковать его. Стальной меч юного князя беззвучно соприкоснулся с обсидиановым доспехом противника и... пробил его! Сталь не может вообще как-либо повредить обсидиан, это общеизвестно. Но меч Эвана все же пронзил его и вошел предводителю куда-то в грудь. Кайворд Эрлис пошатнулся, но успел-таки полоснуть юного князя своим клинком, целясь в лицо. Но Эван успел среагировать, и удар предводителя (кстати, нанесенный из последних сил) пришелся по руке. Все это произошло в один миг — потом предводитель рухнул на землю.

Убил или ранил? Да какая разница... Эван и сам с трудом держался на ногах. Пусть предводитель и бил из последних сил, обсидиан есть обсидиан...

Но все же Эван, несмотря на свою боль, решил помочь остальным. Но не успел он сделать и пары шагов, как где-то вверху раздался странный, непонятно откуда взявшийся треск. Посыпались мелкие камешки...

А потом был грохот. И темнота.

Кажется, он даже отключился. Потому что самого момента, когда на них обрушился потолок пещеры, он потом так и не вспомнил.

Придя в себя, Эван почти сразу понял, что произошел обвал. Но вот почему он случился? Об этом оставалось только гадать.

Первым, что он услышал, после гробовой тишины, был кашель Альноры. Значит, она жива. Уже хорошо. Эван ошупью, осторожно, забыв даже про свою рану, добрался до нее.

— Ой! Кто это? — испуганно спросила Альнора, услышав его.

— Это я. Эван.

— Слава богам! — Алька облегченно вздохнула. — Ты жив?

— Вроде да. А ты?

— Кажется, я тоже. А что с остальными?

Тут откуда-то из темноты раздался голос Тарлиана:

— Эй! Вы все живы?

— Мы с Эваном — да! — крикнула Алька.

— Я вроде тоже, — сказал кто-то из братьев: то ли Рэй, то ли Рональд. Просто у них очень похожие голоса.

— А ты кто? — спросил Тарлиан.

— Вчера вроде был Рэй, — последовал ответ.

— А-а... А где Рональд тогда?

— Здесь я. Что со мной делается-то? — послышался голос откуда-то совершенно с другой стороны. — Слушайте, давайте уже выбираться отсюда, пока эти не пришли в себя.

Легионеров действительно не было слышно. Но не могли же все они погибнуть под завалом?

— Легко сказать — выбираться... — произнес Рэй. — Ты хоть какой-нибудь выход видишь?

— А ты голову в мою сторону поверни, может, что и увидишь.

Все обернулись, куда он сказал, и действительно увидели слабый свет, пробивающийся из-за камней.

— Думаешь, там можно выбраться наружу? — спросил Эван.

— В любом случае, там самый короткий путь наверх, — сказал Рональд. — Так что подходите как-нибудь сюда. Вы все целы?

— Более или менее, — скал Тарлиан, и все с ним согласились.

Но добраться до источника света было несколько проблематично: в основном из-за темноты. Но Эван все-таки вспомнил о том, что он, как-никак, маг, и, щелкнув пальцами, создал маленький яркий огонек. Тарлиан решил проблему иначе: он просто подсвечивал себе дорогу своим мечом.

Шел Эван медленно: с ним была Алька, и приходилось постоянно смотреть за ней.

Идти, как показалось юному князю Ориманскому, пришлось целую вечность. Да вдобавок ко всему, проходя через центр того, что было когда-то пещерой, он увидел тело предводителя. Глаза его закатились, на лбу не запеклась еще кровь. Кайворд Эрлис был мертв. И хотя это была хорошая новость, настроения Эвану она не подняла.

Хорошо, что свод пещеры обрушился не до конца — помешали колонны, которые его поддерживали раньше. После взрыва (или что это вообще такое было), вызвавшего обвал, колонны сложились, а потолок, хотя и проломился в нескольких местах, оставил под собой достаточно места, чтобы пройти.

Последним до источника света добрался Рэй. Свет пробивался через небольшую дыру в потолке, достаточную, чтобы туда пролез человек. А на полу очень удачно расположилась куча обломков — своеобразная лесенка.

Первой наверх отправили Альку. За ней вылез Эван, потом Тарлиан, Рэй, и последним — Рональд.

Оказавшись на воле, наши герои смогли в полной мере осознать масштаб разрушений. Похоже, вместе с пещерой обвалилась целая гора. Вокруг были сплошные обломки камней, да глыбы разного размера.

...Вдруг землю снова тряхнуло. Наша пятерка почувствовала, как земля уходит из-под ног...

— Бежим! — скомандовал Рэй, и первым помчался туда, где, насколько ему было видно, не было никаких обломков.

Остальные кинулись за ним. Алька умудрилась на бегу схватить Эвана за руку. Разумеется, быстрее бежать от этого парень не стал. Но Алька и так едва держалась на ногах: одна она просто не добежала бы.

...Едва они выбрались на спокойное место, земля позади них окончательно с грохотом провалилась. Пещера рушилась.

— А где Ли-фанна?.. — спросил Эван. Остальные эту тему поднимать не решались.

Справилась ли она? Победила ли? А главное — осталась ли жива? Эти мысли терзали Эвана с самого момента обвала. Потому что он не сомневался, что случился этот обвал не сам по себе.

И вдруг он заметил где-то вдалеке, на скалах, маленькую фигурку, двигавшуюся, казалось, к ним навстречу.

Эван, ни слова ни говоря, бросился к ней. Он сразу понял, что это Ли-фанна. Каким-то шестым, седьмым, или даже восьмым чувством.

Никогда раньше он не бежал так быстро. А сейчас у него была одна мысль: как можно быстрее оказаться рядом с ней...

— Ли-фанна! Слава богам, ты жива! — воскликнул Эван, поравнявшись с ней.

Она, кажется, не сразу услышала его: все еще пребывала в шоке после сражения. Но вот она подняла на него глаза:

— Эван? Это ты? А... а все наши живы?

— Живы. Все. Мы справились, Ли-фанна! Ты справилась!

— Да, — она отрешенно кивнула головой. — Наверное...

— Ну, ты чего? Все же хорошо! Пошли к остальным.

— Да... да, пошли.

Но Ли-фанна и трех шагов не смогла пройти: ноги у нее подкосились, и она едва не упала на камни. Хорошо, Эван успел ее подхватить...

— Ну вот, — слабо улыбнулась Ли-фанна. — Опять тебе придется нести меня на руках...

— Знать, судьба у меня такая, — улыбнулся Эван и понес Ли-фанну к остальным.

А когда они пришли, оказалось, что сам собой решился вопрос об их возвращении: Хэла каким-то образом нашла их и открыла обратный магический переход: в мерцающем снежном облаке виднелась ее фигура. Так что все восторги по поводу возвращения Ли-фанны были отложены на потом.

Первой через это облако прошла Ли-фанна, за ней — Альнора, потом Эван, Тарлиан, Рэй и Рональд. Потом переход закрылся.

Снова тихо стало на хребте Бэр-Ункар. И только разрушенная гора да мертвое тело Левиафана напоминали о развернувшейся недавно баталии...

Глава 17 и эпилог

Глава 17 и эпилог

XVII. Лист. От Северных гор до Дарминора. Ли-фанна. Эван. Альнора. Тарлиан. Рэй Рональд.

Центральная зала Ледяного замка совершенно не изменилась за время их отсутствия. Да и что могло там измениться за несколько часов? Ведь это только нашим героям казалось, что они пробыли в Оримане целую вечность. На деле же день едва перевалил за середину. Учитывая то, что в путь они выдвинулись ночью, часов двенадцать они провели в пещере Левиафана.

В Ледяном замке, вдали от всех врагов, сражений и прочих ужасов все шестеро наших друзей почувствовали жуткую усталость. И боевые ранения давали о себе знать... Легче всего пришлось, наверное, Тарлиану — он благодаря своему огню феникса сделался «обсидианоустойчивым». Хуже же всего было, без сомнения, Ли-фанне — мало того, что она получила кучу ран и ссадин, — к счастью, незначительных — так у нее было еще и моральное потрясение. И почти полное истощение сверхмагических сил в придачу.

Остальные — то есть Алька, Эван, Рэй и Рональд — вышли из битвы относительно невредимыми. Даже обсидиан, кажется, стал оказывать на них намного меньшее воздействие, чем в начале пути.

— Как же я рада, что вы вернулись живыми! — первое, что сказала им Хэла. — Но все разговоры давайте оставим на потом. Сейчас вам всем нужен отдых. Это как минимум. Вы сами до своих комнат доберетесь?

Ее заверили, что да, доберутся. Но Ли-фанну все равно вызвался проводить Эван. Не

сказать, чтобы она была этому не рада...

Проводив ее, Эван, кажется, хотел еще что-то сказать, но тут пришла Хэла и практически прогнала юного князя в его комнату, сказав, что ему тоже сейчас нужно отдохнуть, а с Ли-фанной он потом наговорится успеет.

Потом дух холода дала Ли-фанне какой-то странный, пахнущий лесными травами отвар, и девушка погрузилась в сон без сновидений...

Проснулась она только на следующее утро, но проснулась уже отдохнувшей, и даже раны стали заживать. Гораздо большую боль все равно причиняла мысль о Левиафане и его смерти. Ли-фанна не знала, почему ей так больно вспоминать о нем. Возможно, дело в их таинственной связи друг с другом...

В любом случае, чувствовала она себя вполне неплохо. А значит, стоило отыскать остальных. А особенно — Хэлу. Она, скорее всего, может знать что-то важное обо всем произошедшем в пещере.

Големы духа холода снова направили девушку в центральную залу. По всей видимости, это было любимое место Хэлы для приема гостей.

По дороге вниз Ли-фанне встретилась Алька.

— Привет! Ты как? — улыбнулась ей Альнора.

— Привет. Вроде в порядке. А ты?

— Тоже неплохо. Голова только болит почему-то. Ты к Хэле?

— А куда еще?

— Ну, мало ли... Пошли вместе, что ли?

— Пошли.

Внизу, в центральной зале, собрались уже все. Похоже, ждали только их с Алькой.

— А вот и две наши главные героини! — улыбнулась Хэла, когда они появились на пороге.

— Почему это «две»? — удивилась Алька. — Я-то что такого сделала?

— Ну, насколько я могу судить, ты сделала очень много, — сказала Хэла. — Разве не ты уничтожила артефакт, дававший защиту всем легионерам в пещере?

После этих слов все с превеликим удивлением посмотрели на Альнору. Девушка даже смутилась:

— На самом деле, этот артефакт сначала хотел забраться в мою голову...

— Тем более! — не терпящим возражений голосом заявила Хэла. — Ты не поддавалась на его уговоры и тем самым блестяще выполнила свою часть пророчества. Разбив артефакт, ты лишила защиты разом всех ваших врагов...

— ...Так вот почему все легионеры вдруг застыли! — осенило Тарлиана.

— Именно, — кивнула Хэла.

— Значит, поэтому я смог достать тогда предводителя... — задумчиво изрек Эван.

— А ты что, сражался с ним? — спросил Рональд.

Юный князь кивнул в ответ.

— А на Левиафана эта защита распространялась? — спросила вдруг Ли-фанна.

— Скорее всего, да, — подтвердила Хэла.

— Тогда понятно, почему мне вообще удалось победить его, — сказала Ли-фанна.

— Не скажи, — дух холода покачала головой. — Левиафан, хоть и был чудовищем, по сути своей оставался драконом. А любой дракон сам по себе имеет очень мощную защиту. И

артефакты тут ни при чем. Но все же мне бы хотелось услышать от вас самих о произошедшем. Я, хотя и могу видеть многое, все же не всесильна. А вам самим, я уверена, хочется больше узнать о случившемся.

Первой рассказывать начала Алька. Память у нее была неплохая, но Эвану и Тарлиану то и дело приходилось дополнять ее. Слушая их, Хэла изредка удовлетворенно кивала головой. Какие выводы она делала из их рассказа? Об этом остается только гадать.

Но договорив до момента, когда она нашла магический шар, Алька вдруг сказала:

— Мне вот только одно непонятно... Рэй, а откуда ты там взялся?

— Кстати, да, — Рональд вопросительно посмотрел на брата. — Ты вроде говорил, что расскажешь.

— Говорить-то я говорил... — Рэй почему-то замялся, подбирая, видимо, слова. — Но если я сейчас все расскажу, никто ничего не поймет. А, ладно! — он вдруг исчез и тут же появился в другом месте — точно так же, как это делал Рональд. Только, в отличие от брата, у Рэя исчезновение сопровождалось неяркой вспышкой.

Увидев это, Рональд радостно улыбнулся:

— И давно? — только и спросил он.

— Позавчера вечером, — ответил Рэй. — И с утра пораньше я помчался к Хэле — думал вас застать, но... в общем, пришлось перемещаться по отдельному плану. А что? По-моему, мое появление произвело неплохой эффект.

— Более чем! — улыбнулся Рональд. — Слушай, это выходит, уже пять лет прошло?

— Ровно, — кивнул Рэй. — Причем позавчера. Ну вот, — сказал он, поглядев на «пророческую четверку». — Я же говорил — никто ничего не понял. Лучше давайте дальше о нашем сражении поговорим.

С этим согласились все. А Ли-фанна в очередной уже раз подумала, что чем дальше с ними путешествуют Рэй и Рональд, тем более загадочными они оба кажутся.

Алька быстренько закончила рассказ тем, как разбила магический шар. О разговоре с таинственным голосом она сказала буквально в двух словах. Не хотелось ей распространяться о том, что этот голос прочитал в ее мыслях.

Потом эстафету перехватил Эван. О своей битве с предводителем он рассказывал, стараясь опускать подробности, и вообще пытаясь как можно меньше заострять на себе внимание.

— А уже потом, после обвала, я снова его увидел, — закончил свой рассказ Эван. — Он был мертв.

— То есть Кайворд Эрлис все-таки умер?! — воскликнул Рональд. — Это же превосходно!

— В каком смысле — Эрлис? — переспросила Ли-фанна, которая не могла слышать случайного признания легионерского предводителя.

— В самом прямом смысле — Эрлис, — ответила Хэла. — Он принадлежит... вернее принадлежал к этому древнейшему и одному из знатнейших магических родов. К сожалению, есть такие люди, которые только позорят свою семью. А ваша одноклассница, — ответила она на изумленные взгляды Ли-фанны и Альки, — приходится ему... если не ошибаюсь, внучкой.

— И ты знала об этом раньше? — спросил Рэй.

— Конечно. Он... был не из тех, кто хорошо умеет хранить собственные тайны. Но к чему об этом говорить? В любом случае, он побежден, а это главное. А сейчас, Ли-фанна,

пришел твой черед рассказать о случившемся.

Ли-фанна больше внимания в своем рассказе уделила своему первоначальному разговору с Левиафаном, чем битве. Ей, несмотря ни на что, жаль было павшего дракона. Сражаться с ним она не хотела, да и он, девушка была убеждена, делал это не по своей воле. А взгляд его перед смертью — взгляд, полный раскаяния, скорби и боли — она не забудет никогда. Она это знала.

Закончив с трудом свой рассказ. Девушка вопросительно посмотрела на Хэлу:

— Его контролировал предводитель Легиона, да?

— Похоже на то, — кивнула дух холода. — С помощью заклинания, или, что даже более вероятно, с помощью невероятной привязанности Левиафана к легионерам. Но какие-то чары и тут, безусловно, имели место... говоришь, ты слышала голос предводителя? Его приказы?

— Но когда... перед нашей с ним битвой он не отдавал никаких приказов! — сказал Тарлиан.

— И во время битвы тоже, — подтвердил Эван.

— Ну, это объяснить несложно. Скорее всего, предводитель связывался с Левиафаном мысленно, а ты, Ли-фанна, слышала его...

— Благодаря моей связи с ним? — закончила она.

Все недоуменно воззрились на нее. Все, кроме Хэлы.

— Ты никому не говорила? — спокойно спросила она.

— Да. Просто я сама ничего не понимала... и не понимаю до сих пор.

— Увы. Я не могу сказать тебе больше, чем сказала раньше. Все мое время...

Ли-фанна кивнула. Оставалось только надеяться на то, что когда-нибудь все вопросы исчезнут сами собой...

— И все же, как удачно, что обстоятельства сложились именно так! — улыбнулась Хэла. — Насколько я смогла понять, все произошло почти одновременно: Альнора разбила артефакт, Эван сразил предводителя, а Ли-фанна — Левиафана. Лучшего стечения обстоятельств нельзя было и предположить!

— Но если ты говоришь, — сказал Эван, — что Ли-фанна сама победила Левиафана тогда в чем удача?

— Вопрос хороший, — улыбнулась Хэла. — Видите ли... Левиафан слишком много времени провел в той пещере... слишком многое связывало его с Легионом, чтобы этот артефакт, который ты, Альнора, уничтожила, не оказал на него влияния. Так что некоторая часть его защиты, я в этом уверена, обеспечивалась этим артефактом. А потом, когда артефакт был уничтожен, и Левиафан лишился части своих сил, ты, Ли-фанна, победила его с помощью своей сверхмагии.

Девушка кивнула в ответ. Осознание произошедшего приходило постепенно, какими-то обрывками...

Кажется, тогда, перед тем, как победить Левиафана, она снова подумала о своих родных... и об Эване. А значит, прав был тогда учитель Сойрен, говоря о том, что именно семья дает ей силы...

Семья... но при чем тут тогда Эван? И почему все так сложно?..

— Так или иначе, — продолжила Хэла. — В этой битве вы победили. И если то, что должно было начаться, уже началось, пока что не в наших силах что-либо изменить. А значит...

— Пора возвращаться домой? — перебив ее, спросила Алька.

Наши путешественники с улыбкой переглянулись. Невольно Алька выразила их общую мысль. Вернуться домой хотелось всем. Ну, может, почти всем...

— Именно, — улыбнулась и Хэла. — Вам пора возвращаться. Но прежде чем вы, столичные жители, вернетесь в Дарминор, было бы хорошо, если бы вы еще раз заглянули в замок Эймар. Его хозяин ждет вас.

Против того, чтобы еще раз побывать в Эймаре, не возражал, разумеется, никто.

— Я отправлю вас прямо туда, — сказала Хэла. — Что же касается тебя, юный Феникс... тебе сначала нужно навеститься в свою крепость.

Тарлиан вздохнул. Прощай, свобода! А он только-только успел к ней привыкнуть...

— Не спеши расстраиваться, — сказала Хэла, видя его настроение. — Не думаю, что ты пробудешь там долго: хозяин Эймара ведь ждет и тебя.

Вот это Тарлиану понравилось. Причем очень. Ведь прощаться со свободой оказалось пока еще рано. А вернуться в Эймар юному фениксу очень хотелось.

— Я прямо сейчас открою вам переходы в Эймар и в крепость Феникса, — сказала Хэла. — К слову сказать, ваши лошади уже в крепости. А твой конь, — ответила она на вопросительный взгляд Рональда, — дожидается тебя в Эймаре.

Услышав про лошадей, Тарлиан восторженно. Он и не замечал раньше, что так соскучился по своим «нечеловеческим» друзьям.

А может, и нет ничего плохого в том, чтобы ненадолго вернуться в крепость? Интересно, уезжали все в Дарминор в этом году, или остались из-за всей этой истории с Левиафаном?..

Конечно, интересно было бы снова повидать всех в крепости... теперь, когда у него были его силы. Интересно, что скажет ему дядя... да и Илома, своего лучшего друга, он уже лет сто не видел...

Пока Тарлиан размышлял о грядущем возвращении в крепость, Хэла творила заклинания, открывающие магические переходы. Собственно, заклинания эти ограничивались словами на непонятном языке, которые Хэла очень красиво напевала. Никаких таинственных пассов руками и прочего, что так любят современные маги.

Дух холода была истинным мастером своего дела: и минуты не прошло, а два перехода были уже готовы.

— Этот переход доставит вас в Эймар, — Хэла показала на одно снежное облако, — а этот — в крепость Феникса.

— Значит, расходимся? — спросил Рэй.

— Ненадолго, — сказал Тарлиан и первым прошел в свой переход. Будущий рыцарь Феникса не любил прощаний.

— Ну что же, — сказала Хэла, — до свидания! И удачи вам всем!

И пятеро наших героев по очереди вошли в магический переход...

Эфарленд. Горный хребет Дракона. Крепость Феникса. Тарлиан.

Этот переход ничем не отличался от предыдущего. Точно так же, как и вчерашней ночью (неужели все это происходило только вчера?), Тарлиан прошел сквозь снежное облако...

...И оказался прямо перед воротами крепости.

«Так... сложность номер один: зайти в крепость», — подумал Тарлиан. Уж он-то знал,

как сложно бывало миновать караул у ворот: стража частенько не пропускала патрульных, возвращавшихся с пустоши. Вот она — неусыпная бдительность рыцарей Ордена.

Тарлиан постучал в ворота. Из-за них сразу послышался голос:

— Кто?..

Голос был незнакомым. Но роли это в принципе не играло.

— Тарлиан Брейс, — ответил юный феникс. — Старший ученик крепости...

Он даже не придумал, какую назвать причину своего столь внезапного появления... а ворота уже открыли.

Сказать, что Тарлиан этому удивился — значит ничего не сказать. С его обычной «везучестью» так быстро попасть в крепость было бы нереально. Может, и правда кончилась у него полоса неудач?..

Тарлиан вошел во двор крепости. Там все осталось точно так же, как тринадцать дней назад. События, связанные с пробуждением Левиафана, никак не отразились на крепости. Интересно, что происходило тут вчера?

И все же Тарлиан чувствовал что-то новое, вернувшись в крепость. Двор оставался тем же. Но сам он, Тарлиан, стал другим человеком.

Теперь у него были его силы. Он стал фениксом. Теперь, когда он был испытан уже во многих битвах, и меч держал увереннее многих своих соучеников, он и сам больше не считал себя худшим из всех Фениксов. У него появилось то, чего раньше никогда не было — уверенность в собственных силах и в себе.

Но все это хорошо, конечно... только вот — куда теперь идти? По-хорошему, конечно, следовало доложить главнокомандующему о своем прибытии... И Тарлиан, подумав еще немного, собравшись с мыслями, отправился в штаб.

Как-то само собой ему вспомнилось по пути то, как шел он сюда предыдущий раз: когда дядя вызвал его, чтобы сообщить о грядущей поездке в Эймар. Кажется, целая жизнь прошла с тех пор... а на деле всего две недели.

Вот и дверь кабинета главкома. Интересно, здесь сейчас дядя или нет?

Тарлиан нерешительно постучал.

— Войдите, — последовал ответ.

Юный феникс открыл дверь и прошел в дядин кабинет.

На этот раз дядя заметил его сразу. Барон Юсманский сидел за письменным столом, работая с какими-то документами. Дожили! Даже рыцари Феникса вынуждены возиться с какими-то бумажками! Вот она — современность...

— Тарлиан?! — дядя очень обрадовался, увидев его. — Вот так неожиданность! Мне почему-то казалось, что ты появишься несколько позже. Ну, садись! Расскажи, как ты справился? Я, конечно, наслышан о ваших подвигах. Но все же...

Такой гордости по отношению к себе Тарлиан прежде никогда не видел в дядиных глазах. Впрочем, раньше он сам не давал ему повода для гордости.

— А о чем рассказывать-то? — с искренним недоумением спросил Тарлиан. — Я-то, в отличие от остальных, не сделал почти ничего.

— Если бы ты действительно почти ничего не сделал, тебя просто бы не было тут сейчас, — сказал главнокомандующий. — Твои силы открылись наконец?

Тарлиан сел напротив дяди, хотел было ответить на его вопрос... но тут ему в голову пришла мысль, ранее его почему-то не посещавшая.

— Дядя, вы... вы что, знали о моих силах все это время? О том, что я феникс?

— Конечно, знал. А как же я, зная твоих родителей, мог не знать, кто ты? — спросил барон Юсманский. — Но...

— А почему тогда я ничего об этом не знал? — перебил его Тарлиан. Обиды на дядю у него, конечно, не было, но все же вечные тайны и недоговоренности ему, как и Ли-фанне, до смерти надоели.

— Понимаешь... — почему-то замялся главнокомандующий. — когда тебя отправили сюда, в крепость, ты был еще мал, чтобы понять все... а потом обстоятельства сложились так, что...

— Понятно, — остановил его Тарлиан. — Неважно. В любом случае, теперь-то я знаю, кто я... и я этому рад.

Барон Юсманский улыбнулся — почему-то с облегчением.

— И это хорошо. Может, все-таки расскажешь о своем путешествии?

Тарлиан задумался. О чем рассказывать? Об Эймаре? Так дядя там и сам неоднократно бывал. О стычках с Легионом и о Гройвуде? Не хотелось ему об этом говорить... Чтобы описать Хэлу и ее замок, у него слов не хватит. А произошедшее в пещере... пока что оно слишком свежо в памяти, чтобы говорить о нем.

— Не знаю я, о чем рассказывать, — честно признался Тарлиан. — Дядя, а ведь вы... знали обо всем этом? О пророчестве, и о том, что я к нему причастен... поэтому и отправили меня в Эймар, да?

— Не стану скрывать. Тарлиан — да. Именно так. Странные вещи все же порой творит Судьба...

— ...в которую я не верю, — тихо закончил Тарлиан.

— В твоём возрасте и мы с твоим отцом в нее не верили, — улыбнулся дядя. — Скоро ты все поймешь. Тарлиан. Ну а сейчас... иди, наверное, в казарму. А, и еще одно, — внезапно вспомнил он, когда Тарлиан уже направился к выходу, — сегодня вечером — торжественное построение. Не забудь.

— А оно настолько важное? — удивленно спросил Тарлиан. Построения-то он и раньше не пропускал, но чтобы об этом ему напоминал лично главноком...

— Именно. Ну, до свидания, Тарлиан.

— До свидания, дядя.

— Старик, ты серьезно?! — охнул Илом, заслышав только о том, что случилось с Тарлианом в Эймаре.

Стояло то великолепное время, когда у старших учеников учеба уже закончилась, и выдалось короткое свободное время. Особенно у тех, кто не владел магией.

Разумеется, ни на какую учебу Тарлиан сегодня не пошел — впервые в жизни, кстати говоря. Сейчас они с Иломом бесцельно шатались по двору крепости, и Тарлиан рассказывал другу о том, что с ним случилось, начиная с прибытия в замок Эймар. Почему-то для того, чтобы рассказать это Илomu, слова у него находились.

Илом же — вот уж вечный оптимист! — не переставал удивляться и радоваться за Тарлиана. А уж услышав о том, что Тарлиан — феникс...

— Так ты обладаешь магией?! — вскричал он. — Серьезно?! Слушай, старик, это же... Круто!

— Я бы не сказал, что это магия... — произнес Тарлиан. — Скорее — просто сила. Но тут, в крепости, ее все равно будто бы нет.

Действительно — его сила снова скрылась, как и раньше. Даже искра огня в сердце, казалось, погасла. И все же юный феникс знал, что стоит ему покинуть стены крепости, и вновь разгорится у него внутри этот огонь.

Он продолжил свой рассказ, перейдя к описанию битвы за Эймар. Илом несказанно удивился, услышав, что в этом бою Тарлиану помог не кто иной, как Андроний. Потом Тарлиан рассказал и о Гройвуде, и о своем путешествии в Норьяф во сне...

— Так значит, ты даже не совсем человек? — спросил Илом после этой части его рассказа.

— Получается, что так, — кивнул Тарлиан, который раньше об этом и не задумывался.

— С ума сойти! — снова воскликнул Илом. — Ну, а потом что?..

...Рассказывал Тарлиан долго и подробно, как будто заново переживая все случившееся с ним. Правда, по большей части ему этого совсем не хотелось... Но все-таки вместе с этим рассказом приходило к нему осмысление — а точнее, переосмысление — всего произошедшего. И появлялись также некоторые вопросы. Например — почему тогда, на испытаниях в Эймаре, им, Тарлианом, так заинтересовался хозяин замка?

— А знаешь... — сказал Илом, когда он закончил свое повествование. — Ты ведь изменился. Взрослее стал, что ли...

— Серьезно? — спросил Тарлиан, который и сам это заметил. — И намного?

— Намного, — кивнул Илом. — Даже, кажется, взрослей, чем я.

Тарлиан улыбнулся. Илом был старше него месяца на три, и частенько об этом ему напоминал.

— Ну, а у вас-то тут как? — спросил он.

Илом рассказывал куда меньше, чем Тарлиан — да и рассказывать было почти нечего. По его словам, за все это время в крепости произошло всего несколько сколько-нибудь важных событий, первым из которых было возвращение из Эймара троих учеников и наставника Картена. Но по прибытии в крепость ни Эрлгримм с Промсом, ни даже Андроний ни словом не обмолвились о том, что пережили в Эймаре. Андроний, как и следовало ожидать, стал вести себя еще заносчивее, а в остальном все было как обычно. Следующим событием стала отмена ежегодной поездки в Дарминор, на фестиваль — Фениксы должны были отправиться в столицу несколько дней назад, но главком лично отменил это традиционное путешествие. Станным, по словам лучшего друга Тарлиана, было и сегодняшнее торжественное построение: крепость в последние три дня жила, как на вулкане, и причину сегодняшнего торжества не знал почти никто — разве что старшие рыцари.

Слушая своего друга, Тарлиан думал, что, несмотря ни на что, он, кажется, даже рад был возвращению в крепость, где все было знакомо и как-то понятно. И как же все-таки хорошо, когда рядом есть лучший друг...

Вечер наступил как-то неожиданно и слишком уж быстро. И только тогда Тарлиан вспомнил о чрезвычайно важном торжественном построении, о котором говорил главнокомандующий. В чем же все-таки такая его важность?..

...Поначалу все было, как всегда: все рыцари и ученики крепости выстроились на плацу, где проходила обычно строевая. Все старшие ученики стояли рядом — Тарлиан, как всегда, оказался рядом с Иломом. Среди остальных старших юноша заметил и Эрлгримма с Промсом — они тоже заметили его, приветливо улыбнулись — и Андрония с его друзьями

— он вообще словно не заметил его присутствия. И что только творится в мире в последнее время?..

Но самое интересное все же было еще впереди. Началось оно, когда на плацу появилось командование крепости: сам главнокомандующий и комендант, господин Орт.

Обычно на таких построениях, которые собирались по какому-нибудь очень важному поводу, главнокомандующий брал первое слово, объясняя в том числе и этот повод. Так было и в этот раз.

После всех полагающихся приветствий (на самом деле, вся эта ситуация очень напоминала какой-нибудь военный парад в нашем мире) барон Юсманский начал свою речь:

— Вчера, в день Новолуния, свершилось наконец то, чего столь долго ждали без исключения все. Древнее чудовище, Левиафан, побежден наконец раз и навсегда! Благодарить за это нужно небезызвестных некоторым из вас Избранных. Более того, вчера в древнем логове Легиона в битве был убит их предводитель. Враг временно обезглавлен!

Это заявление было встречено удивленно-радостными возгласами — это для дисциплинированных и сдержанных рыцарей было нечто совсем уж из ряда вон выходящее.

— Но даже это еще не все новости, — продолжил главком, и строй тут же затих. — Хотя вам и известно об участии в этой истории четверки Избранных, практически никто не знает о том, что среди них оказался один из старших учеников нашей крепости. Тарлиан Брейс, подойди сюда.

Он подошел, чувствуя, как бешено колотится сердце. Он начинал уже угадывать, что происходит, но вот поверить в это...

— За одержанную победу, а также за проявление в походе всех качеств, присущих юному рыцарю, — торжественно начал главнокомандующий, — главой Ордена было принято решение посвятить этого ученика в рыцари Феникса до срока. И я с радостью исполняю это решение.

Что происходило дальше, почти не закрепилось у Тарлиана в памяти: слишком уж неожиданно было... все это. Даже осознания того, что именно сейчас происходит, у него пока еще не было.

Но все же он — скорее интуитивно, чем как-либо контролируя себя — преклонил колена, как требовал того ритуал посвящения.

— Клянешься ли ты, Тарлиан Брейс, свято чтить и выполнять законы Ордена, не жалея себя ради Эфарленда и его народа? Клянешься ли ты всегда следовать кодексу чести и действовать во имя справедливости и блага людей?

— Клянусь, — тихо, но очень твердо и уверенно ответил Тарлиан.

— Тогда именем Эфарленда, короля и Ордена, отныне и навсегда ты — рыцарь Феникса. С гордостью носи это имя и деяниями своими докажи, что ты достоин его. А сейчас встань, рыцарь!

Тарлиан поднялся. Неужели все? Учеба окончена, и теперь он — настоящий Феникс?

— Я вверяю тебе этот меч, — продолжил меж тем главнокомандующий, — и да послужит он тебе верой и правдой, и не предаст в разгаре боя.

Тарлиан с поклоном, как и полагалось, принял поданные ему ножны с мечом.

— Я горжусь тобой, Тарлиандр Второй! — сказал главнокомандующий, но слышал это только Тарлиан. — Как гордился бы и твой отец. Твой меч... он раньше принадлежал ему.

— Старик, ну я тебя поздравляю! — в который уже раз повторил Илом по дороге в казарму. — Вот, похоже, и кончилась твоя черная полоса! Везение началось, а ты и не верил!

— Не каркай, — улыбнулся Тарлиан, ловя себя на мысли, что давно уже не задумывался обо всем этом... Удача, неудача... А оказывается, одно действительно сменяет другое!

— Выходит, тебе снова в путь надо? — как-то неожиданно переключился на другое Илом.

Тарлиан кивнул. Сейчас ему нужно было доехать до Дарминора, чтобы там сэр Нектос решил, куда направить его для дальнейшей службы. Но сначала нужно было навеститься к истоку Нэды — это святая обязанность каждого вновь посвященного Феникса (кстати, клеренцам исполнять ее удобнее всего — от истока до крепости всего день пути). И, конечно, надо было заехать в Эймар.

Конечно, грустно становилось от того, что он, возможно, навсегда уедет отсюда. Илому, вон, еще три года учиться. Да и крепость уже какая-то родная... Но что ж тут поделаешь? Он человек военный. Должен приказы исполнять.

— А ты знаешь, что ты стал самым молодым посвященным за последние лет семьдесят? — спросил Илом. — Ты даже Андрония обскакал!

— Да уж... То-то все удивились, наверное!

— Не то слово, — засмеялся Илом. — Ты бы видел их лица! Тех, кто с нами одного года и этих, на год старше! Хотя самые старшие — Эрлгримм там, Промс — и сами рыцари за тебя рады были.

— Ну и хорошо, — немного рассеянно сказал Тарлиан, думая уже о другом.

Ведь действительно, с тех времен, как закончилась война за Эфарленд, никого так рано не посвящали в рыцари... Может ли это быть знаком «великих потрясений», начавшихся в Новолуние?..

...Остаток дня Тарлиан провел в размышлениях. Осознание произошедшего приходило очень медленно, будто бы нехотя. Он уже настоящий Феникс. Посвященный. И ему не нужно ждать еще три года, чтобы покинуть крепость. Он уедет отсюда уже завтра. Странное ощущение: вроде и мечтал выбраться отсюда, а вроде и привык он к суровому Клерену.

И все же мысли о предстоящем пути в Дарминор скорее радовали, чем огорчали. И если бы не мысли об отце, все было бы вообще прекрасно...

...Может показаться странным, что Тарлиан, отправленный в крепость десяти лет от роду, почти не помнил родителей. Но это, тем не менее, было именно так. Об отце он знал мало, но то, что знал, как-то не давало повода для того, чтобы им гордиться.

Вскоре после того, как Тарлиан появился в крепости, по Эфарленду распространился слух о том, что где-то во Флиросе были арестованы несколько легионеров. И его отец якобы был среди них...

Конечно, сначала он не верил, но все же неприятный осадок остался. А в сочетании с четким воспоминанием о том, что последние несколько лет его жителя дома отец вечно где-то пропадал... В общем, даже дяде не удавалось развеять сомнения Тарлиана насчет его отца...

...На следующий день Тарлиан покинул казарму даже не с рассветом, а еще раньше. Он был один: с Иломом они попрощались еще вчера. Тому проводить Тарлиана просто не позволили бы наставники. И были бы правы, надо сказать.

Во дворе не было никого, кроме дежурных. Но они были предупреждены об отъезде

Тарлиана и ни слова ему не сказали.

Юноша направился к конюшням. Там, как он и предполагал, оказался конюх Арл. Кивнув ему в знак приветствия, Тарлиан пошел седлать Орлика. Разрешение отправиться в путь на нем было дано ему еще вчера самим главкомом.

Жеребец, как и всегда, был очень рад видеть своего друга. Оседлав Орлика, Тарлиан спросил — то ли у него, то ли у самого себя:

— А ведь мне вернуть тебя придется... Когда только?

— Не нужно, — вдруг сказал кто-то за спиной у Тарлиана. Арл!

— Почему? — спросил юный Феникс.

— Не нужно его возвращать. Он твой теперь. Лучше тебя никто о нем не позаботится. И ему без тебя плохо будет. Жалко жеребца, — пояснил конюх. Тарлиан с небывалым удивлением взглянул на него. От молчаливого Арла мало кто слышал столько слов сразу. Да и только что посвященные никогда не получали лошадей так скоро. Тем более таких, как Орлик... Одно дело — вручить ему отцовский меч, а совсем другое — лучшего коня крепости...

— Спасибо, Арл! — горячо поблагодарил Тарлиан. Конюх лишь молча улыбнулся.

Тарлиан вывел Орлика из конюшни, а затем они покинули и крепость. Настроение у Тарлиана было просто превосходным. Как и у Орлика.

И двое друзей — феникс и конь — направились к истоку Нэды. Причем Тарлиан, только покинув стены крепости, сразу вновь почувствовал где-то в сердце искру фениксового огня...

Замок Эймар. Ли-фанна. Эван. Альнора. Рэй. Рональд.

Забегая вперед, скажем, что в Эймар Тарлиан прибыл еще два дня спустя: все же дорога от крепости к истоку Великой реки, а потом и до замка неблизкая. А за эти два (вернее, три, если считать с момента прибытия) дня с нашими героями случилось несколько весьма интересных случаев.

По прибытии наших пятерых друзей в Эймар хозяин замка встретиться с ними не пожелал: видимо, ждал, все победители Левиафана и Кайворда Эрлиса соберутся в замке.

Кстати говоря, само прибытие в Эймар, в отличие от прошлого раза, прошло гладко: Хэла отправила их прямо во двор замка, так что проблем со стражниками не возникло.

В замке им уже отведены были комнаты, куда их, так же, как в прошлый раз, провели девочки-служанки. И, судя по тому, с каким удивлением и даже восхищением эти девочки на них смотрели, слава бежала впереди них.

Из событий же, произошедших в этот день в Эймаре, стоит упомянуть разве что появление в замке очередной приبلудной кошки. Кошек, кстати говоря, там было примерно столько же, сколько и приبلудных мышек, живущих в основном в библиотеке. (Это были очень образованные и культурные мыши, но никто не ценил их богатый внутренний мир). В общем, это был совершенно обычный и спокойный день, что для наших героев было теперь уже очень странно.

На следующий же день хозяин Эймара, по словам все той же Келли, которая и в этот раз встретила наших друзей, работал в библиотеке, и, похоже, собирался работать весь день. А вход в библиотеку был закрыт для всех без исключений.

Одним словом, что сейчас делать, никому из наших Избранных ясно не было. Тем более, что Рэй с Рональдом куда-то непостижимым образом делись.

В итоге Алька одна ушла бродить по замку: ей хотелось познакомиться с кем-нибудь из эймаровских учеников с крайне редкими способностями. Да и Фениксы еще не все уехали из замка в связи с последними событиями...

Ли-фанне же, наоборот, хотелось пока что побыть одной и подумать. Обо всем.

Видимо, она действительно может повелевать огнем, как говорила Хэла... а значит, ее мать действительно Верховная ведьма Эфарленда — Оррайна... Ну и как это понимать? То ли мама все это время скрывала ото всех свое настоящее имя, то ли... То ли ее мама — на самом деле не ее. Даже как-то страшно становилось от таких мыслей...

А еще — ей, несмотря ни на что, было жалко Левиафана. Не хотела она его убивать...

Мыслей было много, а голова — всего одна. Ли-фанна решила найти себе тихое место, где можно будет спокойно поразмышлять в одиночестве. И она, не боясь уже заблудиться, отправилась неизвестно куда.

Но долго блуждать по коридорам Эймара ей не пришлось: тихое и спокойное место нашлось почти сразу.

Раньше Ли-фанна никогда не видела восточное крыло Эймара, находясь снаружи. Так что знать о том, что прямо на крыше этого крыла разбит был сад, она не могла.

Чем-то этот сад напомнил ей ту лужайку в замке Хэлы, где дух холода рассказала девушке о ее даре. Но тут все же был настоящий сад с настоящими деревьями. И кто только придумал устроить его на крыше? Определенно, чем дальше, тем больше Эймар удивлял Ли-фанну. И тем больше он ей нравился.

Она устроилась в тени большого дуба — в саду этом росли не только плодовые деревья. Интересно, когда он здесь появился?

Странно, но сейчас, сидя в этом большом тенистом саду на крыше восточного крыла замка Эймар, Ли-фанна чувствовала, что все тягостные мысли куда-то улетучиваются. Чем-то это было отдаленно похоже на ее секретный уголок у подножия Бронзовой горы в Дарминоре.

Столько всего случилось с тех пор, как она последний раз была там... Но скоро она туда вернется. Совсем уже скоро... кажется, это было в прошлой жизни, когда она была совсем другим человеком...

— Привет, — голос Эвана неожиданно вывел ее из задумчивости.

— Привет, — ответила девушка, немного удивленно взглянув на него. Он-то что здесь делает?

— Я тебя искал, — просто сказал он, ответив на ее не прозвучавший вопрос. — Хотел поговорить.

— О чем? — спокойно спросила Ли-фанна, чувствуя, как сердце само собой начинает биться быстрее. Она ничего не могла поделать со своими чувствами.

— О тебе. И обо мне. Просто... — он сделал глубокий вдох, набираясь смелости. — Ты мне нравишься, Ли-фанна. Очень.

Сначала ей даже показалось, что она ослышалась. Он что, действительно сказал это? Сказал ей? Ой, мамочки...

— Правда? — спросила она, боясь поверить в услышанное.

— Правда, — кивнул он. — Давно уже. Чуть ли не с первого дня, когда я тебя на Звездной площади нашел. Просто раньше я не знал, как тебе сказать...

— А мне показалось, что ты сказал. Тогда, в горах, помнишь?

— Помню. Но все-таки тогда это было... не вовремя.

Ли-фанна кивнула. Действительно, тогда было самое неподходящее время для подобных признаний. Она и сейчас чувствовала себя виноватой в смерти Мифьола, но боль, ни на секунду не отпускаявшая ее первое время, теперь поутихла. Нужно жить дальше. Тем более, Мифьол этого и хотел...

Эван молчал. Ждал от нее ответа или, наверное, какого-то вердикта. Но потом, поняв, о чем она думает, сел рядом с ней, взял за руку:

— Все еще обвиняешь во всем себя?

— Да. А кого, если это случилось действительно из-за меня? Не переубеждай меня. Все равно не получится.

— Да уж... видимо, в этом ты неисправима, — он чуть сильнее сжал ее руку. Совсем как Мифьол... — Так что? Ты мне веришь?

— Верю, — сказала Ли-фанна. — Но пару раз мне казалось, что тебе нравится Альнора.

— Алька? Ты серьезно? Она же... она просто друг. Боевой товарищ, можно сказать. А ты... с тобой все не так. Я не знаю, как это сказать, но....

— И не надо говорить. Я понимаю. Потому что... потому что ты тоже очень мне нравишься. И я не думала, что когда-нибудь скажу тебе об этом.

В его взгляде появилась радость, граничащая со счастьем. Судя по всему, такого ответа от нее он никак не ожидал.

— Ты серьезно? — снова спросил он через некоторое время.

— Серьезнее не бывает, — улыбнулась в ответ Ли-фанна.

А потом было еще много слов, большую часть из которых ни Эван, ни Ли-фанна не запомнили... но оба они решили потом, что этот день был одним из счастливейших дней в их жизни...

Когда же Эван с Ли-фанной все же спустились с небес на землю — вернее, с крыши во двор — то сразу нашлись и Рэй с Рональдом, и Алька. Всем троим, похоже, тоже нечем было заняться, так что братья устроили себе тренировочный поединок на мечах, а Альнора в это время сидела в сторонке и тихонько размышляла о том, как же хорошо, что в этой войне оба брата на их стороне. Потому что в реальном бою победить их было бы практически невозможно.

Эван и Ли-фанна пришли уже под конец этого поединка, так что увидеть они успели только то, как Рэй очередным лихим выпадом победил Рональда.

— Убит, — констатировал он.

— Ранен, — поправил его брат, поднимаясь с земли. — А вообще, все как всегда.

— Вот именно, — ворчливо заметил Рэй, хотя видно было, что он доволен. — Ты бы хоть победил для разнообразия. Так, — он посмотрел на главные часы Эймара, которые видно было отовсюду: они располагались на очень высокой башне. — Пять минут, между прочим! Теряешь хватку, брат.

— Просто за пять лет маловато было времени для тренировок. И потом, сколько раз я тебя побеждал?

— Раз десять точно, — подумав немного, ответил Рэй. — Ну что, еще разок?

— Ну давай.

Они снова достали свои мечи, встали в боевую позицию... и тут вдруг Алька сказала:

— Вот я никак понять не могу... А кто из вас старше?

Рэй и Рональд удивленно переглянулись: не ожидали такого вопроса. Потом Рэй сказал:

— По идее, Рон старше... но ненамного. Минут на десять.

— Так вы что, близнецы, что ли? — удивленно спросил Эван.

— А не заметно? — хором спросили братья.

— Да как-то не очень, — сказала Алька.

— Пять лет не прошли даром, — заключил Рэй. — Нет, слушай, ты серьезно раньше намного лучше сражался. Сейчас-то что случилось?

— Да, — отмахнулся Рональд. — За эти пять лет мне мечом махать как-то не приходилось.

— Да ну? — изумился его брат. — На Листе, и без драк? Это где же такое возможно? Ладно, ладно, можешь не отвечать.

— Отчего ж не ответить? В королевском дворце Дарминора как-то драться не принято.

— Не понял, — сказал Рэй после некоторой паузы. — А что ты там, во дворце, делал?

— Да так... работал. Ты, может, знаешь третьего королевского советника. Дерьен его фамилия. Он еще пару недель назад в школу, где ты работал, приезжал.

— Так это... — охнул Рэй, — так это ты был?! Вот черт... а я-то думал еще...

Изумлению Альки — как и Ли-фанны — просто не было предела. Выходит, правильно они считали, что где-то уже видели Рональда раньше? И Ли-фанна ведь догадалась, что он похож на этого самого советника. А это, выходит, он и был! Да как так-то?!

Рональд, похоже, доволен был произведенным эффектом. А эффект действительно был просто ошеломительным.

— Так ты, значит, у нас теперь лицо при государственной должности, — сказал Рэй, оправившись от первого удивления. — И с чего это ты в советники подался?

— Жизнь заставила, — уклончиво ответил Рональд. На эту тему он, видимо, больше распространяться не хотел.

После этого разговор как-то сам собой заглох, и братья продолжили свой поединок. Эван, Ли-фанна и Альнора молча наблюдали за ними, все еще недоумевая. Даже после своего окончания эта история продолжала становиться все интереснее и интереснее...

Еще один день пролетел как-то очень уж быстро, и вот в Эймаре появились наконец Тарлиан вдвоем с Орликом.

То, как изменился за эти три дня Тарлиан, заметили сразу все. И дело было совсем не в том, что теперь на нем вместо ученического одеяния была форма Ордена (именно что форма — в доспехах, в отличие от легионеров, Фениксы ходили только в военное время). Перемены в Тарлиане были совсем иными. Мало кто смог бы описать их словами, но эти перемены были из тех, что происходят с любым рыцарем Феникса после того, как он впервые после посвящения побывает у истока Нэды. Сам Тарлиан об этом своем путешествии говорить отказывался. Орлик, ясное дело, тоже молчал.

Возвращению Тарлиана обрадовались все: в некоторой части потому что теперь момент, когда можно было отправиться в Дарминор, стал совсем уже близким. Но все же перед тем, как покинуть замок Эймар, нужно было поговорить с его хозяином...

Он позвал их к себе в тот же день, когда вернулся Тарлиан. Причем позвал снова в библиотеку.

Когда они пришли, день клонился уже к вечеру. Уставшее за день Солнце раздумывало — а не лечь ли спать? От этого в библиотеку Эймара сквозь высокие окна проникал теплый золотой свет, в котором книжная пыль, кружась, танцевала от малейшего движения воздуха.

Корешки древних книг, коих здесь было бесконечное множество, тоже золотились в этом свете. Точно так же, как в прошлый раз, зрелище этого храма знаний повергло наших героев в некоторый трепет.

Хозяин Эймара уже был в библиотеке — ждал их. Он явно рад был увидеть их — за эти три дня это был первый раз, когда он встретился с ними.

— Прощу извинить меня за то, что не мог поговорить с вами раньше, — начал он. — К сожалению, некоторые дела не позволяли мне этого сделать. Да и что говорить о вашей победе, я не совсем представляю: все самое главное сказала уже Хэла. На самом деле, я хотел убедиться, что с вами все в порядке, и вы готовы отправиться в обратный путь. Но, быть может, у вас есть вопросы...

— Я хотела спросить, — сказала Ли-фанна. — То, что должно было начаться... Кто-то может уже сказать, что это?

— Может, разумеется, — подтвердил хозяин Эймара, — члены совета и мудрецы Цитадели. Но пока что я не скажу, что именно скоро ожидает всех нас. Не то чтобы это такой уж секрет... но, как любят говорить духи, нет ничего страшнее преждевременного знания. Но то, чему суждено было начаться, началось. Повлиять на это не сможет никто. Все вы очень славно потрудились сейчас, избавив мир от чудовища. И, сдаётся мне, почти всем вам надоело уже бесцельно сидеть в замке. Завтра с утра можете отправляться в Дарминор. Вас там, полагаю, уже ждут.

Ли-фанне подумалось, что последнюю фразу хозяина Эймара можно истолковать различно. Но она решила промолчать.

— Так мы можем идти? — спросил Рональд.

— Вполне, — подтвердил хозяин замка. — Попрощаться, я думаю, мы и завтра успеем. А пока что — до свидания. А ты, Тарлиан, задержишься ненадолго.

Юный рыцарь остановился в дверях, не совсем понимая — а точнее, совсем не понимая — зачем он мог понадобиться самому загадочному человеку Эфарленда.

— Наверное, сейчас тебе все это кажется несколько странным, — произнес хозяин Эймара, когда в библиотеке остались только они с Тарлианом. — Но поверь мне, всему происходящему есть вполне логичное объяснение, которое подчас может казаться совершенно неправдоподобным. И дорогу, ведущую к нему, найти бывает очень сложно.

Тарлиан все еще не понимал. О чем это он?

— Ответь мне на один вопрос, Тарлиан, — сказал хозяин Эймара. — Что ты помнишь о своих родителях?

— Мало что, — ответил Тарлиан, почти даже не удивившись этому вопросу. — А почему так, даже не знаю...

— Потому что твоя память была заблокирована незадолго до твоего отправления в крепость. Твои родители думали снять этот блок после твоего совершеннолетия... но раз уж все сложилось таким образом, то...

Тарлиан так и не понял, что именно сделал хозяин Эймара. Но в голове у него будто что-то замкнуло, так что все мысли смешались. А потом...

— Отец?! — охнул Тарлиан.

Хозяин Эймара молча кивнул.

Да, вот теперь Тарлиан понял примерно половину из того, чего не понимал раньше... но с учетом того, сколько у него возникло новых вопросов...

Теперь он совершенно точно помнил, что его мама была фениксом. И он сам раньше

знал о своих силах. А его отец... он совершенно точно не был легионером. Ему вспомнился разговор родителей, подслушанный когда-то. Отец говорил тогда, что на него идет охота, и нужно что-то делать, как-то спасти маму и его, Тарлиана... Вскоре после этого его отправили в крепость... Больше о родителях он ничего не слышал. После этого узнать, что его отец — хозяин замка Эймар и самый таинственный человек во всем Эфарленде... это по меньшей мере странно.

— Но... но почему? — спросил Тарлиан, с трудом отыскивая какие-нибудь слова. — Зачем это все?

— Ради твоей же безопасности, как бы банально это ни звучало, — ответил хозяин замка. — Твои силы для них — как красная тряпка для быка. Они ненавидят фениксов, и стремятся убивать каждого, кого смогут найти. У нас с твоей матерью не было выхода, кроме как заблокировать твою память. Иначе они нашли бы тебя даже в крепости. Ты, конечно, можешь злиться на меня...

— Фениксы не обижаются, — ответил Тарлиан. Он и сам пока не разобрался в своих чувствах, мыслях и во всем остальном. Если бы это... даже сложно назвать это известием... было не настолько внезапным, он, возможно, и обиделся бы на отца. Сейчас же в душе у него было только лишь замешательство.

— А что с мамой? — спросил Тарлиан, нарушив несколько затянувшееся молчание.

Отец не ответил — только опустил голову. Но слов и не потребовалось — Тарлиан все понял и так.

— Когда? — только и спросил он.

— Вскоре после того, как тебя отослали в крепость, — тихо сказал самый таинственный человек Эфарленда. — Они устроили ей засаду, а я... когда я подрос, было уже слишком поздно.

Тарлиан вздохнул. Значит, мама погибла... То-то, наверно, радовались легионеры!

Страшнее всего было то, что эта мысль была практически единственной. Не было ни грусти, ни боли. Только еще больше увеличившаяся ненависть к легионерам...

Конечно, если бы его память не была заблокирована столько лет, он, конечно, воспринял бы все это совершенно иначе. А сейчас к нему вернулись еще не все воспоминания. А информации и так было слишком много...

Похоже, отец понимал теперешнее его состояние. Но легче Тарлиану от этого не стало.

— Я знаю, тебе сейчас нелегко, — начал хозяин Эймара. — Все это обрушилось внезапно. Но...

— Я Феникс, — перебил его Тарлиан. — Мне пора уже привыкать к этим трудностям, неожиданностям и... в общем, все, пап. Хватит об этом.

Хозяин Эймара взглянул на него с превеликим изумлением.

— Неужели ты действительно так просто можешь принять все это? — спросил он. — И...

— Тебя удивляет, что я назвал тебя папой? — спросил Тарлиан. — А как я мог по-другому назвать тебя, если ты действительно мой отец?

— Знаешь, сын, — с печальной улыбкой произнес хозяин Эймара. — Раньше я как-то не мог представить себе, что ты так повзрослел...

— Немудрено повзрослеть с такой жизнью, — сказал Тарлиан. Снова повисло молчание, которое Тарлиан снова нарушил через некоторое время:

— Скажи... а почему Эймар? В смысле, почему ты... то есть...

— Подожди, — приостановил его отец. — Сейчас объясню. Дело в том, что этот замок — Эймар — в некотором смысле наш родовой замок. Когда-то — около двух эр назад — он принадлежал нашим предкам.

— Серьезно? — удивленно спросил Тарлиан. Эймар — родовое гнездо его семьи? Что ж... почему бы и нет?

— Серьезнее не бывает, — кивнул отец. — Жаль, конечно, что из-за службы ты, скорее всего, не сможешь часто бывать здесь. Ты не знаешь пока, куда тебя направят?

— Нет еще. В Дарминоре должно проясниться. Придется к самому сэру Нектосу идти.

— Понятно. Надеюсь, твоя служба будет проходить успешно. Кстати, Ротмар ведь передал тебе меч?

— Да. И сказал, что раньше он был твоим.

— Именно. Это не простой меч. Он одержал немало блестящих побед. Его зовут Эллор. Это значит «непобежденный».

— Здорово! — сказал Тарлиан, подумав, впрочем, о том, что в его руках славный клинок вряд ли продолжит оправдывать свое имя.

Отец, похоже, понял его мысль, но ничего по этому поводу не сказал.

— Уже почти стемнело, — произнес он, поглядев в окно. — Может, тебе лучше пока что вернуться к остальным? Завтра вам ехать, а мыслям у тебя в голове, по-моему, понадобится иного времени, чтобы встать на свои места.

— Это точно! — подтвердил Тарлиан.

— А наговориться мы с тобой еще успеем, — улыбнулся отец. — Ну, до свидания, сын!

— До свидания, папа.

И Тарлиан вышел из библиотеки, поймав себя на мысли о том, что все-таки очень рад увидеть отца.

Наутро шестеро наших героев отправились в путь. Больше всех этому радовалась Алька, давно уже скучавшая по дому и родителям. Эван тоже был рад скорому возвращению. Ли-фанна же несколько волновалась из-за предстоящей встречи с мамой. Конечно, она тоже соскучилась по маме и сестренке, но все равно, как-то не по себе становилось, когда она вспоминала о том, что она — дочь Оррайны...

Тарлиану же вообще больше хотелось остаться в Эймаре, чем уезжать. Ему нужно было еще о многом поговорить с отцом, а теперь неизвестно, когда представится такая возможность.

Он так и не сказал никому из друзей о том, что хозяин Эймара — его отец. Не пришло пока еще время для этого.

Как относились к предстоящему возвращению Рэй и Рональд, можно было только гадать. Но Рэй заявил, что теперь он со спокойной душой может уйти наконец из школы, где работать ему приходилось исключительно из-за... а вот из-за чего (или из-за кого), он не стал говорить. Но это заявление одинаково расстроило и Ли-фанну, и Альку, которая хотя и никогда в жизни не ходила на фехтование, рада была бы видеть в школе еще кого-то из своих.

— А чего вы расстраиваетесь-то, я не понимаю, — сказал тогда Рэй. — Вы и так в последнем классе. Вам только экзамены сдать осталось.

— А может, мы их успешно пропустили? — с надеждой спросила Алька, и Ли-фанна готова была ее поддержать. Сдавать экзамены обоим девушкам не хотелось, особенно после

всего пережитого...

Но в целом, Эймар они покидали в приподнятом настроении. Тем более, что путь им предстоял не пеший, как на пути из Дарминора, а конный: безлошадным Эвану, Ли-фанне и Альноре хозяин Эймара дал лучших коней из своих конюшен, а у Тарлиана и близнецов и так были свои скакуны. Правда, откуда взялась лошадь у Рэя — это вопрос.

Хозяин Эймара лично пришел проводить их. Тарлиана это не могло не порадовать: вчера ведь он так толком и не попрощался с отцом.

Но долгих прощаний не хотелось, конечно же, никому, поэтому хозяин Эймара сказал нашим путешественникам всего несколько слов, пожелал им напоследок удачи, и шестеро всадников отправились в путь.

Нет смысла подробно описывать весь путь наших героев от Эймара до Дарминора, тем более что по дороге ничего необычного с ними не произошло. Достаточно лишь сказать, что этот их путь длился два дня. На этот раз они поехали не через Черный лес — лошади бы там попросту не прошли — а по Тракту. Трактом — вернее, Большим трактом — называется самая главная дорога Эфарленда, соединяющая все пять регионов. Но до Клерена все равно быстрее идти через Черный лес, тем более что Тракт проходит только через западную часть Дарминора.

Но долго ли, коротко ли, а минуло два дня пути, и наши герои въехали в Западные ворота столицы. И — вот первая странность — стража, которая здесь, в отличие от Восточных ворот, стояла, не задала им ни единого вопроса. Похоже, в Дарминоре их действительно уже ждали.

Хотя раньше Ли-фанна ни разу не была в западной части города, только въехав туда, она ясно почувствовала: дома! И хотя западные кварталы Дарминора были в основном торговыми, а восток больше походил на деревню, чувствовалось в них какое-то необъяснимое, но такое родное для Ли-фанны сходство...

Но все же было сейчас в родном городе что-то новое, до ужаса непривычное. Горожане как-то прознали, что вот они — спасители мира, победители Левиафана. К ним подходили, благодарили, поздравляли... Да, незаметно въехать в город у них не получилось. Но все же кое-что оставалось еще неясным...

— Скажите пожалуйста, — спросила Алька у какого-то старичка, — а откуда вы вообще узнали про Левиафана? Когда мы уезжали, о конце света вообще никто ничего не говорил.

— Ох, милая девушка! — отвечал ей горожанин. — У нас тут такое было! Аккурат в ночь перед фестивалем небо вдруг побагровело, загрохотало так, что мама не горюй, все, конечно же — на улицу, а там черные всадники скачут, и кричат что-то про чудовище, конец мира, и нам, дескать, всем конец. А наутро это и сам король подтвердил... праздник тут же отменили, естественно. Ну а потом до нас весть дошла, что вы, спасители наши, с чудовищем расправились. Так что Его величество повелел новый фестиваль устроить. В вашу честь.

— Вот ужас-то, — высказалась по этому поводу Ли-фанна, когда они уже попрощались с разговорчивым старичком.

— Да ладно тебе! Переживем, — весело сказал Рэй. — А легионеры, видать, были слишком уверены в победе, раз уж в сам Дарминор вошли.

— Да уж... но все-таки мы их здорово обломали! — сказал Эван.

Восточная часть Дарминора. Ли-фанна. Эван. Альнора.

В восточный район столицы они вошли втроем: Тарлиан, Рэй и Рональд покинули их в центре города: Тарлиан отправился к главе Ордена, сэру Нектосу, а куда направились братья, они, опять же, никому не сказали.

Слава бежала впереди них семимильными шагами. Если на западе города их приветствовали только случайные прохожие, то здесь все жители восточной окраины высыпали на улицы, чтобы поприветствовать своих героев. Ли-фанна не знала, куда деться от такого количества внимания. Она старалась держаться поближе к Эвану, и быть как можно незаметнее. Не удавалось ни то, ни другое. А вот Альке, похоже, даже нравилась внезапно обрушившаяся на них слава. Но и ее надолго не хватило...

Эван шел с каким-то отрешенным видом, стараясь только не выпускать девчонок из виду. Ему все это нравилось не больше, чем Ли-фанне, она это ясно видела. «Повезло Тарлиану, — подумала девушка. — Ушел к своим Фениксам и не мучается тут теперь...»

На площади, на которой стояла школа, где учились Ли-фанна и Алька, народу было особенно много. Девушка увидела много знакомых, почти родных лиц. Вот госпожа Орлин, строгая завуч. Рядом сама госпожа Ирбен, директриса. Ну надо же, с какой гордостью смотрит на нее! А давно ли придиралась к любой, даже самой пустяковой мелочи? Как резко переменилось ее отношение к своей самой нелюбимой ученице!

Около директрисы стоит — кто бы вы думали? Лично Норика Эрлис, внучка убитого предводителя Легиона! Интересно, знала она, кем был ее дед на самом деле? Вряд ли. Иначе не стояла бы сейчас здесь, не провожала их с Альнорой восхищенными взглядами...

Одноклассники стоят чуть поодаль, отдельной группкой. О чем-то шушукуются между собой... И ни одного неприязненного взгляда в сторону Ли-фанны! Вот так — стоит один раз спасти мир, и все начинают тебя чуть ли не боготворить.

Но и на одноклассников, и на учителей, и на Норикку Ли-фанна почти не обращала внимания. Ну стоят себе, и стоят. Что тут такого? В этой толпе она искала других людей...

Вот соседка Анира с сыном Аланом, лучшим Иринкиным другом. Мальчишка с радостью смотрит на Ли-фанну — искренне рад ее видеть. Его мать тоже радуется, но на лице у нее еще и тревога. Ясное дело — Ли-фанну она знает с детства, и тоже переживает за нее. Анира вообще такой человек — всегда все принимает близко к сердцу. Нет для нее чужих проблем и бед — все свои.

А вот еще одна соседка — бабушка Радиль. Смотрит на Ли-фанну несколько удивленно: не ожидала от нее таких подвигов. Ну еще бы, сколько раз они с Мифьолом забирались к ней в сад...

...Мифьол... стоило только Ли-фанне о нем подумать, как она тут же увидела человека, которого искала в этой толпе, но больше всего боялась увидеть...

Ланиз. Мать Мифьола. Одета во все черное, волосы скрыты под черной косынкой, на плечах — черный платок. И хотя смотрит на юных героев с надеждой, где-то в глубине глаз притаилась боль. Спрятанная от всех, безумно сильная, словно тянущая куда-то вниз. Ли-фанна и сама чувствовала нечто похожее, думая о Мифьоле. Вот и сейчас... Пальцы сами собой сжались в кулак. Как сказать матери, потерявшей единственного сына, что это она, Ли-фанна, виновата в его смерти? Она, и больше никто?

Эван, словно почувствовав ее состояние, оказался рядом. Он коснулся ее руки, и тихо произнес — так, что услышала только она:

— Перестань себя во всем винить. Пожалуйста.

Она в ответ только вздохнула. Как можно перестать винить себя в смерти лучшего

друга? Она ведь могла помочь... но не помогла.

Она все скажет Ланиз позже. Когда у нее хватит на это смелости. А пока...

Вот же они! Двое самых дорогих ей людей. Мама и сестра. Иринка, кажется, немножко подросла за время, что ее не было, а мама... стала выглядеть еще более усталой, в иссиня-черных волосах появилась тоненькая седая прядка. Ли-фанне стало жалко ее. И как она раньше не думала о собственной матери? Хотя бы тогда, когда сбежала из дома? Она вздохнула. Чем дальше, чем больше она запутывалась в собственных мыслях и чувствах. Хорошо, что Эван рядом.

Она быстро взглянула на него. Молодой князь шел рядом, не глядя на своих спутниц. Взгляд его был устремлен вперед, пепельные волосы трепал ветер... глядя на него, Ли-фанна улыбнулась. И почему, когда рядом был Эван, ей сразу становилось спокойнее и легче?

Он вдруг обернулся. Их взгляды встретились. Эван улыбнулся. Ли-фанна улыбнулась в ответ. А может, все не так уж и плохо. Мир спасен, а это главное. И они вместе. Просто ей нужно время, чтобы осознать это до конца.

Она прибавила шагу, подошла к маме и сестренке. Ни Эван, ни Алька не пошли за ней, за что она была им очень благодарна.

Посмотрев на маму вблизи, Ли-фанна поняла: Хэла и легионер, который помог им сбежать из Гройвуда, сказали ей правду. Сигма Лотье была копией Верховной ведьмы Эфарленда, Оррайны, портрет которой она видела в галерее Эймара. Только мама была старше, чем чародейка, изображенная на портрете. А точнее, это тот самый портрет был очень похож на маму Ли-фанны. На Оррайну.

Стоило только Ли-фанне подойти к маме и Иринке, сестренка сразу же кинулась обниматься:

— Ли-фанна! Как же я рада, что ты вернулась!

— А уж я-то как рада! — Ли-фанна тоже обняла сестру и посмотрела на Оррайну. — Здравствуй, мама.

Она кивнула с грустной улыбкой.

— Здравствуй. С победой тебя, дочка.

— Не с чем меня поздравлять, мам.

— Как — не с чем? — подняла голову Иринка. — Ты же мир спасла!

— Не все так просто, Ир...

— Надо полагать, ты уже все знаешь? — спросила Верховная ведьма.

— Не все. Но про тебя — знаю. Только я одного не понимаю... мам, почему нельзя было рассказать нам все? Сразу? Просто узнавать правду от какого-то легионера, а потом от Хэлы как-то... не очень приятно.

— Правду? Какую правду? — Иринка непонимающе переводила взгляд с сестры на мать. — Вы о чем?

— Я дома расскажу тебе все, Ириночка, — тихо сказала Оррайна. — Вам обеим. Я хотела сказать тебе обо всем. Ли-фанна. Если бы ты не сбежала из дома, узнала бы обо всем уже через пару дней. Прости, что молчала раньше. Я просто хотела, чтобы мои дочери хоть какое-то время пожили спокойно, не опасаясь ничего.

— Я понимаю, мам, — сказала Ли-фанна. Она давно уже поняла, что не хотела бы с самого детства знать о существовании, например, Легиона. Или Левиафана. — И я даже рада, что все сложилось именно так.

Оррайна улыбнулась.

— Все равно ничего не понимаю, — мотнула головой Иринка, отчего ее пшеничные косички взлетели вверх.

Ли-фанна тоже улыбнулась, и погладила сестренку по голове. Иринка привычно отклонилась: она никогда не любила чужих прикосновений к своим волосам. Ли-фанна переглянулась с мамой.

— Ну, идем домой? — спросила Оррайна. — Расскажешь обо всем, что с тобой было.

— Можно подумать, ты этого не знаешь, — фыркнула Ли-фанна.

— Я знаю только в общих чертах, — не стала отпираться Оррайна. — Но всю историю целиком можешь рассказать только ты. А Иринка не знает вообще ничего.

— Ну, только ради Иринки, — весело ответила Ли-фанна.

Но уйти просто так, ничего не сказав друзьям, было бы неправильно. Она вернулась к Эвану и Альке, с трудом лавируя в толпе. Интересно, как долго их будут вот так вот почитать, как героев?

— Ну что? — спросила Алька, когда ей все-таки удалось до них дойти. Они с Эваном ухитрились найти местечко в отдалении от толпы, где их не могли видеть, так что можно было спокойно поговорить.

— Да ничего особенного, в общем-то. Мама домой зовет. Я пойду, пожалуй, — она вопросительно взглянула на Эвана. Он чуть заметно кивнул.

Почему она не сказала, что ее мама оказалась Верховной ведьмой Эфарленда? Наверное, потому, что ей и самой требовалось время, чтобы осознать это. А рассказать об этом друзьям она всегда успеет. Времени у них теперь полно. И уже не надо никуда торопиться.

— Я тоже пойду, наверное, — сказала Альнора. — Ужас, как домой хочется. О, а вот и родители! — радостно воскликнула она, посмотрев куда-то вправо.

Ли-фанна обернулась в ту же сторону, и, хотя раньше она ни разу не видела господина и госпожу Вирт, сразу узнала их: Алька была точной копией матери.

— Тогда и я пойду. В академию, — сказал Эван. — Или домой, к Теллусу. Он точно будет рад меня видеть.

— Когда в следующий раз встретимся? — спросила Альнора.

— Давайте завтра, — предложила Ли-фанна. — Где только?

— Давайте где-нибудь здесь, — сказал Эван. — Нравится мне у вас тут.

— А говорил «деревня»! — подловила его Алька.

— Так мне этот ваш район, может, этим и нравится, — не растерялся он.

— Тогда лучше всего встретиться у Восточных ворот, — произнесла Ли-фанна. Она твердо решила показать друзьям свой секретный уголок у подножия Бронзовой горы.

— А почему бы и нет? В шесть вечера, — сказала Алька.

— Заметано! — откликнулся Эван.

— Ну, я пошла тогда? Пока, что ли? — Альнора немного растерянно взглянула на них, потом махнула рукой и направилась к родителям.

— Как-то даже странно расходиться вот так, — сказала Ли-фанна Эвану.

— Ага. Хорошо, что это ненадолго, так ведь? — спросил вдруг он.

Он вдруг обнял ее, крепко прижал к себе, а потом, отстранившись, весело подмигнул ей, и пошел по направлению к центру города.

Ли-фанна почувствовала, что краснеет. Ох уж этот князь Ориманский! Никогда не знаешь, что от него ожидать... но именно это ей в нем и нравилось.

И, постаравшись хотя бы на время отогнать от себя мысли об Эване (получилось, честно говоря, не очень), Ли-фанна пошла к маме и сестренке. Впереди ее ждал дом. Дом, в котором она, кажется, последний раз была целую вечность назад...

Она и не подозревала, что так соскучилась по восточной окраине Дарминора! Убегая из дома за приключениями, она точно не думала, что будет так рада возвращению. Она вообще не задумывалась тогда о возвращении. Как же это все-таки было давно... почти в прошлой жизни.

— Пошли домой, мам, — сказала Ли-фанна, снова подойдя к Оррайне. — Устала я от всех этих приключений...

Эпилог.

В круглой комнате с деревянными стенами ярко горел огонь в камине. Уютно потрескивали поленья, а блики от огня весело прыгали по стенам. Или все-таки по одной стене?..

Другого источника света здесь не было: на огромном окне шторы были плотно задернуты, и в помещении царил таинственный полумрак. В нем с трудом можно было различить лица четверых мужчин, удобно расположившихся в креслах за круглым столом. Это были учитель Сойрен, хозяин замка Эймар, а также Рэй и Рональд. Все четверо сидели молча, словно ожидая кого-то.

Никто из них даже не шелохнулся, когда на полу рядом с камином сам собой возник яркий огненный круг. В нем, словно из языков пламени, возникла фигура женщины в алом платье. Это была Оррайна.

— Рад тебя видеть, — сказал учитель Сойрен, когда та уселась рядом с ним. — Хотя раньше ты была более пунктуальной.

— Уж как получилось, — буркнула Верховная ведьма. Она явно была чем-то недовольна, и вдобавок, встревожена.

— Все настолько плохо? — осведомился Рональд, видя ее настроение.

— И даже еще хуже. Все пошло не просто не по плану... все пошло совсем не по плану...

Близнецы с тревогой переглянулись.

— Сколько времени у нас есть? — спросил Рэй.

— Год. Самое большее, два. Потом все действительно начнется... — Оррайна тяжело вздохнула. — Я начинаю сомневаться, справятся ли другие Избранные с тем, что им выпадет...

— Ты боишься за нее? — спросил учитель Сойрен. — Она сильная. Справится. Тем более, время еще есть.

— То же самое ты говорил о Ли-фанне, — горько усмехнулась женщина.

— И разве я оказался не прав?

В ответ Оррайна только взмахнула рукой. Шторы, закрывающие единственное окно, сами собой сдвинулись в сторону.

Находящимся в комнате людям предстала такая картина: жуткого багрового цвета небо, клубы дыма над Драконовым хребтом — горы превратились в вулканы. Выжженная земля, обгоревшие стволы деревьев. Неясные тени, напоминающие всадников — да они и были всадниками. И огромный черный силуэт, стремительно пронесшийся по небу. Силуэт, жутко напоминающий Левиафана...

— Это то, о чем я думаю? — спросил Рон, не отрывая взгляда от ужасного зрелища.

— Это то, во что превратится Лист через два года, если мы не успеем... — произнесла Оррайна, тем же движением руки закрывая шторы. — Легион не остановится ни перед чем, с предводителем или без. У них есть подготовленная армия, сильнейшие артефакты, знание черной магии... а у нас — только пара Избранных, не имеющих даже представления о своей судьбе...

— Ты всегда слишком волнуешься, — мягко сказал хозяин Эймара. — В конце концов, два года — не такой и малый срок. Все еще может измениться. Мы ведь даже не знаем всех Избранных... возможно, остальные действующие лица появятся уже ближе к кульминации этой истории...

— Что-то не очень обнадеживающе это звучит, — покачала головой Верховная ведьма Эфарленда.

— В любом случае, пока нам остается только ждать... — заключил хозяин Эймара.

Над замком Эймар стояла глубокая ночь. Точно такая же ночь укутала и улицы Дарминора. В доме Оррайны сладко спала ее младшая дочь Иринка. Ее сестра Ли-фанне вместе с Эваном и Альнорой любовалась звездами в секретном уголке у подножия Бронзовой горы. И никто не знал, что до конца света осталось всего два года. Никто не думал о том, что ждет их впереди...

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigolub.net